

Б.М. Шапошников

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ

Путь русского офицера

Б.М. Шапошников

Воспоминания О СЛУЖБЕ

ПУТЬ РУССКОГО ОФИЦЕРА

Б.М. ШАПОШНИКОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
Ш24

Шапошников, Б.М.

Ш24 Воспоминания о службе / Б.М. Шапошников. — М. :
Вече, 2013. — 400 с. : ил. — (Путь русского офицера).

ISBN 978-5-4444-1235-0

Знак информационной продукции 16+

Маршал Б.М. Шапошников был одним из немногих офицеров царской армии, дослужившихся до высоких постов в Красной армии. Занимая должность начальника Генерального штаба РККА, он пользовался большим доверием И.В. Сталина, был автором многочисленных статей по теории военного искусства.

Воспоминания Б.М. Шапошникова рассказывают читателям о службе в Русской императорской армии. Автор детально отображает карьеру офицера в дореволюционной России, описывает все стадии прохождения службы и обучения в Академии Генерального штаба, размышляет о кровопролитных боях Первой мировой войны.

**УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524**

ISBN 978-5-4444-1235-0

© Шапошников Б.М., наследники, 2013
© ООО «Издательство «Вече», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Среди выдающихся советских военачальников видное место заслуженно принадлежит Маршалу Советского Союза Борису Михайловичу Шапошникову. Его имя неразрывно связано с героической историей наших Вооруженных Сил, строительству которых он отдал 27 лет своей жизни. Б.М. Шапошников воспитал большую плеяду блестящих мастеров оперативно-штабной работы и оставил богатое военно-теоретическое наследие. Его перу принадлежит около 40 работ, освещающих актуальные вопросы военного дела, он — редактор почти 20 трудов.

Опубликованные работы составляют лишь небольшую часть теоретического наследия Б.М. Шапошникова. Многочисленные доклады советскому правительству и командованию Красной Армии по важнейшим проблемам военной теории и строительства Вооруженных Сил, лекции, прочитанные высшему командному составу, и многие другие материалы являются ценным вкладом в советскую военную науку.

Победу Великой Октябрьской социалистической революции полковник Генерального штаба старой армии Б.М. Шапошников встретил как закономерное событие и сразу же заявил о своем признании новой власти. Будучи командиром 16-го гренадерского Мингрельского полка, он смело пошел навстречу требованиям солдатских комитетов о смещении нескольких контрреволюционно настроенных офицеров и унтер-офицеров, умело пресек попытку выступления анархистствующих элементов и сумел сохранить полк как боевую единицу. Поэтому когда

в декабре 1917 года встал вопрос о выборах начальника Кавказской 13-й гренадерской дивизии, съезд делегатов от военно-революционных комитетов частей избрал Б.М. Шапошникова ее начальником.

В мае 1918 года он без колебаний откликнулся на обращение советского правительства к бывшим офицерам старой русской армии идти в Красную Армию для защиты Родины — добровольно вступил в ее ряды. Переход Б.М. Шапошникова на сторону социалистической революции явился результатом твердого решения, что «преданная и неустанная служба делу пролетарской революции есть лучшая жизненная дорога».

К этому времени за его плечами было уже 16 лет военной службы, он окончил Академию Генерального штаба, получил практику работы на различных штабных и командных должностях, имел более чем трехлетний опыт войны.

Красной Армии, которая строилась в ходе напряженной Гражданской войны, нужны были опытные военные специалисты. Каждый шаг вперед давался с большим трудом. Требовалось очень внимательно осмысливать полученный опыт и быстро делать его достоянием широких кругов командного состава, внедрять в практику вооруженной борьбы. Знания Б.М. Шапошникова позволяли ему внести весомый вклад в строительство Красной Армии, и он отдал их народу.

Б.М. Шапошников выполнял ответственную оперативную работу в штабах Высшего Военного совета, наркомвоенмора Украины, а с осени 1919 г. — в Полевом штабе Революционного Военного совета Республики.

В грозные дни лета 1918 года, когда белогвардейцы подошли к Волге с востока, а осенью 1919 года к Орлу с юга, мужество и верность Бориса Михайловича делу революции были отмечены и оценены командованием Красной Армии.

Осенью 1919 года он познакомился с М.В. Фрунзе, а в конце 1920 года они вновь встретились на Южном фронте при разработке операций против Врангеля. В последующем, проводя в 1924 году реорганизацию центрального аппарата и возглавляя Штаб РККА, М.В. Фрунзе, зная блестящие оперативные способности Б.М. Шапошникова, оставил его

своим помощником. Высоко ценили начальника Оперативного управления и такие опытные генштабисты, как Главком С.С. Каменев¹, начальник Полевого штаба РВСР П.П. Лебедев². За активное участие в оперативной работе Полевого штаба, проявленную инициативу и твердое проведение разработанных им лично боевых операций Красной Армии Б.М. Шапошников был награжден в 1921 году орденом Красного Знамени. В приказе РВСР № 283 от 14 октября 1921 года отмечалось: «В течение своей деятельности на высокоответственной должности начальника Оперативного управления Полевого штаба РВС Республики т. Шапошников являлся непосредственным активным сотрудником всей оперативной работы во всех ее подробностях... Занимая указанную должность, т. Шапошников с присущей ему инициативой... работал с полным самоотвержением и днем и ночью».

В годы Гражданской войны Борис Михайлович не только сложился в крупного оперативного штабного работника, но и показал себя талантливым военным теоретиком и публицистом. Он находил время для обобщения опыта войны, регулярно выступал в военной печати. Им были написаны интересные работы о боевой подготовке войск, о действиях стратегической конницы, обзоры боевых действий в кампаниях 1919—1920 «годов. Он принимал активное участие в разработке отчета о боевых действиях Красной Армии в 1919—1920 годах, который явился,

¹ С.С. Каменев (1881—1936) — полковник старой армии, окончил Академию Генерального штаба в 1907 году, в Красную Армию вступил добровольно, командовал Восточным фронтом, был Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Республики. После окончания Гражданской войны — инспектор РККА, начальник Главного управления РККА, заместитель председателя Реввоенсовета СССР и наркома по военным и морским делам. Командарм 1-го ранга. — *Здесь и далее примечания редактора.*

² П.П. Лебедев (1872—1933) — генерал старой армии. Окончил в 1900 году Академию Генерального штаба, в Красную Армию вступил добровольно, занимал должности начальника штаба Восточного фронта, начальника Полевого штаба РВСР. После окончания Гражданской войны — на руководящей военной работе.

по существу, первым стратегическим очерком завершающего периода Гражданской войны.

Обобщение и осмысливание боевого опыта в первые годы после окончания Гражданской войны было основной темой его выступлений в печати. В 1919—1921 годах он публикует серию очерков о боевых действиях конницы в Первой мировой войне, а в 1923 году издает книгу «Конница».

Эта книга явилась крупным научным исследованием организации и тактики кавалерии. Она широко использовалась в то время в боевой и оперативной подготовке командного состава Красной Армии.

Спустя год вышла в свет его вторая работа — «На Висле» — оригинальное, глубоко аргументированное военно-историческое исследование. Опираясь на документы, впервые вводимые им в научный оборот (переговоры по прямому проводу Главкома с командующими фронтами, директивы Полевого штаба, анализ обстановки на других фронтах и т.д.), на свои воспоминания и ряд статей иностранных авторов, Б.М. Шапошников тщательно анализирует стратегические замыслы и их исполнение в 1920 году на Западном и Юго-Западном фронтах.

Ответственная работа в Штабе РККА в период военной реформы натолкнула Бориса Михайловича на мысль обобщить практику генеральных штабов различных стран и создать труд, в котором научно обосновать место и роль подобного органа в Красной Армии. Подготовка такого труда требовала кропотливой работы, большого времени и недюжинного таланта.

Будучи командующим войсками Ленинградского и Московского военных округов, упорно работая над вопросами боевой подготовки войск и над оперативной подготовкой руководящего состава, Борис Михайлович продолжал свои теоретические исследования.

Разносторонняя подготовка и глубокие военные знания позволили Б.М. Шапошникову внедрить в боевую и оперативную подготовку войск и штабов ряд интересных новшеств. Разработанная им и примененная в Ленинградском и Московском

военных округах методика проведения учений и маневров с широким использованием посреднического аппарата и нейтральной связи получила в тот период положительную оценку. Часто посещая учебные поля, стрельбища, командирские занятия, Борис Михайлович делал поучительные разборы увиденного, прививал командирам единые взгляды на вопросы обучения и воспитания войск. Он был последовательным поборником строгой дисциплины, но врагом окрика.

Значительным подспорьем в его работе служила библиотека, оставшаяся от старого Военного министерства и размещавшаяся в помещении штаба Ленинградского военного округа.

Старые работники этой библиотеки и сейчас еще вспоминают, что Б.М. Шапошников был одним из тех командующих, кто регулярно работал в ней и лично обследовал чуть ли не каждый шкаф в ее многоэтажном купольном зале. Именно в эти годы он вчерне завершил работу над своим трудом «Мозг армии» и подготовил к печати первую книгу, наиболее насыщенную раздумьями о роли генерального штаба в системе вооруженных сил, теоретическими выводами и практическими пожеланиями. Эта книга, несмотря на ее специфику и довольно крупный по тому времени тираж (5 тысяч), разошлась очень быстро и вызвала оживленную дискуссию, как в СССР, так и за его пределами. Спустя два года вышли в свет вторая и третья книги этого труда.

За основу исследования в книге взята деятельность генерального штаба австро-венгерской армии. Этот выбор не случаен. К моменту начала работы наиболее полно была описана история только австро-венгерского генерального штаба, причем в роли исследователя-историка выступал сам бывший его начальник — фельдмаршал Конрад фок Гетцендорф. Пятитомные мемуары Конрада, сопровождавшиеся публикацией множества подлинных документов о работе генерального штаба и связанных с ним правительственных учреждений, представляли возможность всесторонне исследовать комплекс вопросов, входящих в сферу деятельности этого органа, вскрыть ее положительные и отрицательные стороны.

В последующем автор использовал работы о французском и германском генеральных штабах, документальные материалы русского генерального штаба. Это позволило Борису Михайловичу создать исключительно интересный трехтомник, полезный и по сегодняшний день. В нем дается четкое представление о том, чем должен быть генеральный штаб в условиях нашего времени, каково его место в военной системе и как должна организовываться его работа.

Борис Михайлович Шапошников в своем труде раскрыл основные положения молодой советской военной науки о характере будущей войны, дал детальное представление о структуре Генерального штаба как органа Верховного Главнокомандования и о сущности его работы, о требованиях, предъявляемых современной войной к военачальнику, к органам оперативного управления и их работникам. Наконец, показал роль Генерального штаба в подготовке страны к обороне.

Мысли, высказанные Борисом Михайловичем, вызвали живой интерес среди командного состава РККА и нашли широкий отклик на страницах военной печати, в военно-учебных заведениях.

Интерес к вопросу о роли Генерального штаба обусловливался в Советском Союзе тем, что кадрово-территориальная Красная Армия небольшой численности, позволявшая на первых порах делить функции планирования и руководства между Штабом РККА и Главным управлением РККА, в конце 20-х годов вступала в новый период своего развития. По мере увеличения численности Красной Армии, усложнения ее организации, появления технических родов войск, и особенно в предвидении дальнейшего роста, маломощный Штаб РККА, лишенный функций руководства мобилизационной работой в стране и контроля за боевой подготовкой войск, не мог уже реально планировать стратегическое развертывание вооруженных сил на случай войны и их обучение. В свою очередь, Главное управление РККА, оторванное от планирующего органа, в ряде случаев оказывалось некомпетентным в руководстве боевой подготовкой войск, отставало от требований времени. Иными словами, разделение функций военного руководства

между этими двумя органами уже не отвечало требованиям времени. Это было очевидным для многих советских военачальников и теоретиков.

Борис Михайлович теоретически обосновал и показал необходимость иметь в вооруженных силах единый рабочий орган военного руководства — Генеральный штаб Рабоче-крестьянской Красной Армии.

В труде Б.М. Шапошникова четко определена компетенция центрального аппарата военного командования. При решении вопроса о его организации он исходил из руководящей роли Коммунистической партии в военном строительстве. Автор широко использовал труды В. И. Ленина, а также его выступления на съездах РКП (б) и в периодической печати.

Анализируя роль военного командования, Б.М. Шапошников ясно показал, что такое лицо, как начальник Генерального штаба, должно уметь искусно составлять различные военные планы. Необходимо, чтобы его планы находились в соответствии с политикой государственной власти данной страны. Роль начальника Генерального штаба в определении правильной линии стратегического планирования исключительно велика, и поэтому подбор такого лица чрезвычайно важное дело.

Основные мысли, высказанные Б.М. Шапошниковым в труде «Мозг армии», нашли отражение в ряде его докладов командованию Красной Армии и советскому правительству о реорганизации центрального военного аппарата, в проектах переустройств Генерального штаба РККА накануне и в ходе Великой Отечественной войны, в директивах об организации полевого управления войск. Ими он руководствовался при подборе кадров для Генерального штаба и воспитании у них необходимых качеств советского штабного работника.

В течение своей службы — сначала начальником Штаба РККА, а спустя несколько лет начальником Генерального штаба РККА — Б.М. Шапошников настойчиво проводил идею о необходимости централизации в руководстве вооруженными силами и осуществления четкой регламентации штабной службы на всех уровнях. Борис Михайлович был последовательным сторонником объединения управления вооруженными силами в

Генеральном штабе. В этих вопросах он выступал не только как военачальник, предлагающий реализовать какую-либо частную идею в боевой подготовке или в организационной структуре того или иного войскового организма, а как государственный деятель, пекущийся о необходимом пересмотре взглядов на структуру рабочего аппарата верховного командования и его роль в руководстве жизнью и боевой деятельностью вооруженных сил в целом.

Мы затронули лишь некоторые, на наш взгляд, основные вопросы многопланового труда Б.М. Шапошникова.

Более сорока лет прошло после выхода в свет трех книг «Мозг армии». Многое, конечно, за это время изменилось, жизнь внесла немало коррективов и в положения, изложенные в данном труде. Но главные проблемы, затронутые Б.М. Шапошниковым, в своей принципиальной постановке не устарели и в наше время.

Надо прямо сказать, что начало централизации военного руководства в Штабе РККА, постепенного превращения его в подлинно Генеральный штаб Рабоче-крестьянской Красной Армии было положено не кем-либо, а именно Борисом Михайловичем.

Касаясь вопроса о руководстве боевой подготовкой, он отмечал, что планировать и контролировать боевую подготовку войск в мирное время должен Штаб РККА, ибо именно он будет организовывать боевую деятельность войск в случае войны и поэтому сам должен их готовить в мирное время.

Ненормальность отмечалась в организации мобилизационной работы, от руководства которой штаб был фактически отстранен, тогда как только он, разрабатывая планы стратегического развертывания, мог оценить состояние мобилизационного дела в целом и руководить им. Главное управление РККА должно было считаться со штабом и при решении вопросов назначения высшего командного состава, особенно работников штабов.

Выход из создавшегося положения Б.М. Шапошников видел в передаче управления войсками из ГУРККА в штаб: мнение начальника штаба по тому или иному вопросу должно

выслушиваться обязательно, а управлениями Народного комиссариата по военным и морским делам — учитываться как одно из главных.

Результатом этого и ряда других докладов Б.М. Шапошникова явилось создание специальной комиссии для рассмотрения проекта реорганизации центрального военного аппарата. Обсуждение проекта и дискуссия по предложениям Штаба РККА заняли оставшиеся месяцы 1928 года и весь 1929-й. 13 января 1930 года Реввоенсовет принял постановление о передаче Штабу РККА всей мобилизационной работы.

Занимаясь разработкой вопросов военной теории, Б.М. Шапошников стремился сделать достоянием широких кругов командного состава последние достижения этой теории и выводы из нее. Он регулярно выступал с докладами на Курсах усовершенствования начсостава (КУВНАС), на разборах войсковых маневров и учений, на конкретных примерах учил высший командный состав штабной службе, прививал культуру руководства войсками.

Не ограничиваясь общей постановкой вопроса, он разъяснял, что маневренность будущей войны потребует от командного состава быстрых и смелых решений, которые нужно не только принять, но и провести в жизнь. Для этого кроме силы характера и настойчивости командиру необходимы знания организации современных вооруженных сил, боевой техники и особенностей подготовки, умение искусно управлять войсками.

Маневренность и мобильность войск потребует от личного состава и особенно от командиров большого морального и физического напряжения. Усложнение средств борьбы и возросшие трудности в вождении войск сделают необходимыми умение тщательно рассчитывать силы, технические и огневые средства, быстро создавать нужные группировки войск. А коль скоро все это будет связано с вычислениями и сложными расчетами, командиру потребуются высокое общее развитие и особенно знания математики.

Знание особенностей вождения войск в новых условиях, умение быстро и правильно делать оперативные расчеты обе-

спечат упорство в проведении решений в жизнь, вселят уверенность в победе. Эти качества дадут возможность более эффективно организовывать совместные усилия всех родов войск для достижения победы, позволят организовать бесперебойную и быструю передачу войскам воли начальника.

Прослеживая шаг за шагом работу органов управления на маневрах, Б.М. Шапошников показывал реальное состояние подготовки командного состава и органов управления и то, что от командира потребуется в бою.

Он говорил: «В отношении быстрой передачи нашей воли подчиненным войскам вам лично, товарищи, известно, что командование не может лично находиться везде и всюду. И тот начальник, который будет стремиться действовать таким образом, кроме отсутствия управления ничего не достигнет. У нас по нашей штатной организации, и не только у нас, а в любой армии, имеются для этого соответствующие органы — штабы. Между тем наши маневры показали, что со стороны наших общевойсковых начальников надлежащей оценки роли штабов в управлении войсками нет».

Наши штабы сплошь и рядом превращаются общевойсковыми начальниками в простые канцелярии, и достаточного внимания как идейному, так и техническому руководству работой штабов уделено не было, отмечал Б.М. Шапошников. Он подчеркивал, что использовать штаб надлежащим образом — святая обязанность каждого начальника. Одному все сделать нельзя, только при помощи штаба это и можно сделать. Тот же начальник, который захочет скакать в цепи, одновременно руководить действиями артиллерии, а также регулировать движение обоза, — тот начальник будет отсутствовать в своем соединении, никакого управления не будет, и бой пойдет самотеком.

Лекции и доклады Бориса Михайловича слушателями курсов и работниками Генерального штаба воспринимались с большим интересом. К этому еще добавлялось обаяние личности Б.М. Шапошникова. Не было, по-видимому, такого военачальника, который, прослушав ряд его лекций на КУВНАСе, остался бы равнодушным.

Большое значение придавал Б.М. Шапошников выработке правильного представления о соотношении наступления и обороны в ходе вооруженной борьбы. Будучи сторонником активной наступательной стратегии, он в то же время решительно боролся со взглядами, отрицавшими роль обороны. «Ведь оборона, — говорил он, — всегда труднее, чем наступление... Наступлению у нас отведено соответствующее место. Оборона у нас тоже почитается за способ действия, к которому мы будем обращаться, может быть, не раз, и поэтому, если оборона ведется с решительной целью, она должна отличаться и соответствующим упорством в действиях».

Очень обстоятельно Борис Михайлович рассматривал также вопросы взаимодействия пехоты с артиллерией и конницей, организации войсковой разведки и противовоздушной обороны, материального обеспечения и темпов наступления, использования вторых эшелонов и резервов.

Одновременно Борис Михайлович, как начальник Штаба РККА, много внимания уделял планированию дальнейшего развития вооруженных сил. По существу, эта работа составляла основу его деятельности. Ему пришлось включиться в руководство разработкой вопросов военного строительства, планов стратегического развертывания на случай войны и других важных проблем, связанных с укреплением обороноспособности нашей страны. Сплотив коллектив Генштаба, он энергично направлял его усилия на успешное выполнение задач Коммунистической партии и советского правительства, поставленных перед командным составом и политорганами нашей армии. Характерной чертой стиля работы Б.М. Шапошникова было то, что он не прибегал к так называемым «ударным» методам мобилизации усилий подчиненных, проявлял постоянную заботу о четкой, хорошо продуманной во всех деталях организации труда личного состава Генерального штаба, о повышении культуры его работы, о тесном взаимодействии между управлениями и отделами Генштаба. Изучая военные труды, научно-теоретическое наследие Б.М. Шапошникова, мы полнее и глубже представляем себе широкий комплекс сложных военных стратегических и оперативных проблем. Стратегические

взгляды Бориса Михайловича в известной мере раскрыты в его полемике с известным военным ученым А.А. Свечиным. Эта полемика развернулась в марте 1930 года. Она охватила вопросы, связанные с определением характера будущей войны и плана действий, если война начнется. Свои предположения о характере будущей войны против СССР Свечин строил не на основе реальной политической обстановки, а на стратегической модели Крымской войны 1853—1856 годов. Обладая техническим превосходством, западная коалиция, как известно, нанесла поражение отсталой русской армии. Исходя из предпосылки, что Советское государство в ближайшие годы не сможет переоснастить Красную Армию совершенным вооружением, Свечин утверждал, что в случае нападения на СССР необходимо применить стратегию «измора», «стратегию кружных путей» к цели. Он считал, что, руководствуясь этой концепцией, Красная Армия сумеет продержаться до того момента, когда на Западе начнется революция, которая подорвет изнутри коалицию империалистических государств.

Борис Михайлович доказал, что такое предположение Свечина не имеет под собой твердого реального фундамента.

Хорошо зная военную историю, внимательно изучая военные доктрины основных армий капиталистических государств, Б.М. Шапошников тонко улавливал тенденции развития военного дела и ясно сознавал, что прогноз Свечина ошибочен и потому его надо отбросить. Если же согласиться с этим прогнозом, то можно нанести серьезный вред делу обороноспособности нашей страны.

Будучи начальником Штаба РККА, Б.М. Шапошников больше, чем кто-либо другой из военачальников, знал плюсы и минусы боевой подготовки Красной Армии, ее сильные и слабые стороны. Он считал, что нет никаких оснований приравнять боеспособность Красной Армии — армии нового типа, армии рабочих и крестьян — к той боеспособности, которой обладала старая русская армия в период Крымской войны.

Борис Михайлович соглашался со Свечиным в той части прогноза, где он, Свечин, утверждал, что будущая война против СССР может быть войной только коалиции враждебных

государств и что новые военно-промышленные комплексы целесообразно создавать не на юге страны, а за Волгой и на Урале. Вместе с тем он не считал возможным следовать тем предложениям Свечина, которые касались главной стратегической группировки наших войск для наступления. Свечин предлагал иметь эту группировку на южном направлении. Борис Михайлович, наоборот, предвидел, что главная стратегическая группировка должна создаваться на западном направлении. Если же осуществлять стратегическое развертывание войск на южном направлении, то неизбежно потребуется провести решительные операции не против главных, а против второстепенных членов империалистической коалиции. С точки зрения влияния на исход войны такие действия, по мнению Б.М. Шапошникова, были бы бесперспективными.

Не нужно забывать, писал Б.М. Шапошников, что достижение победы в войне зависит не только от военных успехов, важно получить политический успех, т.е. одержать победу над политически сильным противником и заставить его подчиниться нашим условиям. В противном случае только через длительный период, сопровождаемый даже военными успехами, мы вынуждены будем прийти к той же борьбе с главным противником, против которого сначала бы только оборонялись...

Полемизируя со Свечиным, Б.М. Шапошников подчеркивал важность следующих положений: иллюзорными успехами войны не выигрывают; войну нужно начинать разгромом наиболее сильного и опасного противника, а не увлекаться успехами над слабым, оставляя на шее у себя более сильного.

Борис Михайлович отвергал предложения, направленные на то, чтобы изменить разработанную систему борьбы подготовки наших войск и внести такие поправки в Полевой устав, согласно которым превосходство армий капиталистических государств оценивалось бы только с точки зрения их технического оснащения. Учитывать свои войска бою, заведомо указывая, что смотри, мол, ты идешь с палкой, а тебя будут бить ружьем и пушкой, писал Б.М. Шапошников, по-моему, не является правильным путем к воспитанию войск. Как бы мы ни были бедны техникой, но уже не настолько разоружены, чтобы подрывать

в войсках уверенность в своем вооружении... Как известно, рейхсвер не имеет тоже на вооружении новых образцов, совсем не имеет тяжелой артиллерии, танков, авиации... Но из этого не вытекает совершенно, чтобы рейхсвер обучали тактическим приемам Фридриха, а то, может быть, и древних веков.

В основе немецкого полевого устава, отмечал Шапошников, мы находим положения о вооружении и снаряжении армии одной из великих держав, а не стотысячной армии Германии, численность которой определена в соответствии с договором о Версальском мире. Нельзя писать уставы под каждую пушку или пулемет, которые имеются в армии, утверждал Борис Михайлович. Он подчеркивал, что ломать доктрину Красной Армии не следует. Она не плоха. К ней присматриваются и прислушиваются за границей. Сломать наш устав легко, но не нужно забывать, что вместе с ним ломается боевая подготовка целой армии.

Последующее развитие событий показало, что восторжествовала точка зрения, обстоятельно аргументированная Б.М. Шапошниковым и принятая к руководству Штабом РККА. Большой интерес вызывают содержательные выступления начальника штаба РККА Б.М. Шапошникова на заседаниях Революционного Военного совета, его доклады о строительстве Вооруженных Сил, итогах их боевой, оперативной и мобилизационной подготовки. Только в 1930 году кроме итогового доклада о боевой подготовке войск Борис Михайлович сделал более десяти докладов по кардинальным вопросам военного строительства.

Самым счастливым днем в своей жизни Борис Михайлович считал день, когда он навсегда связал свою судьбу с партией Ленина. В заявлении, с которым 28 сентября 1930 года он обратился в партийную ячейку Штаба РККА, говорится: «13 лет идя рука об руку в своей работе с Всесоюзной Коммунистической партией, проводя за это время неуклонно линию этой партии во всей своей жизни, борясь вместе с ней на фронтах Гражданской войны за дело Ленина, я прошу, если окажусь достойным, принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии, дабы до конца своей жизни трудом и кровью защищать дело

пролетариата в его железных рядах». Решением Секретариата ЦК ВКП(б) в октябре 1930 года Б.М. Шапошников был принят в партию без прохождения кандидатского стажа. XVIII съезд партии избрал его кандидатом в члены Центрального Комитета ВКП(б).

Высокое доверие партии Борис Михайлович оправдывал с честью. Большую служебную работу он органически сочетал с общественно-политической. В разное время он был членом Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б), Ленинградского областного комитета ВКП(б), Красногвардейского райкома ВКП(б) (Ленинград) и Фрунзенского райкома ВКП(б) (Москва). Бориса Михайловича неоднократно избирали депутатом Верховного Совета СССР.

Все, кому довелось участвовать в работе XVIII съезда ВКП(б), сохранили в своей памяти содержательную речь на съезде Б.М. Шапошникова. Она была пронизана духом глубокой партийности, большевистской принципиальности, непоколебимой верой в силы Советского государства и его армии и флота. «Для решения грандиозных задач новой эпохи, в которую мы вступили, — эпохи постепенного перехода от социализма к коммунизму, — говорил Б.М. Шапошников на XVIII съезде партии, — трудящиеся Советской страны в своем мирном труде должны быть гарантированы от нападения агрессоров. Поэтому дальнейшее усиление обороноспособности нашей социалистической Родины, укрепление Красной Армии и Красного Военно-Морского Флота является необходимейшей, важнейшей задачей... Только великий Советский Союз, вооруженный самой передовой техникой, может иметь грозную и непобедимую Красную Армию и Военно-Морской Флот, нужные для защиты священных границ нашей социалистической Родины»¹.

Борис Михайлович первостепенное значение придавал изучению марксистско-ленинской теории, овладению марксистско-ленинским методом, умению пользоваться этим методом в научной и практической работе. «Для меня ясно, —

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. С. 423.

говорил он, — что вести научную работу, не владея методом марксизма-ленинизма, невозможно; только на базе этого метода можно идти вперед и развивать военную науку»¹.

В руководящей и направляющей роли Коммунистической партии Б.М. Шапошников видел главный источник всех настоящих и грядущих успехов Советских Вооруженных Сил, их командных и политических кадров. «Я с 1918 года всегда работал под руководством партии и по ее заданиям», — подчеркивал Борис Михайлович, выступая в комиссии по чистке партии в декабре 1933 года. Товарищи, выступавшие в прениях в этой комиссии по кандидатуре Б.М. Шапошникова, заявляли: «Борис Михайлович пришел в партию под влиянием серьезных внутренних убеждений... Беспредельно предан делу рабочих и партии. За год пребывания в Приволжском военном округе переродил весь округ. Многоумеющий и многознающий...»

Закljučая прения, председатель комиссии по чистке сказал: «Я считаю, что если и впредь вы будете работать так же, то будете самым достойным членом партии». Одно лишь замечание было сделано тогда Борису Михайловичу — больше следить за своим здоровьем: «Вы мало бережете себя. Вам надо работать так, чтобы не надорваться».

Комиссия по партийной чистке признала Бориса Михайловича достойным членом ленинской партии.

По долгу своей службы Б.М. Шапошников постоянно уделял огромное внимание всемерному укреплению боевой готовности Советских Вооруженных Сил. Одним из основных условий успешного решения этой задачи он считал совершенствование работы органов управления войсками.

Он акцентировал внимание на необходимости постоянного улучшения штабной службы. Штабная работа, говорил он, должна помогать командиру организовывать бой; штаб — первейший орган, с помощью которого командир проводит в жизнь свои решения. Штабной работник, подчеркивал Борис

¹ Цит. по кн.: «Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников» (краткий очерк жизни и деятельности). М.: Воениздат, 1961. С. 81.

Михайлович, — это тот же строевой командир, который по нашим уставам остается заместителем командира в случае его убыли. Это не есть какой-то особой породы человек, который с пером за ухом, как раньше рисовали на картинках, четко выводил решения на хорошей бумаге. В современных условиях без четко сколоченного штаба нельзя думать о хорошем управлении войсками.

Штаб РККА Б.М. Шапошников возглавлял три года. За это время он сумел сделать многое для упорядочения штабной службы в войсках, по-новому организовать мобилизационную работу и в самом штабе и в военных округах.

Однако довести до конца намеченную реорганизацию Штаба РККА ему не удалось: в апреле 1931 года Борис Михайлович назначен командующим Приволжским военным округом. Здесь с новой силой проявились его талант и организаторские способности. В округе он наладил планомерную боевую и политическую учебу личного состава, повысил качество оперативной подготовки командного состава, укрепил воинскую дисциплину.

Борис Михайлович постоянно обращался к неиссякаемой сокровищнице марксизма-ленинизма, черпая в ней творческое вдохновение для органического сочетания боевой, оперативной подготовки и политического воспитания воинов Страны Советов. Выступая в январе 1932 года с докладом на X партийной конференции Приволжского военного округа, Б.М. Шапошников подчеркнул особую важность партийно-политической работы в войсках. «Современные условия войны вообще, операции нашей Красной Армии, закаленной в гражданской войне, — говорил Борис Михайлович, — показывают со всей очевидностью, что без надлежащей политической работы, соответствующей современным требованиям, без марксистско-ленинского воспитания нашей армии, а в особенности ее начсостава, мы не достигнем тех успехов, которых ждут от нее трудящиеся Советского Союза и всего мира»¹.

¹ Цит. по газете Приволжского военного округа «Красноармеец», 15 января 1932 г., № 14 (2030).

В том же докладе Б.М. Шапошников отмечал выдающуюся роль Маркса, Энгельса и Ленина в развитии военной теории, революционной стратегии и тактики. Маркс и Энгельс, сказал он, много занимались военным вопросом. «Тов. Ленин, — заявил Борис Михайлович, — также внимательно изучал вопрос о войне. Во время Гражданской войны Ленин направлял и сам развивал нашу советскую военную мысль, он сплошь и рядом сам был полководцем, указывая, что нужно сделать для выполнения того или иного стратегического плана. Тов. Ленин прямо говорил, что война есть продолжение той политики, которую ведет данный класс. Мы с вами являемся классом пролетариата, и у нас должна быть соответствующая научная мысль и соответствующая научная теория. У нас должна быть своя революционная стратегия и своя революционная тактика».

Приволжским военным округом Б.М. Шапошников командовал менее года. Партия и правительство поручали ему новый важный пост — пост начальника и комиссара Военной академии имени М.В. Фрунзе. В его жизни и службе наступил период, имевший большое значение в последующей работе Бориса Михайловича. За три с половиной года, в течение которых он руководил академией, проделана весьма плодотворная работа. Существенно улучшен учебный процесс в академии, учебные программы приведены в соответствие с требованиями технической реконструкции Красной Армии. Значительно повышено качество учебных пособий, усовершенствована методика преподавания. Ведущей дисциплиной стала оперативно-тактическая подготовка слушателей академии. На более высокую ступень была поднята научно-исследовательская работа кафедр. Профессорско-преподавательский состав академии был пополнен людьми, обладающими опытом командования воинскими соединениями и частями в новых условиях.

Выражая свое мнение о задачах военной академии, Б.М. Шапошников писал: «Академия должна, с одной стороны, готовить общевойскового и штабного командира, вооруженного знаниями современной теории военного искусства, а с другой — дать армии практика военного дела... Знание военной техники, знание технических родов войск и умение организовать их ис-

пользование в боевых действиях составляют важнейший отдел обучения в военной академии»¹.

Большое внимание Борис Михайлович уделял оперативно-тактической подготовке профессорско-преподавательского состава академии. Мастерски владея методикой организаций военных игр на картах, он проводил эти игры весьма поучительно и с творческим вдохновением. Они содержали актуальные вопросы теории и практики применения крупных мотомеханизированных и воздушно-десантных соединений на различных театрах военных действий. Убедительные разборы игр, которые проводил Борис Михайлович, навсегда оставались в памяти слушателей и преподавателей академии.

Отмечая заслуги Б.М. Шапошникова в преподавательской и научной деятельности, высшая аттестационная комиссия в мае 1935 года присвоила ему ученое звание профессора. В решении комиссии, в частности, отмечалось, что Б.М. Шапошников — военно-научный работник исключительной эрудиции и больших обобщений, пользующихся известностью не только в СССР, но и за рубежом. Под его командованием Военная академия имени М.В. Фрунзе достигла новых успехов, она удостоена высокой награды — ордена Ленина.

Б.М. Шапошников много дал академии, и она ему тоже дала многое. Он близко познакомился со слушателями оперативного факультета — будущими военачальниками и работниками Генерального штаба. В последующем это оказало Борису Михайловичу серьезную услугу при подборе оперативных работников. В теоретических дискуссиях, которые проходили в академии, сформировались его взгляды на характер возможных боевых действий Красной Армии в будущей войне, сложились представления о возможных формах операций, стратегическом взаимодействии фронтов и т.д. Без преувеличений можно сказать, что работа в академии послужила Б.М. Шапошникову прекрасной школой для последующей работы на посту начальника Генерального штаба.

¹ *Шапошников Б.М.* На пороге шестнадцатого года // «Известия», 18 января 1934 г.

После повторного двухгодичного командования Ленинградским военным округом Б.М. Шапошников весной 1937 года выдвинут на должность начальника Генерального штаба Красной Армии (до весны 1937 года Генштаб возглавлял А.И. Егоров). Заместителем начальника Генштаба был назначен К.А. Мерцков.

Совет Народных Комиссаров СССР 13 марта 1938 года принял постановление об образовании Главного Военного совета (до этого существовал Военный совет при наркоме обороны). В составе Главного Военного совета находился начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников. Он получил возможность непосредственно влиять на принятие важнейших решений по вопросам военного строительства. В работе Главного Военного совета участие принимал И.В. Сталин, входивший в его состав. Члены Главного Военного совета прислушивались к предложениям Б.М. Шапошникова, высоко оценивали его глубоко научный и деловой подход к сложным проблемам, связанным с дальнейшим укреплением военной мощи нашего государства.

Б.М. Шапошников считал, что без слаженной и четкой работы штабов всех степеней не может быть достигнуто успешное руководство подготовкой войск в мирное время и управление боем в период войны. По мнению Бориса Михайловича, необходимо было повысить внимание командного состава всех степеней к организации штабной службы, внедрить в их сознание мысль о том, что штаб в целом, его начальник и военный комиссар, так же как и командир и комиссар соединения, части, несут полную и персональную ответственность за организацию и исход боя. В качестве практических мер он предложил, чтобы все приказы подписывались вместе с соответствующими командирами, комиссарами и начальниками штабов и чтобы они несли ответственность за содержание и исполнение приказов. Начальник штаба, отмечал Борис Михайлович, должен чувствовать себя первым заместителем командира как в мирное, так и в военное время, его службу следует приравнять к строевой со всеми вытекающими из этого преимуществами.

Важно отметить, что по инициативе Б.М. Шапошникова Главный Военный совет рассмотрел и утвердил предложенные Борисом Михайловичем мероприятия по реорганизации оперативно-штабной службы и узаконил эти мероприятия специальным постановлением.

Служба в Генеральном штабе чрезвычайно ответственна и напряженна. Она требует от его работников, и особенно от руководителя, таких качеств, как отличное знание военного дела, широкая эрудиция, огромное трудолюбие и высокое чувство ответственности. Б.М. Шапошников обладал всеми этими качествами. Опыт оперативно-штабной работы в годы Первой мировой и Гражданской войн, практика командования войсками трех военных округов, детальное знание структуры и функций центрального военного аппарата и, наконец, высокий деловой авторитет у руководителей Коммунистической партии и советского правительства позволили Борису Михайловичу сделать Генеральный штаб подлинным центром планирования боевой и оперативной подготовки Красной Армии. Для работы в Генеральном штабе Б.М. Шапошников подобрал лучших из числа окончивших военные академии, зарекомендовавших себя способными, грамотными и инициативными начальниками в войсках. Несмотря на относительную малочисленность работников Генштаба, он успешно справлялся со своими нелегкими задачами. Предложения и планы, исходившие из Генерального штаба, отличались реальностью, дальновидностью и всесторонней обоснованностью.

Большое влияние на формирование качеств работников Генерального штаба оказывал и личный пример Б.М. Шапошникова. Его вежливость в отношениях с подчиненными, скромность и большой такт во взаимоотношениях с ответственными работниками центральных и главных управлений Наркомата обороны, дисциплинированность и предельная исполнительность при решении задач, поставленных партией и правительством, — все это воспитывало у работавших вместе с ним людей чувство ответственности, исполнительность и высокую культуру личного поведения. В безупречном, инициативном и своевременном выполнении заданий партии и правительства

по укреплению обороноспособности страны видел он свою главную обязанность и смысл существования Генерального штаба. Все это, вместе взятое, создавало тот непередаваемый словами дух сплоченности, который отличал все коллективы, руководимые Б.М. Шапошниковым.

Борис Михайлович принимал участие в работе советской военной делегации на переговорах с военными делегациями Франции и Англии. Эти переговоры проходили в августе 1939 года. Их участники обсуждали вопросы координации действий армий трех государств — Советского Союза, Англии, Франции — в случае возникновения агрессии в Европе. Представители английских и французских армий, излагая на переговорах планы своих стран, ограничивались общими, нередко очень туманными рассуждениями. Их планы фактически не были рассчитаны на военное сотрудничество с СССР.

Что касается плана советской военной делегации, то он был тщательно продуман, четок, обстоятельно аргументирован. По поручению советского правительства этот план участникам переговоров представил Б.М. Шапошников. Он изложил три варианта возможных совместных действий Красной Армии и вооруженных сил Англии и Франции в случае, если в Европе начнутся агрессивные действия против стран — участниц переговоров.

Начальник Генерального штаба РККА заявил на переговорах, что на своей западной границе Советский Союз может выставить против агрессоров 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых гаубиц и пушек, 9—10 тысяч танков, 5—5,5 тысячи боевых самолетов¹.

В первом варианте действий, предложенном на переговорах Б.М. Шапошниковым, указывалось, что если агрессор нападет на Англию и Францию, то Советский Союз для совместного отражения агрессии выставит армию, равную 70 процентам тех сил, которые выставят против того же агрессора Англия и Франция. Этот вариант предусматривал и совместные действия

¹ История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 1. М.: Международные отношения, 1967. С. 410.

союзных военно-морских флотов против агрессора в Балтийском, Баренцевом и Норвежском морях.

Во втором варианте указывалось, что если агрессор нападет на Польшу и Румынию — союзников Англии и Франции, то Советский Союз выставит против агрессора армию, равную тем вооруженным силам, которые выставят Англия и Франция, вместе взятые. Участие Советского Союза в войне против фашистской Германии обуславливалось немедленным объявлением Англией и Францией войны Германии. Предусматривались также действия советского Черноморского флота, направленные на то, чтобы воспрепятствовать проходу вражеских кораблей через проливы в Черное море.

Наконец, третий вариант предусматривал совместные действия против агрессора в том случае, если с территории Финляндии, Эстонии и Латвии агрессор нанесет свои удары по Советскому Союзу. В этом случае Англия, Франция и связанная с ними договорами Польша должны были немедленно вступить в войну против агрессора, выставить 70 процентов тех вооруженных сил, которые выставит Советский Союз.

Все три варианта, предложенные Советским Союзом, характеризовались детальной разработкой, обоснованностью, смелостью замыслов, служили образцом четкого военного планирования и позволяли надеяться на успешность отражения агрессии фашистской Германии.

Представители Англии и Франции на августовских переговорах 1939 года выдвинули так называемые «три принципа организации обороны». Глава советской военной делегации К.Е. Ворошилов назвал эти «принципы» слишком универсальными, абстрактными, бесплодными, никого ни к чему не обязывающими. Они могли послужить материалом для абстрактной декларации, а не для выработки конкретной конвенции, которая должна четко определить, какое количество дивизий, артиллерийских орудий, танков, самолетов, морских эскадр выставят союзники против агрессора.

Правительства Англии и Франции не приняли советские предложения. По их вине были сорваны переговоры военных делегаций трех стран. Становилось очевидным, что все реак-

ционные круги западных стран подталкивали Гитлера, чтобы он совершил нападение на Советский Союз. От правителей Англии и Франции Гитлер, по сути дела, получил полную свободу действий на Востоке. О том, как развивались дальнейшие события и чем кончились заигрывания правительств западных держав с германским фашизмом, достаточно хорошо известно.

Одним из самых памятных событий в жизни Бориса Михайловича было присвоение ему высшего воинского звания — Маршала Советского Союза. Весьма примечательно, что этого звания он удостоен в мирное время — 7 мая 1940 года. Коммунистическая партия и советское правительство высоко оценили выдающуюся военную деятельность Б.М. Шапошникова. Хотелось бы отметить, что его успешной работе благотворно способствовало на редкость внимательное и заботливое к нему отношение нашего правительства. За год до начала Отечественной войны Б.М. Шапошников был назначен заместителем Народного комиссара обороны. На этом посту ему было поручено важное дело — ведать оборонительным строительством. В связи с изменением государственных границ нашей страны оборонительное строительство на нашей западной границе приобретало тогда особую значимость. И Б.М. Шапошников приложил немало усилий, чтобы осуществить широкий комплекс работ по укреплению оборонительной линии на западной границе. Важно отметить, что в первый же день вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз — 22 июня 1941 года — Б.М. Шапошников выехал в штаб Западного фронта с ответственным поручением — помочь организовать управление нашими войсками, укрепить их оборонительные позиции. Советские войска прикрытия нашей западной границы находились тогда в очень тяжелом положении. Наиболее опасная обстановка сложилась на Западном направлении, потому что именно здесь гитлеровская армия наносила внезапный удар своими главными силами. Б.М. Шапошникову удалось в какой-то мере наладить управление войсками на Западном направлении, восстановить связь фронтового командования с Генеральным штабом. А вскоре, когда было создано Главное ко-

мандование Западного направления во главе с С.К. Тимошенко, Борис Михайлович возглавил штаб этого командования.

В годы Великой Отечественной войны полководческие и организаторские способности Бориса Михайловича проявились с наибольшей полнотой.

Навязанная германским фашизмом война Советскому Союзу потребовала от советского правительства и Верховного Командования мобилизации всех сил страны, перестройки на военный лад всего военного аппарата. Большой вклад в перестройку оперативного руководства внес Б.М. Шапошников, который решением Государственного Комитета Обороны в июле 1941 года вновь был назначен начальником Генерального штаба. Это решение широкими кругами командного состава действующей армии и особенно работниками Генерального штаба было встречено с большим удовлетворением.

В жизни Бориса Михайловича наступил наиболее ответственный и напряженный период, достойно увенчавший многолетний путь и самоотверженный труд Б.М. Шапошникова. Его глубокая вера в нашу победу и непреклонная воля к ее достижению вдохновляли и сплачивали Генеральный штаб в единый, крепкий и слаженный коллектив. В работе Генерального штаба был установлен четкий ритм, была налажена оперативная связь Ставки с войсками, обеспечена планомерная работа коллективов управлений Генштаба. Постоянно опираясь на коллектив Генштаба, и прежде всего на его партийную организацию, Борис Михайлович непрерывно совершенствовал методы и стиль работы большого и сложного центрального органа управления войсками, приводя ее в соответствие с требованиями войны.

Б.М. Шапошников постоянно держал Верховное Главное Командование в курсе событий на фронтах Великой Отечественной войны. Ежедневно он по два раза докладывал Верховному Главнокомандованию о положении дел на фронтах. Постепенно сложился такой порядок: без предварительного доклада соображений начальника Генерального штаба Ставка Верховного Главнокомандующего не принимала ответственных решений по ведению операций.

Особое внимание в это время он уделял организации управления войсками, перестройке работы штабов. Генеральный штаб под его руководством тщательно разрабатывал планы операций, передислокаций войск, организационных и штатных изменений, которые диктовались новой, военной обстановкой. Большое значение для улучшения военно-стратегического руководства имело новое положение о работе фронтовых управлений и управлений Генерального штаба. Оно было разработано по указанию Б.М. Шапошникова и введено в действие 10 августа 1941 года. В соответствии с этим положением специальной директивой было определено, что командования фронтов обязаны представлять Генштабу боевые донесения и оперативные сводки не позднее 2 часов ночи, а срочные донесения исключительно важного характера — передавать лично дежурному заместителю начальника Генерального штаба. Это и ряд других мероприятий способствовали повышению организованности в работе штабов, обеспечению более устойчивого управления войсками. Реорганизация полевых управлений и переформирование штабов фронтов и армий, обеспечение более четкой их работы позволили завершить перестройку органов управления с учетом требований войны.

Используя свой многолетний опыт генштабиста, Борис Михайлович настойчиво, последовательно, шаг за шагом, совершенствовал стиль и методы аппарата военно-стратегического и оперативного руководства. Он понимал, что сложный комплекс подразделений, составляющих Генеральный штаб, может успешно действовать лишь при условии, если его руководство будет проявлять гибкость в решении назревших вопросов перестройки и переформирований в войсках, если эти вопросы будут решаться на научной основе, на твердом фундаменте передового опыта, накопленного в ходе войны. Борис Михайлович, не допуская поспешности в работе, вдумчиво подходил к подбору работников Генштаба. Первостепенное значение он придавал работе ведущих управлений и отделов Генерального штаба, особенно тщательно подбирал в них кадры. Контроль, который осуществляло Политбюро ЦК ВКП(б) за работой

Генштаба, за подбором его кадров, благотворно сказывался на деятельности Бориса Михайловича.

Нельзя не отметить, что Б.М. Шапошников проявлял постоянную заботу об организации четкой и непрерывной связи, добиваясь от Оперативного управления, чтобы оно поддерживало самую тесную связь с войсками.

Борису Михайловичу нередко приходилось отводить для себя лишь два-три часа для сна. Особенно напряженными для Генштаба были октябрь и ноябрь 1941 года. В глубокой тайне, с привлечением лишь двух-трех человек из Оперативного управления, при не затихавших оборонительных боях изыскивались боевые средства и резервы для нанесения ударов по врагу под Ростовом, Тихвином, а затем и под Москвой.

В тяжелые октябрьские дни 1941 года Генштаб был эвакуирован из Москвы. Б.М. Шапошников с частью его состава налаживал в тылу запасный пункт управления. В Москве в распоряжении Верховного Главнокомандующего оставалась небольшая оперативная группа. Трудно переоценить то колоссальное напряжение воли, ума, всех способностей, которые проявили Борис Михайлович и его воспитанники в эти тяжелые для страны месяцы. К началу контрнаступления под Москвой Генеральный штаб, несмотря на весьма сложную обстановку, выполнил возложенные на него задачи.

В годы суровых испытаний, выпавших на долю Советского государства, Б.М. Шапошников оправдал оказанное ему доверие. Он отдал Родине все свои знания и опыт, накопленные более чем за сорок лет военной службы, внес большой вклад в достижение победы над врагом. Именно в этот период его деятельности завершается превращение Генерального штаба в подлинный мозг Советских Вооруженных Сил.

Напряженная работа в Генеральном штабе, часто без отдыха, не могла не сказаться на здоровье Бориса Михайловича: оно резко ухудшилось. Болезнь обострялась, и в мае 1942 года Борис Михайлович обратился в Государственный Комитет Обороны (ГКО) с просьбой перевести его на другой участок работы. Просьба была удовлетворена. ГКО возложил на него, как на заместителя Народного комиссара обороны, обязан-

ность: в меру своих сил оказывать содействие коллективам профессоров и преподавателей Высшей военной академии и Военной академии имени М.В. Фрунзе, руководить работой по составлению истории Великой Отечественной войны. Ему было поручено также организовать пересмотр старых и руководство разработкой новых боевых уставов и наставлений Красной Армии, обобщив в них боевой опыт войны. ГКО обязывал Б.М. Шапошникова посвящать работе не более пяти-шести часов в сутки. И на этом посту Б.М. Шапошников оставался верен себе. Работал много. Комиссия, которую он возглавлял, в короткий срок рассмотрела проекты нового Боевого устава пехоты, Полевого устава, боевых уставов родов войск.

По предложению Б.М. Шапошникова в Генеральном штабе в 1942 году был создан специальный отдел, который обобщал опыт войны и заботился о том, чтобы он полнее использовался в войсках. Этот отдел был развернут в управление. Совместно с Военно-историческим отделом Генерального штаба это управление заложило основу научной разработки истории Великой Отечественной войны.

В сентябре 1942 года Борис Михайлович рассмотрел подготовленные Военно-историческим отделом материалы, обобщавшие зимние наступательные операции, проведенные Красной Армией в 1941 году. Он сделал обстоятельные замечания и рекомендовал более глубоко исследовать боевые действия зимой, сделать четкие выводы и выработать практические рекомендации для войск. Б.М. Шапошников обратил внимание Военно-исторического отдела на необходимость освещения боевых действий Красной Армии с начала войны и до середины октября 1941 года. За этот период, указывал он, много оперативных и иных документов не сохранилось — они были уничтожены отходившими частями и штабами, между тем этот период насыщен большим числом примеров героических действий наших войск при отходе из окружения под ударами превосходящих сил противника. История не может пройти мимо этих примеров массового героизма советских воинов.

Под редакцией Бориса Михайловича в это время опубликован ряд сборников, в которых освещены важнейшие операции Великой Отечественной войны. Под его же непосредственным руководством и при прямом участии был создан трехтомный труд о битве под Москвой. Это была, по существу, первая монография по истории Великой Отечественной войны.

Кроме капитальных работ Военно-исторического отдела и Управления по использованию опыта войны Б.М. Шапошников просматривал различные статьи и предложения, которые ему присылали на консультацию партийные и правительственные органы. Он знакомился с работой военных архивных учреждений, давал ценные советы о сборе и порядке хранения документальных материалов.

В октябре 1942 года Борису Михайловичу было поручено возглавить редакцию по подготовке Краткого курса истории войн и военного искусства. (Напомним, что работа над этой книгой началась раньше.) В состав авторов были включены опытные работники Военно-исторического отдела Генерального штаба. К середине марта 1943 года рукопись Краткого курса истории войн и военного искусства была закончена и представлена Б.М. Шапошникову. Изучив ее, Борис Михайлович в мае того же года высказал свои замечания, советы. Он считал, что осветить многогранные проблемы и опыт военной истории в одной книге, видимо, невозможно.

С 25 июня 1943 года по 26 марта 1945 года Б.М. Шапошников является начальником Высшей военной академии (ныне Военная академия Генерального штаба). И здесь, будучи уже тяжело больным, он не прекращал большой организационной и военно-теоретической работы, заботливо воспитывал офицеров и генералов, способных к оперативной работе в штабах и командованию крупными соединениями и объединениями войск. В жесткие сроки академия подготовила не одну сотню высококвалифицированных генштабистов и военачальников, проявивших высокие боевые и моральные качества на фронтах Великой Отечественной войны.

Борис Михайлович страстно любил жизнь. Он был неутомимым тружеником. Без работы на благо Родины он не мыс-

лил своего существования. Буквально за несколько часов до смерти, почувствовав временное улучшение, он строил планы дальнейшего развертывания работы по обобщению опыта Великой Отечественной войны и внедрению его в практику подготовки войск.

Жизнь, полководческая деятельность и военно-теоретическое наследие Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова — яркие страницы советской военной истории, которые учат верности делу Коммунистической партии и самоотверженности в служении социалистической Родине.

Военно-теоретическая работа Б.М. Шапошникова, тесно связанная с его практической деятельностью, охватывала большой круг проблем. Заслуживают внимания его взгляды на характер Второй мировой войны, на задачи дальнейшего укрепления Советских Вооруженных Сил, его суждения о роли и значении органов стратегического и оперативного руководства в мирное и военное время. Большую ценность представляют его высказывания и о методике подготовки штабов и командных кадров.

Научный интерес и ценность публикуемых воспоминаний и фрагментов из труда «Мозг армии» Б.М. Шапошникова бесспорны. Они помогут читателю лучше понять обстановку, в которой начиналось обобщение опыта Гражданской войны, познакомят с первыми военно-теоретическими исследованиями, появившимися после военной реформы 1924—1925 годов.

Следует, конечно, иметь в виду, что со времени опубликования работ Б.М. Шапошникова минуло много лет. За это время прошла Вторая мировая война, в военной технике и военном искусстве произошли крупные изменения, появилось мощное ракетно-ядерное оружие, в корне изменившее взгляды на ведение военных действий. Многие проблемы, волновавшие военные кадры в двадцатые и тридцатые годы, сейчас разрешены и представляют только исторический интерес. Но вместе с тем и ныне ряд положений, выдвинутых Б.М. Шапошниковым, не потерял своего практического значения. К ним следует отнести многие проблемы оперативного искусства и стратегии, взгляды на роль и организационную

структуру Верховного Командования, разработанную им методику боевой и оперативной подготовки и многое другое. Главное же, что будет интересно и ценно в публикуемых трудах для современного читателя, особенно военного, — это знакомство с творческой и пытливой мыслью Б.М. Шапошникова, с его организаторской и военно-теоретической деятельностью, неотделимой от истории побед Советских Вооруженных Сил.

Маршал Советского Союза *А.М. Василевский*

Маршал Советского Союза *М.В. Захаров*

3 января 1972 года.

ДЕТСТВО

Таинственный, величавый в своем спокойствии Южный Урал, составляющий часть так называемой кондовой Руси, является моей родиной. Уверенный в себе, крепкий и привычный к перенесению невзгод, трудолюбивый и смотрящий прямо в глаза опасностям, свято оберегающий старинные обычаи — таков облик тогдашнего жителя Урала. Многие из этих черт, сохранившись до сих пор, славят уральцев, входивших в коренное ядро русского населения необъятной России.

Большой знаток уральского быта, Мамин-Сибиряк в своих романах, повестях и рассказах верно отразил жизнь Урала как своего времени, так и недалекого прошлого, которое еще захватило меня. Много воды утекло с тех пор изменился Урал, но и в наши дни уральцы полны энергии, решительны в поступках, упорны в труде и отважны в схватках с врагами нашего государства.

Я родился 20 сентября 1882 года в уездном городе Златоусте Уфимской губернии, едва ли не в самом «мокром» по климату месте не только на Урале, но и на всей территории нашей страны. Как известно, борьба за существование не располагает простых людей к излишним размышлениям о древности рода. Деда своего со стороны отца я не знал, а сам отец скупился на воспоминания. Знаю только, что дед был донским казаком. Когда моему отцу исполнилось 15 лет, дед выписался из казачества и переехал на жительство в город Саранск.

Отец мой, Михаил Петрович, родился в 1837 году, окончил Новочеркасское городское училище. Начал службу писцом в каком-то учреждении Саранска. В 1869 году он со своим отцом

переехал в Уфимскую губернию. Здесь поступил на службу к купцу Федору Алексеевичу Злоказову. Три брата Злоказовых оказались «тысячниками». Мельников-Печерский описал их в своих романах «В лесах» и «На горах». Братья образовали торговый дом. Он просуществовал до самой Октябрьской революции. Злоказовы имели суконную фабрику около Екатеринбурга (Свердловска), пароходство по Тоболу и Иртышу, а также винный откуп¹ в Уфимской губернии. Этим откупом занимался младший из братьев Злоказовых — Федор Алексеевич, основавший около Кусинского завода Златоустовского уезда при слиянии рек Ай и Арша Петропавловский винокуренный завод. В должности управляющего этим заводом и начал службу в торговом доме братьев Злоказовых мой отец.

Помню, что отец получал у Злоказовых 100 рублей жалованья в месяц при готовой квартире. Никаких прибавок за долготную службу или наград не полагалось. По тем временам такое жалованье считалось вполне достаточным, но оно далеко уступало оплате управляющих крупными имениями в других местах России. Мать занималась хозяйством, присматривая за коровами, овцами, птицей...

Еще до введения казенной винной монополии отношение Федора Злоказова к моему отцу постепенно становилось все более сдержанным. Злоказовы из «тысячников» уже шагнули в «миллионщики». Подрастали их сыновья, которые стремились взять управление заводом в свои руки. Поэтому отца моего в 1894 году перевели на том же заводе на должность заведующего казенным винным складом с тем же окладом. Рабочий день длился восемнадцать часов. В награду за свою двадцатипятилетнюю службу у Злоказовых он получил семейный альбом Злоказовых.

Честный, прямой и неподкупный нрав отца не позволял ему какими-либо иными способами обеспечивать свое будущее. За долгие годы службы ему удалось скопить только 3000 рублей,

¹ Винный откуп — особый вид винной монополии (частные предприниматели откупали у государства на определенный срок монопольное право торговли вином в том или ином районе).

которые были израсходованы на покупку в Златоусте на Большой Немецкой улице небольшого двухэтажного дома. Этот дом стал последним местом жительства моих родителей — в 1912 году отец ушел в отставку, покинув службу в казенной винной монополии. Здесь в сентябре того же года он умер.

Мать моя, Пелагея Кузьминична Ледомская, была третьей женой отца. Она вышла за него замуж в тот год, когда отец уже имел от первого брака трех сыновей и дочь (Виктор, Александр, Николай и Валентина). Старшему сыну было 15 лет, младшему — 7, а дочери — 8 лет. От второго брака отец детей не имел, поскольку жена через год после свадьбы умерла.

Дед мой со стороны матери, Ледомский, служил в Уфе секретарем дворянской опеки. Это считалось его государственной службой. Он умер рано, оставив жену (мою бабушку Юлию Николаевну Ледомскую) с пенсией 100 рублей в год и пятью детьми. Моя мать (родилась в 1838 году) была старшей. Когда умер дед, матери исполнилось 16 лет. Моложе на год был дядя Михаил Кузьмич. Владимиру и Людмиле исполнилось только по 8 лет, а самый младший — Василий — был еще грудным ребенком.

После смерти деда семья Ледомских осталась в тяжелом материальном положении. Мать моя начала работать учительницей в начальной школе, а дядя Михаил Кузьмич поступил писцом в Уфимское губернское казначейство. Через два года Михаил Кузьмич получил место бухгалтера уездного казначейства, и вся семья переехала с ним в Златоуст, где мать продолжала учительствовать, а младшие братья и сестры учились.

В 1881 году мои родители поженились. Матери исполнилось тогда 23 года. Отец был старше матери лет на 20, но я никогда не замечал каких-либо разногласий в их жизни. Отец много работал, и все заботы по дому лежали на матери. Дети отца любили мать — она заботилась о них не меньше, чем о своих.

Старший брат Виктор недолго учился в уфимской гимназии. В 17 лет он уехал из дому и поступил служить в бухгалтерию конторы Петропавловского завода. С тех пор он работал на заводах и приисках Урала и Сибири. Характерной его чер-

той была страсть к открытию самостоятельного золотоносного прииска. Но цели он не достиг. Домой он возвращался без денег и золота. Конец его службе в качестве «американского золотоискателя» положила женитьба на умной женщине. Ей удалось отвратить Виктора от непосильной для него ноши. Мне приходилось с ним мало встречаться. Умер он в Сибири уже после Октябрьской революции.

Второй брат Александр кончил только начальное училище, начал свою службу письмоводителем в конторе на том же Петропавловском винокуренном заводе. С введением казенной винной монополии вскоре уехал из дому, продолжая свою службу сначала конторщиком, а затем заведующим Челябинским винным складом. На этой должности Александр оставался до Октябрьской революции. С восстановлением в Советском Союзе винокурения и промышленности он снова служил, уже в пожилом возрасте, как эксперт, хорошо знавший винокуренное дело. Умер Александр в 1936 году.

Младший брат от первого брака отца, Николай, учился в Троицкой мужской гимназии, но, окончив шесть классов, бросил ее. Со временем он стал дельным бухгалтером и работал на различных заводах Урала. В 1912 году умер от разрыва сердца.

Старшая сестра Валентина была очень красива. В 16 лет ее выдали замуж за пожилого бухгалтера Усть-Катавского завода. Несмотря на то что у них уже было двое детей, сестра ушла от мужа. Второй ее муж погиб в 1916 году во время железнодорожной катастрофы близ города Кыштыма.

Первым от третьего брака отца в нашей семье был я. Всего у него и моей матери родилось семеро детей, но трое умерли вскоре после рождения. Осталось три брата (Борис, Евгений, Сергей) и сестра Юлия. Девятилетним мальчиком умер от менингита младший брат Сережа, и дальше уже втроем мы продолжали наш жизненный путь. Брат Евгений был на три года моложе меня, а сестра Юлия — на пять.

Мои первые сознательные впечатления в жизни относятся к периоду пребывания в Златоусте (в семье бабушки). По рассказам, меня считали слишком впечатлительным ребенком и

за мной должны были наблюдать врачи. Но на Петропавловском заводе не было ни одного врача и ни одного фельдшера. «Тысячник» Злоказов не желал организовать медицинскую помощь своим рабочим и служащим.

Моя тетка, Людмила Кузьминична, была в то время совсем молодой. Она преподавала в начальной женской школе. Она-то, собственно говоря, и была моей воспитательницей и учительницей. Скромную, красивую и трудолюбивую девушку ее коллеги по школе считали глубоко преданной педагогическому делу. Когда мне исполнилось 11 лет, я учился в промышленном училище. В тот год Людмила Кузьминична вышла замуж за Лабутину, имевшего в Кыштыме свои торговые магазины и занимавшегося различными подрядами. После Октябрьской революции, оставшись со своей семьей почти без денег, Людмила Кузьминична некоторое время жила со мной. В 1934 году умерла.

Самый младший из моих дядей — Василий Кузьмич — учился в Оренбургской военной прогимназии. После окончания прогимназии два года находился вольноопределяющимся в 34-м пехотном Севском полку. В юнкерское училище не пошел, вернулся домой. Поступил в контору участка строившейся Самаро-Златоустовской железной дороги. Около двух лет работал на изысканиях Сибирского железнодорожного пути. Потом самостоятельно брал подряды на различных железнодорожных постройках, а вскоре обогнал своих братьев, крепко встал на ноги. После Октябрьской революции служил землемером в Шадринске. Умер в 1939 году.

Златоуст во времена моего детства считали уездным городком. В нем проживало 17 тысяч человек. Город располагал двумя казенными оружейными заводами.

Рабочие уральских заводов в те времена являлись полупролетариями. Работая на предприятиях, они одновременно вели и небольшое крестьянское хозяйство. Был развит кустарный промысел: изготовлялись ножи, вилки, другие предметы домашнего обихода.

В Златоусте не было ни одного среднего учебного заведения. Только к 1890 году здесь открыли первое ремесленное

училище для мальчиков. Министерство просвещения не заботилось о народном образовании, а земство уезда не располагало средствами для того, чтобы строить школы, училища, содержать учителей.

Часто в нашем доме собирались представители администрации и интеллигенции со своими семьями. Можно сказать, что за исключением «аристократии» городки (горных инженеров) у нас бывало очень много гостей. Они приходили и на званые обеды, и на вечера, и просто на огонек. В большие праздники (Рождество и Пасха), по обычаю, в первые два дня с 12 часов и до позднего вечера делались визиты. Так как дяди и тетка также делали визиты, то дома гостей принимали бабушка и я.

Таким образом, первые мои шаги в жизни радовали родственников, позволяли им надеяться, что из меня может выйти образованный, «светский» молодой человек. Впоследствии же все получилось наоборот.

...В родном доме я появлялся лишь на рождественские каникулы, а затем проводил в нем два летних месяца. На Рождество приезжал только на третий день: тогда в Златоусте, в здании общественного собрания, устраивалась елка... В 1931 году, уже командуя войсками Приволжского военного округа, я приехал в Златоуст. Заехал в городской Совет, чтобы договориться о расквартировании вновь формируемых частей Красной Армии. И сколь велико было мое изумление, когда я, перешагнув порог горсовета, убедился, что он размещен в доме бывшего общественного собрания. Побывал и в том зале, где когда-то мальчиком я бегал вокруг елки.

Как и многие другие мальчики, в детстве я увлекался военными играми. В памяти старших людей были воспоминания о Русско-турецкой войне 1877—1878 годов. И в углу моей комнаты висели лубочные картины и портреты героев этой войны.

Наш дом посещал довольно пожилой полковник — воинский начальник Златоуста. Он приезжал к нам в праздники с визитом в полной парадной форме, с шашкой. Я считал своим долгом также наносить визиты полковнику. Надевал новый костюм, у старшего дяди выпрашивал охотничий кинжал (он охотно удовлетворял мою просьбу) и твердым шагом направ-

лялся к златоустовскому военачальнику. Он встречал меня приветливо, интересовался, какие военные игры увлекают мальчиков. Полковник спрашивал, люблю ли я книги. Когда мой дядя Владимир Кузьмич уезжал в город Курган, то предоставил мне отдельную комнату и библиотеку, в которой преобладали книги русских классиков. Книги я читал запоем. С трудом можно было отправить меня во двор или на улицу, чтобы подышать свежим воздухом, — не мог расстаться с интересной книгой.

Глубокое впечатление осталось от того, что я узнал из книги «Дубровский» Пушкина. Жизнь в лесу, месть помещикам... Интересно! Я увлекся и решил набрать соучастников, чтобы мстить помещикам. Но только мой приятель Коля Мышкин присоединился ко мне. Пересказав ему содержание «Дубровского», я предложил: «Коля, давай спрячемся в ближайшем лесу около Златоуста и начнем грабить богатых». Коля согласился. Мы договорились, что запасемся сухарями и порохом. Охотничье ружье и кинжалы предполагалось взять у дяди Михаила Кузьмича. Порох охотничий мы беспрепятственно купили в лавке, продавец которой хорошо знал моего дядю. Сухари накопили. Я предупредил своего друга, что в следующий его приезд мы уйдем из дому и сделаемся «дубровскими». Все шло хорошо. Мечты заносили меня далеко. Через неделю Коля со своей матерью приехал к нам. Бабушка позвала меня в гостиную. Колина мать была в слезах. Оказывается, Коля не выдержал, рассказал своей матери о том «злодействе», на которое я его подбил. Конечно же, я получил хороший нагоняй и должен был честным словом подтвердить, что ни в какие авантюры не буду сманивать Колю, и сам в них не пущусь. Хорошо, что меня еще не лишили права пользоваться своей библиотекой.

По-иному шла жизнь в доме моих родителей на Петропавловском винокуренном заводе. Он располагался в 40 километрах к западу от Златоуста, в предгорьях Главного Уральского хребта. Вокруг завода тянулись бедные башкирские деревни. Смешанный лес, всхолмленная местность, речки Ай и Арша украшали пейзаж и создавали в этом районе здоровый климат. Приезжая летом домой на каникулы, я со своим братом и сестрой проводил здесь в играх весь день на воздухе. Со-

биралось много детей, живших поблизости. В сопровождении старших мы ходили в лес за грибами, ягодами. Их в лесу было в изобилии. Нравилось нам кататься на лодках. Одним словом, хорошо проводили время, и оно летело быстро. Один из моих товарищей любил складывать маленькие печи, используя известняковые камни. Потом эти печки мы затапливали. Отец, боясь пожаров, строго запрещал эту игру, и мы украдкой уходили в лес, осторожно разжигали там запретные печи.

Когда наступали вечера, мы увлекались еще одним занятием — отводили лошадей в ночное. Нам удавалось проехаться верхом, а обратно 2—3 километра шли пешком.

С большим удовольствием мы сбивали сливочное масло и вообще помогали матери. Она не признавала консервов. Различные соленья, копчения заготавливала всегда сама.

Иногда отец брал меня на башкирский праздник «сабантуй». Туда его приглашали крестьяне окрестных деревень. Меня восхищали борьба, скачки и танцы. Праздник завершался угощением башкирскими кушаньями. В блюдах преобладала конина. Иногда победителю в том или ином состязании в виде приза преподносили хороший мосол конины. Победитель тут же с аппетитом съедал его.

В скачках на дистанции 20—50 километров участвовали кони из различных деревень. Каждая деревня помогала состязавшимся: односельчане подсакивали, стараясь на ходу подтолкнуть уже уставшего коня, с гиком появлялись у финишного столба.

Жизнь среди башкир позволила мне немного усвоить их язык. Когда я вырос и нес воинскую службу в Туркестане, чувствовал, что знание башкирского языка приносило мне немалую пользу.

Годы шли. Я продолжал начальное образование в Златоусте. В 1890 году меня, восьмилетнего мальчика, воспитанного в некотором смысле в либеральном духе, поразили возникший в Златоусте бунт ссыльных. Дело в том, что в конце 1889 года в Златоуст прислали несколько сот рабочих, бастовавших на каком-то заводе в центре России. Для них отвели бараки. На питание ссыльному выдавалось 10 копеек в день. Прожить на

эту сумму было трудно. На работу ссыльных не брали, воровать они не могли.

Однажды в первый день Рождества дома оставались только бабушка и я. Слышим звонок! Я подбежал, чтобы открыть дверь, думал, что явился кто-нибудь визитеров, но это пришли рабочие. Они поздравили нас с праздником. Бабушка поблагодарила их, дала им денег и полное блюдо пирожков. Рабочие-ссыльные были очень довольны.

Помню, как-то зимой 1890 года группу ссыльных вызвали в местное полицейское управление. Оно помещалось на нашей улице. Какой разговор был у рабочих с исправником, я не знаю, но только управление было разгромлено, исправник убежал через двор, вскочил на извозчика и поскакал по нашей улице в центр города. За ним с поленьями бежали ссыльные. Из окна я наблюдал эту картину. Вскоре толпа рабочих бросилась назад, а за ней с шашками наголо гнались полицейские, по улице шла местная колонна солдат. Стрельбы не было, но, как рассказывали потом, многих рабочих избили прикладами и ранили штыками. К наступлению темноты всех этих рабочих посадили в тюрьму и вскоре увезли из Златоуста...

Десяток лет спустя на главной площади Златоуста по приказанию уфимского губернатора полиция расстреляла многих рабочих.

По-разному переживали эти события в городе. В нашем доме симпатии были на стороне ссыльных рабочих, а действия полиции сильно порицались.

...В семье бабушки произошла большая перемена: женился старший мой дядя. Прожив полгода с молодыми, бабушка с теткой переехали в Курган к Владимиру Кузьмичу и жили с ним. Бабушка была очень религиозной. Мне подходило время поступать в среднее учебное заведение. Сам я не слышал от отца о намерении отдать меня учиться в духовное училище, но тетка и дядя говорили мне об этом. Однако судьба была решена в другом направлении. С помощью тетки я продолжал усиленно готовиться к поступлению в Красноуфимское промышленное училище.

Летом 1893 года я жил с теткой на станции Смолино, на Смолинском соленом озере, в 10 километрах от Челябинска. В конце июля вместе с теткой я выехал в Златоуст, а затем на Петропавловский завод, чтобы оттуда поехать с матерью в Красноуфимск.

Кончилось беззаботное детство. Начиналась серьезная учеба.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ УЧЕНИЯ

Почему же именно Красноуфимское промышленное училище отец выбрал для моего образования? От Петропавловского винокуренного завода до Красноуфимска было свыше 200 километров, железной дороги не существовало, о ней в то время даже и не мечтали. Ближе было до Уфы, где находилась мужская гимназия. От Златоуста до Уфы люди ехали по железной дороге.

Отец знал, что плата за учение в Уфимской гимназии не превышала 70 рублей в год, а в Красноуфимской составляла только 15 рублей. Содержание на квартире в Красноуфимске стоило, конечно, дешевле, чем в Уфе. Эти соображения и легли в основу решения отца — устроить меня в Красноуфимское училище, которое давало среднее специальное образование.

Итак, в начале августа мать повезла меня в Красноуфимск. Ехали мы на своих лошадях, переезд занял у нас три дня.

Красноуфимск расположен на реке Уфа. В 1893 году он представлял собой небольшой уездный городок. Его население примерно пять тысяч человек. Городку были присущи черты большого села, он был застроен главным образом деревянными домами. Крестьяне Красноуфимского уезда занимались в основном земледелием. В самом же уездном городке был небольшой фосфорный завод. Он-то и представлял всю промышленность Красноуфимска. Уездное земство располагало достаточными средствами для того, чтобы предоставить большую субсидию с целью помочь администрации Красноуфимска открыть промышленное училище. Училищ такого типа в России строилось мало. Оно имело шесть клас-

сов с программой реального училища. После его окончания воспитанники могли поступить на горное или сельскохозяйственное отделение, которые были открыты при этом же училище. Отделение по горному делу готовило маркшейдеров и специалистов смежных профессий со средним образованием, а сельскохозяйственное отделение — агрономов. Не желавшие учиться на горном или сельскохозяйственном отделениях по окончании шести классов переводились в какое-нибудь другое реальное училище, которое имело семь классов и давало среднее общее образование.

Реальные училища в отличие от классических гимназий того времени готовили юношей к поступлению в высшие технические учебные заведения. Вот почему в реальных училищах уделяли больше внимания преподаванию математики, физики, химии, черчению. В этих училищах не преподавали ни латинского, ни греческого языков.

Нужно сказать, что среди воспитанников обоих специальных отделений Красноуфимского училища царил революционный демократический дух того времени, что отражалось и на настроении младших классов. Слово «забастовка» было знакомо и малышам, оно вызывало в них дух сопротивления начальству. У нас, в младших классах, часто сообщалось, что «сегодня техники бастуют»...

Промышленное училище размещалось в новом двухэтажном доме. Оно находилось в центре Красноуфимска. По соседству двухэтажные здания занимали административные учреждения. Во дворе училища расползалась его лаборатория. Ей отвели тоже двухэтажное здание.

Рядом с главным корпусом отстраивался пансион для учащихся младших классов.

Жители Красноуфимска хранили воспоминания о захвате их города пугачевцами, которые, по преданию, на высокой горе на окраине города повесили чиновников царской власти. На северной окраине города старожилы показывали мне кузницу, около которой в 1836 году был арестован старец Федор Кузьмич. Существовала легенда, что старцем Федором Кузьмичом был не кто иной, как бывший император Александр I, не

умерший в Таганроге, а будто бы вследствие его мистического настроения неизвестно куда скрывшийся.

...Экзамены для поступления в промышленное училище были не сложны. Всего в 1-й класс приняли 32 человека. Среди них — несколько детей служащих с завода Строгановых. Заводоуправление выдавало им стипендии с условием, что по окончании училища или даже высшего технического учебного заведения стипендиаты отработают пять лет на заводах Строгановых.

Теперь, когда я поступил в училище, нужно было подумать о квартире. Моя мать устроила меня на квартире у женщины, которая содержала десять учащихся. Деньги, которые она получала от квартирантов, служили источником ее существования. Квартира находилась под надзором классных наставников и учителей училища.

Устроив меня на квартиру, сшив мне форму и купив нужные учебники, мать уехала домой. Не скрою, что мы с матерью плакали. Горестно было, что я остался без нее.

Консервативное правление Александра III отражалось и в учебном ведомстве министра Делянова, твердо проводившего консервативный курс. Строгая учебная дисциплина в классах, соблюдение формы одежды, как в училище, так и на улице, жесткая система взысканий, вплоть до ареста и заключения в карцер, — вот что характеризовало воспитание в учебных заведениях.

На каждого учащегося заводили кондуит, иными словами — штрафной журнал. Его вели секретно. Впоследствии мне пришлось на самом себе испытать всю его неблагоприятную силу.

Распорядок в училище регламентировался особыми правилами. Наш учебный день начинался с 8.30 утра общей молитвой в большом зале. Занятия в классах продолжались до 2 часов дня, после чего мы возвращались домой обедать. До 6 часов вечера нам разрешалось выходить на улицу. Каждый был обязан иметь при себе удостоверение личности с изложенными в нем правилами поведения. Затем дома мы готовили уроки.

Время от времени квартиру посещал прикрепленный учитель или классный наставник. Он контролировал нашу домаш-

нюю жизнь, свои замечания заносил в журнал, хранившийся у старшего по квартире ученика. Хозяйке квартиры также вменялось в обязанность следить за нашим поведением и сообщать классному надзирателю о проступках. Будучи самым младшим по возрасту, я был предоставлен в развлечения самому себе. Ума-разума набирался у старших товарищей. В свободное время читал книги, которые брал в училищной библиотеке и у старшеклассников. Уже во втором классе я зачитывался такими романами, как «Отверженные» Гюго, повестями Решетникова и другими, хотя они и не подходили мне по возрасту.

Директором нашего училища был Соковнин, просвещенный, гуманный педагог и детский писатель. Его книга «Быть и казаться», написанная для юношества, захватывала своими рассказами и изяществом языка. Года через два Соковнин умер. На его место прислали из Петербурга Гуржеева — инспектора одной из мужских гимназий. Он был резкой противоположностью Соковнину. Новый директор преподавал математику. Гуржеев неплохой, в общем, человек, но со свойственной петербургским чиновникам холодностью он не мог, конечно, заменить в нашем представлении умершего Соковнина.

Инспектор классов Василий Яковлевич Смирнов преподавал русский язык. Он был суровым внедрителем «деляновской» дисциплины в училище. Язык знал, умел хорошо преподнести его. Боялись Смирнова все, даже преподаватели; от его зоркого взгляда не ускользала ни одна мелочь в нашем поведении. Звали мы его Васькой, и достаточно было в коридоре раздаться крику: «Васька идет!» — как сейчас же наступала полная тишина.

Нам полагалось носить брюки на выпуск, но мы, глядя на «техников» (так в обиходе называли учащихся технического отделения училища), предпочитали носить брюки, заправленными в голенища сапог, потому что в городе было много грязи. Смирнов однажды в перемену заметил у меня заправленные в сапоги брюки, тихо отозвал за дверь и приказал вытащить брюки из сапог. После этого отпустил в класс. К товарищам я пришел в довольно комичном виде, в мятых брюках, но зато

это послужило для них хорошим уроком. Впредь не только я, но и весь класс старался не нарушать формы одежды.

Года через три Смирнова перевели в Пермское реальное училище инспектором классов. Забегая вперед, скажу: когда я поступал в 7-й класс этого училища, то снова встретился с Василием Яковлевичем.

В Красноуфимске место Смирнова занял Кунцевич, поляк, с разбитым коленом. Вскоре мы убедились, насколько мы не ценили Смирнова и насколько новый инспектор оказался придирчивым и безжалостным человеком. Другие преподаватели были ординарными личностями. Уроки они проводили довольно монотонно, и я сначала не прикладывал особого старания, учился лишь так, чтобы не огорчать родителей и переходить из класса в класс.

На первые рождественские каникулы за мной родители прислали лошадей и теплые вещи: шапку, шубу и валенки. С чувством сознания своей самостоятельности я отправился домой один с кучером. Дома, конечно, ждали моего отчета об успехах. Мои успехи показались родителям весьма удовлетворительными. После отчета пошли обычные каникулярные развлечения. К 6 января 1894 года я был снова в училище.

Подошла весна, а с ней переходные экзамены и снова самостоятельное путешествие домой на летние каникулы. Часть каникул я провел у дяди Владимира Кузьмича, который служил тогда в Кургане. С ним продолжали жить моя бабушка и тетка.

Осенью того же года я возвратился в училище уже «своим человеком». Правда, пришлось переменить квартиру — прежняя хозяйка отказалась содержать учащихся. Учение шло своим порядком. Однако иногда в большие перемены у нас начинались довольно серьезные драки с первым классом. Малыши обратились за помощью к третьеклассникам. Тогда наш второй класс объявил войну этому союзу, и в один из ближайших дней на большой перемене нами, вторым классом, были «атакованы» одновременно оба «союзника». Произошел такой кулачный бой, что все наше начальство вместе со сторожами бросилось разнимать дерущихся. Устроенное нами побоище было прекра-

щено с большим трудом, и нас оставили без обеда. Кулачные схватки не являлись чем-либо необычным. Корни их лежали вне стен училища, в самом укладе местной уральской жизни.

Весной, обычно за неделю до праздника Троицы, на одной из площадей города часов с 5 вечера девушки водили хоровод, а молодые парни образовывали круг и боролись. Начинались состязания в борьбе — сначала выступали подростки, юноши, затем люди старшего возраста. Неделя борьбы была тренировкой, в ходе которой выявлялись силы и устанавливался порядок очередных состязаний. Неписаное правило гласило, что если меня победил противник, то в следующий раз я уже не мог выступать против него. Таким образом, производился естественный отбор борцов. Хотя начальство и запрещало нам участвовать в состязаниях, однако, сняв свои мундиры, мы принимали в них горячее участие.

В Троицын день деревенская молодежь приходила в город, и вечером состязания в борьбе проходили между городом и деревней, причем последний борец, которого уже никто не мог победить, на целый год считался победителем в соревновании.

...Отец в 1894 году заведовал складом на винокуренном заводе Злоказова. Начались недоразумения между отцом и бывшим хозяином Ф.А. Злоказовым. Отец был вынужден уйти с завода. В начале 1896 года он переехал в Златоуст в собственный дом.

Отцу не долго пришлось оставаться без работы. Ему предложили место заведующего винным складом на Симском заводе Уфимской губернии. Отец порвал дружбу со Злоказовым, не встречался с ним до своей смерти. Мать сдержанно отвечала на письма жены Злоказова, с которой долгое время до этого была в приятельских отношениях.

Осенью 1912 года, когда отец, будучи в отставке, проживал в Златоусте свои дни, мать получила от жены Злоказова телеграмму: Федор Алексеевич сильно болен и просит отца приехать повидаться, может быть, в последний раз. На это мать ответила, что мой отец уже не встает с постели. Через несколько дней отец умер.

Так почти одновременно умерли когда-то бывшие друзья, проработавшие вместе 25 лет.

Весной 1896 года меня перевели в 4-й класс, а брата — во 2-й. Лето мы провели в Златоусте — мать еще не переезжала на Симский завод. Мне было 14 лет, и я не одну зиму жил уже вполне самостоятельно. Сам вносил плату в училище за себя и за брата, расплачивался за квартиру, следил за чистотой одежды и т.д. Я глубже осознал необходимость в учении. Без него нельзя было пробить себе дорогу в жизни.

ОКОНЧАНИЕ РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА

Учебе я стал уделять больше внимания. Основной упор в нашей программе делался на алгебру, геометрию, тригонометрию. Физика и химия изучались по расширенной программе с большим количеством опытов в хорошо устроенной и оборудованной лаборатории.

Изучение грамматики русского языка мы сочетали с изучением русской литературы, писали сочинения в классах и дома. В 4-м классе нам преподавали древнеславянский язык. К нему я относился с вниманием и любовью. Курс русской истории изучали по Иловайскому — учебнику монархическому, содержащему много сказок и прославляющему самодержавие. Изучали два иностранных языка (немецкий и французский). Закон Божий нам преподносили во всех шести классах, в его программу включались Евангелие, краткий курс служб, катехизис в истории церкви.

В первых трех классах мы изучали и военное дело, вернее гимнастику и строй. На строевых занятиях пользовались деревянными ружьями, а в старших классах ограничивались только гимнастикой. Руководил занятиями по военному делу фельдфебель местной команды уездного воинского начальника.

Наш преподавательский состав был обычный, уездного масштаба. Лучших преподавателей — таких, как инспектор классов Смирнов, преподаватель русского языка и словесности, — перевели в Пермь, в реальное училище. Конечно, каждый более

знающий и опытный педагог стремился уйти или в губернский город, или в столицу.

Мы имели возможность встречаться с девушками, которые учились в женской гимназии. Хотя учились раздельно, знакомства заводились часто. В 6 часов вечера главная улица пустела, и гимназистки, сопровождаемые учениками, расходились по домам. Те из наших учеников, родители которых жили в Красноуфимске, устраивали вечера с танцами, приглашая знакомых гимназисток и своих товарищей. Мы же, живущие на квартирах, не могли выходить на улицу после 6 часов. Как старший по квартире, я обязан был следить за соблюдением распорядка дня. У меня хранился журнал, в котором отмечались все замечания преподавателя, наблюдавшего за нашей квартирой.

Трое нас, старшекласников, получали приглашения на вечера в дома знакомых товарищей или гимназисток, живших в своих семьях. Но как же уйти после 6 часов вечера из квартиры, чтобы не заметила хозяйка? Выход нашли такой: около 10 часов вечера поверх парадных курток мы надевали ночные рубашки, проходили на крыльцо, будто в уборную, а затем одевались в шубы и незаметно для хозяйки уходили через парадную дверь, от которой у нас был второй ключ. В час или два ночи мы возвращались обратно. Однажды, когда мы, любезно распрощавшись с друзьями, пришли домой, я заметил, что журнал лежит не на месте. Погода в тот вечер была отвратительная: бушевал буран. Надзиратель за нашей квартирой болел, не мог появиться в училище. Все, казалось, говорило о том, что наш поход в гости должен сойти благополучно. Однако, когда я развернул журнал, то в нем значилось: в 1 час 30 минут ночи преподаватель посетил квартиру. Как потом выяснилось, хозяйка каким-то образом проследила за нами и побежала доложить об этом больному преподавателю, заставив его лично убедиться в совершенном нами проступке. До сих пор нас считали учениками отличного поведения. Я не пил, не курил, вел себя тихо и скромно. На следующий день нас поодиночке вызвали на допрос сначала к инспектору, а затем к директору. Все мы не скрыли, что были в гостях, но на вопрос, у кого, я решительно отказался отве-

чать. На педагогическом совете обсуждался наш проступок, решение педсовета гласило: 1) всех, кто совершил проступок, в течение шести дней оставлять после занятий в классе на 4 часа; 2) предложить родителям Шапошникова устроить своего сына в пансион под строгий надзор начальства или взять из училища; 3) поставить всем провинившимся тройки за поведение.

Родителям пришлось поместить меня в пансион, а это ударило по карману. Я должен был платить в пансионе 20 рублей в месяц — в два раза больше, чем тратил на частной квартире. Кормили в пансионе, конечно, гораздо хуже.

Мой брат Евгений, оставшийся на квартире без моего присмотра, провалился на переходных экзаменах и остался на второй год во 2-м классе. Осенью брата также устроили в пансион. Самолюбие Евгения было задето, и он стал учиться прилежно. Семь классов училища кончил отлично. Без экзаменов его приняли в Петербургский электротехнический институт.

...Вспоминая дни в пятом классе, хочу отметить, что уроков стало больше, приходилось много заниматься черчением. В пансионе мне предоставили отдельную комнату со своим столом, кроватью, тумбочкой и табуреткой.

На каникулы (рождественские и летние) я ездил уже на Симский завод. Этот старинный завод располагался в 15 километрах от железнодорожной станции Симская и соединялся с ней узкоколейной дорогой конной тяги. Для обычного же сообщения завода со станцией служили лошади. Чрезвычайно красивая горная местность, на которой был расположен завод, делала его одним из милых уголков Южного Урала. Окрестные леса изобиловали дичью, волками и медведями.

Платили рабочим на заводе очень мало, и без подсобного сельского хозяйства им не прожить бы. Постоянные социальные конфликты с администрацией постепенно революционизировали рабочих. Как правило, инженер не ходил по заводу пешком, боясь, чтобы его не побили. На улице его можно было встретить только в экипаже, да и то быстро проезжающим, чтобы избежать оскорблений или даже ранений: рабочие могли забросать камнями.

Жили мои родители очень экономно, потому что начала учиться в Челябинске в женской прогимназии и моя младшая сестра Юлия. Мне приходилось не раз задумываться над вопросами: как бы облегчить родным жизнь? Не раз приходила в голову мысль: «А не уйти ли на военную службу?» Среднее образование позволило бы поступить непосредственно в военное училище. О том, чтобы за счет родителей пять лет учиться в высшем техническом заведении, даже мечтать не приходилось. Поэтому я уже, пока про себя, твердо решил пойти по военной линии.

В 5-м классе я снова попал в кондуит — за грубость начальству. Первый случай произошел с учителем географии, который был в то же время нашим библиотекарем и очень неаккуратно выдавал книги, иногда по неделям не являясь в библиотеку. Однажды после урока мы окружили его, настойчиво спрашивая, когда же он начнет выдачу нам книг. Он ответил: «Завтра». Такие ответы мы не раз слышали от него, но своего обещания он не выполнял. Я прямо заявил библиотекарю, что он обманывает нас. За этот «проступок» я два дня просидел без обеда. Потом меня вызвал директор. Когда я ему чистосердечно рассказал, в чем дело, то он, оставив в силе наложенное на меня взыскание, только слегка пожурил, видимо понимая мою правоту.

Второй случай произошел на уроке Закона Божьего. К нам прибыл новый священник — преподаватель и в то же время служитель нашей училищной церкви. Урок Закона Божьего начинался с молитвы, а заканчивался прощальным приветствием отца церкви: «Прощайте, братия...» Мы стоя отвечали: «До свидания, батюшка!»

Однажды я без всякого злого умысла ответил: «Au revoir¹, батюшка!» Как я ни объяснял идентичность прощального приветствия, снова я оказался без обеда. Пришлось объясняться с директором, он от души хохотал. Но в кондуите появилась новая запись о том, что непочтительно отнесся к начальству, да еще вдобавок «к духовной особе»...

¹ Au revoir (франц.) — до свидания.

В начале июня я сдал последний экзамен, и наконец в моих руках аттестат зрелости — свидетельство об окончании шести классов реального училища. Насколько помню, средний балл по всем предметам у меня был 4,3. Такой балл получили еще два учащихся, у остальных балл был ниже. Приятно было покинуть училище, где в последние годы я чувствовал себя словно заточенным в «бурсе».

Мне хотелось поступить в Екатеринбургское реальное училище, чтобы окончить дополнительный седьмой класс. По приезде на Симский завод я отправил в Екатеринбург свое прошение и аттестат зрелости. К 15 августа вместе с моим дядей я прибыл в Екатеринбург, а 16-го зашел в училище. Каково же было мое удивление, когда в списке учеников седьмого класса я не нашел своей фамилии. На интересующий меня вопрос инспектор довольно грубо ответил, что он не обязан объяснять, по какой причине меня не приняли. Поделившись горем с дядей, я попросил его сходить к директору. Нужно сказать, что Екатеринбургское реальное училище резко отличалось от Красноуфимского: в нем учились дети богатых родителей — состоятельных горных инженеров и чиновников. Директор училища, говоря дипломатическим языком, был персона грата, и не так-то легко к нему попадали на прием. Однако дядя все же добился приема. Директор ему заявил, что у меня плохая характеристика, присланная из Красноуфимского училища. Конduit сыграл свою роль.

Дело складывалось плохо. Недоучкой быть не хотелось, и вот пришла мысль поехать в Пермь. Здесь в реальном училище инспектором классов работал Смирнов, знавший меня по Красноуфимску. Дядя одобрил эту идею, и я, не теряя времени, поехал в Пермь, забрав из Екатеринбургского училища свои документы.

В Перми я объяснил Смирнову свои злоключения и просил принять меня в училище, причем ничего не скрыл из своих проступков, занесенных в мой conduit. Смирнов обещал поговорить с директором. Через десять дней меня вызвали к Смирнову. Он объявил мне решение педагогического совета реального училища, утвержденного директором: меня приняли

в седьмой класс училища, но с условием жить в общежитии, как в Красноуфимске.

Колебаться не приходилось. От души поблагодарив Смирнова, я переехал в пансион. Меня вызвал к себе директор Дмитриевский. Он был в чине действительного статского советника, то есть гражданского генерала. Этот гуманный педагог взял с меня слово, что я буду вежлив и почтителен к начальству, а затем разъяснил, что только постоянный контроль над моей жизнью в общежитии послужит гарантией того, что я сдержу свое слово. Тут уж было не до бунта, тем более что прожить под контролем мне придется только одну зиму. Пансион по своему укладу жизни был менее буйной «бурсой», чем в Красноуфимске, и снова в нем я оказался самым старшим. Вскоре у меня появилась своя комната, а так как ни в какие дразги малышей я не вмешивался, то получил известную свободу и вне общежития. Программа 7-го класса предусматривала главным образом повторение и некоторое расширение курса математики, физики, химии, истории, географии, русского и иностранных языков, которые я изучал в Красноуфимске. Преподавательский состав показался мне гораздо сильнее, чем в Красноуфимском училище.

Особенно вспоминается преподаватель математики Торопов. Он имел свои учебники и отличался строгостью. Его ученики действительно знали математику. Никто из них на конкурсных экзаменах в высшие технические учебные заведения Москвы и Петербурга по математике не проваливался.

Проучился я у Торопова одну зиму. Много лет спустя, при поступлении в Академию Генерального штаба, я почувствовал силу тороповской закваски: экзамен по всем разделам математики я сдал на «отлично», получив 12 баллов.

Учиться в седьмом классе было сравнительно легко. По вечерам, однако, я располагал свободным временем. Начальство пансиона не запрещало ходить в театр, и я заделался настоящим театралом. Хотя Пермь и называли «деревянной», она по культурным запросам стояла выше Екатеринбурга. В Перми с успехом шла опера, в Екатеринбурге предпочитали оперетку, и выше этого вкусы зрителей не поднимались. Театр я посещал

часто. За зимний сезон 1899/1900 года мне удалось пересмотреть немало опер. Состав труппы был неплохой. Городская дирекция принимала в труппу артистов только после дебюта. Если артист или артистка проваливались или холодно принимались публикой, то контракта с ними уже не заключалось. Я сам не раз освистывал незадачливых дебютантов.

Подходила весна. Как она хороша в Перми с белыми ночами, с полноводной и могучей Камой, с лихорадочной работой на пристанях и «бегающими» вниз и вверх по реке пароходами! Однако приближалась серьезная пора — выпускные экзамены. Они обставлялись с известной строгостью со стороны Оренбургского учебного округа. Все темы для письменных работ по русскому языку и математике присылались в запечатанных конвертах из Оренбурга. Никто в училище не знал этих тем. Обыкновенно сам директор в присутствии учеников и экзаменационной комиссии вскрывал перед началом экзамена пакет. Первым был письменный экзамен по русской литературе. Нам выдали особую бумагу, особые ручки с перьями. С собой в класс запрещалось приносить тетради, ручки, книги.

Моим тогдашним сотоварищам, конечно, было трудно понять мое решение идти в военное училище. Дело в том, что я окончил реальное училище, как уже отмечал выше, со средним баллом 4,3. С таким баллом обычно шли в высшие технические учебные заведения. В военные же училища, по общему представлению, шла слабая по теоретической подготовке молодежь. На пороге XX века такое мнение о командном составе армии было довольно распространено. Поражение царской армии в Русско-японской войне явилось жестоким, но хорошим уроком. Не будь Русско-японской войны, царская армия была бы скорее и сильнее разбита германской армией, но об этом речь впереди.

Итак, весной я достиг основной цели — закончил среднее образование. Поблагодарив Смирнова, поддержавшего меня в критические дни моей кондуитной неблагонадежности, я покинул Пермь и направился к своим родителям, переехавшим в начале 1900 года из Симского завода в город Белебей Уфимской губернии. Поведение мое в седьмом классе в течение года было

безупречным, и я окончательно освободился от всемогущей власти кондуита.

Мерно постукивали колеса железнодорожного поезда, мчавшего меня по Уралу в Белебей, а в голове теснились мысли о новом избранном мною пути.

Что-то должно было принести будущее — вот вопрос, над разрешением которого в то время работал мой мозг.

• ГОД ДОМА

Белебей тех времен был маленьким уездным городом с двумя тысячами жителей. Больше половины из них — татары и башкиры. Русские занимались торговлей и служили учителями. Очень немногие русские вели сельское хозяйство на пригородных землях. Одним словом, город был сельского типа. Жители уезда были смешанного состава: наряду с башкирами и татарами было много русских, украинцев, выселившихся на плодородные, богатые черноземом земли. Уезд занимался главным образом севом пшеницы, которая давала хорошие урожаи. Уроженец гор, теперь я попал в степь, которая имеет также свои прелести. Большой простор степей с их луговыми травами и ковылем создавал заманчивые картины русской природы.

Казенный винный склад, на котором служил мой отец, помещался в специально выстроенном на окраине города кирпичном здании.

Переговорив окончательно с родителями о моем намерении поступить в Московское военное пехотное училище, я начал собирать нужные для этого документы, на что потребовалось около трех недель. В середине июня в Москву я отправил все бумаги с фотографической карточкой, личной подпиской, что ни к каким тайным обществам не принадлежал и впредь принадлежать не буду.

10 августа 1900 года я выехал и через два дня был в Москве. На следующий день, чувствуя недомогание, я отправился в Лефортово в канцелярию Московского военного пехотного училища, чтобы навести справки о результатах моего ходатайства. В канцелярии висели объявления, из которых узнал, что

16 августа в 9 часов я должен явиться на медицинскую комиссию. Между тем уже к вечеру 13 августа я лежал в постели с высокой температурой и не мог поднять головы. Оправившись немного к 20 августа, я пошел в училище к адъютанту и заявил ему о причине моей неявки на комиссию. Однако он на это посмотрел довольно формально и заявил, что прием закончен и что я могу, если хочу, поступить через год.

Взяв свои бумаги, я с грустью выехал из Москвы, раздумывая о своей дальнейшей судьбе. Быть лишним ртом у родителей не хотелось. По приезде домой было решено, что год я проживу дома, а затем снова подам прошение о приеме в Московское военное училище. Сидеть без работы также не хотелось, и я поступил в контору склада винокуренного завода на должность младшего делопроизводителя с окладом 25 рублей в месяц. Служба в конторе принесла мне некоторую пользу. Рабочий день продолжался десять часов, из них один час — перерыв на обед. Под руководством конторщика склада я начинал постигать тайны бухгалтерии. Наконец, я ознакомился и с тем, что такое казенная винная монополия и что она дает государству. Для интереса приведу следующие памятные мне цифры. Продажная цена ведра водки в 40° была 8 рублей. Из этой суммы, будь то прежний винный откуп или казенная монополия, вычитался акцизный налог — 4 рубля 50 копеек. Само же ведро водки с посудой, со всеми накладными расходами на содержание администрации, уплатой за спирт, стоимость посуды, брак ее и бой стоило 1 рубль 60 копеек. Таким образом, купля ведра водки с доставкой в лавку обходилась 6 рублей 10 копеек, остальные же 1 рубль 90 копеек являлись частным доходом.

Вполне понятно, что через пять лет после введения казенной винной монополии министр финансов Витте мог дать на постройку военно-морского флота дополнительно к бюджету 90 миллионов рублей. Одним словом, казенная винная монополия являлась видной статьей дохода в бывшем Министерстве финансов.

Конечно, я не думал продолжать свою службу в конторе склада, но все же прослужил в ней 9 месяцев. Часть получаемого жалования я отдавал ежемесячно матери, а часть расходо-

вал на то, чтобы заменить свои ученические куртки штатским костюмом, и даже кое-что поднакопил для будущего своего учения в военном училище, точнее для пошивки собственного выходного обмундирования. Вечера и праздники проводил за чтением, но вскоре вынужден был окунуться и в уездное общество, особенно с приездом молодежи на рождественские каникулы. С окончанием каникул опять у меня пошла тоскливая жизнь уездного города: хождение по гостям, приемы гостей с обязательной игрой в «коммерческие игры» (преферанс, винт) и обильным ужином в заключение.

Белебей жил сонной жизнью уездного городка, особенно зимой, когда свирепствовала метель, заунывно дул ветер в трубу. К утру наметало столько снега, что едва удавалось открыть двери, чтобы пролезть и расчистить дорожку около дома. Летом, правда, городок оживал. Даже прибавлялось населения, так как на кумыс приезжали дачники, которым не по средствам было жить на курорте.

Прошение и все необходимые документы мною своевременно были посланы в Московское пехотное юнкерское училище. В конце июля я ушел со службы из конторы винного склада, сохранив теплые воспоминания о своих сослуживцах, преподававших мне бухгалтерию. Прожив недели две дома, я 10 августа снова выехал в Москву в училище. Беспокоила мысль о здоровье, о том, не забракует ли приемная медицинская комиссия. Здоровьем я вообще никогда не блистал.

В МОСКОВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ

Рано утром 13 августа 1901 года я приехал в Москву и остановился в номерах на Земляном валу, названия номеров уже не помню.

В тот же день я зашел в училище. Наученный первым приездом, я отметил в канцелярии училища и узнал у его адъютанта, симпатичного штабс-капитана Тульева, порядок приема. Бумаги мои были в порядке, предстояло пройти медицинское освидетельствование. Вопрос о приеме решался медицинской комиссией и конкурсом аттестатов. Средний балл для конкур-

са в 1900 году был 3.3. В этом году ввиду большого наплыва желающих поступить в училище на 200 имеющихся вакансий, из которых 30 оставлялись для поступающих на одногодичное отделение, ожидалось, по словам адъютанта, повышение конкурсного балла.

До 18 августа было время, и я решил разыскать своего белебеевского знакомого И.И. Полозова, проводившего свой отпуск в Москве. Через адресный стол я скоро нашел его в номерах на Ильинке, в так называемом «Троицком подворье». Вдвоем мы начали наши экскурсии по Москве. Купеческая широкая Москва с ее ресторанами обоим нам была не по карману.

В 1901 году Москва освещалась газовыми фонарями на главных улицах, а на остальных керосиновыми. Особой чистотой улицы города не отличались. Было душно, пыльно. Еще продолжался дачный сезон. Медленно тащилась по улицам конка, но Москва обгоняла уже Петербург в устройстве трамвайного движения. В то время как в Петербурге до 1908 года не имелось трамвая, в Москве уже в 1901 году были две линии трамвая: одна — от Александровского (Белорусского) вокзала до Петровского дворца и вторая — от Страстной площади до Петровского парка.

По городу сновал главным образом торговый люд: купцы чинно сидели в магазинах, а различные доверенные, артельщики и лавочные «мальчишки» шли в различных направлениях. Как-никак, а Москва была торговым центром России.

18 августа я приехал в училище на медицинскую комиссию. Беспокоился, окажусь ли годным? В те времена полагалось, чтобы объем груди равнялся половине роста, а так как мой рост достигал 175 сантиметров, то несоответствие объема грудной клетки вызывало у меня опасения. Моего старшего брата Александра три года призывали на военную службу, но так и не призвали, потому что объем грудной клетки не соответствовал его росту. Строгий медицинский осмотр прошел для меня вполне благополучно, и в ведомости, вернее в протоколе комиссии, я увидел отметку «годен». Конкурс аттестатов я выдержал успешно. Часов около 11 утра 29 августа я прочел вывешенное в канцелярии училища объявление о приеме в

Московское пехотное училище, меня зачислили юнкером во 2-ю роту (по росту).

Простившись со знакомым, я прибыл в училище. Меня отвели в помещение 2-й роты. Здесь меня принял командир 3-го взвода юнкер той же роты Банков. По его указанию каптенармус роты через полчаса оформил все необходимое, и я преобразился в юнкера. Каптенармусу пришлось сдать на хранение чемодан и штатское платье. Затем меня остригли под машинку наголо, показали мою кровать, вручили правила юнкерского бытия для их изучения и сообщили распорядок дня, установленный до начала занятий. Отныне двери училища закрывались за мной, я был лишен даже возможности побродить по городу, какой пользовался, живя в пансионах сначала промышленного, а затем реального училищ.

Началась моя военная служба: меня зачислили юнкером рядового звания.

Острый недостаток командного состава, обнаружившийся во время Крымской войны 1853—1856 годов, и слабый уровень его общеобразовательной и специальной подготовки привели к известным в этом отношении реформам Милютина. При Александре II кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии с усилением общеобразовательной программы; из специальных классов кадетских корпусов были созданы для пехоты три военных училища: Павловское и Константиновское в Петербурге и Александровское в Москве. В пехотные полки офицеры выпускались по прохождении курса военных гимназий (переименованных снова в кадетские корпуса) и названных трех военных училищ (Константиновское было преобразовано впоследствии в артиллерийское).

Выпуск 400—600 подпоручиков (чин подпоручика соответствовал званию лейтенанта), конечно, не мог покрыть потребности в командном составе пехоты. Поэтому в результате милютинской реформы было образовано еще 16 юнкерских училищ для пехоты и конницы с трехлетним сроком обучения. В них принимались молодые люди не из кадетских корпусов, а те, кто окончил полный курс или не меньше четырех классов гимназии или реального училища, независимо от сословной

принадлежности. До поступления в училище им надлежало отслужить в войсках в качестве вольноопределяющихся. Однако наплыв в юнкерские училища лиц, окончивших среднюю школу, сделался большим. Тогда два юнкерских училища для пехоты (Московское и Киевское) и Елисаветградское для кавалерии были превращены в такие же военные училища, как Павловское и Александровское, и в них стали поступать молодые люди с законченным средним образованием без предварительной службы в войсках вольноопределяющимися. В этих же училищах впоследствии были образованы отделения одногодичников, куда поступали кончившие курс в университете и в высших технических учебных заведениях. Проходя сокращенную, чисто военную программу, они через год выпускались в армию подпоручиками, причем большинство сразу же уходило в запас. По штату в училище было 400 юнкеров (переменный состав) и, кроме того, офицеры (постоянный состав) по штату батальона. Затем была учебная часть во главе с инспектором классов, его помощником, частью штатных преподавателей по разным предметам и канцелярией учебной части. Наконец, имелась канцелярия училища, находившаяся в подчинении адъютанта училища, которая ведала приемом, выпуском, ведением личных дел на весь состав училища.

Если так можно выразиться, в училище существовало два мира: на втором этаже размещались юнкера поротно, это мир строевой, и здесь начальником являлся командир батальона; на первом этаже находились классы — мир учебный, и здесь власть безраздельно принадлежала инспектору классов.

Училище размещалось в Лефортове, в Красных казармах — старинном двухэтажном здании с толстыми стенами, мрачными, пропускавшими мало света окнами, с большим коридором посередине, с асфальтовыми полами. По красоте и удобству оно далеко уступало расположенному на Знаменке зданию Александровского военного училища.

Напротив здания училища находился двухэтажный корпус, занятый под квартиры начальствующего состава училища.

Кухни, пекарня размещались в полуподвальном этаже, выходившем во двор, с другой стороны которого в особом здании

были обмундировальная и сапожная мастерские. Рядом с нами, дальше от Яузы, размещены были два кадетских корпуса, и, наконец, первый кадетский корпус занимал находившийся поблизости дворец времен Елизаветы. Даже кадетские корпуса были в более благоустроенных зданиях, чем наше училище.

Но зато это имело и обратную сторону. Мы до некоторой степени гордились тем, что живем в «казармах», не так, как изнеженные дворянчики, что, по существу, приучило нас к будущей обстановке, когда пришлось уже быть в настоящей казарме.

В училище на основное отделение поступали юноши со всех концов России: окончившие классические гимназии, реальные училища, духовные семинарии, Гатчинский сиротский институт и т.д. Не было только окончивших кадетские корпуса. В 1902 году была сделана попытка направить и их в наше училище, так как в Павловском и Александровском училищах не хватало вакансий для окончивших кадетские корпуса. Однако по общеобразовательной подготовке бывшие кадеты оказались слабее нас, и учиться им было трудно, да и по строевой линии они оказались в хвосте. Через полгода их перевели от нас сверхштатными в Павловское и Александровское училища, в свою среду, что устраивало их, да, по правде сказать, не обижало и нас.

Итак, состав юнкеров в училище был далеко не дворянский, большинство происходило из разночинцев. На одногодичное отделение принимались окончившие высшие учебные заведения, также принадлежавшие ко всем сословиям.

Училище по строевому расчету представляло собой батальон с вооружением того времени, т.е. с одними винтовками. В батальоне было четыре роты, в каждой из них по четыре взвода. 1-й и 2-й взводы составляли первую полуроту, а 3-й и 4-й взводы — вторую. В 1-й полуроте были юнкера старшего класса, а в 3-м и 4-м взводах — юнкера младшего класса.

Весь младший командный состав в роте комплектовался из юнкеров старшего класса. Они, занимая должности взводных и отделенных, производились сначала в армейские унтер-офицеры, а затем в младшие и старшие портупей-юнкера, нося

на погонах соответствующее число полосок, как это было и в армии. Если при увольнении в город рядовые юнкера носили на поясе штык в чехле, то портупей юнкера носили довольно тяжелые и старинные тесаки с медной рукояткой. Фельдфебель, также из юнкеров старшего класса, выбирался командиром роты и носил, как и в армии, шашку и револьвер.

Обычно в каждой полуроте, состоявшей из юнкеров младшего класса, взводный 3-го взвода старший портупей-юнкер объединял строевую подготовку полуроты и носил на основании обычного права название «козерожьего папаши», ибо «козерогами» были юнкера младших классов.

К чести нашего училища нужно сказать, что различий между отношением к юнкеру старшего или младшего класса не было, и «козерог» был равен с юнкером старшего класса. Не то было в Павловском, Александровском, а особенно Николаевском кавалерийском училищах, где юнкер старшего класса держал себя довольно высокомерно по отношению к «козерогу» и иногда просто измывался над своим товарищем по училищу.

Распорядок дня был следующий: подъем в 6.30 утра под барабан или по специальному рожку, до 7 часов утра туалет и заправка постелей, в 7.30 взводы выстраивались на утренний осмотр, производимый взводными командирами, после чего по полуротно шли в столовую на утренний чай (давалась кружка чаю, хороший кусок белого хлеба и два куса сахара).

После утреннего чая юнкера самостоятельно расходились по классам. Занятия начинались в 8.30 и продолжались до 2 часов дня с большой переменной в 11 часов, во время которой давался горячий завтрак — обычно котлета с черным хлебом, кружка чаю и два куса сахара.

С 2 часов до 4 проводились строевые занятия в манеже или в примыкающем к училищу небольшом дворе. В 4 часа роты возвращались в свои помещения, снимали скатки, патронташи, ставили винтовки в пирамиды, мыли руки и строем шли на обед. Обед состоял из тарелки щей с мясом, второго блюда — котлеты или форшмака и т.д.; по праздничным дням и один раз среди недели давалось сладкое. Каждая рота имела свои столы, и каж-

дый юнкер сидел на своем постоянном месте. Портупей-юнкера занимали концы столов. Они были раздатчиками пищи.

Обед кончался к 5 часам дня, после чего разрешалось по-лежать в течение полутора часов. С 18.30 до 20.00 каждый самостоятельно занимался в классе подготовкой уроков на следующий день. В 8 часов вечера роты выстраивались и шли на вечерний чай (кружка чаю с белым хлебом), а затем по полуротно в своих помещениях выстраивались на вечернюю переключку и молитву. Зачитывались приказы, отдавались распоряжения, объявлялся наряд на следующий день. С 21.00 до 22.30 юнкера находились в своих помещениях или в читальне. В это время разрешалось заниматься и в классах подготовкой уроков. Без четверти одиннадцать все ложились спать.

Каждый юнкер имел железную койку с матрацем, двумя подушками, одеяло и две простыни. Заправлять постель юнкер обязан был сам. Начальство строго следило, правильно ли заправлены постели. Под подушками и матрацем никаких посторонних вещей не разрешалось класть. На каждого юнкера полагалась тумбочка, в которой, согласно правилам, располагались книги, предметы туалета и другие вещи. У кровати в ногах стояла табуретка, на которой в определенном порядке складывались одежда и белье. Одним словом, никаких уборщиков и чистильщиков сапог не было, полы натирали и убирали полотеры под наблюдением дневальных.

Юнкерам разрешалось носить усы; бороду носили только с разрешения своего ротного командира, но тот, кто уже начал носить бороду, сбрить ее мог только с разрешения начальства. Волосы на голове должны быть коротко острижены, никаких причесок носить не полагалось. Маленькие «ежики» устраивались только при поездке на каникулы.

Существовала приемная для посетителей, куда могли явиться родственники и знакомые для свидания с юнкерами вне отпускных дней. Приемная открывалась ежедневно от 6 часов вечера до 8 часов вечера, и для вызова юнкеров назначался особый дежурный, который, кроме того, вел и журнал посетителей. Приемная была прилично обставлена.

Отпускные дни были: среда, суббота, воскресенье, причем в среду и субботу отпуска начинались с 17.30 до 20.00 для младшего класса, а для старшего — до 24.00. В воскресенье в отпуск разрешалось уходить с 12 часов дня. Для посещения театров увольнение разрешалось до 24.00. Юнкера младшего класса должны были представить дежурному по училищу офицеру особую записку от полуротного командира, разрешающего посещение театра. По заявлению своих родственников, живших в Москве, юнкерам обоих классов разрешалось уходить в субботу в увольнение с ночевкой дома. Из тех, кто пользовался этим преимуществом, не все имели родственников, кое у кого были и подставные. При увольнении в город каждый юнкер, одетый в выходную форму, являлся к дежурному по училищу и просил разрешения отпустить его. Если оказывалось все в порядке в отношении рапорта и формы, то юнкер получал от дежурного особый картонный увольнительный билет, и в книге отмечалось время его ухода. Прежде чем пойти к дежурному офицеру, юнкера являлись с докладом к своим отделенным и взводным и только после их осмотра могли идти к дежурному офицеру. Такой же порядок должен был соблюдаться при возвращении из увольнения. За опаздывание накладывалось строгое взыскание. Поэтому каждый, кто получал увольнительную, стремился точно рассчитывать свое время.

1-я рота называлась у нас ротой «крокодилов», 2-я — «извозчиков» (очевидно, когда-то много ругались); 3-я — за желтый картон на увольнительных билетах — «девчонками», а 4-я — за малый рост солдат «шкаликами».

Все юнкера были на полном содержании военного ведомства. Никакого жалованья мы не получали. На каждого юнкера полагалось три комплекта обмундирования: первый — для парадов, второй — для отпусков и третий — для повседневной носки в училище. Шинель улучшенного солдатского сукна — двубортная, на крючках; мундир темно-зеленого цвета — двубортный, на крючках; брюки — того же цвета; сапоги — юфтовые с длинными голенищами; головной убор — зимой барашковая круглая шапка, а весной, летом и осенью бескозырка, на ко-

тору ю летом надевался белый чехол. Летом вместо мундира носили белую рубаху.

В зимнее время поверх шинели полагалось носить башлык с заправленными под пояс крест-накрест концами, соответствующим образом подвернутыми, что стоило нам немалых трудов. Белые перчатки для отпуска — замшевые мы обязаны были иметь свои... За чистотой и опрятностью в одежде строго наблюдали как портупей-юнкера, так и строевые офицеры, причем за неряшливо одетых юнкеров обычно взыскивали с отделенных и взводных портупей-юнкеров, не говоря уже про самого юнкера.

Каждая полурота в учебном отношении разделялась на две классные группы. Метод преподавания был лекционный с зачетами, которые сдавались за полгода, причем в младшем классе не сдавшие зачеты отчислялись из училища в строй в качестве вольноопределяющихся. При переходе из младшего класса в старший держали экзамены, а затем выпускные экзамены при окончании старшего класса. Экзамены заканчивались 10 мая, а 15 мая училище выходило в лагерь, расположенный в большой Всехсвятской роще.

Отказаться от зачета или просить его отсрочки было очень трудно, для этого приходилось идти к самому инспектору классов, который с большой руганью давал письменное разрешение, носившее у нас название «индальгенция». По сдаче зачета нужно было снова явиться к инспектору классов и доложить о полученной отметке.

Оценка успеваемости производилась по 12-балльной системе. Предметы, которые нам преподавались, давали не только специальную подготовку для командира взвода, но и способствовали нашему чисто военному и общему развитию. Преподавались нам тактика различных родов войск применительно к существовавшей тогда организации; общая тактика (на старшем курсе) с кратким понятием о стратегии; уставы; законоведение; военная администрация; военная история, главным образом русская, от Петра I до Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. включительно; механика, физика и химия; русская словесность; иностранные языки — французский и немецкий; наконец, За-

кон Божий (на младшем курсе). По артиллерии и инженерному делу имелись довольно хорошие кабинеты.

Инспектором классов был опытный педагог полковник Лобачевский, окончивший артиллерийскую академию. Маленького роста, уже пожилой, говоривший немного в нос, он был требователен как к юнкерам, так и к преподавателям. Преподаванию Лобачевский уделял очень много внимания, и училище наше считалось одним из лучших.

Помощник его — полковник Кедров, окончивший Академию Генерального штаба по второму разряду, малоактивный педагог, преподавал военную администрацию.

Тактику пехоты читал приватный преподаватель начальник штаба одной из гренадерских дивизий Генерального штаба полковник Никитин. Читал нудно по нашему официальному учебнику, говорил плохо, повторялся, очень часто говорил «следовательно», «так сказать», а лекции обычно начинал словами: «Я вам забыл вчера сказать...» В классе у нас оказался один поэт, который в стихах изложил лекцию Никитина. Целиком я уже забыл ее, но начиналась она так:

Я вам забыл вчера сказать,
что в нашей, так сказать, пехоте
четыре взвода в каждой роте...

Однажды перед началом лекции Никитина я, как старший по классу, стоял на возвышении и под гомерический хохот класса читал эту «лекцию» в стихах. Вдруг входит Никитин. Я отрапортовал, но должен был дать объяснение, чем вызван хохот в классе. Пришлось вручить ему написанную «лекцию». Никитин от души рассмеялся, попросил стихи, а на следующей лекции вернул их, нисколько не обижаясь на шутку.

Хорошо преподавал тактику артиллерии полковник Болышев, штатный преподаватель, окончивший артиллерийскую академию.

С полным знанием дела вел занятия преподаватель военный инженер полковник Воганд. Суровый, он не произносил ни одного лишнего слова на лекции, на его лице никогда не было

улыбки, а между тем в частной жизни это был общительный и веселый человек. Служа в училище, он брал подряды на постройки. Ему принадлежит строительство Курского вокзала и гостиницы «Метрополь». Училище для него было побочным делом, но отношение к преподаванию у Воганда было самое серьезное.

Хорошими преподавателями по военной истории были Генерального штаба полковники Российский и Сухомлин, а русско-турецкую войну блестяще читал Генерального штаба полковник Синайский — командир 2-го гренадерского Ростовского полка, командовавший 61-й дивизией в 1914 году.

Языки вели преподаватели кадетских корпусов. Оригинален был учитель немецкого языка статский советник Биберштейн. Говорили, будто в 1870 году он был унтер-офицером германской армии и принимал участие в войне. Он требовал от нас строгой воинской выправки, и когда к нему выходили отвечать, то тут были и четкие повороты, и щелканье каблуками. И называли мы его неположенным титулом: «ваше превосходительство». Отметки по немецкому языку были у нас только хорошие и отличные. Наше строевое начальство знало эту слабость старика, посмеивалось над ним, но не запрещало нам величать сего унтер-офицера генеральским титулом.

Противоположную оригинальность являл собою преподаватель Закона Божьего и священник нашей училищной церкви. В отношении юнкеров он пользовался дисциплинарными правами командира отдельной роты. Ему полагалось командовать «Смирно!», и он приветствовал нас. Мы звали его «майором», хотя такого чина в армии не было. «Майор» Потехин на первом же уроке заявил, что Закон Божий нам известен, и мы легко подготовимся к экзамену, а он лучше прочитает нам отрывки из русской истории, и начал их читать... с убийства Павла I, рассказав это событие по запискам Зубова, только что вышедшим тогда в Париже на французском языке. Все лекции этого оригинального «майора» мы слушали с большим вниманием и, к чести юнкеров, за стены класса их не выносили, так что до ушей начальства о них ничего не доходило. «Майор» же продол-

жал аккуратно править церковные службы с провозглашением здоровья всему царствующему дому Романовых.

Уставы преподавались нашими полуротными командирами. Мы имели хороший Строевой устав пехоты и драгомировские уставы — Полевой и «Наставление для действия в бою отряда из всех родов оружия». К сожалению, в толщу армий уставы проникали слабо. Старик Драгомиров исключил из Полевого устава бой и считал, что для боя нельзя дать уставных правил, а можно предложить лишь наставление для соображения его с обстановкой, в которой придется вести бой.

Начальником училища при мне был Генерального штаба генерал-майор Яковлев, только что сменивший генерал-майора Лайминга, который был назначен начальником Александровского военного училища. Яковлев был красивый и статный генерал лет под пятьдесят, с большой бородой и бравой выправкой. Как в учебные дела, так и в строевое обучение он не вмешивался, и мы очень редко видели его в ротах. Во время мировой войны, с самого ее начала вплоть до Февральской революции, он довольно посредственно командовал 17-м армейским корпусом. С обновлением командного состава после Февральской революции Яковлев был снят с корпуса, и в дальнейшем я уже не слышал о нем.

Командир батальона училища полковник Романовский также мало вмешивался в занятия и наше воинское воспитание; он был человеком малоактивным. Таковым же он оказался и во главе 5-го стрелкового полка, командиром которого его назначили в 1903 году. Во время Мукденского сражения полк был окружен японцами. С ведома приехавшего из главной квартиры Куропаткина Генерального штаба капитана Циховича Романовский велел зарыть в землю знамя, и полк штыками пробивался из окружения. По поводу гибели этого полка после войны возникла литературная полемика.

Ближе к юнкерам стоял ротный командир. 2-й ротой при мне командовал капитан Калынин, грубый армейский офицер, большого роста, ходивший вразвалку. Мы называли его «чемоданом». Военное дело он знал плохо, больше следил за

внутренним порядком в роте. Как все ротные командиры военных училищ, числился по гвардии.

Непосредственным нашим начальником и воспитателем являлся полуротный командир, в нашей полуроте — штабс-капитан лейб-гвардии Кексгольмского полка Бауер (полуротные командиры числились прикомандированными к училищу и оставались в списках своих полков). Штабс-капитан Бауер был хорошим строевиком и отличным воспитателем. На юнкеров он смотрел как на будущих офицеров, поэтому старался привить нам качества начальника. Прежде всего он требовал от нас правды. Будущий офицер не имел права лгать или изворачиваться. Каждый юнкер, совершивший какой-либо проступок, прежде всего сам обязан был доложить своему непосредственному начальнику — отделенному портупей-юнкеру, — а тот уже докладывал по команде. Обычно в таких случаях Бауер даже не накладывал дисциплинарного взыскания. Но если сам Бауер или начальство выше него узнавали о происшествии, тогда с его стороны пощады виновному уже не было.

Обыкновенно после возвращения из отпусков на уроке уставов на вопрос Бауера, что и с кем случилось, юнкера вставали и докладывали о своих проступках. В один из таких опросов юнкер Низяев не доложил, что он не отдал на улице честь офицеру Ростовского гренадерского полка, который, сделав ему замечание, не спросил даже его фамилии, а узнал только номер роты. Бауер задал Низяеву вопрос, был ли с ним подобный случай, юнкер подтвердил, но на вопрос, почему не доложил по начальству, отмолчался. Низяев получил двое суток ареста, а мы были поражены, как мог Бауер узнать это. Дело потом выяснилось: сделавший замечание Низяеву офицер оказался знакомым Бауера, сказал ему об этом случае и обрисовал внешность Низяева, который смахивал на китайца. Улики были налицо.

Второе, что прививал нам Бауер, — это ответственность. За каждый проступок юнкера отвечали и отделенный и взводный портупей-юнкера.

Одним словом, повседневным воспитанием Бауер закладывал в нас то, что нам должно было понадобиться в будущем.

Лично я, следуя на службе его принципам, в отношениях с подчиненными всегда достигал успеха.

Одиночная строевая подготовка, подготовка взводов у нас, во 2-й полуроте 2-й роты, были на такой высоте, что, когда в манеже все занимались взводными учениями, прочие полуроты останавливались и смотрели на четко производимые нами перестроения взвода. Бауер ушел из училища в полк в конце 1902 года, оставив о себе хорошую память.

В дальнейшей жизни мне не пришлось встретиться с Бауером, но имя его осталось в сохранившихся архивах Первой мировой войны, говорящих о трагедии армии Самсонова под Сольдау. В 1935 году мне пришлось прочитать в архивах доклад одного из офицеров лейб-гвардии Кексгольмского полка, участвовавшего в этой операции на участке 2-й пехотной русской дивизии. Доклад говорит, что кучка бойцов этого полка под командованием полковника Бауера долго сдерживала наступление превосходящих сил немцев, но потом была рассеяна артиллерийским огнем противника, и участь Бауера осталась невыясненной.

Резкий контраст являл собою командир 1-й полуроты штабс-капитан армейского полка Лебединский. Окончивший сам только юнкерское училище, Лебединский был мелочный и придирчивый командир. Неплохой строевик, он смотрел на юнкеров недоброжелательно. Те изводили его. Дело дошло до того, что когда он посадил какого-то юнкера под арест, то этого юнкера вся рота с военными почестями провожала в карцер. Чуть было не назрело вообще неповиновение роты начальству.

Учебные занятия шли полным ходом. Учиться было легко. К концу первого года учения я имел переводной средний балл 11,6 и занял первое место по списку юнкеров младшего класса. Неплохо шли у меня дела и по строевой. У Бауера я числился и строевиком, и распорядительным, аккуратным юнкером. Несколько человек из таких строевых юнкеров Бауер иногда приглашал по субботам к себе в гости, и здесь он изучал нас внимательно, но уже в другой, неслужебной обстановке.

Я хочу теперь рассказать, как использовалось свободное время в период учения.

С зачислением в училище нас, юнкеров младшего класса, около месяца держали в училище без отпуска, обучая правилам отдания чести, поведения на улице, в театрах, умению подходить с рапортом к дежурному офицеру, соблюдению формы одежды и т.д. После испытания в искусстве поведения вне стен училища оставалось еще одно испытание — в умении танцевать. Два раза в неделю по получасу в каждой полуроте происходили уроки танцев, которые вел пожилой артист Большого театра Ершов. Он учил нас, как нужно раскланиваться на балах, а затем проходили вальс и мазурку. Без умения танцевать вальс в отпуск не пускали.

В обязательном порядке командами под руководством портупей-юнкеров мы осматривали в Москве дворцы, соборы, памятники и картинные галереи. Такие экскурсии обыкновенно проводились по воскресеньям с 12 часов дня.

Начальство устраивало для нас ежегодный бал в училище, куда мы могли пригласить своих знакомых с предварительным просмотром начальством списка приглашенных. Юнкера командировались на балы в офицерские собрания расположенных в Москве полков по наряду с каждой роты и в женские институты. Предпочитали мы, конечно, ездить в офицерские собрания, где накормят ужином, в институтах же приходилось ограничиваться чаем с бутербродами.

За зимний период наше училище посетили два высоких лица. Первым из них был командующий Московским округом великий князь Сергей Александрович, впоследствии убитый. Генерал обошел ротные помещения, в столовой во время нашего завтрака попробовал пищу и, никому из юнкеров не сказав ни слова, покинул училище, оставив о себе отвратительное впечатление. Второй персоной был начальник главного управления военно-учебных заведений великий князь Константин Константинович. Недавно вступивший в эту должность, он вызывал своим обращением энтузиазм у кадетов, да и у юнкеров тех училищ, которые комплектовались из кадетских корпусов. Он имел претензию на большую память на лица. Константин

Константинович сочинял стихи, написал в стихах пьесу «Царь иудейский», поставленную в Эрмитажном театре при его участии в главной роли.

Так вот этот «поэт» был принесен к нам на руках кадетами соседнего корпуса. Однако он не рассчитал, в какую среду попал. Обходя ротные помещения, в которых мы находились, он встретил уважаемого нами адъютанта училища и обратился к нему с вопросом: «А, армяшка, ты еще в училище?» Такое обращение сразу нас поразило. Затем мы были построены в роты, и он начал обходить юнкеров, расспрашивая, кто и откуда поступил в училище. Дошел до нашей полуроты и обратился, в частности, ко мне с вопросом, кто мои родители, сколько мне присылают денег на карманные расходы и сколько отец получает жалованья. Когда я ответил, что отец получает 100 рублей в месяц, великий князь заявил, что это большая сумма. По цивильному листу я узнал, что сам он получает 120 тысяч рублей в год, не считая доходов с удельных имений. Я внутренне вскипел и хотя сдержанно, но твердо ответил, что «ныне рубль дешевле стал». Начальство мое раскрыло глаза от удивления, а великий князь кончил со мной разговор и быстро пошел дальше. К чести моего начальства, я не имел никаких намеков неудовольствия на мой ответ.

Когда кончился обход, то приказано было идти на первый этаж провожать начальника главного управления. Неохотно потянулись мы для этой процедуры. Сойдя в вестибюль, Константин Константинович, смотря поверху, сказал: «Где-то тут была моя шинель». Очевидно, он рассчитывал, что кто-нибудь из офицеров или юнкеров бросится ему подавать шинель. Воцарилось молчание... Начальник училища не растерялся. Он приказал швейцару подать шинель.

Начальник главного управления прибыл в училище на руках малышей-кадетов. Ему удалось уйти от нас на собственных ногах.

Непривычное для нас обращение на «ты», боязнь подать кому-либо руку, высокомерие и дутый либерализм великого князя Константина Константиновича вызывали у нас если не озлобление, то, во всяком случае, скептическое к нему отношение.

В конце апреля весь Московский гарнизон (более двух пехотных дивизий и кавалерийская бригада с их артиллерией, все училища и строевые роты кадетских корпусов) принимал участие в общем параде, для чего войска выстраивались на Театральной площади тылом к театрам и проходили торжественным маршем по направлению к Александровскому скверу. В те времена Театральная площадь была без скверов. Первым проходило Александровское училище, затем наше, Московское военное училище, строевые роты кадетов и далее войска.

Принимавший парад командующий войсками округа становился при входе с Театральной площади в Охотный Ряд. Проходили роты, развернутые в две шеренги, рота за ротой на 50 шагов...

ПРОИЗВОДСТВО В ОФИЦЕРЫ

15 мая 1902 года начинался лагерный период обучения, который завершался 1 сентября для младшего и 6—10 августа для старшего класса производством юнкеров в первый офицерский чин подпоручика. Этот период обучения был наполнен исключительно полевыми занятиями. Проходили ротные, батальонные учения, мелкие тактические занятия, мы отрабатывали рассыпной строй, сторожевую службу, проходили курс стрельб, занимались полевой гимнастикой. На младшем курсе юнкера производили по группам полуинструментальную съемку, затем каждый самостоятельно проводил две глазомерные съемки маршрутов. На старшем курсе составлялись глазомерные кроки по тактическим задачам.

Кроме того, летом младший класс возили в Тулу для осмотра оружейных и патронных заводов, а старший класс посещал окружной артиллерийский полигон и присутствовал на артиллерийской стрельбе. Полигон был расположен вблизи села Клементьево, к северу от Можайска. Был он небольшой и со временем утратил свое значение. С открытием в 1928 году другого полигона Клементьевский был мною закрыт (я командовал тогда войсками Московского военного округа). После посещения Клементьевского полигона старший курс осматри-

вал поле Бородинского сражения 1812 года, в то время еще не восстановленное.

Летний период заканчивался участием в окружных или же больших маневрах.

Наше училище располагалось в большой Всехсвятской роще, которая теперь в черте города. Тогда же она была густым и малопроходимым лесом. Главные дороги в роще охранялись караульными и патрулями.

Район наших съемок охватывал Покровское-Стрешнево (ныне Пехотная улица), деревни Шаньково и Никольское, Коптевские выселки. Выходя в 7 часов утра на съемку, мы получали на руки так называемого «мертвеца», т.е. средней величины французскую булку с вложенной в нее котлетой или сыром. Этот «мертвец» поддерживал наше существование до возвращения в лагерь на обед к часу дня. Преподаватели проверяли на месте производимую нами работу.

Лагерь состоял из бараков по два на каждую роту. В тылу лагеря находились навес-столовая, кухня, карцер, склад боеприпасов и квартиры — дачи для начальствующего состава.

В лагерях караульная служба возлагалась для практики на юнкеров. Караульными начальниками были портупей-юнкера, а часовыми — юнкера младшего и старшего классов. Я не говорю о дежурных и дневальных по ротам, которые несли свою службу так же, как и зимой.

Лето 1902 года было сносное, дождей перепало сравнительно мало, и они не мешали занятиям. Если строевая и тактическая подготовка была у нас хорошей, то в стрельбе мы были малоискусны. Как-то на это мало обращалось внимания в училище.

Распорядок дня в лагерях немногим отличался от зимнего. Подъем был в 6 часов утра, затем туалет и утренний осмотр. В 7 часов давался чай с хлебом. После этого мы выходили или на съемки, или на строевые занятия. В 1.30 дня хороший сытный обед, после чего предоставлялся отдых. В 4 часа дня полдник: какое-нибудь горячее блюдо — молодой картофель, творог с молоком или котлета и чай. С 4.30 до 7 часов вечера продолжались строевые занятия. В 8 часов вечера ужин — также с

мясным блюдом и чаем. Затем в 9 часов вечера перекличка на передней линейке и дальше в 10.30 все ложились спать.

Иногда у нас возникали жалобы на довольствие, но, помню, наш полуротный Бауер говаривал: подождите, будете офицерами, вспомните еще про этот стол. Впоследствии не раз приходилось вспоминать предсказания Бауера, так как на офицерское жалование приходилось сдерживать свой аппетит.

Была одна обязанность, которая не возлагалась на всех юнкеров, но на мои плечи ложилась два раза. Довольствием юнкеров командиры рот ведали по очереди. В помощь им на месяц привлекались по два юнкера — для выполнения обязанностей счетчика и продовольственного каптенармуса. На первом лежало составление раскладки, меню и ведение всей отчетности, на втором — хранение и выдача продуктов. Оба отвечали за хорошее качество пищи. В обеих этих должностях я побывал, а это значило по месяцу безвыходно сидеть на кухне, там же спать. На занятия мы на это время уже не ходили, потом приходилось наверстывать упущенное. На себя же приходилось принимать все неудовольствия юнкеров за качество пищи, но зато, когда мне впоследствии пришлось командовать ротой, я уже не был новичком в ведении хозяйства...

В середине лета нам стало известно, что в Москву приехал военный министр генерал Куропаткин, и в один из вечеров на перекличке было объявлено, что завтра на Ходынке будет произведен смотр нашему училищу, для чего оно должно выставить роту по штатам военного времени. Наши роты были по 100 человек, а рота военного времени насчитывала 225 человек, иными словами, больше половины училища должно было участвовать в смотре. Командование училища распорядилось, чтобы каждая рота выставила по одному взводу военного времени. К утру рота, одетая по-походному, без всякой репетиции под командованием командира 1-й роты выступила на Ходынку. Нашим, вторым взводом, командовал Бауер.

На Ходынке мы увидели уже выстроенным батальон Александровского военного училища. Пристроившись к нему, стали ожидать приезда Куропаткина. Вскоре военный министр прибыл с большой свитой, поздоровался с нами и затем вызвал

батальон юнкеров Александровского училища на батальонное строевое учение. Александровцы начали учение, но видно было со стороны, что идут они плохо, в довершение всего при повороте кругом несколько юнкеров, не расслышав, очевидно, команды, столкнулись с повернувшимися уже и от столкновения попадали. Учение было вскоре окончено. Куропаткин подъехал к батальону и что-то с жаром долго говорил.

Пришла наша очередь. Мы приняли команду «смирно» и застыли. Куропаткин подъехал, слез с коня и начал обходить фронт, осматривая и равнение, и умение держать винтовку, и правильность пригонки снаряжения. Вид его был сердитый. Сделав одно лишь замечание, Куропаткин приказал начать ротное строевое учение. Рота двинулась и на ходу отлично сделала все перестроения, не сбиваясь с ноги. Вдруг Куропаткин остановил роту, приказал офицерам выйти из строя, на взводы стать портупей-юнкерам, а ротой командовать фельдфебелю 1-й роты — тоже юнкеру. Теперь мы еще больше подтянулись, и дальнейшее учение прошло еще лучше.

Рота была остановлена. Подошел Куропаткин и начал нас благодарить, заявив, что он никак не ожидал, что из нас, штатских людей, могут выработаться такие строевики, и, обращаясь к начальнику Александровского училища генералу Лаймингу, заявил: «А вам, генерал, имея бывших кадетов, стыдно так их распускать». Особо поблагодарил военный министр нашего фельдфебеля, командовавшего ротой. Окрыленные успехом смотра, мы двинулись в лагерь, до которого был час ходьбы. В это время уже на старшем курсе были получены вакансии для будущих назначений и среди них не было вакансии в Полтаву, родом из которой был фельдфебель нашей роты и куда хотел выйти служить...

А в это время, опередив нас, Куропаткин сам поехал в наш лагерь, обошел его и вызвал на полевою гимнастику оставшихся вне расчета юнкеров 4-й роты. «Шкалики» всегда были хорошими гимнастами, а здесь превзошли себя, перепрыгивая, как мячи, через канавы и заборы. И здесь смотр прошел удачно.

К нашему возвращению в лагерь начальство уже уехало, а мы в награду получили трехдневный отпуск. Существовавший

и ранее антагонизм между нашим и Александровским училищем возрос еще больше.

Незаметно подошел август. Старшекурсники разобрали вакансии, были произведены в офицеры и разъехались в отпуска. Мы тоже стали мечтать о предстоящих осенних каникулах. Но неожиданно стало известно, что нам предстоит принять участие в больших, армейского масштаба, маневрах под Курском.

Так как в училище оставалось только 200 юнкеров, то выше было приказано образовать сводный батальон из Александровского и нашего училищ. Александровцы выставляли 1-ю и 2-ю роты, мы — 3-ю и 4-ю. Батальоном командовал наш командир батальона полковник Романовский. Я был назначен командиром 3-го взвода 3-й роты. По боевому расписанию наш юнкерский батальон вошел в сводный корпус «Северной» армии. 28 августа мы высадились в Курске и с железной дороги пошли в район сосредоточения корпуса.

Курские маневры являлись действительно большими маневрами. Они развернулись сначала к юго-западу от Курска, а закончились решительным «сражением» под самым Курском, к югу и западу от него. В маневрах участвовали части Московского, Смоленского, Киевского и Одесского округов — всего шесть армейских корпусов и две кавалерийские дивизии, около 100 тысяч человек и 200 тысяч лошадей. Маневрировали две армии: «Северная», которой командовал великий князь Сергей Александрович, и «Южная» — под командованием Куропаткина. Как тогда говорили, производился выбор командующего, а возможно, и главнокомандующего армией. На маневрах присутствовал Николай II, главным посредником был генерал-фельдмаршал великий князь Михаил Николаевич.

С точки зрения командира взвода, коим я был во время этих маневров, они прошли для нас в ряде тактических столкновений сначала с конницей южан, а затем в обороне редута на крайнем правом фланге «Северной» армии. Маневры потребовали от нас физического напряжения и ознакомили с действиями в составе крупных соединений.

Я не привожу здесь подробного описания хода маневров, он мне не был тогда так известен, как сейчас, из литературы. Но

уже тогда у нас сложилось впечатление, что наша «Северная» армия была разбита и руководство ею было не на высоте. Все хвалили Куропаткина.

На этих же маневрах в первый и последний раз я видел проезжавшего в коляске командующего войсками Киевского округа генерала Драгомирова. С большим почтением мы, молодые юнкера, смотрели на этого оригинального и известного тогда генерала — воспитателя войск Русской армии.

Возвратившись в Москву, наш класс, ставший уже старшим классом, разъехался до 1 октября на осенние каникулы. Я уехал в Белебей к своим родителям и к 1 октября вернулся в училище. Предстояли новые назначения из юнкеров старшего класса взводными и отделенными командирами. Я был назначен командиром 3-го взвода, а командиром 4-го взвода — юнкер Кошевой.

С большим сожалением узнал я об уходе Бауера в полк для командования ротой. Командиром 2-й полуроты был назначен штабс-капитан 4-го гренадерского полка Горовой, прикомандированный к училищу и преподававший в некоторых классах механику и химию. Об этом глубокоуважаемом всеми юнкерами училища полуротном командире стоит сказать несколько слов.

Николай Иванович Горовой, в свое время окончив Московский университет по физико-математическому факультету, кончил одногодичное отделение нашего училища, вышел в 4-й Несвижский гренадерский полк, стоявший в Москве, и остался на военной службе. Будучи хорошим преподавателем, Горовой был посредственным строевым командиром, в особенности если сравнивать его с Бауером. Замечательной доброты человек, отзывчивый на все нужды юнкеров, сам хорошо знавший их жизнь, Горовой не мог ни в чем отказать и не мог твердой рукой управлять полуротой. Терявшийся перед начальством, особенно таким грубым, каким был наш командир 2-й роты Калыпин, Горовой временами даже тяготился своей должностью. Зато, как это водится всегда, начальство наседало на нашу полуроту. При таком положении вся тяжесть строевой подготовки, внутреннего порядка в полуроте и воинского вос-

питания ложилась на нас с Кошевым, как командиров взводов, и особенно на меня, как старшего, объединявшего всю роту.

Бывало трудно, но я работал самостоятельно, составлял расписание занятий и занимался повседневным воспитанием молодых юнкеров. Для последующей моей службы это принесло большую пользу. Явившись в роту подпоручиком, я не был подобен брошенному в воду щенку, не умеющему плавать, а сразу брался за знакомое дело.

Отношения с Горовым лично у меня и у Кошевого были самые отличные, можно сказать, даже дружеские. Мы втроем вели согласно общее дело, и наша полурота не была плохой. Отделенным и взводным командирам 2-й полуроты приходилось жить с младшими юнкерами, поэтому мы немного отдалялись от своих товарищей по старшему классу, но во всех важных вопросах всегда приглашались в 1-ю полуроту.

Будучи юнкером младшего класса, я отвечал только сам за себя, а теперь должен был нести ответственность за 50 человек. По заведенному порядку в роте, о чем я уже говорил выше, отделенный и взводный несли взыскания за провинившихся подчиненных. Раза два-три в месяц ротный утром делал обход помещения и смотрел, правильно ли заправлены постели, соблюдается ли установленный порядок, и вот за нарушение его полагалось провинившемуся юнкеру месяц без отпуска, отделенному две недели без отпуска, а взводному — неделю. Не имея за младший класс ни одного взыскания, я, как взводный, на старшем курсе просидел 2 месяца без отпуска за проступки своих подчиненных.

Как ни осматриваешь сам кровати, тумбочки, курительную комнату, ротный командир что-нибудь да найдет, в особенности пока молодые юнкера не привыкли к соблюдению внутреннего порядка. Был у меня во взводе юнкер Влади́нский, типичный маменькин сынок и большой неряха. Бывало, пойдешь осматривать его постель, отвернешь подушку, а под ней лежат ржавая лопата, недоеденный кусок хлеба, в тумбочке рядом с полотенцем сапожная щетка и тут же зубная щетка. Приходилось мне, как взводному, и его отделенному каждый день убирать

за ним постель и наводить порядок в тумбочке. Никакие дисциплинарные взыскания на него не действовали.

Однако я не терял энергии и переламывал тех, кто проявлял расхлябанность и распушенность.

После всяких таких осмотров приходил в роту Горовой и с сокрушенным сердцем спрашивал, какое взыскание я получил. Узнав, что сижу неделю без отпуска, Горовой вздыхал и чистосердечно говорил: «Да, и мне попало». По молодости лет я больше жалел его, чем огорчился сам.

20 октября 1902 года приказом по училищу я был произведен в армейские унтер-офицеры, а на следующий день — в младшие портупей-юнкера.

На старшем курсе упор был больше на общевойсковую тактику и военную историю. Продолжали также заниматься иностранными языками. Строевая подготовка шла, как и в предыдущий год, в младшем классе, причем я старался придерживаться системы Бауера. Ту же систему я проводил и в отношении предварительного доклада юнкеров о случившемся с ними. Не приходится говорить, что всякие картежные игры были у нас воспрещены, а тем более азартные. Но все же втихомолку среди юнкеров старшего класса они процветали. Как-то один из юнкеров был уличен в неправильной игре. Тотчас же собралась вся полурота с портупей-юнкерами 2-й полуроты, был разобран проступок этого юнкера и вынесено постановление (непротоколированное): просить фельдфебеля доложить ротному командиру и о проступке игравших, и о желании юнкеров отчислить из училища упомянутого юнкера. Начальник училища немедленно удовлетворил просьбу полуроты об отчислении юнкера, а на игравших было наложено дисциплинарное взыскание. Это сразу отрезвило картежников, игра прекратилась.

Зимой 1902/03 года я увлекся театром. Да и как было не увлечься, когда в этот сезон расцветал талант Шаляпина, Собинова и других молодых дарований. Развертывал свою работу и Художественный театр во главе со Станиславским. Хороший оперный состав был в тогдашней частной труппе Солодовникова. Многие из нас были поклонниками Петровой-Званцевой, одной из лучших в России певиц в партии Кармен. Блистала в

балете Гельцер, на бенефис которой много публики приезжало специально из Петербурга.

Учение мое шло по-прежнему отлично, театр не сбавлял мне баллов, а удовольствия я получал много.

19 декабря 1902 года я был приказом по училищу произведен в старшие портупей-юнкера и вскоре уехал домой на рождественские каникулы. Вернувшись в училище, я узнал о новой перемене в составе нашего начальства: инспектор классов полковник Лобачевский получил назначение директором Орловского кадетского корпуса, а к нам был назначен полковник Кельчевский, конечно, уступавший во многом Лобачевскому. Кривая учебной дисциплины пошла книзу.

В январе 1903 года между нами, юнкерами старшего класса, уже начинались разговоры, кто и куда хотел бы выйти служить. Прежде всего, каждый купил себе «Краткое расписание сухопутных сил», где были указаны все части бывшей царской армии с их дислокацией и фамилиями командиров корпусов, дивизий, полков и отдельных батальонов (стрелковых и резервных). Шли разговоры и о боевой характеристике полков, их боевой славе, а также черпались с разных сторон сведения и о современной репутации части.

В гвардию могли выходить только потомственные дворяне, а так как у нас в училище их были единицы, то о ней не было речи. Все остальные ориентировались на армию.

С февраля нам разрешалось уже заказывать у частных портных офицерское обмундирование. Составлялись списки, кто и у какого портного хочет себе шить, и затем само училище сообщало этим портным списки юнкеров, желающих обмундироваться у них. Мы же шли к этим портным, выбирали сукно, с нас снимали мерку и постепенно приступали к выполнению заказа. Каждому юнкеру на обмундирование отпускалось из казны 300 рублей. На эти деньги обычно шили мундир с шароварами, сюртук с двумя парами длинных брюк, шинель, два летних кителя, фуражку, барашковую шапку, две пары сапог, пару штиблет. Из этой же суммы заказывались эполеты, погоны и докупалось оружие — шашка и револьвер. Белье также входило в этот расчет. Кроме того, заказывался

так называемый офицерский сундук для перевозки обмундирования.

Близился отпуск на пасхальные каникулы, как вдруг дня за два до этих каникул было объявлено, что отпуска не будет: на Страстную неделю и на Пасху в Москву должен был приехать Николай II с семьей — говеть и проводить пасхальную неделю. В числе прочих частей гарнизона училище должно было нести караул во дворце, а затем участвовать в большом параде гарнизона. Началась подготовка к тому и другому. Пошли занятия караульной службы и тренировки к церемониальному маршу во дворе училища.

В самом дворце помещались два караула: внутренний, который был расположен в первом этаже дворца и имел посты в разных коридорах, и внешний, в составе роты, расставлявший посты при воротах, при главном подъезде снаружи.

Кроме этих двух караулов назначался особый почетный унтер-офицерский караул из парных часовых, имевший посты в Георгиевском зале и других залах Кремля.

В этом карауле часовыми стояли унтер-офицеры (для училища портупей-юнкера) парами, сменялись сами без разводящего, караульного начальника не имели. Честь отдавали ружьем «по-ефрейторски», т.е. держа винтовку у ноги, уклонением ее в сторону на 30 см. Для этого караула были особая комната и столовая, расположенные во втором этаже по лестнице наверх от Владимирского зала.

Нам, портупей-юнкерам, нужно было подобрать часовых, пригнать им обмундирование, проверить знание обязанностей часового вообще и данного поста, на который он предназначен, в особенности. Работа немалая, и хлопот было также много.

Сам я попал в почетный унтер-офицерский караул на пост в Георгиевском зале. В пару мне был назначен старший портупей-юнкер 1-й роты Бирюков, лицом немного похожий на меня, но повыше ростом. Так парами были подобраны еще две смены на наш пост и еще три пары на второй пост в Александро-Невском зале.

Накануне нам всем раздали одеколон, чтобы уничтожить запахи нафталина от наших первосрочных мундиров, и разрешили

надеть в почетном карауле свои лаковые сапоги. В 9 часов утра в понедельник мы сменили караул от 1-го гренадерского Ека-теринославского полка, и началась наша караульная служба.

В 10.55, когда мы с Бирюковым, пройдя Владимирский зал, вошли в Георгиевский зал, чтобы сменить стоявших в первую смену наших товарищей, мы были поражены. Весь зал был наполнен женщинами всех возрастов, с кокошниками на головах, в русских костюмах, с большим декольте.

Зевать и думать было некогда. Мы быстро промаршировали к своему посту, сменили товарищей, встали смирно и тогда только немного огляделись. Конечно, о том, чтобы согнуть ногу, говорить не приходилось, нужно было стоять навтыжку и все время отдавать честь проходящим через дверь генералам и полковникам.

Оказывается, как потом выяснилось, мы попали на обряд «христосования» царицы со своими придворными дамами, преимущественно московскими.

Не знаю, сколько минут мы пробыли на постах, как через дверь из Александро-Невского зала прошел с тростью в расшитом золотом мундире церемониймейстер и ударил три раза тростью об пол. Тогда все дамы начали выстраиваться в затылок одна другой, впереди старые, а затем помоложе. Тут же снова-ли какие-то монашки в своих черных платьях. Каждая позади идущая дама держала в руках шлейф впереди следовавшей дамы, а шлейф последней нес камер-лакей.

В таком порядке это шествие потянулось в Екатерининский зал, где и происходило «христосование», которого нам уже не было видно.

Через несколько минут мимо нас начали возвращаться представившиеся дамы, сначала важно выступали старухи, между ними семенили монашки, затем пошли уже молодые. Каждая из дам несла по фарфоровому большому яйцу.

Мы с Бирюковым, казалось, бесстрастно взирали на проходящих, но вот в его глазах, да, наверное, и моих, блеснули веселые огоньки. В сопровождении старой дамы быстро шли две молоденькие девушки и расспрашивали ее, как они делали реверанс (поклон). Причем, по-видимому, они первый раз

были при дворе, потому что тут же перед нами, не считая нас за живых людей, начали низко приседать, показывая старой даме, как они делали реверанс. Ну что же, часовой есть часовой и на все должен взирать бесстрастно.

Когда мы с Бирюковым в 5 часов дня снова встали на пост, зал был пустым и только в уголке на диване сидел дежурный камер-лакей. Изредка из Владимирского зала заходили 4—5 камер-лакея группой, останавливались, внимательно смотрели на нас и... уходили.

Сменившись через 2 часа и придя в свое временное караульное помещение, мы получили приказание нигде не задерживать «скороходов» (так называли разгуливавших по дворцу нескольких абиссинцев, одетых в расшитые кафтаны, короткие брюки, чулки и туфли. На головах их были какие-то разноцветные перья).

Как потом выяснилось, на одном из внутренних постов, где стояли парные часовые, произошел инцидент. Часовые эти стояли перед закрытой дверью. В табели постов было указано, что они никого не должны были пускать в дверь, кроме своего разводящего, караульного начальника и царя. На посту стояли два серьезных и знающих службу юнкера, когда один из «скороходов» направлялся к ним с намерением пройти через двери. Его предупредили, что здесь ходить нельзя, но абиссинец продолжал идти вперед. Тогда оба часовых скрестили штыки и пригрозили ему, что заколют. «Скороход», не долго думая, заявил, что он-де любимец государыни и ему разрешается всюду проходить. На это он получил довольно четкий ответ: «У вас на лбу не написано, что вы любимец государыни». Часовые ему категорически предложили уйти...

Ночная смена утомляла. Во дворце было душно, где-то мерно тикали часы, при полной тишине клонило ко сну. Вдруг перед нами с Бирюковым выросла фигура комендантского адъютанта, капитана, который спросил меня: «Не холодно ли стоять?» А так как по уставу не положено отвечать на вопросы, то я решил, что он проверяет знание обязанностей часового, и ничего ему не ответил. Тогда он с тем же вопросом обратился к моему товарищу, тот последовал моему примеру. Капитан раз-

горячился, начал нам доказывать, что мы должны ему отвечать, но так как по уставу «часовой — лицо неприкосновенное», то, не сменив нас, он ничего не мог сделать. Капитан побежал, а затем привел нам смену. Когда нас сменили, начались объяснения. Я показал капитану устав и доказал, что он не значится в числе лиц, могущих задавать вопросы часовым. Повел он нас к офицеру, начальнику внутреннего караула, который подтвердил мою правоту.

В 9 часов утра следующего дня мы, отстояв положенное время на посту, отправились к себе в Лефортово отсыпаться.

В конце пасхальной недели состоялся большой парад войск Московского гарнизона. После парада нам разрешили десятидневный отпуск, а затем начались выпускные экзамены — самая горячая пора. Я закончил училище со средним баллом, насколько помню, 11,78. Как окончившего училище первым, мое имя заносилось на мраморную доску училища, и, кроме того, мне присуждалась премия 100 рублей бывшего инспектора классов Прудникова. Приказом № 85 по военно-учебным заведениям от <? > октября 1903 года это было оформлено и внесено в мой послужной список. Будучи уже командующим войсками Московского военного округа, при посещении расположенного в здании бывшего нашего училища пехотной школы имени Ашенбреннера в 1927 году я еще видел мраморную доску со своей фамилией на ней, привинченную к стене при входе в актовй зал.

В конце мая мы выступили во Всехсвятские лагеря. Лето было под Москвой исключительно дождливое. Дождь мел каждый день, а иногда целую неделю непрерывно. Такая погода, конечно, срывала и наши тактические летучки в поле, и стрельбы, и стрелковые занятия. В бараках было холодно. Отогревались бесконечным питьем чая.

Как положено было по программе, в начале июня мы отправились на Бородинское поле. Теперь я уже не был прикован к Семеновскому монастырю и обошел все поле сражения, тогда еще не реставрированное — это было сделано потом, в 1912 году (на батарее Раевского высился бронзовый памятник, поставленный в 1835 году), Шевардинский редут представлял

собою еле заметную поросшую травой канаву. Такие же укрепления французов сохранились еще у деревни Беззубово. Вот, собственно, и все, что уцелело от этого грандиозного для своего времени сражения. В деревне Бородино в двухэтажном большом доме, выстроенном также в 1835 году, был музей, где экспонировались выкопанные обломки оружия, ядра; висели карты и гравюры, портреты героев русской армии, участников Бородине, известных французских генералов. На железнодорожной станции Бородино в комнате ожидания тоже были развешаны копии картин и портреты участников Бородинского сражения. Впоследствии мне не раз приходилось бывать в Бородино.

С каждым днем лета наша предвыпускная горячка усиливалась. Необходимо было ездить то к портному, то к сапожнику, то в магазин офицерских вещей, заканчивая хлопоты по обмундированию.

После 20 июня нам, выпускным юнкерам, были выданы на руки два документа: 1) список юнкеров, окончивших училище по старшинству баллов, в порядке которых и должны были разбираться вакансии; четыре фельдфебеля выбирали из этого списка, а за ними, пятым, должен был выбирать вакансию я; 2) список предлагаемых из Главного штаба вакансий. Каждый юнкер должен был в соответствии со своим номером старшинства составить себе список вакансий, которые он хотел бы взять. При разборке вакансий те из них, которые выбраны до него, вычеркивались из списка, и таким образом у него получался естественный отбор. Теперь уже реально можно было думать, куда и в какой полк выйти служить. В гвардию у нас вышло только два человека. Предварительно они должны были съездить в полки, побыть там среди офицеров, и только тогда давалось окончательное решение на их прием.

Список вакансий был наполнен наименованиями полков и отдельных батальонов пограничных округов. Куропаткин стремился юнкерами из военных училищ, прежде всего, пополнить пограничные округа, а части Московского, Казанского округов заполнялись главным образом выпускниками юнкерских училищ. Мера, конечно, целесообразная, но получалось, что из юнкерских училищ выходили служить в полки, стоявшие в

больших городах, а выпускникам военных училищ приходилось идти служить в части, расположенные в мелких городах нашей западной границы, или на Дальний Восток, в Туркестан и на Кавказ. Дошло дело до того, что командир одной резервной бригады, расположенной около Варшавы, прислал в училище письмо с просьбой объявить юнкерам, как хорошо расположены батальоны бригады и что часто можно бывать в Варшаве. В некоторые полки, как, например, 1151-й пехотный Пятигорский, стоявший в казармах близ станции Береза Картусская, к северо-востоку от Бреста, из года в год никто не шел служить исключительно из-за стоянки.

На Дальнем Востоке пахло порохом, поэтому вакансии в части, расположенные там, были в ходу. Меня лично прельщала служба на Кавказе и в Туркестане. Трое из моих товарищей юнкеров, уроженцы Ташкента, красочно расписывали этот город. Из пехотных частей юнкера предпочитали стрелковые, а крепостные полки и батальоны («шоколадная гвардия», как их называли у нас по коричневому воротнику и кантам) не привлекали юнкеров.

Мне нужно было выбрать пять вакансий, а так как один из фельдфебелей уходил в гвардию, то, следовательно, нужно было заготовить список с четырьмя вакансиями. В порядке предпочтительности я и записал: 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк (самый старый полк в русской армии, основанный при Михаиле Федоровиче Романове) со стоянкой близ Тифлиса (ныне Тбилиси), 1-й стрелковый Восточно-Сибирский полк (урочище Новокиевское на Дальнем Востоке), 1-й стрелковый Туркестанский батальон (Ташкент) и 205-й резервный Измайльский батальон, стоявший в Одессе.

В конце мая сам начальник училища с комиссией из батальонного и ротных командиров, собрав нас в столовой, приступил к распределению вакансий. Из составленного мною списка 13-й гренадерский Эриванский и 1-й Восточно-Сибирский полки были взяты фельдфебелями, таким образом, я оказался будущим подпоручиком 1-го стрелкового Туркестанского батальона со стоянкой в Ташкенте.

Так в порядке старшинства разбирали юнкера вакансии. Юнкера-одногодичника, взявшего вакансию в Березу Картусскую, мы приветствовали аплодисментами, начальство начало его отговаривать, чтобы он не губил свою молодость, но он тотчас же всех успокоил, заявив, что по окончании училища выходит в запас, на что имел законное право. Другой юнкер, старательно вычеркивавший много взятых перед ним вакансий, смешался, и, когда его вызвали и спросили, в какой полк он желает выйти, он назвал один из полков, который уже был взят. Узнав об этом, он долго молчал. Когда все же от него потребовали сказать, какой же полк он берет, то юнкер заявил: «Безразлично какой, лишь бы фуражка была с белым околышем!» Под дружный хохот аудитории, наконец, в списке нашли ему такой полк, и на вопрос начальника училища, почему именно ему захотелось идти в этот полк, юнкер ответил: «Фуражку уже такую заказал!» Раздался еще более громкий хохот.

Теперь можно было заканчивать дела с обмундированием, к чему мы и приступили. В конце июля у каждого выпускника уже стоял сундук с новой формой одежды. Ротный командир все это тщательно осмотрел.

Производство в офицеры начиналось с Красносельского лагерного сбора, где после заключительных маневров юнкера, производившиеся в офицеры, вызывались вперед и царь поздравлял их с этим новым чином. После этого немедленно посылались телеграммы в Москву и Киев о состоявшемся производстве. Юнкерские училища выпускали подпрапорщиков в другой срок.

Мы, москвичи, ждали с нетерпением этой телеграммы. Из года в год ее привозил на велосипеде почтальон, размахивавший при проезде по лагерю телеграммой, для сдачи ее дежурному по батальону офицеру.

Около 5 часов дня 10 августа этот долгожданный почтальон показался в лагере, и в ротах тотчас же начался сбор денег для него. Дежурный офицер, получив телеграмму, отправился с докладом к начальнику училища, потом, вернувшись к себе, крикнул: «Горнист, труби сбор!» По заведенному также обы-

чаю горнист, хотя и садился за это под арест, вместо обычного трубил офицерский сбор.

Мы быстро в юнкерском обмундировании собрались на переднюю линейку, где нам и была прочитана поздравительная телеграмма Николая II о производстве в офицеры. Прокричав «ура», мы разошлись по ротам, и через полчаса в лагере появилось 200 новых офицеров.

Пока читалась телеграмма и пока мы переодевались в новую форму, около лагеря собралось уже много извозчиков, предлагавших довезти до города.

С производством в офицеры мы делались «полноправными гражданами»: юнкерами нас не пускали ни в один ресторан, а теперь все двери их были открыты перед нами. Еще до производства было обсуждено, кто и как будет его праздновать. Я попал в компанию шестерых товарищей, и мы решили сначала скромно в отдельном кабинете большой Московской гостиницы пообедать, а затем закончить вечер в известном кафешантане «Яр».

По традициям, после производства в офицеры разрешалось три дня развлекаться.

Программа нашей небольшой компании была выполнена полностью, и в четвертом часу утра мы с тяжелыми головами на извозчике возвратились в свой юнкерский лагерь. Хотя и с болью в голове, но приятно было проснуться на следующий день около десяти часов утра и не слышать уже никакого барабана или сигнального рожка для обязательного подъема.

Выпив черного кофе, мы пошли делать визиты начальнику училища, командиру батальона, ротному и своему полуротному командиру, прощаясь с ним, причем кое к кому и не заходили, если он не заслуживал нашего внимания в училище. Таковым оказался Лебединский, которому очень мало юнкеров нанесло прощальный визит.

Затем нужно было закончить все расчеты с хозяйственной частью, получить полагающиеся подъемные деньги, а у адъютанта — предписание в полк. Послужной список высылался канцелярией училища непосредственно в часть. В нем значилось, что приказом по военному ведомству от 10 августа 1903 года мы были произведены в подпоручики с старшинством с 10 августа

1902 года, т.е. давалось преимущество в выслуге лет на один год для производства в чин поручика, в то время как производимые из юнкерских училищ, по пробывтии 6 месяцев в звании прапорщика и произведенные затем в подпоручики, обязаны были выслужить для производства в поручики четыре года.

Всякие расчеты были быстро закончены, и ничто меня не удерживало больше в Москве. После окончания училища давался 28-дневный отпуск, а затем нужно было отправляться в часть. Так как из Оренбурга в Ташкент железной дороги еще не было, нужно было ехать по железной дороге через Баку и Красноводск. Однако последний путь был длинный, а прогонные деньги выдавались по кратчайшему направлению, т.е. через Оренбург. Сберегая денежные интересы казны, я выигрывал в другом, а именно: при новом назначении от Оренбурга до Ташкента мне нужно было делать по 53 километра сутки, в то время как от Москвы до Оренбурга по железной дороге я должен был проезжать 160 километров в сутки (в действительности, конечно, быстрее). Я обязан был явиться в 1-й стрелковый Туркестанский батальон лишь 25 октября, т.е. мой 28-дневный отпуск удлинялся в два с половиной раза, позволяя мне дольше прожить дома.

Взяв билет по железной дороге, я в 11 часов вечера 11 августа уже выезжал с Казанского вокзала из Москвы, хотя и с радостным настроением, но и с раздумьем, когда я снова из далекой Средней Азии попаду в Москву.

НАЧАЛО СЛУЖБЫ В 1-М СРЕЛКОВОМ ТУРКЕСТАНСКОМ БАТАЛЬОНЕ

Вечером 13 августа 1903 года я прибыл к своим родителям. Дома, как обычно бывало у нас летом, нашел полный съезд гостей. Все шумно приветствовали меня, и я был очень рад снова очутиться в своем родном домашнем кругу. Кроме того, учащаяся молодежь Белебея, дружно веселившаяся, заканчивала свои каникулы, и я застал еще ее в сборе, закрутился в вихре пикников, вечерних гуляний, обычных для маленьких уездных городов того времени.

10 октября я покинул родительский дом и кружным путем через Самару, Ряжск, Ростов-на-Дону, Баку и Красноводск по железной дороге отправился в Ташкент. На Северном Кавказе стояла чудная осень, и приятно было любоваться отдаленным горным ландшафтом. Поезд быстро катился к Каспийскому морю.

Вот и Баку — знаменитый город нефти. Так как пароход в Красноводск отходил только через 20 часов, у меня хватило времени хотя бы бегло осмотреть и новый город и побывать на темных базарах старого города.

Вечером следующего дня я уже находился на борту парохода. Так в первый раз пришлось мне совершать этот маленький морской рейс. К 12 часам следующего дня я уже высадился в Красноводске.

Чуждыми, но в то же время интересными, предстали передо мной, уроженцем Урала, раскаленные, голые и красноватые горы, окружающие Красноводск. Он также был оригинален со своими одноэтажными с плоскими крышами домами, раскаленными тротуарами. Изредка попадались какие-то чахлые растения у домов.

Но вот я уже сижу в вагоне поезда и еду по безводной пустыне вдоль персидской границы к Ашхабаду. Все ново: и природа, и пассажиры — туркмены в больших каракулевых шапках и халатах, и женщины с закрытыми паранджой (чадрой) лицами, и даже сами вагоны Закаспийской железной дороги, окрашенные в белый цвет.

Вот и солдаты туркестанских войск в белых рубашках с белыми фуражками и малиновыми чакчирами (шароварами из бараньей кожи).

В Ашхабаде я послал телеграмму своему товарищу Михалевскому, вышедшему служить в Ташкент во 2-й резервный Ходжентский батальон, с просьбой встретить меня в Ташкенте.

Промелькнул Мерв... Поезд пошел по большому железнодорожному мосту через Амударью в Чарджоу. Проехав Бухару, Самарканд, миновав Тамерлановы ворота, я в середине дня 19 октября прибыл на Ташкентский вокзал. На платформе приветливо помахивал фуражкой Михалевский.

Получив мой офицерский сундук из багажа и уложив его на извозчика, мы с Михалевским отправились к нему на квартиру в старую часть города, где он жил у своей замужней сестры. До подыскания мне квартиры Михалевский предложил поселиться у него, отклонив всякие мои попытки занять номер в гостинице. Я ему за это был очень благодарен, так как действительно более или менее благоустроенных гостиниц или номеров в те времена в Ташкенте не было. Отдохнув день с дороги, я направился в казармы батальона.

Казармы 1-го стрелкового Туркестанского батальона были расположены на границе нового и старого города близ так называемой «урды» — небольшого базара. Быстро найдя казарменный двор, я по указанию дневального прошел в канцелярию. Адъютант батальона поручик Стрельбицкий, уточнив, когда я прибыл и где остановился, провел меня в кабинет командира батальона. Отрапортовав последнему о прибытии и ответив на ряд довольно банальных и ничего не значащих вопросов, я получил назначение на должность командира полуроты 3-й роты батальона.

Командир батальона полковник Ржепецкий был из старых туркестанских офицеров, правда, не коренной офицер 1-го батальона, но совершивший не один поход в Туркестане. Он был назначен командиром стрелкового полка на Дальнем Востоке и должен был скоро уехать. Ржепецкий производил впечатление сухого человека и, как выяснилось впоследствии, особыми симпатиями у офицеров не пользовался.

Я начинал службу, хотя и в молодой части бывшей царской армии, но имевшей уже свою боевую историю.

В 1865 году в Оренбурге был сформирован Оренбургский стрелковый батальон, который тотчас же и был направлен к Ташкенту, в район боевых действий в Средней Азии. В то время как раз началось продвижение русских войск в Средней Азии, закончившееся на границах Афганистана.

С 1866 года Оренбургский стрелковый батальон, переименованный в 1867 году в 1-й стрелковый Туркестанский батальон, принимал участие почти во всех походах и боях в Средней Азии. Написанной полной истории при мне в батальоне не

было, а имелась лишь краткая памятка о боевой жизни батальона. Начиная с Ташкента батальон участвовал в войнах с Бухарой, Кокандским ханством, его части под командованием известного впоследствии генерала Скобелева преследовали остатки кокандских войск до китайской границы у Памира. Хивинский поход, занятие Кульджи и обратное возвращение в Ташкент — вот те огромные расстояния, которые с боями, беря укрепленные восточные города, проделал батальон. Конечно, противник был не европейского склада и боевой подготовки, но зато численностью, удерживаясь за солидными восточными стенами городов, он всегда превосходил русские военные отряды. Артиллерия того времени была бессильна против стен укрепленных городов, и их приходилось штурмовать по приставленным лестницам.

Батальон формировался в Оренбурге для боевых действий, поэтому в его офицерскую среду, как это бывало в подобных случаях не раз, попали не только армейцы, но и часть офицеров из гвардии. Хочется назвать одного из них — это капитан Гриппенберг, который в войну 1877 года уже командовал лейб-гвардии Московским полком. Такими гвардейцами были Трайзе, впоследствии командир лейб-гвардии Кирасирского, а затем комендант Гатчинского дворца и другие.

Первым командиром батальона был армейский майор Пищемский, про которого ходило много анекдотов.

В 1866 году в батальон из Павловского военного училища вышел служить подпоручиком Куропаткин, впоследствии военный министр. Он прослужил в батальоне пять лет, до поступления в Академию Генерального штаба в 1871 году. По окончании академии и после заграничной командировки во Францию Куропаткин в 1875 году снова, уже штабным офицером, принимал участие в Кокандском походе вместе с 1-м стрелковым Туркестанским батальоном, хотя и не в его рядах. После Русско-турецкой войны 1877—1878 годов он был назначен командиром 1-й стрелковой Туркестанской бригады, в которую входил 1-й стрелковый Туркестанский батальон. Таким образом, на протяжении одиннадцати лет генерал Куропаткин близко соприкасался с 1-м стрелковым Туркестанским батальоном,

эту связь он поддерживал и впоследствии. Каждый офицер батальона, приезжавший в Петербург, обязательно обедал у военного министра, и бывший туркестанский стрелок живо интересовался своими сотоварищами и жизнью батальона вообще. В память о службе и батальоне Куропаткин подарил в офицерскую столовую батальона большую серебряную братину с числом стаканчиков, соответствовавшим числу офицеров.

В одно время с Куропаткиным в батальоне служил народо-волец Ашенбреннер, и я помню, как в 20-х годах в связи с празднованием юбилея революционной деятельности Ашенбреннера его именем названа Московская пехотная школа (впоследствии Тамбовское пехотное училище). Среди телеграмм, полученных Ашенбреннером, которые были напечатаны в газетах, была и телеграмма от доживавшего свой век Куропаткина. В хранившемся в офицерском собрании альбоме офицеров, служивших в батальоне, я, несмотря на то что Ашенбреннер был в ссылке, видел его фотографию.

В старой армии поощрялся принцип совместной службы братьев в одной стрелковой части, и вот одновременно в 1-м Туркестанском батальоне служили четыре брата Калитиных и четыре брата Федоровых — восемь родственников из общего штатного состава 26 офицеров.

В 1877 году старший из Калитиных, Павел Петрович, капитан Федоров и поручик Попов по собственному желанию были командированы в действующую Дунайскую армию, Калитин был назначен командиром 3-й дружины болгарского ополчения, а Федоров и Попов командовали в ней ротами. 19 июля 1877 года в неудачном для русских бою под Ески Загорой (Старая Загора) Калитин с болгарской дружиной стойко отбивался от превосходящего противника. Во время штыковой свалки был убит знаменщик, и знамя, подаренное дружине городом Самарой, упало на землю. Дважды легко раненный, Калитин соскакивает с коня, хватается знамя, вскакивает снова на коня и со знаменем в руках кричит своей дружине: «Ребята! Знамя наше с нами! Вперед — за ним, за мной!» Воодушевленные ополченцы бросились вперед за своим командиром, турки дрогнули, но в это время три пули пробили грудь Калитина. Вокруг упав-

шего с коня убитого командира произошла жестокая штыковая схватка. Знамя было отбито. В этом же бою были убиты и оба ротных командира — капитан Федоров и поручик Попов. Болгарская армия чтит память павших героев, в особенности подполковника Калитина.

Во время моей службы был поставлен на средства, собранные офицерами, памятник павшим бойцам батальона, в том числе Калитину, Федорову и Попову. Он стоял в сквере, перед казармами батальона.

Младший Калитин, Петр Петрович, начал свою службу в 1-м стрелковом Туркестанском батальоне в 1871 году вольноопределяющимся. Произведенный в 1874 году в прапорщики, он с батальоном участвовал в Кокандском и Хивинских походах, а затем уже при штурме крепости Геок-Тепе получил орден Георгия 4-й степени. Дальнейшая его служба протекала по казачьим войскам. Перед мировой войной он был командующим казачьей Западно-Сибирской бригадой. С этой бригадой он прибыл на Кавказский театр военных действий и принял участие в первой же Сарыкамышской операции. Сражаясь все время на этом театре, он командовал впоследствии 2-м Туркестанским корпусом, участвовал во взятии Эрзерума. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Память о старшем Калитине свято хранилась в батальоне. Веселый и жизнерадостный, Калитин, по воспоминаниям старожилов, был смелым в бою и веселым в повседневной жизни.

* * *

Из четырех братьев Федоровых я застал в батальоне двух: подполковника, раненного под Махрамом в грудь из фальконета (крупнокалиберного ружья, стрелявшего с подставки — сошки), хотя и вылечившегося, но постоянно страдавшего от последствий этой раны, и командира 4-й роты, в 1905 году произведенного в подполковники и направленного в один из полков, расположенных в европейской части. Кроме этих Федоровых командиром 3-й роты был их однофамилец капитан Федоров.

Всех офицеров и военных чиновников (лиц административной и медицинской службы) по штату в отдельном стрелковом батальоне числилось 26 человек. Из них штаб-офицеров было два: командир батальона в чине полковника и его помощник по строевой части — подполковник.

Помощником командира по строевой части был подполковник Федоров, который вскоре ушел в отставку, и вместо него был назначен бывший ротный командир Лепехин. Этот почтенный штаб-офицер прослужил в батальоне около 27 лет, был долгое время адъютантом и во время одного из ночных учений, обгоняя верхом колонну батальона, напоролся глазом на штык солдата и лишился глаза. Лепехин 16 лет командовал ротой. Такой долгий срок командования объясняется тем, что его производство в следующий чин было задержано по суду. Вина Лепехина заключалась в том, что, оставив трех человек вместе с фельдфебелем роты дострелять на стрельбище упражнение, сам уехал в лагерь собираться на охоту. На беду, один из стрелков убил показчика результатов стрельбы, высунувшегося ранее сигнала, Лепехин пошел под суд. Просидев год в крепости, Лепехин вернулся в рсг. Не без мытарств он добрался до Петербурга, явился к лично знавшему его Куропаткину (тогда он был уже военным министром), и по высочайшему повелению наказание было снято, и Лепехин вернулся в Ташкент подполковником.

Заведующим хозяйством был капитан Смирнов, высокий красивый мужчина с большой окладистой бородой, также имевший за плечами до 20 лет службы. Умный, выдержанный и высокопорядочный человек, он пользовался большим авторитетом в офицерской среде и был почти бессменным выборным председателем суда общества офицеров. Его правой рукой в хозяйстве был делопроизводитель по хозяйственной части военный чиновник Альбрехт. Пожилой человек, он с полным знанием дела вел всю хозяйственную канцелярию батальона. Оружейный мастер военный чиновник Иван Егорович Игнатьев, уроженец Ижевска, начал службу в батальоне солдатом и долгой неутомимой работой достиг занимаемой должности, снискав общее уважение в батальоне. Казалось, не было дела,

которого Игнатьев не знал бы. Он чинил оружие, ремонтировал обоз, склады и даже казармы. Таким же старожилом батальона был старший врач статский советник Шишов. Младший врач батальона всегда отсутствовал, усвершенствуя свои знания при Ташкентском госпитале. При батальоне был небольшой приемный покой, в котором Шишов принимал больных. Давно бросив медицинскую науку, Шишов увлекался этнографией, написав ряд трудов об узбеках, их жизни и обычаях. Наш эскулап не прочь был выпить. Летом во время жары мы обыкновенно пили лимонад, добавляя в стакан рюмку коньяку, Шишов предпочитал иной способ утоления жажды: в чайный стакан он вливал рюмку лимонада, а остальное доливал коньяком и доказывал, что это прекрасное средство для утоления жажды.

Ротные командиры были тоже пожилые люди. Командир 1-й роты Александр Михайлович Росс, кончивший военную гимназию, затем Александровское военное училище, убежденный холостяк, служил уже около 20 лет. Строгий и требовательный по службе, Росс был отличным товарищем. Впоследствии он ушел в воинские начальники, а вскоре и в отставку.

Командир 2-й роты капитан Захаржевский, сравнительно молодой поляк, прослужил в армии лет 12—13. Он интересовался военным делом, был начитан по военным вопросам, но дело в роте у него как-то не клеилось. За заносчивый и порой оскорбительно вежливый тон его не любили ни офицеры, ни солдаты. В 1905 году он получил подполковника и ушел в другой батальон, о чем никто не пожалел.

Командир 3-й роты Федоров, однофамилец Федоровых, пожилой командир из вольноопределяющихся, выпускник юнкерского училища, был маньяк и больной человек. Ему постоянно казалось, что все на него подозрительно смотрят, что-то говорят на его счет, подстраивают ему разные каверзы. На этой почве у него происходили недоразумения с начальством и товарищами-офицерами. Все, в конце концов, отворачивались от него. В 1906 году его произвели в подполковники, и он перешел в другой батальон, а впоследствии вышел в отставку.

Командиром 4-й роты был младший из семьи Федоровых.

Адъютант батальона, старший из двух братьев Стрельбицких, не отличался ни умом, ни тактом, ни знаниями, хотя и окончил военное училище. Был он в тягость командиру батальона и держался как-то по инерции.

Из остальных младших офицеров было пять штабс-капитанов, имеющих по 10—12 лет службы за плечами, три поручика и два подпоручика, выпущенных в 1902 году из училищ.

Нас, молодых, выпуска 1903 года, приехало в батальон четверо: я, подпоручик Сусанин из Павловского военного училища, сын генерала, очень скромный человек, отличный товарищ, попал в 1-ю роту, подпоручик Машковцев из Киевского военного училища, тоже из военной семьи, жившей в Ташкенте, попал во 2-ю роту, и подпоручик Петр Корнилов из юнкерского училища, брат небезызвестного впоследствии генерала Корнилова, был назначен в 4-ю роту. Родители Корниловых, по рассказу младшего Корнилова, жили в Западной Сибири. Отец — русский — занимал должность переводчика при уездном начальнике, мать же была простая киргизка. Отсюда и монгольский тип лица, который унаследовали дети. Петр Корнилов, очень ограниченный человек, ничего не читал, ничем не интересовался, но был хорошим строевиком и отличным стрелком.

Итак, из двадцати офицеров лишь шестеро были более или менее молодые. Мы ходили в батальоне, как говорится, на цыпочках, и хотя по закону на офицерских собраниях имели право голоса, никогда его не подавали, слушая, что говорят старшие...

Войска Туркестанского военного округа, как приграничного и с небольшим сравнительно русским населением, содержались по усиленному штату. Роты в батальоне насчитывали по мирному времени по 180 человек, по штату военного времени рота состояла из 225 человек. Ограниченное наличие в Ташкенте русских запасных не позволяло довести роты до штатов военного времени, и при мобилизации на укомплектование прибывали команды чуть ли не из Оренбургской губернии.

Однако из этих больших по штату рот было много солдат в командировках. Из строевых солдат назначались денщики

не только для офицеров своего батальона, но и для генералов, офицеров и военных чиновников различных высших штабов и управлений округа. Часть солдат роты находилась на охране лагерей. Таким образом, число откомандированных в роту достигало иногда 30—40 человек, а между тем на все стрелковые смотры они должны были собираться и участвовать в стрельбе, явно, конечно, понижая результаты стрельбы.

Я не говорю о 8—10 солдатах, которые, числясь в ротах, обучались в учебной команде, готовясь на унтер-офицера.

При всех больших учениях, стрельбах и маневрах они возвращались в роты.

Узбекское население округа воинской повинности не несло, равно как киргизы и туркмены. Из последних на принципах добровольчества был сформирован Туркменский конноиррегулярный дивизион, развернутый впоследствии в полк.

Я застал еще трехлетний срок службы рядового состава.

Укомплектован батальон был различными национальностями — русские и украинцы составляли до 50 %, а остальные 50 % падали на поляков, евреев из Западного края и уроженцев Кавказа — грузин и армян. Солдаты в возрасте 21 года были крепки и выносливы, а на службе, благодаря физическим упражнениям, еще больше развивались.

На каждого солдата было три срока обмундирования. Пошивка и починка обуви производились в ротных мастерских. Стирали белье солдаты сами.

Летом солдат носил белую рубаху, белый чехол на фуражку и из бараньей кожи брюки (чакгиры), окрашенные в малиновый цвет (стрелковый). Кожаные брюки предостерегали от колючих растений. Погоны, как на мундирах, так и на шинелях были малинового цвета с трафаретом «1Т» желтой краской.

Пища на обед подавалась хорошая: суп с мясом (мясные порции на каждого) и каша (с мясом в крошку). Были утренний и вечерний чай. Хлеба ржаного выдавалось на день 3 фунта. Молодых солдат кормили «с лотка» — сколько съедят. Постепенно старослужащие солдаты не съедали в день 3 фунтов ржаного хлеба, а поэтому по желанию за несъеденный хлеб получали так называемые хлебные деньги.

Я еще застал выдачу по праздникам по чарке водки на каждого солдата, для чего в ротном цейхгаузе были особые установленные законом чарки. Непьющие получали деньгами. Табак и спички не выдавались. Жалованье солдата было очень маленькое, едва хватало на табак. В роте по штату положено было 14 унтер-офицеров, из которых фельдфебель и два взводных могли быть сверхсрочными. Остальные унтер-офицеры — срочной службы — подготавливались в течение девяти месяцев в учебной команде батальона. Кроме того, на роту приходилось определенное число ефрейторов без особой подготовки, но из хороших стрелков и строевиков. Из-за небольших льгот и незначительного увеличения жалованья на сверхсрочную унтер-офицеры почти не оставались, и если были в ротах сверхсрочники, то преимущественно на должностях фельдфебелей и редко на должностях взводных унтер-офицеров. Между тем поддержание внутреннего порядка в ротах лежало на унтер-офицерском составе, и в особенности на фельдфебелях. Правда, фельдфебель из сверхсрочников был грозой не только для солдат, иногда он не ставил ни в грош и младших офицеров роты, сплющ да рядом докладывая ротному командиру об ошибках полуротных.

Через месяц после моего прибытия в 3-ю роту, где я был назначен обучать молодых солдат, у меня вышло столкновение с фельдфебелем роты Серым, который отменил мое приказание. Унтер-офицеры, обучавшие молодых, проходили с ними ружейные приемы по разделениям. Прихожу раз на занятия и вижу, что солдаты делают приемы не по уставу. Спрашиваю унтер-офицера, почему так делается. Отвечает: «Так приказал фельдфебель». — «Позвать фельдфебеля Серого». Тот явился, и между нами произошел такой разговор: «Фельдфебель Серый, возьми строевой устав и прочти, как делается прием на караул!» Серый прочитал. «Понял ты или нет?» — спрашиваю. «Понял, — отвечает Серый, — только у нас иначе делается». — «Так вот, фельдфебель Серый, запомни раз и навсегда, что нужно делать так, как написано в уставе, а кунштюки с винтовкой я и сам умею делать! Дай сюда винтовку, — сказал я и заставил Серого командовать

мне, а сам проделал прием, как он описан в уставе. — Ну а теперь смотри, как можно делать этот прием и иначе». Я от ноги подбросил перед собой винтовку так, что она три раза перевернулась в вертикальном положении, затем быстро поймал ее у середины своей груди, закончив прием. «Видел, как можно делать? — строго спросил я фельдфебеля. — Но это не по уставу, и впредь не смей отменять уставных требований». Посрамленный фельдфебель удалился, жаловался, наверное, ротному командиру, но больше не своевольничал.

Батальон занимал отдельный казарменный городок, расположенный на границе старого и нового города. Каждая рота размещалась в отдельном одноэтажном из местного кирпича здании и имела два больших помещения для полурот, разделявшихся коридором. По крыльям в отдельных комнатах были расположены канцелярия роты и вещевого цейхгауз. Такой же корпус имела учебная команда. Наконец, в особом здании была размещена канцелярия батальона. Склады оружия и неприкосновенных запасов имели особые помещения. Равно как в особых помещениях были расположены кухни рот, уборные, оружейная мастерская и конюшни с сараями для обоза и помещением для нестроевой команды.

Здания рот и подсобных помещений были расположены по краям большого четырехугольного плаца, на котором проводились все занятия. Особых столовых не было. Обедали в помещении рот.

Приемный покой и офицерское собрание были расположены в арендуемых поблизости от батальона зданиях. Казармы были старой постройки и неприглядными, несмотря на то что на их ремонт ежегодно тратились большие деньги. Всю казарменную обстановку — столы, табуреты, тумбочки — роты делали сами в своих плотницких мастерских. Денег на это не отпускалось, а средства изыскивались из экономических сумм рот.

Молодые солдаты, или, как тогда называли, новобранцы, прибывали в батальон командами в течение октября, и с 1 ноября с ними начинались занятия, составлявшие, так сказать, «школу молодого солдата». Она заканчивалась перед выходом в лагерь, т.е. к 15 апреля. К этому числу командир батальона

проводил смотры молодых солдат в каждой роте, результаты которых объявлялись в приказе по батальону.

В 3-й роте, которой командовал капитан Федоров, кроме меня полуротным командиром был пожилой штабс-капитан Малиновский, человек симпатичный, но, что называется, себе на уме и уже подыскивавший место вне батальона. Занятиям он уделял внимания мало.

В роте капитан Федоров, как я уже сказал, поручил мне подготовку молодых солдат. В батальон нужно было приходить в 8.30, когда начинались занятия. В 12 часов дня роты шли на обед, офицеры также уходили домой обедать. С 3 часов дня и до 17.30 — снова занятия, затем все офицеры расходились по домам.

Солдаты в ротах с 6.30 вечера до 8.30 занимались изучением уставов, старослужащие — чтением или проводили время в «солдатской чайной», где пили чай или даже пиво, играли в шашки или читали книги из солдатской библиотеки. Скупая была она, подбиралась по особому, утвержденному свыше, каталогу. Выписывались специальные солдатские журналы, заполненные рассказами о боевых подвигах солдат русской армии или «патриотическими» статьями, которые должны были укрепить солдата в его верности царю и отечеству.

«Школа молодого солдата» должна была дать хорошо подготовленного за пять месяцев одиночного бойца, могущего действовать в составе взвода. Летом, в лагерный период, продолжалась, с одной стороны, одиночная подготовка в полевых условиях, а с другой — производилось сколачивание отделений, взводов и рот в бою и в сторожевой службе. Зимой занимались гимнастикой, строевой подготовкой, отрабатывались подготовительные к стрельбе упражнения, заканчивавшиеся стрельбой из учебной винтовки. Изучались уставы — внутренний, гарнизонный, строевой и полевой. Особое внимание уделялось подготовительным упражнениям к стрельбе, так как в стрелковых частях считалось шиком стрелять «сверхотлично» по оценке курса стрельб и затем ходить по пять верст в час, поэтому на маршировку обращалось также большое внимание. Быстрые и длительные марши были традицией стрелковых частей Туркестана.

Немало внимания уделялось правилам несения караульной службы: изучались уставы, проводились показательные учения. Устав внутренней службы в сочетании с обязанностью солдата знать свое начальство, различать чины и т.д. составлял так называемую (на солдатском языке) «словесность». Обычно отделенный унтер-офицер садился в кружок со своим отделением на табуретах, скамейках или ящиках с собственными вещами и поучал молодых солдат премудростям «словесности». Молодые солдаты держали руки на коленях, по вызову отделенного вскакивали, ударяли себя ладонями по швам брюк и без ошибки должны были отчеканить ответ на тот или иной вопрос. Отвечали скороговоркой и даже какими-то белыми стихами. «Ну, Иванов, расскажи мне правила ухода в отпуск», — вопрошал отделенный. Иванов вскакивал и быстро отвечал: «Хочешь в город, к земляку, проси отделенного, взводного, явись дежурному по роте... В городе иди, семечки не лузгай, прохожих не трогай, мадаме дорогу давай!» Чуть Иванов запнулся, как отделенный грозно говорил: «Садись, ничего не знаешь, и когда я тебя только выучу!» Пришлось постепенно ломать эту «словесность» при явном неудовольствии унтер-офицеров и даже ротного командира.

В роты приходило много неграмотных молодых солдат даже русских, не говоря уже о солдатах других национальностей. За эти же пять месяцев нужно было выучить их читать, писать и считать. В этом я доверялся опыту своих унтер-офицеров, которые оказались гораздо лучшими педагогами, чем я. Сначала учили буквы, и вот за все пять месяцев один солдат-армянин выучил из всей азбуки одну букву, и когда ему показывали эту букву, он радостно улыбался и называл ее «фить». Дальше этого в русской грамоте он не пошел и на второй год службы был откомандирован к кому-то денщиком.

Строевая моя служба шла хорошо, но пришлось ее прервать. 5 декабря 1903 года меня вызвали к батальонному адъютанту, и от него я получил предписание отправиться в командировку в штаб округа для особых работ. 6 декабря, прибыв в распоряжение начальника мобилизационного отдела Генерального штаба полковника Зеленецкого, я узнал, что назначен присутствовать

в типографии округа при печатании нового мобилизационного расписания и держать корректуру его, за исключением последней верстки, которую ведет сам генерал-квартирмейстер округа полковник Дагаев. Тут я уже попал в иной, штабной мир, совершенно мне не знакомый, притом связанный ответственностью за соблюдение правил секретности.

Представленный полковнику Дагаеву, я ознакомился со своими обязанностями и приступил к их исполнению. Я должен был в течение двух смен работы находиться в типографии и наблюдать за набором мобилизационных документов, вернее ведомостей из мобилизационного расписания, смотреть, чтобы без меня не набирали шрифт, не уносили куда-либо подлинник, держать три корректуры, выдавать по счету листы бумаги для оттиска корректур и на ночь в особую, охраняемую часовым комнату относить набор в находящийся там сейф, прятать выданные мне документы. Конечно, никому не говорить, какая работа мною ведется.

До 27 января 1904 года, приходя домой лишь переночевать, я просидел в типографии и аккуратно выполнил порученное мне дело. За это время завязались знакомства в штабном мире.

В роте меня временно замещал штабс-капитан Малиновский. Он не нарушал методики обучения и воспитания, которой я придерживался. Все было в порядке. Вместо Ржепецкого прибыл полковник Бердяев, назначенный командиром батальона. Высокого роста, крепкого сложения, с большой седой бородой, с ясными голубыми глазами, он производил приятное впечатление. Прослужив до ротного командира в 129-м пехотном Бессарабском полку, Бердяев последнее время был воспитателем в Киевском кадетском корпусе. Так как продвижение по службе в кадетских корпусах шло быстрее, то к 45 годам он уже получил чин полковника и принял наш 1-й стрелковый Туркестанский батальон.

«Туркестанцы» недоверчиво относились к назначаемым из Европейской России офицерам, не считали их «своими». Но своим тактом, спокойным и выдержанным характером, а главное, доброжелательным отношением к офицерам и солдатам Бердяев разбил лед недоверия, окружавший его, и заслужил полный и безоговорочный авторитет в батальоне.

Скромный в личной жизни, Бердяев был хорошим семьянином. Его жена, уже пожилая и седая женщина, носившая длинную косу, далеко не походила на обычных офицерских жен и держалась далеко не так, как иные «матери командирские», пытавшиеся командовать частями вместе со своими мужьями. У Бердяева было два сына и дочь. Старший сын, студент Киевского политехникума, жил дома ввиду начавшихся в политехникуме волнений. Впоследствии он совсем бросил политехникум и поступил в Петербургскую консерваторию по дирижерскому классу. Окончив ее, учился за границей у известного дирижера Артура Никиша, и после Октябрьской революции я не раз видел в Ленинграде, Москве и Киеве его имя на афишах, сообщавших о симфонических концертах.

Большим бременем для батальона было несение общегарнизонных караулов. Старик Драгомиров проповедовал, что в мирное время караульная служба является действительной проверкой подготовленности солдата, заставляя его быть и бдительным, и в то же время давая ему, как человеку, в известных случаях возможность пустить в дело оружие.

Ротные командиры назначались дежурными по караулам, а старшие штабс-капитаны помощниками их, которые по уставу назывались рундами. Не менее двух раз в сутки дежурный по караулам и рунд должны были проверить караул и расписаться в постовой ведомости. Такой объезд караулов занимал каждый раз не менее 2—3 часов с обходом и проверкой некоторых постов. Общий развод караулов производился в казарменном расположении батальона в 9 часов утра, затем караулы самостоятельно следовали для смены в свои караулы.

В главном карауле находился всегда при караульном помещении, кроме караульного офицера, дежурный по караулам или рунд. Спать, конечно, караульному начальнику не полагалось, поэтому обыкновенно на ночь он брал с собой какой-нибудь приключенческий роман.

На главной гауптвахте помещались арестованные офицеры и солдаты. За некоторыми из них устанавливался особый надзор во избежание их побега. Помню, один саперный офицер

отбывал наказание по суду два года в крепости за «американскую дуэль», то есть за дуэль из револьверов без секундантов. Он убил своего противника. Из солдат был один под судом за убийство жены офицера и двух ребят. Впоследствии он был осужден на бессрочную каторгу. Побег с главной гауптвахты случались, поэтому караул этот был не из приятных.

Дежурство по госпиталю заключалось в наблюдении за порядком в палатах. Особенно неприятно оно было в офицерской палате, где зачастую велась игра в карты. Нелегко было обходить отделение душевнобольных, причем нужно было снимать с себя оружие. Помню, сидел один артиллерийский капитан, который все что-то писал. Когда я обратился к нему с вопросом, что он пишет, капитан удивленно посмотрел на меня и спросил: «Разве вы не знаете, что я негус, абиссинец и сейчас пишу рескрипт о награждении одного губернатора за хорошую службу сотней ишачьих хвостов». Я извинился, что оторвал его от работы и... поспешно отошел, опасаясь как бы он не написал фирман: отрубить мне голову.

Ташкент в 1903 году насчитывал до 40 тысяч жителей в новом городе и более 15 тысяч человек в старом районе города. Он являлся главным центром всего Туркестанского края вместе с Закаспийской и Семиреченской областями. Здесь жил генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа. При мне таковым был старый туркестанец — генерал от кавалерии Иванов, «маленький царек» Туркестана. В Ташкенте же размещался штаб 1-го Туркестанского корпуса, командиром которого был генерал Топорнин.

«Новый» город населял всевозможный чиновный люд. Для нужд офицеров был магазин военно-экономического общества с обмундировальной мастерской. В частях также имелись свои маленькие мастерские для пошивки офицерского обмундирования.

Небезынтересно остановиться на бюджете молодого офицера, его расходах. Беру свой бюджет. Получал я в месяц 67 рублей жалованья и 9 рублей квартирных. Всего, следовательно, в месяц 76 рублей, не считая мелких денег по 30 копеек в сутки за караулы. Летом полагались лагерные по 30 копеек в сутки.

Расходы были таковы: квартира — 15 рублей, обед и ужин — 12 рублей, чай, сахар, табак, стирка белья — 10 рублей, на обмундирование — 10 рублей, вычеты в батальон — 10—15 рублей, жалование денщику — 3 рубля, а всего 60—65 рублей. На карманные расходы, т.е. на все развлечения, оставалось 11—16 рублей в месяц, т.е. почти столько, сколько я тратил юнкером на свои побочные нужды. Если прибавить летние лагерные деньги, то карманный бюджет составлял 20 рублей. Меньше 10 рублей в месяц на обмундирование ассигновать не удавалось, и то шили в рассрочку. Таким образом, особо кутить не приходилось.

Гораздо тяжелее было жить женатым, но в этом отношении офицера охранял закон, не позволявший жениться до 23 лет и требовавший взноса особых денег в казначейство — так называемого реверса, проценты с которого потом выдавались офицеру. Реверс для женитьбы на дочери офицера составлял 2500 рублей, а на прочих — 500 рублей. Правда, закон этот разными путями иногда обходили, но тогда женатому подпоручику или поручику приходилось вообще сильно урезать свои аппетиты.

Я уже говорил, как много строевых солдат отвлекалось на выполнение обязанностей денщиков. До поступления в академию у меня было два денщика: Черкашин, рязанец, а через два года, после увольнения его в запас, — поляк Новачек. Получая от меня небольшое жалование, денщик пользовался и моим столом, а батальон выдавал ему деньги за сухой паек. Это были честные, хорошие люди, трезвые, ни в чем дурном упрекнуть их не могу.

В лагерях все денщики помещались в бараке вместе, и вот однажды у одного из них пропал кошелек, в котором было рубля три денег. Прихожу в офицерскую столовую, мне говорят, что подозрение падает на моего Черкашина. Я решительно отверг подобное обвинение, заявив, что моих денег у Черкашина на руках бывает больше, и я никогда не замечал, чтобы он совершил что-либо бесчестное. Вышел из столовой и, вызвав Черкашина, расспросил его, в чем дело. По натуре он был человек мрачный, замкнутый. Черкашин заявил, что никакого кошелька он не брал и обвинили его напрасно. Инцидент был

исчерпан тем, что кошелек с деньгами нашелся. Оказывается, один мудрый денщик из украинцев нарезал разных палочек и роздал их всем денщикам, предупредив, чтобы все хранили их, а через сутки он посмотрит — и у вора палка обязательно вырастет. Заметили, что Черкашин подносил палочку ко рту, и решили, что она выросла, а он откусил, — так возникло обвинение. Но, очевидно, на подлинного вора это произвело действие, и он решил подбросить кошелек, боясь, как бы действительно палка не дала рост.

Вовремя разбудить, приготовить утром чай, сходить за обедом и ужином и вообще заботиться о ведении хозяйства — было главными обязанностями денщиков. Поэтому при получении жалованья прежде всего выдавались денщику деньги на месяц вперед на все хозяйственные нужды, а остальные уже оставались как карманные деньги. В конце месяца денщик представлял отчет за израсходованные деньги. Если приходилось уезжать в командировку, я почти всегда брал с собой денщика.

Денщиков я никогда не наказывал, разве иногда делал словесный выговор. Было, конечно, и другое отношение к денщикам, особенно у семейных офицеров, о чем приходилось выслушивать жалобы от самих денщиков. У холостого офицера положение денщика было более благоприятное, и он не терял своего воинского вида.

Выше было сказано о «школе молодого солдата», на которой сосредоточивалось все внимание ротного командира. Со старослужащими занятия велись нерегулярно вследствие перегрузки их караульными нарядами и сводились к повторению пройденного в «школе молодого солдата» с упором на стрелковую подготовку. С унтер-офицерами должен был бы заниматься сам ротный командир, но в большинстве случаев занятия вел фельдфебель, и то лишь инструктажи.

С офицерами особых занятий по тактике не было. Дело ограничивалось слушанием докладов офицеров Генерального штаба в гарнизонном офицерском собрании, да и то преимущественно военно-исторических (о походах в Туркестане начиная с Александра Македонского) или военно-статистических (описания Туркестана и сопредельных стран — Афганистана и Персии).

Военных игр также не было. За всю зиму 1903/1904 года у нас в собрании батальона были прочитаны три доклада по истории батальона: два сделал я и один прочел командир 2-й роты Захаржевский. Для меня это было хорошим началом, так как заставило взяться за изучение военной истории и помогло приобрести к ней вкус.

В офицерском собрании батальона была хорошая библиотека. Книги накапливались в ней с 1870 года. Ежемесячно каждый офицер по постановлению общего собрания офицеров платил в библиотечный фонд 1 рубль 50 копеек. За счет этого фонда выписывались газеты, журналы и покупались книги. Во всяком случае, все сочинения классиков и видных военных авторов имелись. Однако круг читателей был невелик. Заведовал библиотекой один из младших офицеров, а книги выдавал прикомандированный грамотный солдат.

Офицерское собрание батальона было небольшое, и в нем устраивались маленькие торжественные обеды и ужины, а также раз в месяц семейные вечера. Батальонное собрание было, так сказать, подсобным, так как работало не ежедневно. Для ежедневного времяпрепровождения было общегарнизонное собрание. Оно имело большой зал для танцев, комнату для чтения газет и журналов, бильярдную и, наконец, постоянно действующую столовую. Собрание было открыто с 11 часов утра до 2 часов ночи. Ежедневно по собранию дежурил старший ротный командир или штаб-офицер по наряду коменданта города. Библиотека в этом собрании была посредственной, хуже нашей батальонной. В собрание допускались генералы, офицеры, военные чиновники с семьями и гости по рекомендации.

Городской театр был плох, поэтому заезжавшие в Ташкент драматические труппы или оперетка, а также отдельные дебютанты обыкновенно играли на сцене военного собрания или на сцене общественного собрания.

Посещение собрания, хотя вход был и бесплатный, всегда было связано, однако, с расходом карманных денег, поэтому молодой офицер не часто мог доставить себе удовольствие побывать в нем. Общественное городское собрание посещалось

совсем редко, так как требовалась рекомендация гражданских членов клуба, а знакомств в этой среде у военных было мало.

Собирались молодые офицеры у кого-либо из товарищей.

Азартных игр у нас почему-то не было, лишь отдельные офицеры играли в них в общественном или под сурдинку в военном собрании.

Я частенько сидел дома и читал. Но от общества отставать также было нельзя, поэтому посещал вечера и в своем собрании, и в гарнизонном, танцуя и слегка ухаживая за молодыми девицами и дамами. По неписаному обычаю, за дамами своего батальона мы, молодежь, никогда не ухаживали, и это спасало батальон от разных неприятных случаев. Имея знакомство в кругах полусвета, молодежь изредка заглядывала во второразрядный кафешантан.

15 апреля 1904 года мы выступили в лагерь под селом Троицкое, в 35 верстах к северу от Ташкента. Лагерь был постоянный, расположенный тылом к большому арыку (каналу) Зах-арык. Через расположение лагеря проходил Ханум-арык (по преданию, вырытый женщинами). Лагерь утопал в зелени, преобладала акация, которая хорошо росла в степных условиях.

Роты размещались в лагерных бараках, построенных из сырцового кирпича и самана (солома, перемешанная с глиной). Внутри барака устроены нары, на роту полагалось два барака.

Дальше на Ханум-арыке располагались кухни, а в промежутке между Ханум- и Зах-арыками — большой офицерский барак на 24 комнаты, построенный из каркаса, обложенного саманом, с террасами и общей столовой посередине. Рядом был расположен особый барак для командира батальона, кухня офицерской столовой и барак для денщиков. Кругом барков зелень, цветы и две чахлые березки, не привившиеся в среднеазиатском климате. Наш батальон стоял на правом фланге, а дальше к югу шли по очереди остальные стрелковые батальоны, два резервных батальона, казаки и, наконец, бригада артиллерии. Посреди лагеря на высоте, против казачьих лагерей был построен особый барак для корпусного командира.

Стрельбище было вправо от нас в двух километрах, а за ним начинались уже горы.

За передней линейкой лагеря были инженерные городки, построенные батальонами, и здесь же проводились тактические занятия.

Саперные батальоны (1-й и 2-й Туркестанские) стояли особым лагерем в семи верстах от Ташкента.

Сильная жара, когда уже в 7 часов утра термометр показывал 35, а к 3 часам 50 градусов по Реомюру, вынуждала менять распорядок дня. Занятия проводились утром и вечером. Подъем был в 5, и первый выстрел на стрельбище — в 6 утра. Возвращались со стрельбы к 10, самое позднее к 12 часам. До 5.30 дня был обед и отдых, и только затем до 7 часов вечера роты вели занятия. В 8 вечера перекличка и затем отбой.

Все офицеры столовались вместе. Утром чай, в 12 часов обед, главным образом вегетарианский, и только в 8 часов вечера, когда спадала жара, за ужином ели мясо.

До 11 или 12 часов мы играли в карты или занимались чтением.

Поездки в город разрешались с 12 часов дня в субботу и на воскресенье, и то уезжала только половина офицеров, а остальные оставались в лагере. Таким образом, в городе бывали не больше двух раз в месяц, да мы, холостые, особенно и не стремились уехать, устраивая по праздникам прогулки на большую речку Чирчик или же просто отлеживались от трудной недели.

Главный упор на занятиях делался на стрельбу. Каждый батальон стремился быть лучшим, в батальонах состязались роты, в ротах — взводы.

В начале сентября нам должен был производить смотр по стрелковому делу приехавший из Петербурга генерал. Экзамен очень важный, так как результаты шли в приказ по военному ведомству. На смотр полагалось представить возможно большее число стрелков, отозвав и находившихся в денщиках.

Наступил день смотра. Батальон был выстроен на стрельбище, приехал инспектирующий генерал, поздоровался, вызвал вперед ротных командиров и предложил тянуть билети-

ки — кому какое упражнение стрелять. На долю нашей роты досталась стрельба по 12-фигурной мишени в рост одиночным огнем из положения лежа с упора на дистанцию 1400 шагов. Стрельба была сложная: нужно было следить за ветром и в соответствии с ним выносить точку прицеливания, целясь даже не под мишень, а на две или четыре фигуры вправо от мишени, так как ветер дул справа.

Дошла очередь стрелять нашей роте. Запретив унтер-офицерам вмешиваться в дело, дабы не нервировать стрелков, я и ротный командир давали точки прицеливания и наблюдали за каждым выстрелом. Рота дала сверхотличный результат. Нечего и говорить, как рады были все в роте, а особенно капитан Федоров. Сверхотлично стрелял и весь батальон, заняв по стрельбе первое место в лагере. Солдаты получили по белой булке и увеличение порции мяса на обед.

Вернувшись 15 сентября в Ташкент, я недолго оставался там. Я считался неплохим гимнастом и строевиком. В Самарканде при 2-м казачьем Уральском полку существовала нештатная окружная школа фехтования, куда посылались на четырехмесячную подготовку офицеры Туркестанской казачьей дивизии и 1-го Туркестанского корпуса из расчета один офицер от бригады и по одному офицеру от каждого казачьего полка. По окончании курса эти офицеры становились инструкторами по фехтованию на рапирах, эспадронах и штыках. По приказанию командира батальона 24 сентября я отправился в эту школу.

2-й казачий Уральский полк был расположен в пяти верстах от Самарканда, в городке. Всего на курсы собралось восемь человек (четыре казака и четыре стрелка). Курсами руководил инструктор из Варшавской фехтовальной школы бывший унтер-офицер из поляков. Занимались фехтованием по четыре часа в день. Это было не так трудно, и мы попросили расписать нас по сотням полка, чтобы учиться верховой езде и конному строю. В город ездить было далеко, и мы изредка выбирались туда. Устав за день, по вечерам сидели большей частью дома за чтением, слушая вой шакалов вокруг нашего барака.

Познакомились с офицерами полка и их семьями, приглядывались и к рядовым казакам. Очень мало было офицеров,

окончивших Николаевское кавалерийское училище в Петербурге, большинство прошло Оренбургское юнкерское училище и по своему развитию не далеко было от простых казаков. Второе, что поражало, — это родственные отношения между казаками и офицерами, все это была близкая или отдаленная родня. Так, командир 1-й сотни есаул Астраханцев, командир 1-го взвода хорунжий Астраханцев и вахмистр этой же сотни также Астраханцев — все родные братья, причем хорунжий по годам был моложе вахмистра. Обращались казаки к офицерам на «ты» с прибавлением только «ваше благородие». Для нас, стрелковых офицеров, это было необычно. Дисциплина была также своеобразная — родственная. Но занятия шли своим чередом, и полк в строевом отношении был не плохой. Впоследствии во время мировой войны мне снова пришлось столкнуться с этим полком, который входил в состав 2-й казачьей Туркестанской дивизии, начальником штаба которой во время войны я пробыл около двух лет. Тут-то мне и пригодились знания обычаев и нравов казаков как этого полка, так и других.

На рождественские праздники я вернулся в Ташкент в свой батальон. Как-то в гарнизонном собрании встретил Генерального штаба полковника Дагаева, который, помня мою работу во время прикомандирования к штабу округа, предложил мне перейти па службу в штаб помощником старшего адъютанта мобилизационного отдела.

Такое предложение мне, всего год назад выпущенному из училища офицеру, конечно, льстило. К жалованью я получил бы прибавку 25 рублей в месяц, надел бы красивую адъютантскую форму: красный воротник с белым кантом, красная подкладка у сюртука, аксельбанты, шпоры и т.д. Минусом было то, что я уходил из строя, и двери Академии Генерального штаба для меня, как для офицера, не прослужившего трех лет в строю, уже навсегда закрывались.

Решил посоветоваться со старшими товарищами, и прежде всего с председателем суда общества офицеров капитаном Смирновым. Он просил дать ему подумать и в то же время доложил командиру батальона Бердяеву. Тот вызвал меня к себе и поставил вопрос прямо: собираюсь ли я идти в академию и что

толкает меня уйти из батальона. Я ему чистосердечно ответил, что в Академию Генерального штаба готовиться собираюсь. Разговор закончился тем, что Бердяев посоветовал отказаться от предложения Дагаева, что я и сделал. Затем я уехал снова в Самарканд заканчивать курс в фехтовальной школе.

Между тем уже с января 1904 года шла Русско-японская война. Мы с жадностью следили по газетам за ее ходом, с болью в сердце переживали поражения русской армии, выслушивали хулу на Куропаткина, который начинал службу в нашем батальоне. Многие, конечно, стремились уехать на театр военных действий, и кое-кто из офицеров Генерального штаба действительно уехал, но нас, строевых офицеров, из войск не брали и никакого хода докладным не давали. Наш округ граничил с Афганистаном, а так как Англия была в союзе с Японией, то войска Туркестанского округа не только не ослаблялись, но даже усиливались. В 1905 году мы почти одновременно с маньчжурскими армиями получили пулеметы, и к нам в батальон прислали призванных из запаса прапорщиков. Только с их прибытием разрешили от каждого батальона послать на Дальний Восток по два младших офицера. Жребий, брошенный офицерами батальона, обошел меня.

Уехали два поручика, вытянувшие жребий, и, по особому ходатайству, капитан Смирнов.

Мой товарищ из 2-го резервного Ходжентского батальона Михалевский вытянул жребий, уехал и, к сожалению, в первом же бою был убит. Погиб и мой сотоварищ по караулу в Кремле весной 1903 года Бирюков.

На полях Маньчжурии русская армия накапливала боевой опыт, хотя и в неудачных боях. До нас он доходил слабо — через раненых офицеров или из газет. Наши окружные приказы молчали, и подготовка войск велась по прежним боевым уставам.

В 1904 году уехал командир Туркестанского корпуса генерал Топорнин, назначенный командиром 16-го армейского корпуса на западной границе. Мы ожидали нового командира корпуса — генерала Церпицкого. О нем можно написать книгу, рассказав, как офицер-очковтиратель делал карьеру в старой армии. Все знали, вплоть до военного министра, об очковтира-

тельстве Церпицкого, благодушно посмеивались, а он все шел да шел вперед по служебной лестнице. Этот генерал завалил нас приказами по корпусу, касающимися внутреннего порядка, а отнюдь не боевой подготовки.

НАЧАЛЬНИК УЧЕБНОЙ КОМАНДЫ БАТАЛЬОНА И ПОДГОТОВКА В АКАДЕМИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Не только Русско-японская война волновала в то время Россию. В стране не прекращались стачки рабочих и крестьянские волнения. Я должен придерживаться той оценки внутреннего положения России, каким оно рисовалось мне в те времена. Из газет, выходивших под цензурным гнетом, многого почерпнуть было нельзя, а из других каналов до меня доходили отрывочные сведения.

Еще летом 1903 года я узнал о расстреле войсками на моей родине в Златоусте рабочих, собравшихся на площади перед заводом и домом горного начальника, чтобы предъявить свои требования.

Осенью 1903 года я уехал в Туркестан, где в 1904 году было сравнительно спокойно. В казармах — ни прокламаций, ни каких-либо выступлений. Правда, в беседах солдаты, особенно из крестьян, не раз говорили о нехватке земли, о малом душевом наделе.

Из журналов я любил читать «Мир божий» и «Журнал для всех», в которых в отличие от прочих «толстых» журналов давались хорошие политические обзоры. «Журнал для всех» — дешевый журнал, рассчитанный на массового читателя, был либерального направления. Попадались в этих журналах и статьи о социал-демократическом учении и движении главным образом за границей.

Когда я жил еще в Самарканде, произошло «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, которое нашло отклик и в офицерской среде. Подробности этого великой важности события в таком отдаленном городке, как Самарканд, были неизвестны,

но стрельба войск по шедшим с иконами рабочим была таким происшествием, которое заронило сомнение в правильности принятых правительством мер не в одну офицерскую душу. Разговоров, во всяком случае, было много.

Окончив неполный курс в фехтовальной школе, 26 января 1905 года я вернулся в свой батальон. На следующий день представился командиру батальона полковнику Бердяеву. Он объявил, что назначает меня начальником учебной команды. Я был поражен таким назначением: обычно учебной командой ведал офицер, уже прослуживший достаточно долго в батальоне и имевший чин штабс-капитана, так как начальник учебной команды пользовался правами ротного командира и являлся прямым кандидатом в ротные. Я должен был заменить старого штабс-капитана Маковецкого, который уходил в Ташкентский кадетский корпус на должность воспитателя. Новое назначение ошеломило меня, о чем я и заявил полковнику Бердяеву. Он, однако, посмотрел на это иначе и откровенно сказал, что нужно выдвигать молодых. Приказом по батальону от 31 января 1905 года я был назначен исполняющим должность начальника учебной команды.

Учебная команда не имела своего постоянного штата, за исключением начальника команды, фельдфебеля и двух взводных унтер-офицеров. Постоянный состав команды, как унтер-офицеры отделений, так и рядовые, подготовлявшиеся на унтер-офицерские должности, отбирался из рот и оставался в их списках. Учебная команда готовила унтер-офицеров не только для своего батальона, но и для других мелких частей гарнизона, поэтому в команде, не считая начальствующего унтер-офицерского состава, было от 60 до 70 человек, т.е. больше потребности рот.

Хотя каждый ротный командир сам отбирал кандидатов в учебную команду, так как по окончании ее они к нему же и возвращались, тем не менее начальник команды тоже участвовал в отборе. Отобранные кандидаты держали особый экзамен перед комиссией, назначенной командиром батальона и состоявшей из его помощника по строевой части, двух ротных командиров и начальника учебной команды. После отбора кандидаты при-

казом по батальону зачислялись в учебную команду, но на всех видах довольствия продолжали оставаться в ротах.

Программа обучения в учебной команде была предписана военным ведомством, нужно было только применять ее к местным условиям. Много времени, особенно летом, уделялось инструкторским занятиям, т.е. практической подготовке будущих унтер-офицеров к обучению молодых солдат. Особое внимание обращалось на обучение стрельбе.

Метод воспитания моего бывшего полуротного командира штабс-капитана Бауэра я перенес в учебную команду, сдерживая ротных в наложении взысканий за проступки унтер-офицеров и своего помощника. Я убеждал будущих унтер-офицеров, что отправление их под арест несовместимо со званием начальника, и склонен был ходатайствовать об отчислении трудновоспитуемых в роту, чем о наказании арестом на гауптвахте. До осени 1905 года я не менял унтер-офицерский состав команды. Но с осени заменил и фельдфебеля, и обоих взводных унтер-офицеров. Фельдфебелем я просил утвердить взводного унтер-офицера 1-й роты А.И. Заботкина. Командир роты согласился. Бывший азовский рыбак, человек смелый и энергичный, Афанасий Иванович Заботкин сделался отличным фельдфебелем. Крутой по нраву, но справедливый в своих требованиях, Заботкин держал в руках всю команду и в то же время пользовался любовью всех. Система Бауэра с обязательным докладом предварительно о всех происшествиях в команде пришлась ему по душе. Он был врагом всяких чрезмерных взысканий и завел в команде нечто вроде товарищеского суда чести, где сами рядовые обсуждали проступки товарищей и налагали свои взыскания. Когда осенью 1906 года Заботкин уходил в запас, команда преподнесла ему почетную шашку, а от меня и моего помощника он получил в награду серебряные часы известной фирмы Буре.

Весенний смотр учебной команды прошел хорошо, и я, окрыленный успехами, увереннее стал вести обучение.

В январе 1905 года спешно уехал на Дальний Восток корпусной командир Церпицкий, принявший там 10-й армейский корпус от оказавшегося неспособным генерала Случевского.

Церпицкий не лучше командовал корпусом под Мукденом. Человек большой личной храбрости, он мог командовать самое большее ротой, где эта храбрость могла заменить все остальные качества, требующиеся от начальника в усложнившихся условиях боя. Его временно заменил в Ташкенте начальник казачьей дивизии генерал Шпицберг, пожилой, спокойный и рассудительный человек.

В командном составе батальона также произошли передвижки. Ввиду отъезда капитана Смирнова на Дальний Восток исполнение его должности было поручено командиру 1-й роты капитану Россу, а 1-ю роту для цензового командования принял Генерального штаба капитан у П.В. Черкасов. Это был образованный и скромный офицер, вызывавший к себе симпатии окружающих. После командования ротой он служил в окружном штабе, а затем его, бывшего генерала, я встретил уже в Красной Армии. Во время Гражданской войны он служил в штабе Западного фронта, затем я потерял его из виду. Командир 4-й роты Федоров был произведен в подполковники в 12-й Великолукский полк, расположенный в европейской части России. Роту вместо него принял штабс-капитан нашего батальона Флясс, кончивший Академию Генерального штаба по второму разряду, офицер с малыми знаниями и болезненным самолюбием. Такие офицеры редко шли в строй, стараясь уйти или в военные училища преподавателями, или воспитателями в кадетские корпуса, или даже в интендантство, где их охотно принимали.

На основе опыта Русско-японской войны произведены были организационные изменения: на стрелковую бригаду были сформированы две пулеметные роты, вооруженные каждая восемью пулеметами системы Максима на треногах; одна из рот придавалась нашему батальону, а другая — 2-му стрелковому батальону; офицеры в роты отобраны из всей бригады — лучшие в стрелковом деле; имевшаяся в батальоне пешая команда разведчиков была превращена в конную. Начальником конной команды разведчиков стал молодой офицер поручик Иванов, а помощником его — мой товарищ по выпуску подпоручик Сусанин.

Вести с театра войны на Дальнем Востоке шли неутешительные: проиграно Мукденское сражение, и русские армии начали свое отступление на север, на сыпингайские позиции. Авторитет армии был подорван. Винили единогласно Куропаткина с его «стратегией терпения». Оборона как вид действия опорочивалась, и в то же время наступательные действия наших частей не удавались. Главнокомандующим стал Линевиц, но, откровенно говоря, мало кто верил в его полководческое искусство.

Осенью 1904 года в батальон прибыло еще несколько молодых офицеров из военных училищ. Наши общие офицерские собрания оживились. Председательствовал на этих собраниях помощник командира батальона по строевой части. Постановления их докладывались командиру батальона на утверждение. На одном из таких собраний я был избран заведующим офицерской библиотекой и исполнял эту обязанность два года, почти до отъезда в академию.

Зная хорошо имеющийся фонд библиотеки и считая его устаревшим, я сделал на одном из собраний предложение увеличить ежемесячный взнос на библиотеку с 1 рубля 50 копеек до 2 рублей 50 копеек. Конечно, у офицера был каждый рубль на счету, но при поддержке молодежи мне удалось провести это повышение. Теперь библиотечные деньги составляли около 80 рублей в месяц, что позволило выписывать новые книги. Выходили сочинения Горького, известные тогда сборники «Знание», в которых помещались повести, рассказы новых авторов. Роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» тоже был приобретен. Впоследствии, начиная с 1907 года, пришлось некоторые книги изъять из общих шкафов, но они оставались у нас, и желающим я всегда их давал, хотя и с нарушением правил.

Изыскивая деньги на приобретение книг, с позволения общего собрания я продал часть старых журналов на бумагу, а на вырученные деньги накупил литературных новинок. Организованная мною при собрании маленькая переплетная мастерская позволила экономить деньги для покупки книг.

Перевод с немецкого книги Бильзе «Из жизни маленького гарнизона» и в особенности роман Куприна «Поединок» вы-

звали самую живейшую дискуссию. Многие в романе увидели если не себя, то своих знакомых. Как это ни горько, а нужно признать, что типы в романе Куприна схвачены верно. В нашем батальоне не нашлось донкихотов, которые бы посылали Куприну вызовы на дуэль, как это было в некоторых полках, расположенных в европейской части России. Во всяком случае, кое на кого роман «Поединок» произвел отрезвляющее действие, и не только на офицеров, но и на их жен.

Расширил я также выписку газет. Наряду с «Русским инвалидом» и «Новым временем», газетами явно монархического уклона, на столах читальни появились и «Русское слово», и «Новости», и другие газеты, названия которых я уже не помню, но именно газеты более либерального направления. Выписывались местные газеты «Русский Туркестан» и «Самарканд».

В казармах начали появляться прокламации и воззвания, особенно с осени 1905 года. Полковник Бердяев созвал всех офицеров и разъяснил, чтобы солдат не наказывали, если они найдут и представят прокламации, если они не распространяют их сами.

Однажды осенью 1905 года я и товарищ разговаривали в канцелярии батальона о введении конституции в России. Присутствовавший при этом разговоре подполковник Лепехин, помощник командира батальона, напустился на нас: как мы, офицеры, хотим ограничить волю царя. В это время в комнату из своего кабинета вышел Бердяев. Когда узнал, в чем дело, усмехнулся и сказал подполковнику: «А ведь не плохо было бы, Константин Алексей Александрович (так звали Лепехина), иметь хорошую конституцию наподобие английской». Тот был окончательно сражен и решил, что если командир батальона рушит устой самодержавия, так что же тут говорить, и... постарался поскорее уйти из канцелярии.

17 октября 1905 года вышел известный манифест Николая II, возвещавший о народном, вернее буржуазном, представительстве, свободе слова, печати, собраний и т.д. По городу прокатилась волна митингов, собраний, не обошлось дело и без стрельбы у городской думы. Выпущены были политические арестованные из тюрьмы.

Среди офицеров происходили порой жаркие споры по поводу самых существенных вопросов положения в стране, действий правительства. Однако долг службы брал верх, и сколько бы ни спорили между собой, службу несли исправно. Масса солдат оставалась в повиновении у своего начальства, только больше предлагалось вопросов в связи с различными политическими событиями, а ответы давались на них порою, может быть, и не совсем толковые. Спокойствие командира батальона полковника Бердяева передавалось и остальным офицерам батальона. Одно могу сказать, что черносотенных настроений в батальоне не было.

Жизнь шла вперед. Старый город хранил полное спокойствие.

Выше я уже говорил, что представляла собою крепость в городе Ташкенте. В одной из бастионных двухэтажных казарм, выходящих на эспланаду нового города, размещался 1-й резервный Ташкентский батальон. Батальон этот был сформирован при Петре I как драгунский Сибирский полк, участвовал в битве под Полтавой, при Елизавете был отправлен в Сибирь, там со временем спешен, обращен в линейный батальон. Из Сибири со стороны Семиречья батальон участвовал во взятии Ташкента и затем был превращен в Ташкентский резервный батальон. Как потом выяснилось, в батальоне было плохо поставлено хозяйство, что вызывало резкое недовольство солдат.

15 ноября вечером после переключки солдаты 1-го резервного Ташкентского батальона разобрали винтовки и устроили митинг во дворе крепости. Это небольшое «восстание», если его можно так назвать, закончилось короткой перестрелкой, причем по недоразумению из состава стрелковых батальонов, окруживших митинговавший батальон, один офицер был убит и один ранен. Ночью резервный батальон сложил оружие и был введен в свои казармы.

В ноябре произошел еще чрезвычайный случай: во 2-й пулеметной роте 1-й стрелковой Туркестанской бригады в одну из непогожих осенних ночей из склада с оружием были украдены все восемь пулеметов, а с ними исчез и охранявший склад часовой.

Скандал был немалый. Полиция ничего не могла установить, хотя по ее указанию не один хлопковый склад был перевернут войсками в поисках пулеметов. Лишь через несколько недель один пристав узнал, что пулеметы зарыты за городом. Начальство этой роты предали суду, командира 2-го стрелкового батальона уволили со службы. А спустя несколько месяцев, весной 1906 года, при выходе из театра пуль в голову был убит пристав, что разыскал пулеметы; стрелявший скрылся в толпе.

Должен здесь сказать, что кража оружия, винтовок, револьверов была нередким явлением для войск Туркестанского военного округа. Причем кража производилась самими солдатами, много оружия увозилось на Кавказ, особенно в Баку. За оружие и патроны платили хорошие деньги.

Поэтому, как правило, винтовки в пирамидах были даже закрыты на цепочки, продернутые через скобку. Ключи хранились у дежурного по роте, который вел точный учет оружия, принимал и сдавал его под расписку. Дежурный по батальону ночью пересчитывал все винтовки и отмечал их наличие в книге дежурного.

Поражение русской армии в 1901 и 1905 годах и революция 1905 года являлись такими событиями, которые встряхнули былую спячку Русского государства.

Офицерству уже трудно было жить одними уставными положениями. Оно обязано было само знать программы всех партий, не исключая и социал-демократической, чтобы не оказаться политически безграмотным перед солдатом. Я стремился в библиотеке предоставить в распоряжение офицеров литературу всех направлений.

Любимый мною журнал «Мир божий» оказался вскоре закрытым за статью о генералах русской армии. Все мы с большим любопытством прочитали эту статью, поучительную для каждого организатора военных сил, даже вплоть до настоящих дней. С цифрами в руках, опровергнуть которые было нельзя, так как журнал наглядно показал, что на каждые 500 солдат русской армии, т.е. на один батальон, приходилось по одному генералу. Явление явно ненормальное. Где же были эти гене-

ралы? Очень многие из них заведовали различными приютами или даже родильными домами, «состояли в распоряжении». Журнал обещал продолжать статистику на полковников и ниже, но был закрыт.

Хотя никаких официальных наставлений и руководств с учетом опыта русско-японской войны еще выпущено не было, но уже в литературе подводились некоторые итоги в области ведения боя. Прежде всего были учтены методы ведения японцами наступления — широкие цепи, перебежки группами и по одному, переползание. Ползать начали все и даже на большие расстояния, причем дело доходило до курьезов. Так, один командир батальона, развернув батальон в цепи, приказывал всему батальону ползти, а потом по строевой команде «Кругом!» весь батальон вертелся на животах и полз в обратном направлении.

После революции 1905 года было улучшено обеспечение солдат постельными принадлежностями: одеяло выдавалось на 3 года и в дальнейшем поступало в собственность солдата, выдавали простыни, носовые платки, полотенце, наволочки. Введена выдача чая и сахара.

Наконец была введена и защитная форма одежды, но как это всегда бывало в старой армии, все подгонялось под общий знаменатель. Поэтому для Туркестана мы получили обычную защитную форму для лета, как и в европейской части, причем срок носки совершенно не был сообразован с качеством материала. Мало того, что зеленая окраска к концу лета исчезала совсем, а рубаха и шаровары становились неприлично пятнистыми, они просто расплзались от пота. Солдат старался их зашить, а материя ползла. Снова приходилось зашивать, но более сметливые солдаты пришивали клоки брюк просто к кальсонам, более крепким, и на ночь все это сооружение снималось вместе.

Отвлеченный учебной командой, я не мог весной 1908 года подготовиться к экзамену для поступления в Академию Генерального штаба. Осенью 1908 года после демобилизации маньчжурских армий в батальон вернулись и командированные на войну три офицера: подполковник Смирнов (произведенный на

войне) и штабс-капитаны Фенин и Акимов. Тогда я обратился к полковнику Бердяеву с просьбой освободить меня от должности начальника учебной команды, чтобы начать подготовку к экзаменам. 27 октября 1906 года я сдал учебную команду старшему в батальоне штабс-капитану Фенину и вернулся в 1-ю роту командиром полуроты. Приказом по военному ведомству от 20 ноября 1908 года меня произвели в поручики со старшинством с 10 августа, т.е. с момента выслуги мною трех лет в чине подпоручика. 1-ю роту вместо кончившего годичное командование ротой Генерального штаба капитана Черкасова принял для такого же цензового командования состоявший для особых поручений при командующем войсками подполковник Белов. Занимая долгое время штабные должности, он оторвался от строя, и мне приходилось ему много помогать.

Белов состоял при опальном великом князе Николае Константиновиче. С возвращением князя в Ташкент в середине 1907 года Белов снова вернулся к исполнению должности при этой оригинальной фигуре из дома Романовых.

Рассказы Белова, да и других позволяют сказать несколько слов о великом князе, об этом «бунтаре». В Ташкенте он находился в ссылке, под надзором туркестанского генерал-губернатора. Признанный помешанным, Николай Константинович был настолько под опекой, что без согласия генерал-губернатора не расходовал, пожалуй, и карманных денег.

Предание гласило, что в молодости Николай Константинович прилежно учился и первым из всех великих князей прослушал курс Академии Генерального штаба, где и был занесен как окончивший курс с малой золотой медалью на мраморную доску. Видя такое рвение к учебе, все великие князья подсмеивались над ним и называли его не иначе, как «будущий Мольтке».

Однажды в театре, входя в царскую ложу, Николай Константинович встретил Александра III, бывшего еще тогда наследником, который и бросил ему фразу: «Здравствуй, Мольтке», на что Николай Константинович ответил: «Лучше быть Мольтке, чем случайным дураком на троне», намекая этим на то, что Александр III оказался наследником только вследствие

смерти своего старшего брата Николая. Произошел, что называется, «семейный скандал». Влетело, конечно, не «дураку на троне», а Николаю Константиновичу, который и запил. К тому же он ухаживал за какой-то дамой, требовавшей больших расходов.

Недолго думая, Николай Константинович украл у матери икону, на ризе которой были бриллианты, и затем все это обратил в деньги. Дело вскрылось, и признанный «семейным судом» ненормальным, князь был уволен из военной службы и сослан в Оренбург. В Оренбурге он вытворял различные чудачества...

В конце октября 1906 года полковник Бердяев получил назначение командиром 5-го стрелкового полка, стоявшего в Польше. С большой сердечностью и сожалением мы проводили уважаемого всеми командира к месту его новой службы. Вместо него командиром батальона был назначен из европейской части России один из помощников командира полка по строевой части, фамилию которого я забыл, настолько он был ничтожен.

С января 1907 года я мог приняться за подготовку к экзаменам в Академию Генерального штаба. Экзамены проводились по тактике, строевым уставам всех родов войск, артиллерии, инженерным войскам, по математике за полный курс реального училища (арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии), по всеобщей и русской истории, географии (по неммым картам), по русскому языку (диктант и сочинение), немецкому и французскому языкам и, наконец, по верховой езде. Необходимо было много возобновить в памяти из того, что за время, прошедшее с окончания реального училища в 1900 году, основательно забылось. Приходилось нести службу, поддерживать товарищеские отношения. Для подготовки оставалась лишь ночь. Поэтому я распределил свое время так: придя с утренних занятий и пообедав, я ложился спать и спал часов до 7 вечера, а потом до 5 часов утра готовился к экзаменам. Поспав с 5 до 8 утра, шел на утренние занятия. Пришлось превратиться в затворника.

За всю историю батальона, начиная с 1865 года, я был третьим, кто направлял свои стопы в академию. Первым кончил

ее Куропаткин, вторым в 1906 году поступил поручик Руднев, окончивший ее в 1908 году по второму разряду. Третьим безумцем был я. Из всех частей округа, желающих поступить в академию, оказалось только пять человек: два командира стрелковых батальонов, один — резервного пехотного батальона и два артиллериста.

Подав рапорт о желании поступить в Академию Генерального штаба, я стал готовиться прежде всего к окружным испытаниям, которые проводились в начале мая. Испытания эти состояли из решения тактической задачи с приложением объяснительной записки и приказа, сочинения по русскому языку и верховой езды.

Темы по первым двум предметам присылались из академии так же, как и бумага, причем на первом листе бумаги имелся отрывной клапан. На этом клапане и на самом листе бумаги были поставлены идентичные номера. На клапане писались имя, фамилия, воинская часть, ставилась подпись. Текст экзаменационной работы не подписывался. Производящий экзамен в присутствии экзаменуемого отрывал клапан и вкладывал в специальный конверт, прочие же листы бумаги — в другой. Оба конверта печатавались и отправлялись в академию. Конверт с клапанами хранился у начальника учебной части, а тексты раздавались для оценки преподавателям, которым не были известны фамилии экзаменующихся. После того как работа была оценена преподавателем, в учебной части к ней приклеивался клапан с соответствующим номером, и тогда выяснялось, кто допускается к экзаменам в Петербурге, кто нет.

По тактике задача была на марш пехотного полка с артиллерией. По русскому языку — сочинение на тему «Значение личности в бою по роману Толстого “Война и мир”». Экзамен по верховой езде заключался в манежной езде и проверке умения преодолевать простейшие препятствия. Сдав эти три экзамена, мы продолжали готовиться к предстоящим испытаниям в Петербурге. В начале июня пришло уведомление из академии, что все мы пятеро допускаемся к экзамену. После этого я имел право на освобождение от службы, чем и не замедлил воспользоваться. Дома я не был уже четвертый год,

и мне хотелось уехать к родителям, чтобы там готовиться к экзаменам в более благоприятных условиях. Но этому воспрепятствовал командир батальона. Тогда я решил обратиться в штаб округа, и оттуда дали указание немедленно отпустить меня для подготовки к экзаменам. Сердечно простившись с товарищами в лагерях, я в конце июня, нагруженный книгами, уже по Оренбургско-Ташкентской железной дороге выехал на север. В первых числах августа был дома. Брат Евгений учился уже на четвертом курсе Электротехнического института в Петербурге. Младшая сестра Юлия служила учительницей в начальной школе в 17 верстах от Белебея.

Отдохнув два дня, принялся за подготовку к экзаменам. Как ни приятно было жить дома, я все же решил поехать в Петербург, чтобы там продолжать подготовку, особенно по иностранным языкам, чего в Белебее сделать не мог. 17 августа я уже был на Николаевском вокзале в Петербурге, 20 августа 1907 года рапортом донес, что прибыл в Академию Генерального штаба на экзамены, и приказом был зачислен как явившийся в академию.

Начинался новый этап жизни.

АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Мелким дождем встретила меня столица России. После ярких красок и солнца Туркестана особенно мрачным показался Петербург с его серыми многоэтажными домами.

Оставив вещи на вокзале, я пешком прошел до Суворовского проспекта, где находилось здание академии, и по вывешенным в парадных зеленого цвета билетикам начал подыскивать себе комнату. На 4-й Рождественской улице нашел то, что искал.

Побывав в академии, узнал адреса кое-кого из прибывших держать экзамены туркестанцев, разыскал их и теперь мог приступить к продолжению подготовки. Математики я не боялся. Оставалось лишь кое-что почитать по всеобщей и русской истории, а главным образом подтянуться по языкам. Если по немецкому я рассчитывал выпутаться своими силами, то по французскому нужна была практика в произношении, неплохо было бы восстановить знание грамматики.

Уже несколько лет в академии давали для перевода книгу «Наполеон в Италии», которая у меня была. Труднее найти учителя. Купил газету «Новое время» с ее громадными объявлениями и выбрал адрес поближе к дому. Отправился по нему. Спрашиваю, здесь ли живет учительница французского языка. Горничная отвечает: «Здесь». Через минуту выходит молодая элегантная особа. Я попросил заняться со мной французским языком, она согласилась. На следующий день явился на урок. При чтении она меня поправляла, но когда дело дошло до перевода, то тут я превратился в учителя, так как военные термины ей были незнакомы. Прозанимавшись еще день, моя учительница честно созналась в своем бессилии переводить военные книги. Мы расстались.

Выйдя на Невский проспект, я совершенно случайно встретил пожилую сестру одного из ротных командиров 4-го стрелкового Туркестанского батальона Тикоцкую, которой и поведал о своем горе. На мое счастье, оказалось, что она, живя в Петербурге на пенсию, занимается и языками, делая переводы. Обрадовавшись, я попросил Тикоцкую помочь мне. И вот в течение 10 дней, которые оставались до начала экзамена, она по 2—3 часа в день занималась со мной по обоим иностранным языкам. Для поступления в академию необходимо было выдержать испытания по русскому языку — диктант и сочинение, общей тактике, уставам родов войск, специальный экзамен по артиллерии, математике в полном объеме за реальное училище, географии, общей и русской истории, по иностранным языкам и верховой езде. По каждому предмету нужно было иметь не менее 6 баллов по 12-балльной системе, а в среднем за все предметы не менее 8 баллов. Причем по иностранному языку, если переводить со словарем, то получишь 9 баллов, без словаря 10 баллов, а кто берется написать маленькое сочинение, то от 10 до 12 баллов.

Помимо программы каждый из профессоров задавал свои излюбленные вопросы, которые тут же записывались, позже литографировались слушателями и ходили по рукам под наименованием «рыбьих» вопросов. Так, профессор тактики генерал Колюбакин требовал определить одним словом, каким

должен быть партизан. Экзаменующийся мог говорить все что угодно: и сметливый, и храбрый, и т.п. Эти ответы не устраивали Колюбакина. По его мнению, все понятие о партизане определялось одним словом: отчаянный. Так же обстояло дело и с другими профессорами и преподавателями.

С начала сентября начались экзамены, которые с некоторыми перерывами на подготовку к следующему предмету закончились к первым числам октября. Первыми шли русский язык и верховая езда. Несколько человек, получив неудовлетворительные отметки по этим двум предметам, перестали держать дальнейшие экзамены. Может показаться странным, что верховая езда могла иметь решающее значение в подготовке будущего ученого офицера. Объясняется это опытом русско-японской войны. В бою под Яньтайскими копиями дивизия Орлова, попав в высокий гаолян, рассыпалась. Управление дивизией было потеряно. Начальника дивизии генерала Орлова ранило, а начальника штаба конь занес в тыл, и подполковник не смог справиться с ним. Поэтому решили, чтобы впредь верховые лошади не заносили офицеров, потребовать от офицеров Генерального штаба хорошей верховой езды. Забыл фамилию этого начальника штаба 54-й пехотной дивизии, но во время мировой войны он, будучи уже генерал-майором и исполняющим обязанности начальника штаба Новогеоргиевской крепости, капитулировал вместе с крепостью. Поэтому едва ли в бою под Ляояном был так уж сильно виноват конь, затащивший его в тыл. Однако в русской армии так было принято: коли учитывать опыт, так учитывать.

После каждого экзамена объявлялся полученный балл, и уже сами экзаменующиеся решали, нужно ли дальше держать экзамены, или пора сходить с круга.

По математике экзамен вели два генерала-геодезиста: один, известный своими трудами по геодезии и топографии Витковский, который легко спрашивал и ставил хорошие отметки, другой — генерал Шарнгорст, пользовавшийся репутацией неподкупного и принципиального человека, строго спрашивавший и столь же строго ставивший баллы.

Все, конечно, мечтали попасть к Витковскому, но нужно было кому-то и страдать. Мне пришлось экзаменоваться у

Шарнгорста. По алгебре в большой задаче по освобождению от иррациональности я сделал ошибку, которую сам и обнаружил. На глазах Шарнгорста исправил ошибку и, стерев пометки, правильно решил задачу. Это не снизило отметки, и я по математике имел 12 баллов.

По немецкому языку получил 10 баллов, а по французскому — 8. Перевел так, что в одном из сражений в Италии Наполеон отправил «ездящую пехоту» по выбранному направлению. А надо было: посадил пехоту на лошадей. К этому переводу придрался ассистент Генерального штаба полковник Ниве. Он задал вопрос: «Разве была “ездящая пехота” у Наполеона?» — «Нет, не было», — ответил я. — «Ну тогда и переводите, как написано в подлиннике». Я тут же исправил свою ошибку, но из-за того, что не смог правильно перевести военный термин, мне снизили балл.

Остальные экзамены прошли хорошо.

Как выяснилось впоследствии, из 300 человек, экзаменовавшихся в округах, к экзамену в Петербурге было допущено 150, т.е. 50 % желающих поступить в академию. По документам архива бывшей Николаевской академии Генерального штаба в 1907 году было принято 124 человека, причем 9 человек зачислено дополнительно с разрешения начальника Генерального штаба, как получившие неудовлетворительные баллы по французскому языку (5 баллов) при хороших общих других баллах.

Первым выдержал испытания корнет (первый офицерский чин в кавалерии, соответствовавший званию подпоручика. — *Ред.*) 14-го драгунского Нижегородского полка Пац-Помарнацкий. Он имел самый высокий средний балл — 10,23. Последним зачислен в академию артиллерист поручик Григорьев со средним баллом 8. Я выдержал испытания со средним баллом 9,82 и поступил в академию шестнадцатым.

Итак, на 150 офицеров, приехавших держать экзамен в академию, было принято 124 человека, т.е. 82,6 %. Из 124 офицеров 35 являлись представителями гвардейских частей, т.е. 28,2 %, а остальные 71,8 % приходились на офицеров армии. Сравнительно высокий процент гвардейских офицеров, выдержавших

экзамены, можно объяснить хорошей подготовкой служивших в гвардии офицеров. Из военных училищ в гвардейские полки шли офицеры со средним баллом не менее 10, а из этой массы в академию готовились лучшие. По родам войск поступившие распределялись:

- 67 офицеров 54,1 %
- 15 офицеров 12,1 %
- 36 офицеров 29,0 %
- 6 офицеров 4,8 %.

Приказом по Генеральному штабу от 16 октября 1907 года за № 96 все выдержавшие испытания были зачислены на младший курс академии.

Теперь нужно было подумать о подыскании большей по размеру комнаты: мы решили жить с братом вместе, хотя электротехнический институт, в котором он учился, был расположен на Аптекарском острове на Петербургской стороне. Комнату я скоро нашел на Суворовском проспекте между 5-й и 6-й Рождественскими улицами на четвертом этаже в квартире заместителя начальника главного военно-ветеринарного управления. За комнату с обедом я платил 40 рублей, утренний и вечерний чай входил в мои расходы, завтракал же в столовой академии. С производством в поручики я уже получал 74 рубля жалованья, к этому по Петербургу выплачивалось 25 рублей квартирных ежемесячно. Таким образом, бюджет возрос до 100 рублей в месяц. Все книги для занятий и большинство конспектов слушатели получали из склада учебных пособий академии во временное пользование, на приобретение же чертежных и канцелярских принадлежностей и карт выдавалось пособие при поступлении в академию 140 рублей и затем при переводе с курса на курс 10—100 рублей ежегодно.

Академия Генерального штаба помещалась на Суворовском проспекте в специально построенном для нас двухэтажном здании, имеющем форму буквы «П». Перед зданием был разбит небольшой сквер с памятником павшим в боях офицерам Генерального штаба. Рядом с учебным зданием академии по переулку, соединявшему Суворовский проспект с Кирочной улицей, тянулись корпус для квартир постоянного состава ака-

демии, Суворовская церковь, перенесенная из села Кончанского, Суворовский музей — небольшое здание с мозаикой на темы походов Суворова в Швейцарии. Сзади основного учебного здания был небольшой манеж для верховой езды, конюшня полуэскадрона и казарма для него. Внутри основного учебного здания в первом этаже размещались учебная часть академии, канцелярия, квартира начальника академии, вешалки. Во втором этаже были две большие аудитории для старшего и младшего классов, конференц-зал и несколько небольших комнат для занятий дополнительного курса, библиотека, склад учебных пособий, курительная комната, столовая и буфет. Завтракали почти все слушатели в академической столовой, обедали большинство у себя дома.

Начальником академии при мне был генерал Щербачев, командовавший корпусом, 7-й армией во время Брусиловского прорыва и Румынским фронтом во время мировой войны. Авторитета в академии Щербачев не имел. Попал на пост начальника академии и в свиту Николая II за активное участие в подавлении революции 1905 года. На экзаменах он почти всегда молчал, не задавал вопросов, а на защите дипломных тем офицеров дополнительного курса присоединялся то к одному, то к другому оппоненту, а то и к обоим вместе. Со слушателями Щербачев не общался, был больше администратором, чем настоящим ученым начальником академии.

В постановке учебного процесса имел большой вес правитель дел академии, он же и начальник учебной части, полковник Баиов, читавший нудно и скучно историю русского военного искусства. В Генеральном штабе было три брата Баиовых: старший, наиболее талантливый, с начала мировой войны был начальником штаба 1-й армии генерала Ренненкампа; второй, менее талантливый, — правитель дел в академии, во время войны был начальником штаба одной из армий; третий учился со мной, судьбу его не знаю.

Защитив диссертацию по походам Миниха, профессор Баиов стал точной копией этого медлительного фельдмаршала русской армии, восприняв от него сухость и бездарность в военном деле. Лекции его, издаваемые академией, являлись

компиляцией трудов историков, таких, как Ключевский. Баиов был бесталанный. Он не мог пробудить в слушателях любовь к русскому военному искусству. Баиов далек был от слушателей, как и его шеф Щербачев. Чаше соприкасались со слушателями штаб-офицеры — заведующие полукурсами, но, по правде сказать, к ним обращались редко, главным образом по личным делам. Слушатель-офицер, предоставленный самому себе, рассчитывал лишь на собственные силы. Это, пожалуй, было и неплохо.

Кто и как жил из офицеров, не интересовало начальство, даже заведующих полукурсами штаб-офицеров. Но зато учебная часть строго следила за посещением уроков верховой езды и лекций. Причем, как только слушатель приходил в академию или манеж, он тут же расписывался. Если подписи не было, то в тот же день вечером на квартиру присылали служителя с запросом правителя дел академии, на который сейчас же нужно было дать ответ, почему слушатель сегодня отсутствовал.

Учебный день начинался рано. Три раза в неделю в 8 часов утра мы уже были в седле, занимались в манеже верховой ездой. С 9 утра — лекции. Продолжались они до 12 часов дня, потом 30-минутный перерыв для завтрака, и до 4 часов дня снова лекции, групповые занятия по тактике или же топографическое черчение. После 4 часов слушатели расходились. На младшем курсе нам мало приходилось заниматься дома, поэтому вечерами я приводил в порядок записи и читал необходимую литературу.

На первом курсе нам читали лекции по тактике пехоты, конницы, артиллерии, по полевой фортификации, устройству вооруженных сил вообще и армий важнейших европейских государств и Соединенных Штатов Америки, по истории военного искусства с древнейших времен до Наполеона включительно, истории русского военного искусства, по геодезии, истории XIX века и русской истории. Изучение иностранных языков было необязательным. Желающие занимались по вечерам.

Лекции по тактике пехоты читал профессор генерал Данилов Николай Александрович — начальник канцелярии Военного министерства. В отличие от других Даниловых наш носил

кличку Рыжий. Данилов был отличным профессором, глубоко знавшим свой предмет, умевшим возбудить у слушателей самый живой интерес к нему. Тактику конницы вел профессор полковник Елчанинов. Его брат писал талантливые фельетоны в журнале «Разведчик» под псевдонимом Егор Егоров. Профессор же Елчанинов был полнейшей бездарностью. До академии — пеший артиллерист, до страсти влюбленный в конницу. Плохой ездок, он иногда приходил на лекции с забинтованной головой. За это и за его ум офицеры и прозвали Елчанинова «всадником без головы». Какой только чепухой не были наполнены его лекции! Сюда включалось все, вплоть доковки коня. С трудом мы усваивали этот бред, даже кавалеристы не всегда его понимали. Однажды на лекцию пришел начальник Генерального штаба генерал Палицын, сам кавалерист. По окончании лекции он спросил у слушателя, что за толстая книга лежит на его столе. Узнав, что это конспект лекций Елчанинова по тактике конницы (содержавший более 1000 страниц и продававшийся слушателям учебной частью академии), он вежливо попросил подарить ему. Результатом знакомства Палицына с конспектом было распоряжение дать Елчанинову дочитать курс до весны. Затем преподавание тактики конницы перешло уже в другие руки. Хорошо читали полевую фортификацию военный инженер полковник Иппатович-Горанский, профессор Военно-инженерной академии, тактику артиллерии — умный профессор полковник Дельвиг.

Курс устройства вооруженных сил и армии важнейших государств блестяще вел профессор полковник Гулевич. До него не менее блестяще курс читал бывший военный министр Редигер, написавший по этому вопросу прекрасную книгу. Гулевич придерживался курса Редигера, обновив его новыми данными. Он привлекал офицеров простотой и ясностью изложения этого до некоторой степени сухого предмета. Во время мировой войны генерал Гулевич был начальником штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (при генерале Алексееве) и, нужно сказать, высказывал здравые оперативные мысли. Один недостаток был у Гулевича — он был в полном смысле барин, и по виду, и в работе. С 1915 года я потерял его из виду.

Историю военного искусства до наполеоновской эпохи, к нашему несчастью, читал тот же профессор Елчанинов. Это была тысяча и одна ночь. У меня случайно сохранились записки, которые я вел по этому предмету. И вот теперь, шестидесятилетним человеком, просматривая иногда эти записки, я вижу, какой же бездарной чепухой были лекции «всадника без головы».

С трудом слушали мы лекции профессора Баиова по истории русского военного искусства до Суворова. Наполеоновскую эпоху, за исключением войн 1807 года в Восточной Пруссии, войн 1812—1814 годов, но с включением 100 дней, читал подполковник Головин. Читал хорошо, особенно войну 1809 года, хотя, конечно, далеко не так красочно, как она изложена в труде профессора Сухотина. Для начинающего свою педагогическую деятельность подполковника Головина лекции были неплохи и слушались с большим вниманием. Видно было, что на кафедре стоит живой человек, подготовившийся к лекциям. В 1916 году судьба столкнула меня уже с генералом Головиным, начальником штаба 7-й армии Щербачева в Галиции.

Генерал Шарнгорст вел у нас курс геодезии. Мы тщательно записывали его лекции не потому, что они были очень интересны, экзаменационный балл по геодезии шел в общий балл по окончании академии. Средний балл для окончания академии был 10. Таким образом, если слушатель по геодезии получал ниже 10 баллов, то он обязан был по какому-либо другому предмету получить выше 10. Такое же значение при окончании академии имели история XIX века и русская история.

Историю XIX века читал очень интересно, но не для всех, профессор Высших женских курсов Форстен. Курс состоял не только из перечисления исторических фактов. Он знакомил нас и с теми философскими взглядами, которые возникли в XIX веке. Форстен, нужно отдать ему должное, рассказывал нам и о трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса, о I Интернационале и Парижской коммуне. Увлекавшийся близорукий профессор с жаром взывал к аудитории, половина которой слушала и вела записи, а другая половина, демонстративно развернув во весь лист газету, вроде «Нового времени», чита-

ла, не слушая лектора. По правде говоря, Форстен не терпел офицерской аудитории, считая ее мало подготовленной к восприятию его лекций. Он выговорил себе такое право при выведении среднего балла: если по его предмету слушатель на экзамене получал меньше 6 баллов, то и общий средний балл по истории считался неудовлетворительным.

Русскую историю до времен Александра III читал профессор истории Платонов. Нужно ли говорить об этом эрудированном историке? Его лекции были в высшей степени содержательны, умны и до мелочей подготовлены. Если Форстен читал с пафосом, излагал те или иные философские взгляды, то профессор Платонов привлекал к себе своей простотой. Его речь плавно и непринужденно лилась с кафедры, захватывая всю аудиторию. Заядлые читатели газет, преимущественно из числа гвардейских офицеров, откладывали их в сторону и слушали лекции этого профессора — сказителя русской истории, в особенности когда он садился на своего конька — Смутное время.

По старым традициям от офицера Генерального штаба требовалось не только знание карт, но и умение организовать съемку и вычертить планшет съемки инструментальной или глазомерной. Причем дело не ограничивалось изображением рельефа местности в горизонталях, а нужно было уметь преподнести его в штрихах. И вот немало дорогого времени слушатели младшего курса уделяли занятиям в классе по изображению рельефа штрихами.

Были виртуозы этого впоследствии совершенно ненужного предмета. Тягуче и нудно шли занятия. Развлекал только своими рассказами по истории академии «профессор» штриха — старый, согбенный, с седой и длинной бородой генерал-майор Зейфарт — старейший преподаватель академии. Сам он учился в ней во времена Николая I и рассказывал, что учили в то время в академии так, как ныне сапожник учит своих подмастерьев. Этому можно было верить. Много лет было Зейфарту, но старик еще при мне бодро бегал, проверяя съемки слушателей. По общей тактике мы занимались группами по 6—7 человек. Таких групповых занятий было три в неделю, причем каждое занятие длилось не менее двух часов. Руководителей из пре-

подавательского состава не хватало, и для ведения занятий приглашались офицеры, служившие в Генеральном штабе и Военном министерстве. Занятия эти хорошо оплачивались, и желающих вести их было много. На младшем курсе проходили пехотный полк, усиленный артиллерией, во всех видах боевой деятельности, а в конце зимы слушатели работали уже над дивизией. В моей группе руководителем был сначала полковник <ошибка>, а потом полковник Бонч-Бруевич — толковые и знающие офицеры. Оба во время мировой войны занимали высокие штабные должности и оба работали в Красной Армии. По заданию группового руководителя различные письменные документы — приказы, схемы и расчеты — давались слушателям на дом, а в группе производился их разбор. Это, в сущности, было единственное прикладное занятие. Веяния французской высшей военной школы с ее прикладным методом преподавания с трудом прививались в Академии Генерального штаба и за время моего пребывания в ней широкого распространения не получили. Метод преподавания в основном был лекционный. Академия Генерального штаба готовила больше теоретика, чем практика для службы в войсковых штабах.

Как я уже говорил, уроки верховой езды считались первостепенными. На младшем курсе слушателям, за исключением кавалеристов, которые составляли особую смену, давались уже вполне выезженные кони. От слушателя требовалось, чтобы он крепко сидел в седле. Для укрепления посадки езда преподавалась без стремян. Команда «Закинуть стремяна» на некоторых производила удручающее действие, и на препятствиях кое-кто валился с коня. Вел занятия командир взвода полуэскадрона поручик Менжинский. Хотя в Европе в штабах на смену коню приходил автомобиль, мы в 1910 году еще крепко сидели на коне.

Влияние опыта Русско-японской войны мало сказывалось на наших занятиях, несмотря на то что среди слушателей были участники войны, воспринявшие этот опыт. Но по мере прохождения курса изучению русско-японской войны придавалось все больше внимания.

Несколько слов об учившихся в нашей академии офицерах болгарской армии. Учились они усердно, но, правда, оценки

им ставились с большим снисхождением. Иногда в академию приезжал болгарский военный агент при русской армии, следивший за занятиями офицеров своей армии. В общем развитии болгары отставали, и некоторые жаловались на трудность прохождения курса в русской академии, сравнивая его с курсом итальянской академии генерального штаба, где предъявлялись менее жесткие требования и ставились более высокие баллы (эти оценки впоследствии имели значение при прохождении службы в армии). Отношение русских офицеров к болгарам было чисто товарищеским.

Штаб-офицером, заведующим нашим полукурсом (на курсе два заведующих), был полковник Юнаков. Симпатичный и скромный, хорошо относившийся к офицерам, он работал много по истории русского военного искусства. Во время мировой войны я встретил его уже начальником штаба армии. В этой должности он оказался середняком. Поговаривали, что от работы его отвлекала скрипка, игрой на которой увлекался наш уважаемый воспитатель.

Я уже писал, насколько строго следили за посещением академии. Некоторые слушатели вовремя являлись в академию, а затем уходили с лекций. Другие аккуратно приходили в академию, но на лекциях не присутствовали, а готовились в свободных комнатах по конспектам к предстоящим экзаменам, когда мы слушали «живое слово» с кафедры. Особенно этим отличался Гущин, который при переходе на старший курс вышел в первый десяток и подавал блестящие надежды, но так и остался зубрилой, не выделившись затем и службой во время мировой войны. Правда, таких было мало, и им не стремились подражать.

У младшего курса вечера не были особенно загружены, поэтому удавалось побывать в петербургских театрах. Нечего говорить, что балет в Петербурге был блестяще поставлен. Павлова, Карсавина, Преображенская, Истомина, Матильда Кшесинская доставляли истинное удовольствие зрителям. Оперный состав Мариинского театра был также неплох. Помню обоих Фигнеров, Давыдова, Яковлева. Все это были корифеи сцены, но корифеи «казенные». Они напоминали высоких чи-

новников сурового Петербурга. Шаляпин и Собинов не могли удержаться на сцене Мариинского театра: постоянная служба на петербургской сцене погубила бы их таланты. Они приезжали лишь на гастроли.

В Петербургской консерватории я слушал последнюю оперу Римского-Корсакова «Золотой петушок». На сцену Мариинского театра ее не допускали.

Из драматических в то время привлекал внимание театр Комиссаржевской на Офицерской улице. Сама Комиссаржевская своей игрой доставляла удовольствие публике, наполнявшей зал ее театра. Все это было ново для петербургской публики. Правда, зал Комиссаржевской наполняли больше учащаяся молодежь, среднее чиновничество и театральная общественность. Лысые головы сановников и чопорные дамы блистали в Мариинском театре на балетах. Много, конечно, увлекаться театрами не приходилось: мешали домашние вечерние задания, трудно было достать билеты, да и офицерский бюджет не позволял.

В один из вечеров в передней раздался знакомый голос моего бывшего командира батальона Бердяева, спрашивавшего у горничной, дома ли я. Нечего говорить, как я был рад этому посещению. Он просидел у меня целый вечер. Бердяев приехал в Петербург хлопотать о знамени для 5-го стрелкового полка, который Генерального штаба подполковник Цихович завел в окружение под Мукденом. Полк почти весь погиб. После войны возникла литературная перебранка между Циховичем и офицерами полка по поводу обстоятельств гибели 5-го стрелкового полка. Дело едва не дошло до дуэли. Бердяев, как командир полка, написал резкую отповедь Циховичу и послал ее в «Новое время». Но эта черносотенная газета отказалась ее напечатать. Тогда Бердяев, пользуясь товарищескими отношениями с генералом Лопушанским, стал действовать через Главный штаб и теперь приехал, чтобы продвинуть дело о выдаче полку знамени.

Больше Бердяева я не видел. Он вскоре умер в Кельцах, где стоял полк, офицеры полка поставили ему прекрасный памятник. Новое знамя полк получил.

Цихович дослужился до генерала, состоял даже членом Военно-исторической комиссии после Октябрьской революции, написал посредственную книгу о начальном периоде войны.

Незаметно отошли рождественские каникулы, приближались петербургская весна и время переходных экзаменов. Трудная пора. За два-три дня нужно прочитать тысячи страниц конспектов и книг.

Сдача экзаменов шла у меня довольно хорошо. По геодезии и истории я получил 12 баллов. Причем по истории XIX века я вытащил пустячный билет о Прусском таможенном союзе. Форстен гонял по всему курсу, задавал вопросы по различным философским теориям XIX века, прежде чем поставить 12 баллов. По русской истории у Платонова отвечать было проще.

У генерала Шарнгорста любимым был вопрос «барометрического нивелирования». Офицер, взявший этот билет, исписывал цифрами две доски, и если все это было верно, то Шарнгорст, проверив, не спрашивал дальше и ставил 12 баллов. На этой почве произошел курьезный случай.

Был на курсе гвардейский кирасир. Турбин, малый скромный, но учившийся посредственно. Вышел он к столу экзаменаторов, вытянул билет, его записали в листе экзаменуемого. Турбин подошел к доске, написал наверху свою фамилию, поставил номер взятого билета и вдруг, к нашему удивлению, начал писать формулы «барометрического нивелирования» из билета, имевшего другой номер. Шарнгорст не обратил на это внимания, а Турбин все писал и писал. Наконец его очередь отвечать. Шарнгорст подходит, проверяет, но потом видит, что у Турбина записан совсем другой номер билета. На вопрос Шарнгорста, как же так получилось, честный малый Турбин ответил: «Ваше превосходительство, вынутого билета я не знаю, а вот “барометрическое нивелирование” знаю». Все рассмеялись, и строгий Шарнгорст поставил Турбину 8 баллов.

На том же экзамене произошел другой случай, тоже с гвардейцем. Со мной на курсе учился поручик лейб-гвардии Конного полка барон Врангель, впоследствии один из руководителей русской контрреволюции на юге России в период Граждан-

ской войны 1918—1920 годов, так называемый «черный барон». Окончив Горный институт, Врангель пошел служить в архиа-ристократический конный полк, участвовал в русско-японской войне. Вернувшись в Петербург уже в чине поручика гвардии, он поступил в академию. Известный кавалергард Игнатьев в своих воспоминаниях «Пятьдесят лет в строю» говорит о том, что офицеры Гвардейской кавалерийской дивизии избегали знакомства с офицерами 2-й гвардейской дивизии. Вот так же и Врангель в академии вел знакомство только с гвардейцами и кое с кем из армейцев. Я не принадлежал к числу последних и никогда не здоровался с Врангелем. Высокого роста, худой, черный, он производил отталкивающее впечатление. Подошла очередь экзамена по геодезии и для Врангеля. Вышел, взял билет, на доске написал: «Барон Врангель» и «8», обозначив номер билета, который он вытащил. Вслед за ним вышел сотник казачьего Донского полка Герасимов, очень скромный, умный и тактичный офицер. Вынул билет, не помню сейчас, какой номер, ну, положим, № 12, и написал: «Герасимов № 12». Оба стали готовиться к ответу. Герасимов вытащил очень легкий билет — описание мензулы, а у Врангеля был трудный, с какими-то математическими вычислениями. Смотрим, Врангель все заглядывает в программу, затем берет губку, смывает свой № 8 и пишет № 12. Таким образом, у двух слушателей оказался один и тот же № 12. Ждем, что же будет дальше. Подходит очередь отвечать Врангелю. Шарнгорст посмотрел в свои записи, потом на доски с номерами билетов и спрашивает Герасимова: «Как это у вас оказался тоже билет № 12?» Тот отвечает, что он его взял и его номер должен быть записан у Шарнгорста. Врангель молчит. И вот, к нашему удивлению, строгий, неподкупный старик генерал Шарнгорст говорит: «Вы, барон Врангель, отвечайте № 12, а вы, сотник Герасимов, № 8». Но Герасимов и за № 8 получил 12 баллов. Конечно, 12 баллов получил и Врангель, но престиж Шарнгорста в академии упал.

Когда закончился экзамен, в кулуарах собрался курс, и началось обсуждение поступка Врангеля. К сожалению, суда общества офицеров у нас в академии не было. По адресу гвардейцев говорили много нелестного. Идти к начальству с жало-

бой не позволяла офицерская этика, да и что начальство, когда сам Шарнгорст покрыл жульничество Врангеля. Поругались, поругались, и число бойкотирующих Врангеля, т.е. не здоровающихся с ним, увеличилось.

Нечто подобное случилось в 1907 году с потомком знаменитого генерала Барклая де Толли, поручиком гвардейского уланского полка графом Толем. Толь списал дипломную тему по истории русского военного искусства с одной книги, не указав в списке источников, что он ею пользовался. Когда настало время защиты и Толь блестяще доложил свою тему, в заключительном слове оппонент Генерального штаба полковник Юнаков процитировал источник, с которого списал Толь, и вынудил его сознаться в этом. Причем сам Юнаков разъяснил аудитории, что с неделю рылся в библиотеке, пока нашел эту книгу. Толь, не закончив академии, тотчас ушел в свой полк.

К 20 мая кончились экзамены и должны были начаться летние полевые занятия. Хотелось хоть немного отдохнуть, но об этом пока не приходилось думать.

В результате переходных экзаменов на старший курс у нас еще было отсеяно 29 человек, из них 21 армеец и 8 гвардейцев. На втором курсе осталось 95 человек и 11 офицеров болгарской армии.

Летние занятия в поле начались 1 июня. Заключались они в производстве двух полуинструментальных съемок, одна из которых с кипрегелем приближалась к инструментальной, и третьей — чисто глазомерной. Для постановки вех, измерения расстояния цепью к каждому офицеру прикомандировывалось два солдата из частей Петербургского военного округа. Я попал в группу, которой руководили генерал Зейфарт и полковник Баиов.

Первая съемка производилась в окрестностях города Луги. Лично я снимал участок южнее деревни Госткино, расположенной на берегу Черменецкого озера. Приехав с двумя солдатами в Госткино, я начал подыскивать крестьян, которые бы мне поставили вехи — длинные палки для отметки опорных точек. Вехи нашлись у одного крестьянина. Сторговавшись с ним, я на следующее утро отправился на участок разбивать

триангуляционные точки. Крестьянин следовал с подводой за нами. Я выбирал место и устанавливал вежу. Иногда крестьянин подсказывал: «В прошлом году не здесь, а вот там стояла вежа». Прикинув, я иногда изменял свое решение в его пользу. Расставив вежи, начал работу с инструментом. Одновременно приходилось и сторожить вежи: деревенские мальчуганы иногда перетаскивали их на 15—20 метров в сторону, и вежа оказывалась не в перекрестке нитей кипрегеля. Перед окончательной сдачей планшета преподавателю пришлось специально проверить, правильно ли стоят вежи на своих местах. На вторую съемку мы переехали на 12 верст к северу от Валдая, а глазомерную делали к югу от Боровичей. Ходили много, питались плохо: в деревне все было дорого. «Помилуйте, целый год вас дожидались», — говорили крестьяне, заламывая цены на хлеб, молоко, яйца. Мясо в это время мы почти не ели.

Откомандировав в академию помогавших мне в съемках солдат, к 1 августа я переехал в Царское Село, в окрестностях которого наша группа в составе шести человек проводила решение тактических задач на местности за дивизию в различных видах боя. Группой руководил новый преподаватель стратегии полковник Незнамов. Сапер по образованию, Незнамов в чине капитана провел русско-японскую войну в должности старшего адъютанта Генерального штаба (начальник оперативной части) в 35-й пехотной дивизии. После войны он обратил на себя внимание, выпустив хорошую книгу по русско-японской войне. Незнамов хорошо знал бой дивизии и действительно разумно воспринял опыт русско-японской войны. Он отлично разъяснял нам и значение местности в задачах, и как ее оценивать, и способ действий войск, внося новое из опыта последней войны. Незнамов учил нас и приемам службы Генерального штаба. Так, некоторые из слушателей с чистым планшетом выезжали в поле и начинали дело со съемки, а потом уже решали задачу. Незнамов растолковал нам, что по имеющимся картам нужно в соответствующем масштабе сделать кроки дома, а в поле сверить их с местностью и нанести новые постройки или другие предметы. Если есть карта и все это сделано до нас топографами, то незачем воображать себя в пустыне и начинать

работу с открытия Америки. К 9 часам вечера мы должны были уже представить свои кроки с приказом Незнамову. За месяц полевых поездок наша группа много почерпнула от него, за что была ему очень благодарна. Работали мы усердно и баллы получили все выше 10.

К 1 сентября мы закончили занятия на младшем курсе, приказом по академии были переведены на старший курс и отпущены до 1 октября в отпуск.

Прошел первый год учебы в Академии Генерального штаба. Впереди предстояла тяжелая работа, а пока я наслаждался полным отдыхом.

ОКОНЧАНИЕ АКАДЕМИИ И ПРИЧИСЛЕНИЕ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ

Быстро промелькнули дни отпуска, и вновь настала пора занятий на старшем курсе академии. Этот курс был выпускным, так как с ним заканчивалась учеба в академии. Получившие сверх 10 баллов шли на дополнительный курс, остальные уходили в войска, считаясь окончившими академию по второму разряду. Часть общих предметов исчезла из программы курса, но вводились чисто военные. Метод преподавания оставался тот же, смешанный, с уклоном в сторону лекций. На курсе мы проходили стратегию, общую тактику, историю новейших войн — 1870—1871 годов, 1877—1878 годов и Русско-японской 1904—1905 годов; общую военную статистику, вернее обзор пограничных с нами государств на западе и на востоке; русскую военную статистику — описание вероятных театров военных действий; инженерную оборону государства; военные сообщения; довольствие войск и службу тыла, и, наконец, военноморское дело. По всем этим предметам читались лекции. По общей тактике, кроме того, с нами проводили занятия в группах за дивизию и корпус. По-прежнему особое внимание уделялось верховой езде, хотя, правда, ею занимались два раза в неделю. Желавшие продолжали в вечерние часы изучать языки.

Программа старшего курса академии была довольно насыщенной и требовала затраты времени на дому для подготовки к

практическим занятиям по тактике. Распорядок дня оставался тот же, что и на младшем курсе.

Важнейший предмет — стратегию читал профессор А.А. Незнамов. Читал он его уже второй год. До него курс стратегии вел маститый профессор Академии Генерального штаба генерал Михневич — признанный стратег, издавший свой труд «Стратегия». Михневича в академии я уже не застал, но его «Стратегия» была основным пособием, хотя во многом расходилась с лекциями Незнамова. В широком смысле слова стратегия как наука о войне нам не читалась. С кафедры Незнамов преподносил нам не то вроде учения об оперативном искусстве, не то большую тактику в определении Наполеона, не то стратегию театра военных действий по Лееру. В таком духе были написаны и появившиеся впоследствии печатные труды Незнамова под названием «Современная война».

Клаузевиц не был признан в академии как теоретик учения о войне, скептически смотрели на Леера, и лишь Михневич еще не терял своего веса. Незнамов кое-что толковал нам о философии войн, но это было довольно туманно и вызывало большие нарекания. Лучше были лекции по чисто оперативному искусству. Конечно, ни о какой военно-экономической подготовке государства к войне не было и речи, так как вообще об этом почти никто не думал даже в Генеральном штабе, а не только в академии.

По-разному расценивали офицеры лекции Незнамова: большинство ругало, меньшинство хвалило. Когда в русском переводе появились труды Шлихтинга, многие поняли, что Незнамов преподносил нам немецкие взгляды на оперативное искусство.

После Октябрьской революции Незнамов с 1918 года преподавал в Академии Генерального штаба Красной Армии и Военно-инженерной академии, но больше работал в области тактики.

В пору наших с ним бесед в бытность мою начальником Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики Незнамов рассказал, как он в старой академии получил кафедру стратегии. В начале 1907 года его потребовал

к себе начальник Генерального штаба Палицын и предложил читать курс стратегии вместо уходящего из академии Михневича. Незнамов стал отказываться, ссылаясь на свою неподготовленность. Но у начальства отказываться можно только до предела, который определяет само начальство. Палицын твердо стоял на своем, а, узнав, что Незнамов владеет немецким языком, посоветовал будущему профессору прочитать ряд немецких книг по вопросам стратегии и смело приниматься за дело. Так и получился из тактика Незнамова стратег Незнамов с немецким уклоном.

Когда вспыхнула мировая война, германское учение о войне, которое преподносил нам Незнамов, пригодилось всем молодым офицерам Генерального штаба. Если для генералов русской армии, воспитанных на стратегии Леера и Михневича, действия немцев в мировой войне были каким-то откровением, то для капитанов русского Генерального штаба они были не новы. О них мы слышали в академии из уст Незнамова, а затем и изучали по книгам Шлихтинга, рефератам на труд Шлиффена «Канны», по трудам <ошибка>, переведенным на русский язык перед мировом войной.

Как лектор Незнамов был плоховат, не мог увлечь своим красноречием аудиторию. Я лично уважал Незнамова и был благодарен ему и за знания по тактике, полученные на младшем курсе академии, и за лекции по стратегии, которые для меня были ясны и понятны. Конечно, если подойти к лекциям Незнамова с современной меркой, то они были примитивны, не предвидели того громадного влияния техники на развитие операций, какое имеем мы сейчас. Но я думаю, что вряд ли кто в 1908 году так вскрыл характер современных операций, как Незнамов.

С французской школой стратегии нас познакомил преподаватель общей тактики профессор Беляев. Его яркие лекции захватывали аудиторию. Он так же, как и Головин, только что вернулся из годичной командировки во французскую высшую военную школу. Блестящий оратор, красивый седеющий полковник Генерального штаба Беляев в своих лекциях по общей тактике знакомил нас со взглядами французов на ведение обще-

войскового боя, построенного главным образом на активной обороне с короткими, но решительными контратаками. Это была отживающая французская школа «Баталия». В противовес ей нарождалась школа Гранмезона с ее наступлением во что бы то ни стало. О ней Беляев еще ничего не говорил, лишь в 1910 году имя молодого полковника французского генерального штаба сделалось синонимом наступательной тенденции французов и в тактике, и в оперативном искусстве.

Беляев свободно критиковал нашу схоластическую тактическую школу и приучал нас к проявлению инициативы, к решительности в действиях, не дожидаясь распоряжений свыше. Рассыпая в лекциях французские пословицы, Беляев с кафедры громил наши непорядки, прося только об одном, чтобы то, что говорится в аудитории, не выносилось за ее стены. Ходили слухи, что он скоро получит полк, и не какой-либо армейский, а гвардейский Семеновский, и будет произведен в генералы.

Однажды, ближе к весне 1909 года, наш кандидат в генералы пришел на лекцию довольно грустный и, покачав головой, сказал: «Я вас, господа, просил не выносить из этой аудитории то, что в ней говорится. Вы этого не сделали, и... я дочитываю вам курс, а затем ухожу из академии в строй». И действительно, вскоре Беляев явился в скромной форме командира 145-го пехотного Новочеркасского полка, квартировавшего на Охте. Мы сейчас же эту болтовню приписали гвардейцам и прежде всего Врангелю, болтающемуся при дворе. Беляев был строгим профессором, даже грубым, но все же потерять талантливого и знающего преподавателя было жаль. Многому хорошему научил нас Беляев. Впав за критику в немилость у начальства, он в конце 1910 года был назначен редактором «Русского инвалида» и «Военного сборника». Получив чин генерал-майора, Беляев почти закончил свою карьеру по лестнице Генерального штаба.

В августе 1915 года, когда я служил в штабе главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, меня вызвали к генерал-квартирмейстеру. В его кабинете я встретил бывшего профессора Беляева, назначенного на должность начальника

штаба 13-й армии. Генерал-квартирмейстер Пустовойтенко приказал мне доложить Беляеву положение противника на фронте 13-й армии, развернувшейся к западу от Буга и к югу от Брест-Литовска до Влодавы включительно. Беляев внимательно выслушал мой доклад. Нужно сказать, что в обороне 13-й армии на Буге и проявилась вся школа Беляева. Армия упорно оборонялась к западу от Буга, нанося короткие удары атакующим немцам, и не уходила за Буг до тех пор, пока не иссякли силы. Затем я не встречался с ним вплоть до 1919 года.

Читающий эти строки вправе спросить: какова же была русская доктрина в 1910—1912 годах? Таковой не было. Был разброд в тактике, а тем более в стратегии. Немного позднее профессорский коллектив начал создавать проект Полевого устава, который, однако, был сильно попорчен редакционным карандашом Сухомлинова при содействии Бонч-Бруевича. В 1912 году устав вышел в окончательной редакции.

Чем же мы, слушатели, руководствовались в академии? Большинство из нас склонялось к германской школе с ее грубыми приемами наступления, встречного боя, нежели к изящной школе фехтования французов. Помимо лекций Незнамова, переводов тактики Балка, Шлихтинга, большой популярностью пользовались переведенные на русский язык «Тактические задачи» Альтена и «Тактические письма» Гриппенкерля. В области ведения большой войны внимательно изучалась книга Фалькенгаузена о современной войне. «Канны» Шлиффена были нам известны по рефератам. Поэтому для нас, офицеров Генерального штаба, приемы немцев в мировую войну, в особенности в ее начале, не были новинкой, мы знали их хорошо. Другое дело генералы русской армии — большинство из них этих приемов не знало, а на войне, как известно, дело решают не капитанские головы.

Чтение лекций по истории новейших войн было распределено между несколькими преподавателями. Франко-прусскую войну 1870—1871 годов, с начала войны и до Седана включительно, блестяще читал профессор И.А. Данилов, К сожалению, занятый своей прямой должностью по военному министерству, он частенько не являлся на лекции. Основным источником по

этой войне считался труд Войде «Победы и поражения в войне 1870 года», но достать эту книгу было очень трудно. Изредка она появлялась у букинистов и стоила дорого. Приходилось ограничиваться книгой по этой войне Михневича. Данилов на опыте сражения у Гравелота показывал нам характер современного боя пехоты за населенные пункты, как опорные пункты позиции обороняющегося. К сожалению, совершенно был выпущен из программ второй период войны, наступивший после Седана, очень характерный для развертывания армий в мировой войне. Правда, на дополнительном курсе часть тем касалась этого периода войны.

По войне 1877—1878 годов было немного лекций. По Европейскому театру читал Симанский, а по Кавказу — генерал Колюбакин, участвовавший в боевых действиях на батумском направлении. Колюбакин написал краткую историю войны на Кавказе, самую безобидную по содержанию, но, указывая на нее, всегда говорил нам, что в ней «нужно читать между строк». Откровенно говоря, мысли автора, скрытые между строками, не вносили здоровой критики в действия русских на Кавказе в эту войну.

Русско-японскую войну 1904—1905 годов не всю целиком читал полковник Комаров, довольно посредственный и поверхностный лектор. Главные операции — Ляоян, Шахе и Мукден читал профессор Н.А. Данилов, бывший начальник канцелярии у Куропаткина. Близко знакомый с обстановкой этой войны, Данилов в своих выводах был далек от всей той грязи, которую некоторые авторы того времени старались вылить на русскую армию в целом. Правда, и Данилов признавал недочеты в нашей тактике и в ведении операции. Так, он окрестил наше наступление на Шахе «бароным» наступлением, так как наступало 5 баронов: правым флангом командовал начальник Западного отряда барон Бильдерлинг, начальником штаба у которого был барон Тизенгаузен; левым — Восточным отрядом командовал барон Штакельберг с начальником штаба бароном Бринкеном и центром командовал барон Мейсендорф. Во главе этого стада «баронов» стоял не лев, а просто Куропаткин, постоянно колебавшийся и притом иногда пасовавший перед баронами.

В Маньчжурии он уже был не начальником штаба Скобелева, а генералом, облеченным ответственностью главнокомандующего. Будущим историкам еще придется хорошо изучить личность Куропаткина, чтобы не рубить с плеча головы уже отошедшего в область прошлого незадачливого полководца русской армии.

Под предметом военной статистики подразумевалось изучение будущих театров военных действий как в географическом, так и в экономическом отношении, инженерная оборона и до некоторой степени план стратегического развертывания с учетом существующей дислокации и сети железных дорог.

Общую военную статистику читал профессор генерал Христиани, хорошо знавший предмет. Его лекции охватывали Германию, Австро-Венгрию, Румынию и Турцию. На основании глубокого изучения развития урожайности в Германии Христиани доказывал, что эта страна может жить и без русского хлеба и способна вести затяжную войну. В то время в литературе господствовало мнение, что, прекрати Россия ввоз хлеба в Германию, и последняя должна умереть с голоду. К сожалению, труды Христиани мало касались крупной промышленности и приспособления ее для военных целей. Из его лекций и трудов мы должны были получить представление о дислокации военной промышленности, о том, где, какие культуры и в каких размерах сеют и какова урожайность, знать инженерную оборону страны, дислокацию войск и показать, по каким дорогам и в каком районе в зависимости от железнодорожной сети можно ожидать сосредоточения тех или иных сил. Хотя и скучный был предмет, но Христиани читал его с полным знанием дела и доходчиво.

Этого нельзя сказать о преподавателе русской военной статистики, пожилom Генерального штаба полковнике Медведеве, только что прибывшем в академию. Он читал нам стратегический обзор вероятных театров военных действий в нашей пограничной полосе, как на западе, так и на востоке. Кавказский театр военных действий читал Генерального штаба полковник Болховитинов — знаток этого театра, долго прослуживший в штабе Кавказского военного округа и много исколесивший сам этот театр во время рекогносцировок маршрутов. Конечно,

система инженерной обороны наших границ и провозоспособность нашей железнодорожной сети (эти сведения считались секретными) не оглашались на лекциях, тем более что на них присутствовали и офицеры болгарской армии...

Для лучшего изучения вероятных театров действий, как на нашей территории, так и на территории будущих противников, дома мы вычерчивали карты слабых оттисков, и, таким образом, у каждого слушателя накапливались хорошие карты. Не все, конечно, делали сами. Кое-кто заказывал эти карты чертежнику, жившему поблизости от академии. Но большинство армейцев сами корпели над этой работой и знало все реки, озера, горы и дороги. На экзамене приходилось отвечать по «немым» (без названий) картам, поэтому предварительное черчение карт на дому приносило большую пользу.

Инженерную оборону государства с включением в это понятие новых долговременных оборонительных построек — фортов и броневых установок — читал талантливый профессор военно-инженерной академии генерал-майор Буйницкий. В своих лекциях он модернизировал милютинскую инженерную оборону западных границ России, добавляя в своем проекте новые крепости в Гродно, Ровно и Проскурове¹. Конечно, Буйницкий был далек в своих рассуждениях от непрерывных долговременных линий, явившихся уже после мировой войны в виде линии Мажино, Зигфрида и т.д. Инженерный генерал ограничивался сооружением крепостей, дававших, по его мнению, опорные пункты для наступления. Так была укреплена восточная граница Франции. Конечно, сооружение крепостей стоило денег. Если мне не изменяет память, Буйницкий говорил, что на постройку крупной крепости, т.е. только на инженерные работы, требуется 60 миллионов рублей. В 1908 году как раз шел спор между Генеральным штабом, отрицавшим значение отдельных крепостей, и военно-инженерным ведомством, защищавшим их постройку. Неизвестно было, чья сторона возьмет верх.

К концу 1908 года Буйницкий уже прочитал нам свою принципиальную программу планирования крепостей на

¹ Ныне — город Хмельницкий.

западной границе, когда на одну из его лекций приехал начальник Генерального штаба генерал Сухомлинов. Здесь я впервые увидел эту историческую личность в форме офицерской кавалерийской школы, т.е. в гусарской венгерке. Так как офицерская кавалерийская школа никакой боевой истории не имела, а на лето располагалась лагерем около Красного Села в районе деревни Кавелахти, то слушателей ее с присвоением им гусарской формы начали называть в обыденной жизни «кавелахтскими гусарами». Войдя в сопровождении начальника академии в аудиторию, жизнерадостный «кавелахтский гусар» Сухомлинов уселся в первом ряду. Буйницкий как ни в чем не бывало стер с доски начерченный им какой-то долговременный каземат и, набросав схему западной границы, начал говорить о своей принципиальной крепостной обороне. Выслушав лекцию и пожав руку Буйницкому, Сухомлинов покинул аудиторию. После того как он вышел, Буйницкий извинился перед нами за повторение одной и той же лекции, мотивируя это тем, что ему необходимо было в присутствии начальника Генерального штаба высказать доводы за укрепление границы крепостями, грозным противником чего был Сухомлинов.

Старания Буйницкого оказались напрасными, и в конце 1912 года я сам слышал ночные подрывы варшавских фортов. Сухомлинов восторжествовал: русские крепости взлетели еще до войны на воздух. Где же тут было говорить о какой-то крепости в районе Проскурова. Хорошо, что хоть немного копошились со строительством укреплений вокруг Гродно.

А между тем с началом войны на того же Буйницкого была возложена задача укрепить Варшаву главным образом с запада. Возвращаясь ночью с какого-то строительного участка, шофер Буйницкого не заметил опущенный на переезде железной дороги шлагбаум. Произошла автомобильная катастрофа: шлагбаум размоzzил Буйницкому голову. Жаль, что это была не сухомлиновская голова. Министр в это время писал начальнику Генерального штаба Янушкевичу: «Ради бога, не подпускайте Величко к земле, а то он вам всю ее перероет». Величко был известным военным инженером.

К сожалению, мне не пришлось слушать лекции знаменитого генерала инженера Кюи, но зато удалось увидеть его в партере Мариинского театра на каком-то балете, где этот представитель «Могучей кучки» наслаждался музыкой. Всеобъемлющий талант русского человека — он может и проектировать крепости, и сочинять оперы, романсы, но чаще и в том и в другом бывает дилетантом.

Небольшой курс по железнодорожному делу и автомобилю читал нам представитель отдела военных сообщений Генерального штаба полковник Хотминцев. Этот скромный лектор знакомил нас с устройством железных дорог, работой их в мирное и военное время, довольно кратко давал нам понятия об устройстве автомобиля, его двигателях внутреннего сгорания и почти не касался оперативного и тактического применения автомобилей. Вопрос об этом был еще слишком нов.

Лекции о довольствии войск в военное время и об устройстве тыла действующих армий читал помощник начальника канцелярии Военного министерства генерал Янушкевич, впоследствии начальник академии и начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Как лектор Янушкевич был из рук вон плох. После блестящих лекций Гулевича на младшем курсе по организации вооруженных сил лекции Янушкевича наводили на аудиторию скуку. Тихим, вкрадчивым голосом этот профессор, отдававший всегда пальму первенства гвардейцам, усыплял аудиторию и никак не мог внушить почтения к тыловой работе.

Военно-морское дело в нескольких лекциях преподнес нам капитан 1-го ранга из морского Генерального штаба, немецкую фамилию которого сейчас не помню. Трудно было после Цусимы восстановить доверие к русскому флоту, да наш лектор к этому и не стремился, строя свои поучения главным образом на опыте иностранных флотов и их теориях использования морских сил во время войны. В то время на страницах газет шла жестокая полемика, какой флот нужен России, а заодно раскрывались недочеты морского ведомства. Авторитет русских военных моряков пал настолько низко, что офицеры армии на улицах их не приветствовали, рискуя попасть в комендантское управление за нарушение правил.

Групповые занятия по тактике велись, как на младшем курсе. Прорабатывалось использование дивизии и корпуса в различных видах боевой деятельности. Работать приходилось много, особенно дома. Необходимо было писать доклады начальника штаба дивизии, корпуса, начальников родов войск и снабжения по обеспечению дивизии или корпуса. Много делали различных схем. Часто работали ночами, чтобы сдать в срок задание.

Должен сказать несколько слов о своем групповом руководителе Генерального штаба полковнике Филатьеве, занимавшем штатную должность в кодификационном отделе канцелярии Военного министерства. Пожилой полковник, грубый и невежественный в вопросах тактики, он не терпел молодых офицеров. В нашей группе было пять пожилых штабс-капитанов и только я один молодой поручик. Товарищи предупреждали, что мне придется туго. Групповые занятия три раза в неделю по три часа проходили напряженно. Во время разборов Филатьев был настолько невежествен и груб, что мы иногда едва сдерживали себя, отвечая по-солдатски: «Так точно», «Никак нет!» Однажды я сорвался. Решалась задача на контратаку корпусного резерва — целой дивизии. Я написал приказ, в котором указал, что такой-то дивизии, составляющей корпусной резерв, наступать в таких-то разграничительных линиях. На это получил следующую резолюцию: «Если не знаете, для чего назначается резерв, то посмотрите в тактике Драгомирова». Раскрыв эту знаменитую тактику, нахожу, что резервы предназначаются: 1) для парирования всяких случайностей и 2) для нанесения ударов в штыки. Когда пришел день разбора, я встал и заявил Филатьеву, что не понимаю его замечания о наступлении корпусного резерва. «А вы читали Драгомирова?» — «Читал», — отвечаю я и цитирую Драгомирова. «Так вот и следовало написать, что корпусному резерву атаковать в штыки», — мудро заключил Филатьев. «Слушаюсь, господин полковник, только дивизия не рота, которая по крику “ура” бросается в штыки!» — ответил я. «Ну, если вы не понимаете, как нужно атаковать дивизией, придется вам, поручик, маршировать на правом фланге роты», — сказал Филатьев, намекая, что я закончу академию

по второму разряду. «Правый фланг роты — почетное место, господин полковник», — парировал я.

И действительно, Филатьев, оценивая наши работы, вместе 10 баллов поставил мне 9,5 балла, не подозревая того, что для меня это безразлично. Судьба, к счастью, уже меня с ним не сталкивала. Между прочим, Филатьев разрабатывал новое положение о полевом управлении войск, которое, однако, не было закончено к войне 1914 года и было выпущено уже во время войны.

Верховая езда шла своим чередом, правда, только два раза в неделю. Теперь уже нам давали таких коней, что за час езды все мы обыкновенно слезали мокрыми с вспотевших от манежной езды лошадей.

Время бежало быстро. Надвигались экзамены, которые определяли окончание академии по первому или второму разряду. Большим облегчением было для нас объявление начальства, что по иностранным языкам нужно сдать экзамен только по одному из них, по желанию слушателя. Вот сданы последние зачеты. В Петербурге наступали белые ночи. И мы тоже потеряли грань между днем и ночью, готовясь к экзаменам. Наиболее ответственным из них был экзамен по стратегии, балл по которой входил самостоятельно в средний балл, не складываясь с другими. Получить меньше 10 баллов считалось плохим предзнаменованием. Для меня этот экзамен прошел отлично. Ответив на билет и на несколько дополнительных вопросов, я получил у Незнамова 12 баллов. Некоторые из товарищей были менее счастливыми, а один, некто Алиев, сын командира корпуса, хороший и умный, но самолюбивый офицер, получив по стратегии 6 баллов, застрелился. Не выдержали у бедняги нервы. Жалели мы его сильно. Недаром в одной из германских справочных книжек о русской армии было сказано, что Академия Генерального штаба выпускает нервных людей.

В одном из номеров издававшейся тогда вечерней газеты «Биржевые ведомости» появилась статья, принадлежавшая перу отставного генерала Генерального штаба Дружинина. В свое время талантливый молодой офицер Генерального штаба, известный в литературе самостоятельными работами,

он спился и был уволен в отставку. С начала русско-японской войны он в качестве добровольца оказался в армии, командовал отдельными небольшими отрядами, а затем снова окончил службу отставкой по причине пьянства. Вот этот-то Дружинин и направил свое перо против известного уже нам Елчанинова, приведя ряд его «рыбьих» вопросов, от удачного ответа на которые зависит и балл экзаменуемого. «Биржевка» получила широкое распространение в академии. Елчанинов ходил мрачный и угрюмый.

Подошел экзамен по общей тактике. Экзаменаторами были полковники Беляев и Елчанинов. Беляев свирепствовал, ставя нам 8—6 баллов, а некоему капитану Рыжину поставил единицу по 12-балльной системе. Трудно, конечно, согласиться, чтобы офицер, прослуживший в строю 7—8 лет и слушавший тактику в течение двух лет в академии, знал ее на единицу. Но с Беляевым трудно было что-либо поделаться даже академическому начальству. Так Рыжин и окончил академию с единицей по тактике.

Мрачный Елчанинов, экзаменуя слушателей, воодушевился и, забывшись, предложил одному кавалеристу вопрос, как раз упоминавшийся в фельетоне Дружинина — «Чем отличается сотня (казаков) от эскадрона?» Конечно, здраво отвечая, можно было сравнить одно подразделение с другим и сделать вывод. Но Елчанинову требовался другой ответ. Поручик Славинский, слегка улыбаясь, ответил так, как он был сформулирован у Дружинина: «Уздечкой», т.е. сотня ездила на уздечке, а эскадрон на мундштуке. В аудитории раздался сдержанный смех. Елчанинов вскочил, посмотрел безумными глазами на Славинского, а затем выбежал из аудитории и в течение часа не появлялся. Успокоившись, он вернулся и поставил Славинскому все же 10 баллов.

Другого характера дополнительные вопросы предлагал профессор Н.А. Данилов, заставляя действительно подумать над вопросом и дать содержательный ответ. По войне 1870—1871 годов я вынул билет о Седане и, когда до меня дошла очередь, начал излагать операцию. Данилов остановил и предложил только два вопроса. Первый вопрос: почему немцы к северу

от Мааса для окружения французской армии развернули два корпуса? Посмотрев на карту и прикинув по масштабу фронт, я сказал, что большей плотности боевых порядков и не нужно было. Ответ удовлетворил экзаменатора. Второй вопрос: был бы Седан решительным сражением, если бы не было развернуто двух указанных корпусов? На это я ответил, что нет, так как, хотя бельгийская армия и стояла на границе и разоружила бы перешедшие границу французские части, но, вероятнее всего, они из Бельгии ушли бы снова во Францию и оказались бы или в армии Гамбетты, или в «вольных стрелках». За ответ я получил 12 баллов и был — доволен таким коротким экзаменом,

К концу мая кошмарное время экзаменов заканчивалось. Впереди оставались полевые поездки, оценка за которые складывалась с баллом по общей тактике и баллом по групповым тактическим занятиям зимой. Перед выездом мы посетили в Луге полигон офицерской артиллерийской школы и в Ораниенбауме — полигон Высшей офицерской стрелковой школы. До отправления па полевые поездки путем вытягивания билетиков мы разобрали также первые темы для дополнительного курса по военной истории и истории военного искусства. Мне досталась тема «Операция 2-й русской армии под Сандепу» из русско-японской войны. Такой заблаговременный разбор тем производился с расчетом, что за лето мы подберем источники, может быть, тоже поработаем над ними. Консультантом по моей теме был профессор Н.А. Данилов, человек серьезный и отнюдь не склонный ставить баллы с маху.

В 1909 году Николаевскую академию Генерального штаба переименовали в Императорскую Николаевскую военную академию. Чем было вызвано это, не знаю. По-моему, старое название больше отвечало назначению академии, готовившей кадры офицеров Генерального штаба.

На полевые тактические поездки я попал в группу генерала Христиани, тактика невеликого, но все же более грамотного, чем полковник Филатьев. Поездки производились в районе Павловска и Царского Села: в Павловске на даче жил Христиани. Группа была дружная, и занятия шли хорошо. Христиани несколько раз давал мне дополнительные задачи, которые

нужно было выполнить за час-два с приготовлением кроки и приказа или краткой объяснительной записки. Все это я выполнял в срок. Однажды перед концом занятий Христиани спросил, почему Филатьев поставил мне 9,5 балла по зимним групповым занятиям. Видя в Христиани порядочного человека, я рассказал ему о методе занятий Филатьева. Генерал все это выслушал сдержанно. За летние полевые поездки я получил 11 баллов, и, таким образом, все труды Филатьева провалить меня кончились неудачей.

Прошло последнее испытание, и в учебной части подводились результаты нашей двухлетней работы. Два курса (основных) я закончил седьмым. На дополнительный курс академии зачисляли 58 человек, но потом начальник Генерального штаба распорядился перевести еще четверых, имевших близкие к 10 баллам средние отметки. 21 августа 1909 года был оформлен наш перевод на дополнительный курс приказом по академии Генерального штаба.

Итак, из 95 человек, перешедших на старший курс, на дополнительный курс было зачислено 62 человека, а 33 человека окончили академию по второму разряду. На дополнительный курс переводились те офицеры, которые предназначались для службы в Генеральном штабе. Дополнительный курс должен был давать навыки по службе Генерального штаба, а между тем в течение восьми месяцев пребывания на нем расширялся опять же теоретический кругозор офицеров, но, правда, занимались уже более самостоятельно.

В первые четыре месяца нужно было разработать две самостоятельные темы и доложить их особым комиссиям: по истории военного искусства и по теории военного искусства. Последние четыре месяца каждый слушатель решал одну тактическую задачу на действия армейского корпуса. Увеличивалась до трех раз в неделю верховая езда, причем каждый офицер уже выезжал молодую лошадь. Верховая езда заканчивалась экзаменом в присутствии начальника академии. При переходе на дополнительный курс уже никаких перерывов в занятиях не было и отпуска не полагалось. Посещали лишь уроки верховой езды. Остальное время занимались дома. Обязательным было

присутствие на докладах, которые, как правило, бывали по вечерам. Чтобы не отрывая всех слушателей сразу, курс делили пополам. Присутствовала на докладах та половина, в которую входил докладчик.

Особенно придирчиво требовали от слушателя сдачи в срок всех письменных работ. Это дисциплинировало и служило хорошим тренажем в будущей службе Генерального штаба, заставляя заранее рассчитывать свое время.

Получив тему, мы начинали подбирать литературу, обращаясь прежде всего, конечно, в свою академическую библиотеку — это замечательное книгохранилище. Ряд громадных залов был занят шкафами, наполненными книгами по военной литературе на всех языках. Начиная с основания академии, с 30-х годов XIX столетия, на приобретение книг тратилось немало денег, а, кроме того, многие видные военные деятели жертвовали свои книги в библиотеку. Поэтому в ней можно было найти любую книгу, и старинную, и новейшую. Библиотекарем при мне был сын рано умершего известного профессора-историка генерала Масловского. Молодой Масловский был культурным и грамотным военным библиографом. Каждый слушатель приходил к нему на консультацию по подбору источников, как к попу на исповедь. Масловский знал все книги и по истории, и по теории военного искусства, различные школы и направления в теории. Одним словом, был отличным консультантом. Но оказалось, что, кроме всего, Масловский эсер, и однажды мы нашли нашу библиотеку опечатанной жандармами. Военную литературу из-за границы академия получала без досмотра в таможне. Этим воспользовался Масловский для выписки из-за границы бесцензурной литературы. Вскоре он опять появился в распечатанной библиотеке и продолжал свои консультации. После окончания академии я не видел его, но с началом Февральской революции слышал о его участии в Совете депутатов, а затем и в брестских переговорах. Я не знал, что романы и пьесы некоего Мстиславского («На крови» в театре Вахтангова) написаны не кем иным, как Масловским.

По моей первой теме — «Операция 2-й русской армии под Сандепу» — источников было мало. Правда, в Обществе ревни-

телей военных знаний был прочитан доклад об этой операции и напечатан в его сборнике. Составив список литературы, я представил его через учебную часть на утверждение профессору Данилову, а сам продолжал работать над письменным докладом. По существующим правилам Данилов должен был утвердить этот список или дополнить его, если находил, что отсутствуют какие-нибудь важные источники. Через 10 дней я получил утвержденный без дополнений список. Доклад у меня уже был написан. Теперь оставалось через учебную часть представить конспект его, переписанный на машинке, объемом не более восьми страниц обыкновенной писчей бумаги. Уложить в такой объем описание операции армии под Сандепу было трудновато, но ничего не поделаешь. Выполнив вовремя эту работу, я стал ждать, что отчеркнет профессор Данилов для 45-минутного доклада. Сообщалось это за три дня до доклада. Конечно, хотелось знать раньше, чтобы заранее составить доклад. Помогали писари учебной части, которые за рубль сообщали слушателю, что отчеркнуто.

В начале октября начались наши доклады по первым темам. Слушатель Петров докладывал скучнейшую тему о походах Миниха против турок. Петров составил диаграмму переходов Миниха и, ссылаясь на исторические источники, доказал, что по мере сближения с противником скорость переходов Миниха увеличивалась: если вдали от противника он проходил в день по три километра, то по мере приближения к нему скорость движения возрастала до трех с половиной километров в день. Оппонент Баиов пришел в восторг и заявил, что вот он, Баиов, защищал диссертацию по эпохе Миниха, а это просмотрел, 11 баллов было наградой Петрову за полкилометра.

Слушатель штабс-капитан Борхсениус должен был докладывать тему о победе русского оружия под Ларгой и Кагулом. Перед докладом он зашел в буфет, выпил две рюмки коньяку и отправился в аудиторию. Главным оппонентом был тот же скучный Баиов. Мы сидели понуря головы, ожидая услышать давно известные истины. Но вот заговорил Борхсениус, и аудитория замерла. Он так ярко и красочно, с такими приемами столичного адвоката нарисовал Ларгу и Кагул, что «за красноречие» ему поставили 11 баллов.

В аудитории против докладчика висели стенные часы, по которым он мог следить за временем. Допускались 5 льготных минут сверх 45, после чего докладчика останавливали. За это ему ставился минус: не сумел уложиться в отведенное время. Если докладчик заканчивал свое изложение ранее 45 минут, ему могли указать, что у него осталось свободное время, и он не осветил тот или иной вопрос. Таким образом, время играло большую роль при докладе. К докладу нужно было самому подготовить большие схемы. Богатые офицеры отдавали их чертить частным чертежникам и иногда, не проверив выполненной работы, за сделанные ошибки краснели перед комиссией. Нам, армейцам, жившим на скромном бюджете, приходилось, конечно, эту нелегкую работу выполнять самим, но зато уж схемы мы знали хорошо.

Со мной учился потомок героя войны 1812 года лейб-гвардии поручик Кульнев. Красивый мужчина, интимный друг сестры Николая II, Ольги Александровны, Кульнев учился плоховато. Готовясь к докладу, Кульнев карандашом что-то надписывал на схемах, а затем при содействии поручика Харламова, будущего командующего 7-й Красной армией, переворачивал лампочки, чтобы не так были освещены схемы с надписями. Однако эта мастерская работа не помогла Кульневу, и он получил за первую тему 8 баллов.

В один из вечеров докладывали Врангель и Сулейман — яркий гвардеец и степенный армеец. Темой обоих докладов были действия русских на Кавказском театре в Крымскую войну. Врангель докладывал первую половину, а Сулейман — вторую. Оппонентами были генерал Коллюбакин и полковник Ниве. Врангель доложил посредственно, но комиссия ему поставила 12 баллов. Сулейман докладывал отлично, по нашему мнению, но оппоненты придирались к мелочам. Как только комиссия вышла за двери, чтобы обсудить отметку, раздались аплодисменты и крики: «Браво, Сулейман!» В аудиторию сейчас же вернулся Ниве и заявил: «Господа, вы не в Александрийском театре!» Однако наше выступление все же заставило комиссию поставить Сулейману 11 баллов. Этот эпизод еще лишний раз показывает, как враждебно курс был настроен к Врангелю.

Приближалось время моего доклада. Продумывая операцию, я обратил внимание, что Драгомировская 14-я пехотная дивизия при наступлении на Сандепу все время сбивалась с направления, уходила южнее и попадала под фланговый огонь японцев. Я заинтересовался этим и разыскал среди слушателей младшего курса участника боя — офицера одного из полков этой дивизии. На мой вопрос, почему так происходило, он ответил, что из-за тумана наступали по компасу и карте, и обещал принести карту. Когда я сличил эту карту, изданную штабом главнокомандующего маньчжурских армий, с позднее вышедшими, оказалось, что она составлена неверно — Сандепу указано южнее, чем было в действительности.

На доклад мы должны были приходиться в мундирах с погонами (но не с эполетами), чем пользовались кавалеристы, производя впечатление своей формой на таких конников, как профессор Елчанинов.

Данилов отчеркнул мне доложить о действиях 8-го армейского корпуса под Сандепу. В назначенный для меня день доклада я за час был в аудитории, развесил схемы, повесил и карту, взятую у участника боев, и приготовился к докладу, ожидая прихода комиссии. Наконец она появилась. В комиссию входили начальник академии Щербачев, профессор Данилов и какой-то полковник из Генерального штаба, фамилию которого сейчас не помню. 46 минут занял доклад. Профессор Данилов предложил мне модный по тем временам вопрос: где был резерв маневренный и резерв старшего начальника (для парирования случайностей)? Я ответил, что маневренным резервом (для развития успеха) был 1-й Сибирский корпус, чем удовлетворил Данилова. Никто, конечно, не подозревал, что мне приходилось докладывать о своих однополчанах — генералах Куропаткине и Гриппенберге.

Младший оппонент признал мою работу отличной. Данилов присоединился к нему. Щербачев присоединился к обоим. Нашлись лишь маленькие шероховатости в конспекте, больше редакционного характера. Комиссия ушла для выставления балла, а мы все собрались перед комнатой, где они заседали. Ожидали недолго. Вышел Данилов и объявил, что комиссия

оценила мой доклад в 11 баллов. Нечего и говорить, что по русско-японской войне, да еще у «рыжего» Данилова получить 11 баллов было достижением. Товарищи поздравили меня, и я, довольный, вернулся домой.

Вскоре закончились доклады по исторической тематике, и предстояло разбирать темы докладов по теории военного искусства. Обычным порядком в аудитории собрался весь курс, пришел начальник академии, начальник учебной части полковник Баиов. Он разложил на столе билеты и начал вызывать по алфавиту слушателей. Я вытащил тему «Подход к полю сражения и усиленная разведка на основании Бородино и Вафангоу»¹ — руководитель полковник Беляев, оппонент — полковник Добрынин. Когда тянули билеты, я заметил, что большинство слушателей вытаскивали темы к «снисходительным» профессорам, особенно гвардейцы. Выйдя в коридор после окончания разборки тем, я попечалился на судьбу своему товарищу туркестанцу Филаретову, что вторую тему приходится защищать снова у «строгого» профессора. Филаретов, смеясь, спросил меня, какой билет я тянул. «Как какой? — удивился я. — Тянул вообще билет, который лежал на столе». — «Эх ты, простота. Не нужно было тянуть билеты, которые сильно пробиты на машинке, так что на обратной стороне чуть не вываливались буквы». И продемонстрировал свой билет, на котором следов букв не было, — это была тема «снисходительного» профессора. Оказывается, особое сообщество, состоявшее главным образом из гвардейцев и некоторых близких им армейцев, договаривалось за плату с писарями учебной части, печатавшими на машинке билеты, пробивать темы «строгих» профессоров — Данилова, Беляева, Незнамова — так, чтобы остались следы на противоположной стороне. Член «сообщества», подходя к столу, тянул непробитый билет, а мы, по неведению, тянули первый попавшийся. Стыдно и досадно было за такое мелкое жульничество, которое, правда, ни Кульневу, ни Филаретову пользы не принесло.

¹ Вафангоу — железнодорожная станция в 150 км севернее Порт-Артура.

Начал работать над второй темой. В списке литературы по Бородину я приводил французские книги, а из русских — Богдановича, Михайловского-Данилевского. Беляев утвердил список, не дополнив его.

Тема, по существу, была простая. Французы подходили к Бородину компактной массой в трех колоннах и затем выставляли боевой порядок. Японцы же на подходе разворачивали боевой порядок и вели его в глубоких (бригадных) колоннах к полю сражения. Если под Бородину Наполеон сам производил рекогносцировку позиции русских, то под Вафангоу такая разведка выполнялась авангардами колонн, а затем их донесения сводились в штабе. Вот на основании этих примеров и нужно было вывести современную теорию подхода к полю сражения и усиленной разведки. Представленный Беляеву конспект получил утверждение с приказанием доложить всю тему.

Во время доклада наших вторых тем в академии произошло чрезвычайное событие. Однажды в аудитории появился вместе с начальником академии военный агент германской армии (немцы, как правило, не допускали в свою академию никого из посторонних). Военный агент попал на доклад Гарфа на тему «Что внесла нового в довольствие войск русско-японская война». Тема была Янушкевича, и поэтому оппонентом был он. Вторым — генерал Гулевич, командир лейб-гвардии Преображенского полка. Янушкевич на старшем курсе читал нам о довольствии войск в Русско-японскую войну. Гарф в своем докладе все это тщательно воспроизвел и доложил. Янушкевич в своем заключении нашел доклад отличным. Стыдно было нам, сидевшим в аудитории, что доклад совершенно не отвечал теме. Нельзя было рассчитывать, чтобы офицер германского генерального штаба этого не понял. Выручил Гулевич. Он спокойно взял со стола конспект Гарфа, прочитал название темы и затем резюмировал: «Таким образом, ваш доклад написан не на тему. Как довольствовались войска в русско-японскую войну, вы доложили хорошо, но сама тема требовала от вас другого, и поэтому я признаю ваш доклад только удовлетворительным». Щербачев решил поправить дело (отец Гарфа был начальником Главного управления казачьих войск) и признал

доклад хорошим, принимая во внимание его прежние работы. Гарф получил, насколько мне не изменяет память, 10,5 балла. Но военный агент, наверное, сделал соответствующий вывод, в особенности об Янушкевиче, будущем начальнике Генерального штаба.

Нужно было и мне побывать на докладах товарищей, чтобы привыкнуть к требованиям Беляева. Нельзя сказать, чтобы посещения этих докладов ободряли. Беляев свирепствовал. Сам отличный оратор, он не терпел конкурентов. Поэтому, когда Борхсениус, докладывая свою тему, попробовал применить ораторские приемы, Беляев в своем разборе выпалил ему: «Вам бог привесил язык, а больше ничего», — и провалил его с треском.

Другой слушатель, штабс-капитан фон Ланг, начальник одной из команд разведчиков во время русско-японской войны, докладывая о способах ведения войсковой разведки, разошелся во взглядах с Беляевым, сославшись на свой строевой опыт. Тогда Беляев ответил, что и строевому командиру нужно иметь голову, чтобы работать ею. Когда Ланг сказал, что считает это оскорблением и подаст рапорт начальнику, Беляев посоветовал ему апеллировать к самому богу. Вышел крупный скандал, но Ланг в Генеральный штаб не попал.

Наступил вечер моего доклада. Пришла комиссия — начальник академии, Беляев, Добрынин и из-за интереса к теме заведующий нашим курсом полковник Юнаков.

Я стал делать доклад, поглядывая на часы. Беляев внимательно смотрел на схемы, которые были неплохо выполнены. По-видимому, его взяло сомнение, сам ли я их чертил и нет ли ошибки, к которой можно было бы придраться. Прошло 30 минут. Доклад подходил к концу. Как я ни растягивал его, минутная стрелка двигалась медленно. Наконец я положил указку и раскланялся, обозначая этим окончание доклада. Добрынин не предложил дополнительных вопросов и признал доклад отличным. Это уже ободрило меня. Беляев, признав доклад очень хорошим, предложил дополнительно ответить: 1) считал ли я Шевардинский редут передовым опорным пунктом или левым флангом русской позиции; 2) почему я не дал

принципиальной схемы, как нужно подходить к полю сражения (а между тем Беляев не терпел каких-либо принципиальных схем). На первый вопрос я ответил, что у Толстого Шевардино толкуется как левый фланг позиции, в источниках же Шевардино представлено как передовой опорный пункт. Тогда Беляев сослался на записки Ермолова, но в списке источников, утвержденных Беляевым, их не было. По второму вопросу я ответил, что нельзя давать принципиальную схему, так как все зависит от расположения противника, положения своих войск, местности. Сказать, что все зависит от обстановки, я не мог, так как, по понятиям Беляева, я должен создавать обстановку, а не подчиняться ей. Поэтому мне пришлось перечислить все элементы обстановки, но самого слова «обстановка» не произносить. Беляев поставил мне плюс за то, что доклад был сделан за 35 минут. Щербачев, по обыкновению, присоединился к обоим оппонентам, но снова начал допрашивать меня о принципиальной схеме. Тут, к моему ужасу, у меня сорвалось слово «обстановка», и начальство, засмеявшись, замахало руками и покинуло аудиторию. Доклад я, во всяком случае, не провалил и ждал 10 баллов, но комиссия объявила 11 баллов.

Вопрос о принципиальной схеме подхода к полю сражения в русской армии позже приобрел большое значение. С началом мировой войны наши пехотные дивизии, как правило, подходили в бригадных колоннах, и немцы иногда пользовались этим, чтобы бить по частям колонны. Даже в своих указаниях войсковым начальникам немцы обращали внимание на эту принципиальную схему русской армии и советовали использовать ее.

Теперь наступал последний период занятий: разработка тактических действий корпуса. Попал я в группу генерала Янушкевича и генерала Христиани и должен был разработать наступление двухдивизионного армейского корпуса через Карпаты от Стрия на Мукачево. Прежде всего, требовалось представить военно-географическое описание района действий, затем доклад начальника штаба корпуса по операции и устройству тыла, дальше доклады начальника артиллерии, начальника инженеров, корпусных интенданта и врача, по вводным данным

составить соответствующие приказы, начертить различные схемы, графики подвозки хлеба, эвакуации раненых — приложение к указанным докладам.

Военная игра как метод подготовки не была представлена в академии. Это вполне понятно: академия базировалась на французскую систему подготовки, а последняя смеялась над <?> (военной игрой) немцев, однако в дальнейшем нам пришлось участвовать в военных играх и самим проводить их.

Все доклады нужно было представить в указанный день и час. Принимал эти работы дежурный писарь учебной части, который отмечал час сдачи, ну... а опоздание всегда сопровождалось денежной мздой в зависимости от опоздания, от рубля и выше. За ночь дежурства писарь собирал немалую сумму, так как представлявших в срок было меньшинство. Знал ли об этом начальник учебной части полковник Баиов? Будем думать, что нет.

За эту тактическую разработку я получил 10,5 балла. Очевидно, Янушкевич поставил 10, а Христиани 11. Вообще за все три работы дополнительного курса я получил 32,5 балла, что дало мне десятое место при окончании курса.

Верховая езда на дополнительном курсе производилась три раза в неделю, и каждый офицер объезжал молодую лошадь. Ее он должен был представить и на экзамене. Когда я пришел на экзамен, то мне подали другую лошадь, а мою отдали тяжеловесному Якубовичу. Я поругался с руководителем верховой езды, но делать нечего, сел на незнакомую лошадь. Прибыл начальник академии, и началась манежная езда. При команде на галоп «кругом» мой конь заупрямился и не захотел поворачиваться. Я рассвирепел, взяв его в шенкеля, поднял на дыбы и повернул кругом. Злой слез с коня после взятия барьеров. Подошел к поручику Менжинскому и говорю: «Я был прав, что испорчу смену на незнакомой лошади». На это он возразил: «Конь делал все, что вы хотели». От сердца отлегло.

Теперь предстояло подумать, в каком округе и даже полку буду командовать ротой для ценза. Уже 2 года и <? > месяцев, как я выбыл из батальона, а потому, чтобы соблюсти долг приличия, послал телеграмму помощнику командира полка

по строевой части полковнику Смирнову, желательно ли мое возвращение в батальон для цензового командования ротой, и получил самый благожелательный ответ. Лишь после этого я заявил в учебную часть, что хочу вернуться в свой батальон командовать ротой.

Учебная часть подвела итоги окончания дополнительного курса и объявила их нам. Итак, подлежали причислению к Генеральному штабу 48 человек — 15 гвардейских и 33 армейских офицера. Кроме того, считался успешно окончившим дополнительный курс Врангель, который по собственному желанию уходил в свой лейб-гвардии Конный полк. Академия ему была нужна, чтобы скорее получить эскадрон и чин ротмистра гвардии, приравнивавшийся в случае ухода в армию к полковнику. Офицеры болгарской армии — все 9 человек — считались окончившими успешно дополнительный курс. Прослушали дополнительный курс без причисления к Генеральному штабу 14 человек — 10 армейских офицеров и 4 офицера гвардии, среди которых был и известный уже нам Кульнев. В кулуарах ходили слухи, что за Кульнева усиленно кто-то хлопотал, но здесь Щербачев и Баиов проявили исключительную твердость и не пошли ни на какие сделки с совестью.

Интересно сделать сопоставление подлежащих причислению к Генеральному штабу с числом офицеров, принятых на младший курс.

Принято на младший курс		Причислено к Генеральному штабу	Убыло
Пехотных офицеров	67	19	48
Кавалерийских	15	6	9
Артиллерийских	35	20	16
Инженерных	6	3	0
Всего	124	43	76

Эта таблица говорит о жестком отсеке из академии. Немногим больше трети поступивших в академию причислялось к Генеральному штабу. Была ли здесь придирка со стороны на-

чальства академии? Я бы этого не сказал. Правда, для армии, имевшей в кадрах мирного времени 1 300 000 человек, причисление к Генеральному штабу 48 человек было каплей в море, но зато происходил уже действительный отбор. Соотношение между армейскими и гвардейскими офицерами колебалось незначительно. Но если посмотреть по родам войск, то наибольшие потери, а именно 48 офицеров из 76 человек отсеянных, понесла пехота. Такое обстоятельство было прискорбно. Причислялись к Генеральному штабу в основном люди «с ученым кантом и бархатным воротником», т.е. артиллеристы и саперы. Правда, этот контингент офицеров уже в военном училище проходил трехлетний курс обучения, а не двухлетний, как в пехотных училищах. Из пехотных же офицеров шли в академию по большей части те, кто окончил не военные училища, для поступления в которые требовалось общее среднее образование, а юнкерские. Отсутствие необходимых знаний сказывалось в академии, когда приходилось самостоятельно работать.

По окончании основных двух курсов мы имели право носить академический знак. Согласно приказу по военному ведомству от 26 мая 1910 года, я считался окончившим дополнительный курс и за отличные успехи в науках произведен в штабс-капитаны со старшинством 23 мая 1910 года. Мы продолжали носить форму той части, в которой служили. По причислении к Генеральному штабу, за исключением конников, мы должны были все откомандовать два года ротой (это касалось и артиллерии). Кавалеристы на год шли в офицерскую кавалерийскую школу, а затем в строй для командования эскадроном.

В начале 1910 года Николай II побывал в артиллерийской и военно-инженерной академиях. Начальство нашей академии тоже усиленно готовилось к приему императора. Но он так и не приехал ни к нам, ни в военно-юридическую академию. Эти две академии не пользовались почетом. Академия Генерального штаба была не в чести у дома Романовых еще с 1862 года, когда часть преподавателей и слушателей-поляков, среди которых был генерал героической коммуны Домбровский, приняла участие в польском восстании. Юридическая же академия считалась либеральным военным учебным заведением.

Не добившись посещения академии в течение года, свитский генерал Щербачев, однако, добился приема нашего выпуска Николаем II.

В последних числах мая мы по железной дороге отправились в Петергоф. Оттуда нас доставили во дворец в Александрии. В одном из залов дворца мы построились в шеренгу по старшинству баллов при выпуске. Не приведенные к Генеральному штабу стояли на левом фланге с интервалом в 10 шагов. На их правом фланге находился Кульнев. На нашем — начальник Генерального штаба, а рядом — начальник академии, правитель дел и заведующий нашим курсом полковник Юнаков. Дождаться прибытия Николая II нам пришлось около часа, так как он принимал парад какого-то гвардейского кавалерийского полка по случаю полкового праздника.

Но вот скомандовали: «Смирно, господа офицеры», — и в зал вошел, расправляя усы, Николай II. Подойдя к правому флангу, он выслушал рапорт начальника академии, вручившего ему книгу трудов слушателей нашего курса. Николай II стал обходить слушателей, здороваясь за руку и задавая всем один вопрос: «Какой части и где она стоит?» Так постепенно он дошел до конца причисленных. Затем ему начальник академии пояснил, что дальше идут уже не попадающие в Генеральный штаб. Увидев Кульнева, очевидно лично ему знакомого, Николай II довольно долго с ним разговаривал, а затем, обратившись к непричисленным, поздравил их с переводом в Генеральный штаб. Если бы это было во времена Павла I, то не успевшие в науках были бы переведены в Генеральный штаб, а мы, успешно окончившие, ходили бы еще непричисленными. Но существовал закон, и все осталось, как положено.

Этим и закончилось наше представление. Николай II ушел, нам предложили позавтракать в соседних комнатах. Выпив по рюмке водки и немного закусив, мы поспешили вернуться в Петергоф, а затем и в Петербург. Ни у кого не было желания задерживаться во дворце. Больше я уже Николая II с его бесцветными, ничего не выражающими глазами не видел.

Гораздо оживленнее и веселее прошел наш товарищеский ужин в академии. Начальство академии и преподавательский

состав приглашались уже по выбору. На ужине было шумно и весело. Все мирно разошлись, не зная, что, может быть, видимся с некоторыми в последний раз.

3 июня 1910 года приказом по Генеральному штабу я был причислен к Генеральному штабу и откомандирован в штаб Туркестанского военного округа. По окончании академии нам выдавалось пособие в 1300 рублей на первоначальное обзаведение лошадью со всей принадлежностью. Кроме того, разрешался двухнедельный отпуск, 5 июня я уехал к своим родителям в Белебей.

Что же дала, в конечном счете, мне академия? Нет сомнения, что она расширила теоретический кругозор, наплатила знаниями, которые нужно было как следует еще переварить, а самое главное, найти применение им в жизни.

Профессор Данилов не раз говорил нам с кафедры, что настоящая учеба начнется после окончания академии, и тот, кто остановится на тех знаниях, которые он вынес из академии, безвозвратно отстанет. Академия привила мне любовь к военной истории, научила извлекать из нее выводы на будущее. К истории я вообще всегда тяготел — она была ярким светильником на моем пути. Необходимо было и дальше продолжать этот кладезь мудрости.

Что же касается практической подготовки к службе в Генеральном штабе, то здесь мы получили не очень много. Групповые упражнения развивали тактическое мышление, но такого рода занятий, как военная игра, у нас и в помине не было. Между тем с этим мы столкнулись с первых же шагов своей работы и в войсках, и в штабах. Метода проведения военных игр, метода свободного творчества в них академия не раскрыла своим адептам. Короче говоря, мы были выпущены в жизнь больше теоретиками, чем практиками. От нас самих уже зависело сделаться практиками. Но академия приучила нас к напряженной работе и к выполнению работы в указанный срок.

Время учения в академии падало на годы, когда в русской армии еще не было вполне устоявшихся взглядов на тактику. После поражения в русско-японской войне военная мысль

офицеров русской армии была в процессе брожения, но мы стояли уже на той дороге, которая потом нашла отражение в Полевом уставе 1912 года. Мы были поклонниками смелой, наступательной тактики. Я говорю о своем выпуске и отнюдь не хочу этого приписать всему офицерству русской армии, в особенности ее генералам.

Итак, впереди открывалась новая, более широкая дорога, и нужно было только не сворачивать с нее.

КОМАНДОВАНИЕ РОТОЙ

Пробыв около двух недель в доме стариков родителей, я выехал в Ташкент. За Оренбургом нахлынули воспоминания о том времени, когда я почти три года тому назад, юнцом, ехал держать вступительный экзамен в академию.

Ныне, уже прошедший горнило учебы, я возвращался снова в Туркестанский военный округ. На его северных границах, на старом Аральском море стояла жара. Палящее солнце, переносные пески, духота в вагоне — все говорило путешественникам, что они въехали в Среднюю Азию. Правда, этих «путешественников» в вагоне было очень мало, что позволяло нам, запершись в купе, отсиживать днем чуть ли не в костюме Адама и лишь по вечерам сходиться в коридоре для обычных дорожных разговоров.

Но вот и станция Келес. Знакомые дувалы, сады, арыки, кругом яркая южная зелень и горячее солнце.

Утром 23 июня 1910 года на станции Ташкент я обнимал своего товарища по академии штабс-капитана Филаретова. Он повез меня к себе на квартиру: в Ташкенте по-прежнему не было приличных гостиниц. Филаретов жил у своего брата в небольшом домике с садом на Пушкинской улице. Гостеприимные хозяева предоставили мне небольшую комнату и уговорили жить с ними, пока я не подыщу себе квартиру. Филаретова не причислили к Генеральному штабу, но откомандировали в распоряжение штаба Туркестанского военного округа. В 9 часов утра 25 июня мы направились в окружной штаб и явились к старшему адъютанту отчетного отделения, вернее, исполняю-

щему его обязанности, капитану Генерального штаба Роту. Отчетное отделение ведало учебой войск, службой Генерального штаба, личным составом Генерального штаба, полевыми поездками, рекогносцировками и маневрами. Почему оно называлось «отчетное» — трудно сказать, единственно разве потому, что составляло отчеты по объему его деятельности. По своей значимости в штабе Туркестанского военного округа оно должно было иметь больший удельный вес, чем ему принадлежал в действительности и чего я впоследствии не наблюдал в штабе Варшавского военного округа. Рот, коренной офицер Туркестанской артиллерийской бригады, окончивший академию три года назад, принял нас с начальнически-покровительственным видом. Предложив нам подать рапорт о прибытии, он представил нас исполняющему обязанности генерал-квартирмейстера штаба округа полковнику Одишелидзе. Средних лет полковник Генерального штаба с орденом Георгия 4-й степени за Русско-японскую войну — Одишелидзе производил впечатление умного и решительного человека. Впоследствии он был начальником штаба Туркестанского военного округа, а в мировую войну — начальником штаба 1-й армии. Представление наше Одишелидзе ограничилось банальными рапортами и пожатием рук. Затем в сопровождении Рота мы прошли в кабинет начальника штаба округа генерала Глинского. Худой, высокого роста, старый генерал своим мягким обращением производил приятное впечатление. Сам только что вступивший в должность начальника штаба округа, Глинский положился на Рота и утвердил его доклад, оставив нас прикомандированными к отчетному отделению штаба округа.

Так началась моя штабная работа. Тут царила настоящая бюрократическая канцелярщина, вертевшаяся вокруг маленьких вопросов. Занятия начинались в восемь утра и продолжались до двух часов дня, затем время было свободное. Рот величаво изображал начальство. Просматривая старые рекогносцировки маршрутов в горах и песках Туркестана, мы с Филаретовым поняли, что эти рекогносцировки были доходной статьей для выполнявших их офицеров Генерального штаба. Желающих ехать в горы было много, но не всем делал такой подарок Иван

Андреевич Рот. Во всяком случае, причисленным к Генеральному штабу об этом нечего было и мечтать.

Мой родной 1-й Туркестанский стрелковый батальон находился в лагерях. В городе удалось увидеться лишь с несколькими товарищами. Нужно было явиться в батальон и представиться новому его командиру. Получив разрешение Рота съездить в лагерь под село Троицкое, я отправился туда. Много изменений произошло за три года: по сухомлиновской реформе 1910 года батальон развевывался в полк. Вторым батальоном в его состав входил бывший 4-й Туркестанский батальон. Приказом по военному ведомству от 20 июля я уже числился штабс-капитаном 1-го Туркестанского стрелкового полка. Посещение полка и встреча со старыми товарищами были для меня праздником. Прежде всего я представился новому командиру полка полковнику Федорову. Невысокого роста, седоватый полковник принял меня вежливо, но сухо. Прибыл он из полка, расположенного в европейской части России. Производил не особенно приятное впечатление. Полком он, собственно говоря, не командовал, так как трезвым бывал только с утра. Офицеров Генерального штаба признавал лишь тех, которые водили с ним компанию.

Окунувшись в жизнь полка, я понял, что в нем уже нет той «старой туркестанской» атмосферы, какая была до моего отъезда в академию. Теперь 1-й Туркестанский стрелковый полк не отличался от обычного пехотного полка с его нравами и обычаями. Старые офицеры почти все ушли из батальона. Остался лишь прежний помощник командира полка по строевой части полковник Смирнов. На его авторитете, собственно, и держалось общество офицеров.

Вернувшись из лагеря, я недолго прожил в городе: 13 июля приказом по штабу округа был послан в тот же лагерь для ознакомления с подрывным делом и для испытания прикомандированных к Туркестанской саперной бригаде чинов пехоты. Попал в новую среду, мало мне знакомую. С большой пользой для себя занялся не только подрывным, но и вообще саперным делом. 9 августа я снова явился в душную комнату капитана Рота. Вскоре, подыскав себе квартиру, переехал от Филаретова.

Крупных маневров и учений из-за реорганизации пехоты в округе не было; приходилось вести текущую переписку. В отчетное отделение заходило много офицеров Генерального штаба: через него шли все назначения, командировки и вообще всякие передвижения. Поэтому за осень я узнал офицеров Генерального штаба почти всего округа.

Время летело незаметно. Нужно было отправляться в полк для цензового командования ротой. 20 октября 1910 года прибыл туда и принял 7-ю роту. Итак, я снова в строю. Роты по-прежнему усиленного состава, т.е. по 180 человек.

С 9 утра до 12 часов дня командир полка подписывал в канцелярии бумаги, а затем исчезал, и больше мы его не видели. На занятиях в ротах он не показывался. Бывал там лишь в день ротного праздника на молебне, после которого командир роты обязан был кормить обедом весь состав полка. Вот здесь полковник Федоров развешивался, напиваясь аккуратно на каждом ротном празднике. Старший его помощник по строевой части полковник Смирнов наблюдал за поведением офицеров. Сам же увлекался карточной игрой в гарнизонном собрании.

Невольно напрашивается вопрос: кто же командовал полком? Вероятно, Николай-чудотворец, а по письменной части — полковой адъютант штабс-капитан Вышеславцев, личность отвратительная. Заносчивый, но умевший ладить с начальством, этот офицер пользовался особой любовью полковника Федорова. В полку Вышеславцева не терпели.

Подготовкой полка, чисто строевой, ведали сами командиры рот, жившие дружно. В 1-м батальоне ротами командовали капитаны Рыжов, Выкорпицкий, Фагин и Володин, во 2-м — Рыжиков, Шапорин, Кессарийский и Захаров — все люди опытные. Самым старшим из них по годам был командир 7-й роты капитан Кессарийский. Его роту я и получил в цензовое командование, а Кессарийский, оставаясь при штабе полка, вел хозяйство бригадной церкви. Начальником полковой пулеметной команды был штабс-капитан Рыжиков, конноразведочной команды — мой товарищ Иванов, а помощником у него — самый любимый товарищ по выпуску Сусанин. Помощник командира

полка по хозяйственной части подполковник Краббе, большой любитель легкой жизни, умел сочетать работу с весельем.

Младшими офицерами были молодые, в большинстве скромные и хорошие люди. У меня в роте хотя и полагалось по штату два младших офицера, но фактически не было ни одного: оба находились в длительных командировках.

Таков был состав офицеров полка, который из-за плохого руководства и отставания в тактической подготовке старшего командного состава в первом же бою в начале мировой войны понес большие потери...

Мы, старые офицеры 1-го Туркестанского батальона, в большинстве своем уже штабс-капитаны, держались немного в стороне от пьяной компании Федорова, за что не были в чести.

Весь наш 2-й батальон помещался в казармах бывшего 4-го стрелкового батальона. Фельдфебелем 7-й роты был сверхсрочный прапорщик Зубков. Хозяином в роте был он, а ротный командир Кессарийский занимался богослужебными делами. Поэтому мое появление пришлось не по вкусу Зубкову. Пришлось некоторое время обламывать эту «аристократическую» фигуру, но в конце первого года Зубков уже ходил у меня в «шорах».

Обучали стрелков взводные унтер-офицеры, в большинстве своем толковые и старательные солдаты, понимавшие важность возложенной на них задачи. С рядовыми стрелками я жил в мире. Редко приходилось накладывать на них дисциплинарные взыскания: они поняли мое требование — не скрывать своих проступков. Видя, что я в таких случаях не накладываю взысканий, они доверяли мне.

Распорядок учебного дня был тот же, что и раньше: занятия с 8 до 12, затем с 3 часов дня до 5.30 вечера. Потом я присутствовал на занятиях офицеров. В 9.30 ко мне на квартиру являлся с рапортом фельдфебель. С ним мы обсуждали различные ротные дела — учебные и хозяйственные. Дальше следовало время моей личной учебы, т.е. чтение новых книг или разработка военно-исторических примеров. В час ночи я ложился спать с тем, чтобы в 7 часов встать и начинать снова свой трудовой день.

В программу занятий со старослужащими солдатами я ввел изменения. На большом ящике с песком старослужащие проходили тактику отделения и взвода, решали задачи и отдавали соответствующие распоряжения и команды. В более усложненной обстановке проводились занятия с унтер-офицерами роты. В офицерском собрании решались задачи на полк. Велись эти занятия по батальонам. Во 2-м батальоне они были возложены на меня.

В 1910 году подготовка офицерского состава шла с учетом опыта русско-японской войны. Командующий войсками генерал Самсонов, как бы ни был занят делами по генерал-губернаторству, требовал регулярных докладов от офицеров Генерального штаба в гарнизонных собраниях. Такое приказание командующего войсками произвело прямо ошеломляющее действие. Ясно было, что на походах Александра Македонского уже не отыграешься, а нужно изучать опыт русско-японской войны. Тотчас же по принятии роты я получил из штаба округа запрос, на какую тему я желаю сделать сообщение в гарнизонном собрании. Так как времени давалось только три недели, то я, не задумываясь, сообщил свою первую академическую тему: «Операция 2-й русской армии под Сандепу». Тема была утверждена. Пришлось сделать новые схемы, так как старые я оставил в Петербурге.

Капитан Рот, как лицо, ответственное за эти доклады, постарался в первую очередь использовать нас, причисленных к Генеральному штабу.

В один из декабрьских вечеров в скромном скюртуке офицера стрелкового полка, с академическим значком на правой стороне, я стоял за кафедрой в большой аудитории и с некоторым чувством страха смотрел, как она наполняется. Здесь были генералы и полковники Генерального штаба, офицеры гарнизона, среди них — непосредственные участники этой операции. Ожидали командующего войсками. Наконец вошел Самсонов, раскланялся со всеми и сел. Овладев собой, я спокойно начал доклад, который продолжался около полутора часов. Обрисовал операцию целиком, сделал в заключение оперативные и тактические выводы. Когда я закончил, Самсонов подошел ко мне и поблагодарил за хороший доклад, кстати, осведомился,

кто я такой, с какого года на службе. Пожав крепко руку, он еще раз поблагодарил меня. Так состоялась моя первая встреча с этим замечательным генералом, жестокая судьба которого вписала его имя в историю как неудачника.

Докладом я упрочил свое положение в полку, и пьяная компания Федорова мне уже была не страшна. Завязывались более тесные связи с офицерами Генерального штаба, главным образом участниками войны с Японией. Одним словом, я был уже не просто «момент» (как называли в строю офицеров Генерального штаба), а командир, который вынес кое-что свежее и здоровое из академии.

Время шло незаметно. Наступил 1911 год. Прошли выборы в суд общества офицеров, и я оказался членом этого суда.

Два часа ежедневно по вечерам я посвящал чтению новых книг по тактике, а их выходило много, особенно по русско-японской войне: отчет Куропаткина, тема официальной истории войны. По разным источникам я детально прорабатывал Мукденскую операцию.

Помимо строевых занятий приходилось проверять и хозяйство. То проверишь ротного каптенармуса и сидишь за пересчитыванием хранящихся в ротном цейхгаузе шапок, мундиров, шаровар, сапог, котелков, то берешь на дом книгу каптенармуса и просчитываешь припек и недопек. Нужно было проверить работу ротной сапожной мастерской, чтобы вовремя чинилась солдатская обувь, а также заглянуть в плотницкую, где готовили обстановку для роты: столы, скамейки, тумбочки и табуретки.

Начальников в Ташкенте жило много, и все они посещали роту: то осматривала помещение санитарная комиссия от окружного санитарного управления, то от военно-инженерного управления. Смотрели, в порядке ли содержится шанцевый инструмент, штаб-офицер проверяет содержание и уход за винтовками, экзаменуя в то же время унтер-офицеров и стрелков в знании правил ухода и чистки винтовок. За все, конечно, отвечал ротный командир.

Дело приближалось к весне. Нужно было отчитаться за подготовку молодых солдат. Тут же проверяло строевое началь-

ство. В роту прибыл начальник 1-й Туркестанской стрелковой бригады генерал-майор Генерального штаба Воронов со своим начальником штаба Рычковым. Очень вспыльчивый, Воронов быстро реагировал на непорядки, что называется петушился. Вот тут я и познал, на чем держался наш командир Федоров. Для начальства важно было, чтобы подчиненный быстро давал ответы, не задумываясь над их содержанием. Около роты я приказал выкопать широкий ров небольшой длины, наполненный водой, и через него заставлял стрелков прыгать. С точки зрения санитарии такой ров не был, конечно, желательным. Обойдя 5-ю и 6-ю роты, начальник бригады, чем-то рассерженный, подошел к моей роте. Я представился и последовал за сопровождающим генерала командиром полка. «Это что за мерзость?» — спросил Воронов, указывая на ров. Не успел я выдвинуться вперед и доложить о назначении рва, как полковник Федоров тут же ответил: «Для поливки деревьев, ваше превосходительство». А так как в Туркестане дерево — это все, то никаких возражений со стороны генерала не последовало, а я подумал: «Вот так находчивость!» Обход роты прошел благополучно.

Не так случилось с корпусным командиром, которым был тогда старый генерал от кавалерии Козловский. Строевой командир, не кончавший никаких академий, участник турецкой войны, он не любил нашего командира полка. Приезд Козловского в батальон застал роты за изучением уставов, в частности Устава внутренней службы. Когда генерал подошел к моей роте, его взгляд упал на стрелка, черемиса по происхождению. «Словесность» туго давалась этому стрелку. «Скажи, братец, кто у вас командир полка?» — спросил командир корпуса. Вскочил стрелок, захлопал глазами и залепетал: «Так что его высокоблагородие...» — и дальше, повторяя то же самое, не двинулся с места. «Ты не волнуйся, — успокаивал его Козловский. — Посмотри на нас и покажи командира полка, ведь ты его часто видишь в казармах?» Стрелок, никогда не выдавший в роте командира полка, не мог его показать, а корпусной командир продолжал его стыдить, говоря, что нельзя не знать командира полка, который ежедневно бывает на занятиях. Конечно, Козловский отлично знал, что именно Федоров не бывает на

занятиях, и здесь, что называется, «отвел душу», вежливо показав Федорову все его нутро. В 1912 году он по возрасту ушел в отставку и уехал из Ташкента. В 1922 году, когда я был помощником начальника Штаба Красной Армии, секретарь доложил, что меня желает видеть бывший генерал Козловский. Оказывается, мой бывший корпусной командир пришел за советом. Он преподавал тактику в Московской кавалерийской школе и начал глохнуть: не слышит, что спрашивают курсанты, — вот и хочет уйти на пенсию... Это была последняя встреча с замечательным человеком, который не оказался на стороне белых, а начал учить кавалерийскому делу красных курсантов.

В марте в гарнизонном собрании под руководством Самсонова проводилась большая военная игра старших войсковых начальников и офицеров Генерального штаба. Участвовали «русская» и «афганская» армии. Упредив «русских» в мобилизации и стратегическом развертывании, авангарды «афганцев» крупными силами обрушились на Термез, который соединялся с Самаркандом стратегическим шоссе через перевал Тахтакарача. «Русские» удерживали Термез до подхода подкреплений, следующих по шоссе. «Афганцы» через горы двинули конный корпус в обход Термеза, чтобы помешать подходу подкреплений. Командовал этим крупным кавалерийским корпусом бригадный генерал казачьей дивизии Николаев. У него я был начальником штаба. Игра проводилась по старинке, без вызова сторон руководством. Представлялись только письменные документы, по которым давались вводные через посредников. Посредником при Николаеве был командир казачьей дивизии участник русско-японской войны генерал Греков. «Афганские» пехотные дивизии плотным кольцом окружили со всех сторон Термез, а мы с Николаевым упорно прорывались к шоссе, которое находилось от нас не далее пушечного выстрела. Вся обстановка обещала явный успех «афганцам», но вот в комнату вошел Греков и дал нам вводную: конный корпус, атакуя шоссе, понес крупные потери и отошел. Я, лежа на столе и нанося обстановку на большую карту, говорю командиру корпуса: «Ну, ваше превосходительство, поскольку мы с вами “афганцы” и понесли 50 процентов потерь, то остальные наши 50 процентов

просто разбежались! Предлагаю отступить перед доблестными русскими войсками!» Оглянулся и замер: позади меня стоял Самсонов и улыбался. Действительно, игра закончилась победой «русских», значительно уступавших в числе «афганцам». На разборе игры нашелся один полковник Генерального штаба, который сказал Самсонову, что он, полковник, три года подряд оказывается на «афганской» стороне и, как ни старается, всегда бывает нещадно бит «русскими». «Нельзя ли меня перевести в «русские»? — просил полковник. Самсонов понял свою ошибку и объявил, что на следующий год в маневрах будут участвовать только «красные» и «синие».

На конец лета 1911 года были задуманы корпусные маневры между Самаркандским и Термезским гарнизонами. Карты были неважные, а маневрировать предстояло в горах... Поэтому с началом весны штаб корпуса решил послать рекогносцировочные группы из офицеров Генерального штаба для проверки проходимости дорог. Так как в штабе корпуса, не считая начальника штаба, было только два офицера Генерального штаба, то к этой рекогносцировке привлекли и меня.

Оставив роту на младшего офицера, я отправился в район маневров вместе с подполковником Батранцом, служившим в штабе Туркестанского корпуса. До Самарканда мы доехали по железной дороге, а дальше на почтовых до Шахрисябза по шоссе через величественный перевал Тахтакарача. Шоссе на этом перевале при спуске в долину Шахрисябзе делало до десяти петель. Станции на шоссе представляли собой глинобитные блокгаузы, приспособленные к обороне от налетов афганской конницы. В Шахрисябзе мы сели на коней и с небольшим конвоем из 8—10 конных разведчиков углубились в горы — каждый по своему маршруту. Я направился через Яккабаг к югу. На северных скатах гор еще лежал снег. Меня сопровождал чиновник, присланный от бухарского премьер-министра, который каждое утро спрашивал меня, где мы будем обедать, где ночевать, а затем от него летели посланцы, чтобы все было готово к нашему приезду. Дорога была исключительно выючная по карнизам и так называемым овренгам, т.е. висячим мостам над пропастями.

Неизвестно, кто и когда выстроил эти мосты и кто их ремонтировал.

Я впервые попал в дикие горы, перед которыми меркнут и Кавказские горы. Впервые я узнал, как нужно снаряжаться в такие экспедиции. Дорогой не хватало то того, то другого. Все это я аккуратно записывал. К концу поездки у меня налицо был реестр, я знал, что нужно брать с собой в горы. Здесь, в горах, я ощутил их удивительное свойство. Они таят в себе немало опасностей для человека и одновременно чаруют его своей красотой, успокаивают нервы, служат для него лучшим курортом.

С трудом, при помощи проводника, удалось мне преодолеть высокий перевал. И вот я на юге. Здесь весна в полном разгаре. Возвращался я через Шаартуз, в центре Бухары. Этот город являлся тогда полунезависимым государством. Его губернаторы и баи жестоко угнетали крестьян, облагали их различными налогами и повинностями.

Только $\frac{1}{10}$ собранного крестьянином урожая поступала к нему, $\frac{1}{10}$ шла эмиру, $\frac{1}{10}$ — на суд, $\frac{1}{10}$ — на церковь и т.д. Эмир содержал армию — несколько батальонов и горную батарею. В распоряжении губернаторов находилось от роты до батальона. Комплектовалась эта армия вербовкой, и в строю рядом со стариками находились безусые мальчишки. Солдаты и офицеры имели право торговать, поэтому учения происходили в базарные дни. Перед открытием базаров воинские подразделения перестраивались. Их солдаты носили русскую форму, но с той разницей, что вместо фуражек надевали барашковые шапки. На их вооружении были берданки, попадались и кринки (переделанные русские винтовки образца 1856 года, заряжавшиеся с дула, на казеннозарядные).

В Яккабаге я принимал почетный караул, причем на мое приветствие ответы были самые разнообразные. Обходя фронт, заметил, что на левом фланге стоит солдат с палкой. Спрашиваю у командира роты, почему так вооружен солдат? Получаю ответ, что его обязанностью является наказание провинившегося солдата несколькими ударами палки по пяткам. Офицерский состав бухарской армии выслуживался из солдат и получал

жалованье: капитан — 60, младший офицер — 25 рублей в месяц. Наверное, в своей лавке на базаре они зарабатывали больше. В XX столетии существовала такая опереточная армия, которая, однако, стоила эмиру ежегодно около 15 миллионов русских рублей. При эмире жил дипломатический агент со штатом, а в Ташкенте было целое бухарское посольство.

По возвращении из рекогносцировки мы составили краткий военно-географический очерк района маневров. Сомневались, хватит ли воды для маневрирующих войск. Для выяснения этого я в конце июня вторично с конвоем объехал район, специально изучая источники воды. Все говорило за то, что недостатка в воде не будет.

Моя рота стояла в лагерях, занималась огневой и тактической подготовкой. Занятия шли нормально, а по стрельбам рота шла в числе передовых.

В конце июля и начале августа начались так называемые отрядные учения, т.е. тактические занятия в более расширенном масштабе, чем стрелковый полк, с участием артиллерии и казачьих частей.

...Начальник штаба лагерного сбора полковник Рычков стремился использовать молодых офицеров Генерального штаба и причисленных к нему для составления заданий в роли посредников и на должностях начальников штабов отрядов. На одном из больших учений меня назначили начальником штаба отряда (пять батальонов с артиллерией и казачий полк). Отрядом командовал пожилой командир 2-го казачьего Уральского полка. Ясно, что вся тяжесть работы легла на меня. Против нас действовал отряд из трех батальонов с артиллерией и казаками. По существу задания должен был произойти встречный бой. Расстояние между отрядами не превышало 40 километров, причем противник был собран, а мой отряд разбросан в трех группах, из которых центральная группа — 1-й батальон нашего полка без артиллерии — был удален от фланговых отрядов на 10—15 километров. Изучив местность, я предложил начальнику отряда захватить центральным батальоном находившуюся впереди нас в 15 километрах высоту, а двумя фланговыми группами (по два батальона с артиллерией каждая) охватить противника с обо-

их флангов и окружить. План будущего Седана был одобрен начальником отряда, приказ с точным расчетом выступления групп был мною написан и передан в группы. С утра начался маневр. Я торопил центральный батальон, чтобы захватить высоту. С некоторой форсировкой марша нам удалось это сделать вовремя, так как вскоре противник начал разворачиваться с целью прорвать наш центр. На маневрах время всегда течет быстрее, чем в действительном бою, и теперь мой бинокль направлен был на пути подхода фланговых групп. В центре уже назревал кризис, но, к счастью, с обоих моих флангов заговорила артиллерия, а вскоре показались и цепи наступающих стрелков. Противник был в мешке. «Бой» закончился явной удачей для нашего отряда, что было отмечено на разборе начальником лагерного сбора генералом Вороновым. Начальник моего отряда был очень доволен и крепко жал мне руку. Для меня же это была первая практика в проведении маневра на окружение противника, и я был также доволен успешным завершением учения.

Проведя боевую стрельбу ротой в присутствии командира полка, я стал готовиться к поездке на корпусные маневры в Бухару. Предписанием штаба корпуса я назначался начальником оперативного отдела главного руководства. Руководили маневрами командир корпуса генерал Козловский и начальник штаба корпуса генерал Лилиенталь. С северной стороны принимали участие в маневрах 2-я стрелковая бригада с артиллерией и 2-м Уральским казачьим полком и конно-горной батареей. С южной стороны, от Термеза, наступали три полка 3-й стрелковой бригады с артиллерией. Для этапной службы выделялись командиры от нашей 1-й стрелковой бригады, в частности и от моей роты. Трудность маневров заключалась в действиях в горной местности. Правда, по просьбе командующего войсками эмир распорядился, чтобы местное население расчистило основные маршруты. Но все же горный характер района потребовал от войск большого напряжения. С обычных лагерных полей они вышли на местность с населением, никогда не видавшим русских войск.

На маневрах появился норвежский военный агент, посланный Генеральным штабом в качестве гостя. С ним произо-

шел анекдотичный случай. Когда майор норвежской армии явился в штаб округа, чтобы представиться начальнику штаба, Глинский, не зная никаких языков кроме русского и украинского, приказал, чтобы майора задержали в приемной и позвали капитана Генерального штаба Покровского в качестве переводчика. На беду, Покровский на службу не пришел. Пока за ним ездили на квартиру, прошел час, а несчастный майор все сидел в приемной. Наконец явился Покровский. Пригласили майора. Когда он вошел в кабинет, Глинский попросил Покровского извиниться, что долго задержал майора, так как не знает французского языка. Не успел Покровский начать перевод, как майор, поклонившись генералу Глинскому, на чистом русском языке сказал: «Напрасно изволили беспокоиться, господин генерал. Я немного говорю по-русски».

Автомобилей в те времена в армии не было, и способы передвижения штаба были прежние: на шоссе — коляска, в горах — верховой конь. Предварительно пришлось вытянуть этапную линию от Самарканда до Термеза с заранее развернутыми хлебопекарнями, лазаретами и т.д. По ней двигались изъятые у местного населения обозы из арб вьючного транспорта. Хотя этим делом ведали тыловые службы, но мне, как начальнику оперативного отдела, приходилось и за этим наблюдать. Сначала войска совершали походное движение для сближения, а затем начались бои передовых частей за овладение перевалами. Штаб главного руководства разместился первоначально в Яккабаге, во дворце бека. Бек устроил парадный обед, где подавались узбекские и русские кушанья. Затем штаб руководства переехал в долину южнее Яккабага, верстах в 50, и расположился в палатках.

В горах походные движения развивались медленно, и суточный переход похода не превышал 7—10 километров.

При подходе русских войск население кишлаков (деревень) уходило в горы, в кишлаках оставались лишь старики. Но вот в руководство стали поступать донесения о нападении узбеков на отдельных солдат, шедших в боковых дозорах. Пришлось заняться выяснением причин этих нападений. Оказалось, что местное население, боясь за целомудренность своих жен и до-

черей, уходило с ними в горы, предоставляя большие дороги для войск. «Войска шли по дорогам, зачем же отдельным русским “сорбазам” (солдатам) потребовалось тоже карабкаться в горы?» — недоумевали они. — Явно с целью покушения на наших дочерей...» Долго пришлось представителям местной власти втолковывать, что такое боковые дороги и каково их назначение

Северный отряд, перевалив через большой горный кряж, выходил на плато, к которому подходил и южный отряд. Здесь должно было произойти решающее встречное столкновение. Получив вечером приказы сторон, я обнаружил, что отряды легко могут разминуться. Пошел доложить начальнику штаба. Надо было дать каждому направление движения из штаба руководства. Написал указания, но с кем послать? В горах ночь. Если послать казака, то он заплутается да еще сорвется в пропасть. Поэтому решил взять двух местных джигитов и отправить с ними. Расчет оказался верен. К утру я уже держал в руках расписки о получении пакетов адресатами.

На следующий день мы поднялись на плато и наблюдали развертывающееся встречное столкновение. К вечеру, после короткого разбора учений, был дан отбой, и маневры закончились.

За мою службу в Туркестанском военном округе такие маневры проводились первый раз. Обычно войска далее 30—40 километров от своих лагерей не уходили. Здесь же пришлось действовать в диких горных условиях.

Усталый, в двадцатых числах сентября я вернулся домой. Но отдыхать не пришлось: нужно было готовиться к увольнению выслуживших срок и к приему новобранцев. Для ротного командира это также ответственная задача. Составив для штаба корпуса отчет о маневрах, я на время отошел от посторонних командировок.

Прошел год командования ротой. Унтер-офицерский состав роты привык уже к моим требованиям как в отношении боевой подготовки, так и внутреннего порядка. Готовились к увольнению прослуживших трехлетний срок, а из стрелков второго года службы в дополнение к унтер-офицерам готовились еще

и учителя молодых солдат. Эта подготовка заключалась в привитии им инструкторских навыков. Среди молодых солдат эти учителя назывались «дяденьками» и пользовались известным уважением. Хотя они и не имели дисциплинарных прав, но всегда могли воздействовать на подчиненных через отделенных или взводных унтер-офицеров.

В начале октября состоялось увольнение старослужащих; начали прибывать команды молодых солдат, которые после прохождения бани сейчас же поступали без всяких изоляционных приемников, и распределялись поротно. Я противник всяких изоляторов, считаю их недостойными солдата. Тем более что в большинстве случаев эти изоляторы представляли собой помещения с толстыми стенами, напоминавшими тюремную камеру. Оторванный от домашней обстановки, молодой солдат попадал в такую неприглядную изоляционную камеру. И так-то у него на душе нелегко, а здесь еще вдвое тяжелее чувствовать гнет военной службы.

В отношении регулирования и организации солдатского досуга делалось мало. Правда, рота имела комнату для чтения с маленькой библиотечкой, пополнявшейся на скромные средства роты. Стены в ротном помещении были увешаны дешевыми картинами, изображавшими подвиги русских солдат в прошедших войнах; плакатами со знаками различия и описанием формы одежды русской армии, их солдат, офицеров, генералов. Конечно, все солдаты должны были знать, что изображено на этих картинках, и толково рассказывать обо всем начальству, посещавшему роту.

Вечер я заканчивал дома чтением военной литературы по новейшим вопросам, просматривал столичные газеты. На Балканах снова запахло порохом. Кто знает, чем это кончится! Вспомнился боснийский кризис 1908 года, и как-то стало обидно за немоту русских вооруженных сил. Одну войну на востоке я просидел в Туркестане. Неужели придется просидеть здесь войну на западе? Да и какие в Туркестане видишь войска? Какие-то мелкие отряды из нескольких батальонов. Неприглядной казалась служба в Ташкенте. Хотелось служить на западе. А пока из штаба округа последовал запрос, какую тему я беру для доклада

в гарнизонном собрании. Подумал я, подумал и решил: чем же плоха моя вторая академическая тема «Подход к полю сражения и усиленная разведка на основании Бородино и Вафангоу»? Тут и русско-японская война, и преддверие 100-летнего юбилея разгрома Наполеона в России. Эту тему я и предложил капитану Роту. Он согласился. Доклад намечался на конец декабря, причем Самсонов приказал, чтобы на каждый доклад назначалось не менее двух оппонентов.

СДАЧА РОТЫ И ПЕРЕВОД В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ

Прибыли в роту молодые солдаты, начались с ними занятия. Я организовал соревнование между взводами. Командир лучше подготовленного взвода награждался серебряными часами, а отделенные унтер-офицеры и учителя молодых солдат — денежными премиями. Это приходилось делать уже за свой счет.

Мое основное требование оставалось прежним: учить точно по уставу и не вносить отсебятины. Прихожу однажды утром в роту и вижу: стоит взвод и прицеливается. Прицельная рамка поднята, прицел на 2700 шагов, и у всех молодых солдат открыты рты. Я никогда не делал замечаний унтер-офицерам при рядовых стрелках. И на этот раз ничего не сказал. Прошел в ротную канцелярию и вызвал командира взвода. Спрашиваю: «Почему стрелки целятся с открытыми ртами?» Взводный отвечает: «Так приказал фельдфебель». Вызываю старого служаку и говорю ему: «По какому уставу вы дали такое указание?» «По наставлению для стрельбы», — твердо отвечает подпрапорщик. «Найдите этот параграф и покажите». Сел за наставление фельдфебель, читал его, читал, а такого параграфа не нашел. Сконфуженный Зубков явился ко мне с наставлением и заявил, что «раньше было». Тогда я стал допытываться у него, какие же выгоды дает открытый рот при прицеле на дальнейшее расстояние? Он объяснил, что когда он был молодым солдатом, то их учили открывать рот, так как при открытом рте повышается и правый глаз, а потому лучше видишь мушку. Вот своеобразная

методика, типичная для старых сверхсрочников. Пришлось ему доказывать обратное, а чтобы он не портил молодых солдат, то впредь о таких новшествах в методике я приказал ему спрашивать меня. Особенно налегал я на снарядную гимнастику, и скоро вместо мешковатых молодых людей передо мной стояли подтянутые стрелки.

С осени 1911 года я переменял квартиру и занял три комнаты с отдельным парадным ходом и двором по Гоголевской улице, напротив общественного собрания. До казарм, правда, приходилось ходить 35—40 минут, но эта часть города была лучше озеленена, а получасовой переход шел только на пользу. Столовался я дома. Денщик — исполнительный и скромный стрелок моей роты, поляк по национальности, оказался аккуратным и хорошим поваром. Одно только было неудобно: утром каждого воскресенья он часа на три уходил «до костела». В этом я не мог ему отказать.

Однажды фельдфебель доложил, что стрелки-поляки очень много времени проводят в костеле. Я заинтересовался этим. Оказывается, после короткой службы ксендз использует солдат на постройке нового костела. Святой отец не без пользы для себя устраивал «воскресники». Я подал об этом рапорт, и поляки стали возвращаться в роту. Ксендз оказался не кем иным, как известным экспертом по делу об убийстве в Киеве мальчика Ющинского, совершенном ксендзом Пропайтисом. Это был настоящий средневековый зубр.

Читатель может спросить: неужели автор этих воспоминаний был доподлинным «чернецом» Генерального штаба и кроме службы и дома нигде не показывался? Отнюдь нет. Была и личная жизнь. Почти каждый месяц в полковом собрании мы, офицеры, устраивали товарищеский обед. Не менее одного раза в месяц зимой мы были на семейных вечерах. Правда, увлечение танцами прошло, хотелось держать себя солиднее, но побеседовать с дамами и товарищами об интересующих событиях, повеселиться, обменяться впечатлениями, вынесенными из театра, — все это входило в рамки моего офицерского образа жизни.

В гарнизонном офицерском собрании бывал редко, но раз в два месяца с 12 часов дня до 2 часов ночи приходилось здесь

нести дежурство. Это дежурство было не из приятных. Компания молодых офицеров, подвыпив, не останавливалась перед позорящими звание офицера поступками. Старые полковники и генералы засиживались за картами допоздна, иногда позволяя себе игры, запрещенные в собрании. На тех и других мы, ротные командиры, нашли скоро управу. Однажды, собравшись в полковом собрании, мы, восемь ротных командиров, в присутствии председателя суда общества офицеров вызвали молодого офицера, участвовавшего в скандальных кутежах, и заявили, что просим передать всей компании: при малейшем скандале дежурный по собранию всех перестреляет из револьвера, хотя бы пришлось идти на каторгу. Это подействовало, и больше скандалов не было. Что же касается «старичков», то мы проделывали так. Без четверти два давали звонок. В два часа ночи, обходя игорные комнаты, дежурный переписывал оставшихся, выбирал старшего по чину и докладывал ему, что собрание закрыто, он передает ему дежурство и уходит. В рапорте коменданту города перечислялись фамилии игроков. Не каждому генералу или полковнику хотелось попасть в этот список, а потому они предпочитали вовремя удалиться домой. Так дежурные по собранию смирjali и малых, и старых. Конечно, нас ругали, но мы вели свою линию твердо.

В конце 1911 года Самсонов, впервые за много лет, дал бал в своем генерал-губернаторском доме для старших войсковых начальников и офицеров Генерального штаба. На балу были, конечно, и чиновники гражданских учреждений, а также представители узбекской знати в дорогах, расшитых золотом халатах. Самсонов и его молодая жена оказались радушными хозяевами. Бал прошел весело и непринужденно.

Начальник штаба 1-й стрелковой Туркестанской бригады полковник Рычков начал устраивать у себя вечера с целью поучиться военному делу у молодежи. По натуре ленивый, он не читал выходявшей военной литературы, а собирал у себя молодых офицеров Генерального штаба за стаканом вина, внимательно прислушивался к возникавшим спорам по военным вопросам, Я посещал эти вечера иногда не без пользы для себя.

Время катилось незаметно. Приближался день моего доклада в гарнизонном офицерском собрании. За неделю до доклада я получил бумагу с приказанием явиться к генерал-квартирмейстеру штаба округа. В установленный срок я был в приемной генерала Федяя. Особым авторитетом среди офицеров Генерального штаба он не пользовался. «Вы, капитан, будете делать доклад о сражении под Вафангоу. А вам известно, что командующий войсками генерал Самсонов участвовал в этом бою?» Таким вопросом встретил меня Федяй. «Да, известно», — ответил я. «А вы не промахнетесь в своих выводах?» — спросил Федяй. «Нет, не промахнусь». — «Ну пойдемте к начальнику штаба округа». Пришли к старику Глинскому. Тот посмотрел на меня расширенными глазами, как бы говоря: «Вот выискался храбрец. Не сошел ли он с ума?» И задал тот же вопрос, что и Федяй. По своей доброте он посоветовал полегче быть в выводах. Я успокоил обоих генералов. Ведь в сражении под Вафангоу я разбирал главным образом действия японцев, а не русских. Сказав, что будет три оппонента, из них два полковника Генерального штаба — участники этого боя, — генералы отпустили меня, считая, что они сделали все: предупредили молодого штабс-капитана, который одним неосторожным словом мог испортить себе служебную карьеру. Из этого я сделал вывод, что нужно лучше изучить фактическую сторону сражения под Вафангоу, еще раз посмотреть описание военно-исторической комиссии и отчет Куропаткина.

В назначенный для доклада вечер я стоял за кафедрой. Рядом на стуле лежали нужные мне для справок источники. С прибытием Самсонова начался доклад. Спокойно и не торопясь я изложил свою тему. После небольшого перерыва слово было предоставлено оппонентам: полковнику Егорову, бывшему старшему адъютанту штаба Самсонова, а теперь состоявшему при нем для поручений, и полковнику Ахвердову, бывшему старшему адъютанту штаба 1-го Сибирского корпуса, а теперь начальнику мобилизационного отделения штаба округа. Оба они никаких поправок не внесли, а лишь дополнили доклад своими воспоминаниями о ходе боя. Третий оппонент, молодой офицер Генерального штаба Фукс, го-

ворил что-то не по существу. Когда Самсонов спросил, что я могу ответить на выступления оппонентов, я не согласился с Фуксом, а о выступлении обоих полковников сказал, что они дополнили мой доклад. После этого Самсонов остановился на вопросе о боевом охранении. Он по-прежнему считал, что не дело боевого охранения ввязываться в серьезный бой. На вопрос Самсонова, согласен ли с ним, я ответил отрицательно и из описания военно-исторической комиссии привел два примера: отход боевой заставы 1-го стрелкового Сибирского корпуса, потерявшего из полутора тысяч только двух солдат, а затем отход полусотни казаков, стоявшей на пути обходившей фланг 1-го Сибирского корпуса 4-й японской дивизии, причем зачитал из описания, что полусотня отошла по приказанию, полученному от какого-то неизвестного казака. На этих примерах я показал, как русские открыли дорогу 4-й японской дивизии, против которой и пришлось в условиях случайного боя драться дивизии Самсонова. Наше маленькое расхождение во взглядах с Самсоновым оживило доклад. Все ждали, что же будет дальше. А дальше... Самсонов встал, подошел ко мне и, улыбаясь, сказал, что хотя мы не сходимся во взглядах на роль боевого охранения, но он считает мой доклад прекрасным и благодарит за него. Подошел и старик Глинский, довольный тем, что доклад сошел хорошо и был «мягок на поворотах».

Конечно, только юность позволяет не соглашаться с начальством и даже немного критикнуть его. Потом, уже в более зрелом возрасте, мне приходилось переживать такое состояние, но результаты были другие. И передо мной всегда вставал благородный образ Самсонова, несчастно погибшего. В Каннах всегда должен быть с одной стороны Ганнибал, а с другой — Теренций Варрон. Судьба поставила Самсонова под Сольдау на место Варрона.

Наступил 1912 год.

Занятия в роте шли своим чередом. Мои взводные унтер-офицеры хорошо вели боевую подготовку, и я не боялся срыва, хотя не имел ни одного младшего офицера в роте.

Начальник штаба корпуса генерал Лилиенталь привлекал меня временами к работе в своем штабе, правда, без выезда из

Ташкента. Нужно сказать несколько слов об этом генерале. Обладая большим опытом, он хорошо знал службу Генерального штаба, но допускал нетактичность и находился под башмаком своей жены. Страдая болезненным самолюбием, подталкиваемый к тому же еще и женой, Лилиенталь превышал свои полномочия по службе. В 1912 году у эмира в Бухаре случилось какое-то волнение среди его верноподданных, и для консультации к нему направили генерала Лилиенталья. Последний не нашел ничего лучшего, как, присылая телеграфные донесения в штаб корпуса, адресовать их копии и своей жене.

Однажды в читальне гарнизонного собрания произошло чрезвычайное событие. На столе офицеры обнаружили номер самой черносотенной газеты «Русское знамя». Он-то и произвел сенсацию. Одна из его страниц содержала фельетон под заголовком: «Поход в Бухару русских генералов за бухарскими звездами». В фельетоне речь шла о Лилиентале и других русских генералах, причастных к бухарским делам. По недосмотру солдата-библиотекаря номер этой газеты пролежал неделю в читальне, и, конечно, с большим интересом фельетон прочли многие. В нем довольно хлестко описаны неблагоприятные делишки тех генералов, которые запятнали свою репутацию. Лилиенталь, конечно, не мог равнодушно отнестись к фельетону и газете, опубликовавшей его.

...В середине марта началась окружная военная игра старших войсковых начальников под руководством командующего войсками. На этот раз Самсонов сдержал свое слово: «воевали» в Фергане «красные» против «синих», а о былых «битвах» «русских» с «афганцами» уже не вспоминали. Игра подходила к концу, когда ее пришлось прервать: из Оренбурга прибывал военный министр генерал Сухомлинов. Командующий войсками выезжал в Казалинск встречать его. Этой поездке Сухомлинов в своих воспоминаниях уделил несколько страниц: «Условия службы и жизни в Туркестане, и особенно в Закаспийской части области, были тяжелые. Мой приезд и то, что я, по поручению верховного вождя армии, входил во все подробности обстановки и условий существования войск на окраине, имело, бесспорно, немаловажное значение... В беседах с офицерами

после обеда обыкновенно в собрании, меня трогало то жадное внимание, с каким они относились ко всему, что касалось государя... Когда перед выстроенными войсками я передавал привет государя и его благодарность за службу, трудно описать тот неподдельный восторг, который охватывал всю солдатскую массу, наполнявшую ряды колонн».

Так описал Сухомлинов в 1924 году свое пребывание в Туркестане. В моем же представлении это была не инспекторская поездка военного министра, а какая-то увеселительная прогулка. Ташкентский гарнизон видел Сухомлинова только на параде у вокзала, когда он объезжал ряды колонн в форме «кавелахтских гусар». Никакого приветствия войскам от государя Сухомлинов не передавал. Наоборот, по городу ходили слухи, что его больше интересуют дела какой-то хлопковой компании, представителя которой, князя Андроникова, оказавшегося впоследствии, по воспоминаниям самого же Сухомлинова, аферистом, военный министр привез в своем вагоне в Ташкент. Не знаю, может быть, где-нибудь на периферии округа военный министр и входил в нужды войск, но в Ташкенте он явно ими не интересовался.

Весна вступила в свои права, и Туркестанский стрелковый полк вышел в лагерь. Лето 1912 года прошло для меня в обычных командировках от штаба корпуса. В начале мая пришлось в составе комиссии выехать в Керки для проведения опытной мобилизации стоявшего там стрелкового полка. Для меня это был первый опыт мобилизационной работы. Добирались мы до Керки на пароходе: железной дороги туда еще не было, единственным путем сообщения служила Амударья. Амударьинская флотилия считалась военной, пополнялась солдатами из сухопутных частей, а капитанами на ней служили моряки торгового флота. Русло Амударьи чрезвычайно изменчиво, поэтому на борту парохода находился лоцман. Пароходы были старые, плоскодонные. Плыли только днем, а ночью приставали к берегу. Суточный переход не превышал 30 верст. Мелкие перекаты из наносного песка пароход брал с разбегу, а крупные преодолевал часами.

Керки — это маленький городок. Русское население состояло исключительно из солдат и офицеров войсковых частей

и семей командного состава. Мобилизационный план полка оказался хорошо разработанным, поэтому комиссии пришлось указать лишь на мелочи, пропущенные в плане. Жизнь командного состава в Керках, как и во всех небольших гарнизонах, была тяжелой, иногда таила много трагического, особенно для молодежи. Помню, как я, будучи командиром роты, наряжался в караул. Предстояло дежурить по казармам. В тот день на ташкентской главной гауптвахте наказание отбывал поручик, служивший в Кушкинской крепостной роте. Попал он сюда за дуэль. Дело было так: однажды в столовой офицерского собрания поручик-сапер услышал нелестный отзыв о своей жене. Нелестные слова произнес поручик стрелкового полка, сидевший в компании офицеров и рассказывавший о своих победах у женщин. Поручик-сапер подошел к столу и попросил поручика-стрелка отойти с ним в сторону. Объяснение окончилось тем, что на следующий день они условились драться. Устав денщика под благовидным предлогом в город, оба офицера, встав посреди комнаты спиной друг к другу с револьверами в руках, разошлись в противоположные углы комнаты. Достигнув своего угла, каждый имел право повернуться и выпустить все семь патронов. Поручик-сапер, приближаясь к углу, вдруг услышал, что его противник взводит курок. Сапер быстро повернулся и увидел, что стрелок уже стоит к нему лицом и целится из револьвера. Поручик-сапер выстрелил навскидку и убил своего противника. Конечно, это была «американская» дуэль, напоминающая те дуэли, которые описывал Брет-Гарт в своих рассказах, а не поединок «по всем преданьям старины». Сапера судили за убийство, но смягчающими обстоятельствами служили показания товарищей убитого, подтвердивших, что он действительно оскорблял честь жены поручика-сапера. Поэтому для последнего дело закончилось только годичным заключением в крепости, а не ссылкой на каторжные работы. И это — не единственный случай в глухих гарнизонах Туркестанского военного округа.

Едва я успел вернуться из поездки, как снова пришлось выехать на рекогносцировку намечавшихся в 1913 году корпусных маневров в районе Ходжента.

Во время этой поездки я пережил сильный приступ тропической малярии и вынужден был дня три пролежать в постели в горах.

Уезжая из роты, я обычно оставлял фельдфебелю подробные указания, чем заниматься, а он мне писал, как идут в роте дела. Однажды получаю от Зубкова письмо, в котором он сообщает, что командир стрелковой бригады генерал Воронов осмотрел 2-й батальон и нашу 7-ю роту. «Все сошло хорошо, — писал Зубков, — вот только со словесностью плохо». Дело не в словесности, решил я. Возвратившись в Ташкент, подробно расспросил Зубкова о смотре Воронова. То, что я узнал, было достойно пера фельетониста. Казарма 7-й роты представляла собой длинную комнату, в которой на наиболее освещенной стене висели плакаты, картины с Архипом Осиповым и другими героями. Входя в казарму, начальство всегда шло по более освещенному проходу. Это и натолкнуло усердного служаку Зубкова разместить вдоль светлой стены тех стрелков, которые были сильнее в словесности, т.е. знали всех «архипов», могли прочитать без запинки «Отче наш» и ответить на вопросы начальства. Я спросил Зубковса, как же он поставил стрелков, ведь кровати с ярлыками были не их. «Как не их? — уставился фельдфебель. — Я заставил перенести и кровати!» Одним словом, было сделано так, что называется, комар носа не подточит. Однако Воронов, войдя в казарму, повернул в темный проход и когда стал задавать вопросы, то получал скверные ответы, даже «Богородицу» один солдат не мог прочитать. Зубков, конечно же, почувствовал себя так, словно провалился сквозь землю.

Вскоре я встретил на улице Воронова. Ответив на мое приветствие, он остановил меня и сказал, что в роте боевая подготовка хорошая, а вот со словесностью плохо. Тогда я рассказал генералу о проделке фельдфебеля, и мы от души посмеялись.

Приближалось 26 августа 1912 года — столетие Бородинского сражения. Мне было приказано сделать доклад об этой исторической битве всему офицерскому составу лагерного сбора. Подобрал новый материал, я подготовился и вечером 25 августа в столовой нашего полка сделал доклад, придав ему характер юбилейного. Конечно, я не думал, что в 1941 году

Бородино снова окажется в поле моего зрения: как начальник Генерального штаба Красной Армии, я следил за ходом Московской битвы...

Через некоторое время начались боевые стрельбы рот. В мою роту приехал старик Воронов: в этом году я кончал цензовое командование ротой и должен был получить аттестацию, в которую входила и оценка боевой стрельбы. На незнакомой местности я провел стрельбу и получил отличную оценку.

В начале сентября 1-й Туркестанский полк ушел в город для несения караулов, а я был командирован на рекогносцировку так называемой Джагисской степи, между Самаркандом и Катта-Курганом. В это время в лагере произошло вооруженное выступление 1-го и 2-го саперных батальонов. Дело кончилось перестрелкой с учебной командой 2-го стрелкового полка. Зачинщики были выданы и арестованы. Начался судебный процесс.

В двадцатых числах сентября Самсонов снова приехал в лагерь, на этот раз проверить состояние тактической подготовки 1-й стрелковой бригады. По утвержденному им заданию отряд в составе четырех батальонов, отойдя от лагеря верст на десять к северу, должен был атаковать высоту, расположенную южнее стрелкового лагеря, на которой находился барак корпусного командира. Полтора батальона стрелков были выделены для защиты высоты. Начальником наступающего отряда был назначен командир 4-го стрелкового полка пожилой уже полковник Долженков, а начальником штаба — я. Набросав план, в котором выразил свои предположения, я отправился к полковнику Долженкову. Он согласился с планом. Однако в дополнение, чтобы не было разногласий в наступлении, я начертил и схему наступления, на которой показал, до какого рубежа батальоны должны были наступать в строю поротно, где рассыпаться, до какого рубежа совершать перебежки взводами, отделениями и поодиночке. Схему эту отпечатал на шапирографе и приказал раздать всем ротным и батальонным командирам. Получилось нечто вроде как у моего фельдфебеля Зубкова со словесностью, ну а дальше все уже предоставлялось случаю.

Наш наступающий отряд за день ушел в исходный район и расположился биваком. Вечером к нам приехал Самсонов и по-

просил доложить решение. Начальник отряда предложил мне сделать доклад. Обрисовав обстановку, я доложил о принятом решении. Возражений со стороны Самсонова не последовало. «Ну, капитан, вы кончаете в этом году командовать ротой, и я хочу, чтобы вы остались служить в штабе округа!» — сказал мне Самсонов. Я поклонился. В это время начальник штаба корпуса генерал Лилиенталь стал просить Самсонова, чтобы меня отдали в штаб корпуса. «А вы как хотите?» — спросил Самсонов. «Как решит начальство», — ответил я уклончиво, не говоря о том, что уже задумал уйти из Туркестанского военного округа. «Ну, посмотрим», — закончил разговор Самсонов и уехал от нас к обороняющейся стороне. С утра началось походное движение, и к середине дня мы уже развертывали боевой порядок по схеме при поддержке огня нашей артиллерии. С 14 часов началось наше медленное, методическое наступление на высоту с соблюдением самых строгих мер маскировки. К 7 часам вечера, когда солнце уже садилось, мы вышли на исходный рубеж для атаки и усиленно начали окапываться. Ночью саперы должны были проделать проходы в проволочных заграждениях. Артиллеристы обратились ко мне с вопросом, стрелять ли ночью? «Может, побеспокоим командующего войсками?» — с опаской спрашивал меня старший артиллерийский полковник. «Обязательно, господин полковник, всю ночь обозначайте огонь», — ответил ему я. И всю ночь нет-нет, да и грохала пушка холостым зарядом. В 5 часов утра наши батальоны с дружным криком «Ура!» ворвались на позицию «противника». Учение было закончено. Офицерский состав обоих отрядов собрался на разбор учения у барака командира корпуса. Самсонов остался доволен нашим наступлением. И вдруг, обратившись к Долженкову, спросил, кто приказал ночью вести артиллерийский огонь. Долженков беспомощно посмотрел на меня. Я сейчас же доложил, что артиллерийский огонь приказал вести я. «Какая же польза от артиллерийского огня ночью?» — спросил Самсонов. Я ответил, что польза большая. «Нет, вы ошибаетесь, капитан!» Возражать я не стал, но уже в 1914 году, во время мировой войны, вспомнил, как глубоко заблуждался Самсонов относительно действенности ведения артиллерийского огня ночью.

Больше Самсонова я уже не видел. Что же он собой представлял? К сожалению, русские военные историки под влиянием миража немецких побед под Сольдау критически относятся к личности генерала Самсонова. Иные авторы готовы смешать его имя с грязью, что и проделывали не раз на страницах журналов. Пусть это остается на их совести, но я твердо верю, что найдется исследователь, который отвергнет все гнусное, что писалось о Самсонове, и выявит его истинное лицо. Самсонов был умным военачальником. Будучи начальником штаба Варшавского военного округа, он отлично знал Восточно-Прусский театр и все время ожидал удара немцев с запада в левый фланг своей армии. Если бы Самсонов выполнял все директивы командующего армиями Северо-Западного фронта генерала Жилинского, то он понес бы еще большее поражение. Пусть историк разберется в действиях Северо-Западного фронта и верховного главнокомандующего, тогда Сольдауская операция представится в ином свете, и вина Самсонова в значительной степени уменьшится. Наделенный острым чувством воинской чести, Самсонов не пережил своего поражения и покончил жизнь самоубийством. Иначе поступил бывший начальник штаба Варшавского округа командир 13-го корпуса генерал Ключев. У него было 12 тысяч солдат, а он не смог проложить себе дорогу через два немецких батальона, чтобы выйти из окружения, и предпочел сдаться в плен. К сожалению, Самсонова отвлекали генерал-губернаторские дела, и он отстал от военной науки. Этого отрицать не приходится. Но разве Самсонов был хуже тех генералов, которые тогда стояли во главе русских армий? Я должен уверенно сказать: нет! И как начальник, и как человек Самсонов был обаятельной личностью. Строгий к себе, приветливый к подчиненным, он был высоко честным человеком. Но жизнь бывает жестока, сплошь и рядом такие люди, как Самсонов, становятся жертвами ее ударов, а негодяи торжествуют, так как они умеют лгать, изворачиваться и вовремя продать самого себя за чечевичную похлебку в угоду другим. Самсонов не был таковым и поступил даже лучше многих «волевых» командующих армиями. Что бы ни говорили про Самсонова, но от моих встреч с ним остались самые светлые

воспоминания. Немного я встречал на своем служебном пути таких начальников, как генерал Самсонов.

Конец лета 1912 года был печален для меня: в середине августа на 75 году жизни умер горячо любимый отец. После шестидесятилетней непрерывной работы у него отказало сердце, и без больших предсмертных мучений он ушел из жизни. Теперь на нас, братьев, ложилась обязанность поддерживать мать. Очень и очень остро я переживал ничем не восполнимую утрату отца. Не хотелось верить, что его нет среди живых. Но смерть, жестокая смерть — неумолима...

По окончании учения под руководством командующего войсками округа завершился и сам лагерный сбор. Войска расходились на зимние квартиры. Ушел с ротой и я.

В 1912 году у нас в корпусе произошли большие перемены. После лагерного сбора ушел в отставку командир корпуса Козловский, получил дивизию командир стрелковой бригады Воронов. Вместо него командиром 1-й Туркестанской стрелковой бригады был назначен командир бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии генерал Моржицкий. Прослужив все время в лейб-гвардии Литовском полку в Варшаве, Моржицкий был, что называется, заядлым гвардейцем.

Однажды, когда я зашел в канцелярию полка, меня позвали в кабинет к командиру полка, который, смеясь, спросил, не из моей ли роты денщик, что служит сейчас у начальника штаба округа Глинского. Я ответил: «Из моей». — «Почему же этот денщик ходит с пробором, а не острижен под машинку?» — спросил Федоров. — «Глинская не велит иначе, как мне докладывал фельдфебель». Действительно, у Глинского состоял денщиком стрелок моей роты из поляков. В роту он всегда являлся чисто одетым и производил впечатление дисциплинированного солдата. Один был у него «недостаток» — причесан на пробор. Но я, памятуя, как меня насильно стригли в училище, особенно не придирался к его прическе. Оказалось, что генерал Моржицкий приехал с визитом к начальнику штаба. Денщик открыл ему дверь, вежливо поклонился, снял шинель, провел в гостиную и спросил, как доложить. Узнав фамилию, денщик доложил Глинскому. Уходя, Моржицкий в передней опять увидел

денщика, — тот подавал ему шинель. Генерал спросил, какой он роты. Денщик назвал седьмую. Вернувшись домой, Моржицкий позвонил командиру полка по телефону и с возмущением рассказал о распушенном денщике. «Кто командует ротой?» — гневно спросил Моржицкий. «Причисленный к Генеральному штабу штабс-капитан Шапошников», — ответил Федоров. «Ну, конечно, сразу видно, что Генерального штаба, поэтому и рота распушена!» — заключил Моржицкий. «Знаете, господин полковник, — ответил я на это Федорову, — пусть Моржицкий сам идет разговаривать с Глинской, а я по таким пустякам солдата неволить не буду!» На этом мы и порешили, а денщик продолжал ходить с пробором.

Вскоре Моржицкий назначил строевой смотр рот. Когда очередь дошла до моей роты, он внимательно осмотрел и обмундирование, и снаряжение, и винтовки. Замечаний не было. Не последовало их и при различных перестроениях роты. Когда после смотра построились все офицеры полка, Моржицкий, увидев меня, удивился, что я в форме полка. «Разве вы не причисленный?» — спросил он. «Нет, я причислен к Генеральному штабу, но командую ротой в своем полку!» — ответил я. «Сколько же лет вы служите в полку?» — «Девять». Тут только до него дошло, что в армии причисленный к Генеральному штабу стремится откомандовать ротой у себя же в полку, а в гвардии окончившие академию стараются уйти командовать в армию, так как не хватает денег, чтобы продолжать служить в гвардейских полках.

К счастью, я не служил под руководством этого ограниченного генерала. Как рассказывали потом товарищи, немало крови пролила бригада во время мировой войны по вине безграмотного в военном деле генерала Моржицкого.

20 октября 1912 года я приступил к сдаче роты ее постоянному командиру капитану Кессарийскому и к 1 ноября закончил сдачу дел. После этого я был прикомандирован к штабу 1-го Туркестанского корпуса. Товарищи по полку устроили мне проводы, которые продолжались два вечера. Мы выпили немало вина за дружеской беседой.

В штабе корпуса я пробыл недолго. 9 ноября был прикомандирован к штабу Туркестанского военного округа впредь

до перевода в Генеральный штаб или до назначения в другие округа.

К этому времени из главного управления Генерального штаба на мое имя пришел пакет, содержавший список офицеров нашего выпуска по старшинству, а затем и список вакансий. От нас требовалось прислать список вакансий, расставленных в порядке предпочтительности для назначения уже по Генеральному штабу.

Я решил уйти в другой округ, где можно было получить практику на маневрах и военных играх в большем масштабе, чем в Туркестане. В порядке старшинства мне нужно было наметить по списку только десять вакансий. Записав вперед пять петербургских вакансий, которые, конечно, будут взяты раньше меня, шестой я поставил штаб 35-й пехотной дивизии — город Рязань и седьмой — штаб 14-й кавалерийской дивизии — город Ченстохов, в четырех часах езды от Варшавы.

Во время командировки в Кинель, куда я сопровождал эшелон кончивших действительную службу солдат, приказом по военному ведомству (от 26 ноября 1912 года) я был переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом штаба 1-й кавалерийской дивизии, дислоцировавшейся в городе Ченстохов. 6 декабря состоялся высочайший приказ о производстве меня в капитаны. Не знаю, какую аттестацию мне дал начальство, но, по-видимому, командование мною ротой было признано хорошим, если я без всяких осложнений попал в Генеральный штаб. На моей памяти были и другие факты, когда старшие командиры зааттестовывали причисленных. Так случилось с капитаном Петиным, командовавшим ротой в 4-м стрелковом Туркестанском батальоне. Его несправедливо очернил командир батальона. Назначенная от округа комиссия установила факт неправильного аттестования, и командир батальона скоро ушел в отставку, а Петин продолжал свою службу в Генеральном штабе.

В 1937 году в секретариате Народного комиссара обороны я ознакомился с аттестацией, данной на окончившего со мной академию штабс-ротмистра Смоляка командиром 14-го драгунского Малороссийского полка. Смоляка я знал в академии три

года. Это был исполнительный и скромный офицер 5-го драгунского Каргопольского полка. Командира 14-го полка, давшего аттестацию, я уже не застал в полку, он ушел в отставку. Что же ставилось в вину Смоляку? Его скромность и необщительность с офицерами. Но едва ли это могло служить поводом к зааттестованию. Так на это посмотрели и командир 1-й бригады генерал Чайковский, начальник 14-й кавалерийской дивизии генерал Грановский и начальник штаба округа генерал Ключев. Все они довольно пространно мотивировали свое несогласие с выводами командира 14-го драгунского полка и настаивали на переводе Смоляка в Генеральный штаб.

Самсонов в то время, когда меня перевели в Генеральный штаб, отсутствовал, 8 или 9 декабря меня вызвали к начальнику штаба округа, который прочитал нотацию за то, что я, знающий Туркестан, не остался служить в округе. Оказалось, что из трех человек моего выпуска, отбывавших командование ротой, все ушли в другие округа. Глинский собирался по этому поводу писать протест начальнику Генерального штаба. Доводы старого генерала были справедливы, но, с другой стороны, нужно было принять во внимание и желание молодых офицеров Генерального штаба послужить в округах, в которых можно было получить большую практику в руководстве войсками, нежели в Туркестане. Это я и высказал генералу Глинскому. Простились мы с ним дружески.

Вечером 10 декабря офицеры 1-го Туркестанского стрелкового полка в полном составе вместе с командиром полка провожали меня на вокзал. Там выпили по бокалу шампанского. Да, не думал я, что многих из провожавших этих меня старых товарищей и сослуживцев вижу в последний раз.

Я располагал несколькими свободными днями и решил свернуть от Самары на Златоуст, чтобы навестить больную мать, которая остро переживала смерть своего мужа (моего отца).

Через двое суток поезд мчал меня мимо знакомых с детства гор от Уфы к Златоусту. Приятно было снова оказаться в родительском доме. Мать жила с бабушкой, когда-то воспитавшей меня. Для нее я, взрослый капитан, все еще оставался малышом, которого можно было поставить в угол за шалости.

Быстро промелькнули четыре дня, которые я провел в Златоусте, и вот мы с матерью на вокзале. Она плачет, стараясь сдерживаться. Третий звонок... Я стою в вагоне у окна, поезд трогается, и я вижу, как мать поворачивает к выходу из вокзала. Это была последняя встреча с матерью. Умерла она в начале 1915 года, когда я был на фронте...

ШТАБ 14-й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

При переводе в Генеральный штаб я предпочел штаб дивизии штабу корпуса или округа. Признаться откровенно, служба в большом штабе вдали от войск не привлекала меня из-за ее чисто канцелярского характера, с нею я познакомился еще в 1904 году... Мне хотелось быть поближе к войскам.

Однако в этом желании был и известный проигрыш: служба в штабе оставляла тебя в тени, начальство не спешит повышать штабистов в должности и представлять к наградам.

«Как станешь представлять крестичку ли, местечку, ну как не порадеть родному человечку» — так вложил в слова Фамусова бессмертный Грибоедов чиновничий кодекс бывшей России. Действительно, если посмотреть, то в штабах округов, а в особенности в Главном управлении Генерального штаба, служили далеко не выдающиеся по способностям, но «родные человечки».

Видимо, не всем ясно, что представлял собою тогда старший адъютант Генштаба в штабе дивизии. Ему принадлежала ведущая роль в осуществлении задач оперативного характера, в решении мобилизационных вопросов, в организации боевой подготовки частей дивизии. Именно эти вопросы больше всего увлекали меня. Работая в штабе дивизии, офицер Генерального штаба не имел права отрываться от войск. Он зачастую замещал начальника штаба дивизии. Напомню, что во время Первой мировой войны начальник штаба Верховного Главнокомандующего принял решение: на должностях старших адъютантов Генерального штаба в штабах дивизий держать старших по годам и уже опытных капитанов.

...К вечеру 23 декабря 1912 года я прибыл в Варшаву. На последний поезд, отправляющийся в Ченстохов, опоздал. Не-

долго думая, пошел к своему товарищу Филаретову, который служил в интендантстве 5-го армейского корпуса.

Из рассказов Филаретова о Варшаве, а затем от совместной с ним прогулки по городу в русский сочельник 24 декабря сложилось у меня первое впечатление о польской столице. Оживление на улицах, кафе, рестораны, многоэтажные дома — все, как в крупном городе, но все же это не был ни Петербург, ни старушка Москва. Да, признаться, я и не особенно присматривался к Варшаве, не располагая для этого временем. Меня ждал Ченстохов — большой уездный город. С 25 декабря наступали трехдневные рождественские праздники, но так как штаб дивизии запрашивал меня еще в Ташкенте о времени прибытия, то я решил в Варшаве не задерживаться и 25 декабря, в семь утра уже был на вокзале в Ченстохове. Остановился в гостинице. Приведя себя в порядок, в парадной форме отправился с визитом к начальнику дивизии. Позвонил. Дверь открыл денщик в гусарской форме. Он помог мне раздеться и провел в кабинет генерала. Ждать пришлось недолго. Скоро в кабинет вошел высокого роста моложавый и подтянутый генерал. После моего рапорта и объяснения, почему я беспокою его в праздник, он предложил мне сесть и стал расспрашивать об учебе в академии и службе в Туркестане. Оказалось, что в молодые годы он тоже служил в Закаспии. Во время нашей беседы в кабинет вошла жена Орановского, дочь бывшего главнокомандующего русскими армиями в Маньчжурии Линевица, и пригласила нас завтракать. Вместо официального визита я сразу попал в семейную обстановку Орановского. Как я узнал позже, у Орановских был сын, учившийся в гимназии в Ченстохове. С ними же жила младшая незамужняя сестра Орановской — Нина Николаевна Линевиц, имевшая придворное звание фрейлины императрицы, пожалованное ей после смерти Линевица. Хотя Нина Николаевна была и моложе Тамары Николаевны года на 3—4, но выглядела старше сестры, казалась более замкнутой. За завтраком я получил приглашение бывать у Орановских запросто. Одним словом, у Орановских я был принят весьма радушно.

Просидев часа полтора у начальника дивизии, нанес визит начальнику штаба полковнику Генерального штаба Вестфа-

лену. Он был в одних годах с Орановским, но выглядел более пожилым. От него узнал причину своего спешного вызова в штаб дивизии. Вестфален боялся, как бы я не уехал в отпуск: время в связи с Балканской войной было беспокойным. Австро-Венгрия проводила частые мобилизации, и неизвестно было, чем все это кончится. У Вестфаленов я встретил более чопорный и официальный прием, поэтому особенно не задержался у них.

На другой день познакомился с адъютантом штаба дивизии поручиком Янсоном, с дивизионным интендантом, дивизионным врачом, делопроизводителем дивизионного интенданта — военным чиновником.

С уходом части войск с левого берега Вислы во внутренние округа по реорганизации армии в 1910 году 14-я дивизия оказалась разбросанной на большом пространстве. Штаб дивизии, 14-й гусарский Митавский полк и 23-я конная батарея располагались в Ченстохове. 14-й драгунский (бывший кирасирский) Малороссийский полк квартировал в Калигае, 14-й Донской казачий полк стоял в городе Бендзине, близ Сосновец, у стыка трех границ (русской, австрийской, германской), 14-й уланский Ямбургский полк — штаб и три эскадрона — находился в Кельце, а три эскадрона — в Пшечуве (к югу от Кельце). Управление 11-го конно-артиллерийского дивизиона и 21-я конная батарея размещались в Варшаве и из-за отсутствия в 13-й кавалерийской дивизии своей артиллерии обслуживали больше ее, чем 14-ю кавалерийскую дивизию. Вперемешку с 14-й дивизией располагались части 1-й и 2-й стрелковых бригад. Непосредственно на границе стояли части пограничной охраны, соединенные в бригады. Наиболее крупные гарнизоны были в Лодзи, Ченстохове, Кельце и отчасти в Радоме.

Ченстохов находился на северной границе Домбровского угольного бассейна. В городе и его окрестностях было расположено много фабрик и заводов, производивших разнообразную продукцию — вплоть до хрусталя и детских игрушек. На горе — древний Ясногорский мужской монастырь, выдавший у своих стен и татар, и венгров, и шведов. По преданию, над этой горой всегда сияет солнце, откуда и пошло название Ясная гора. Зда-

ния монастыря обнесены стенами, а ров превращен в цветник, ставший излюбленным местом гулянья ченстоховской публики и многочисленных богомольцев.

Сокровищница монастыря была богата золотом и серебром в виде различных предметов, там я видел фарфор — дар Яна Собесского монастырю. В ноябре 1912 года в монастырь забрались три вооруженных бандита, чтобы украсть икону. Монахи вовремя дали знать полиции. Бандиты, засев в одном из зданий, стали отстреливаться. Полиция не смогла ничего сделать. Пришлось оцепить монастырь гусарами, один эскадрон которых в пешем строю повел настоящее наступление. В результате один раненый бандит был задержан, двое убиты. Гусары также имели потери. Для сохранения драгоценностей на иконе монахи сделали стальные жалюзи, которые открывались только во время службы, а в остальное время были закрыты.

Положенные по обычаю визиты я сделал всем офицерам частей дивизии. С гражданской русской администрацией и чиновниками государственного банка и полиции, представлявшими собой сонм взяточников, я не знакомился, думая, что не буду к ним иметь никакого отношения, но по работе пришлось с ними сталкиваться. Полицию и жандармерию я не любил. Сухомлинов в своих воспоминаниях жалуется, что жандармы сплетничали на Драгомирова и на него, Сухомлинова. И тот же Сухомлинов перед войной насаждал жандармов в армии. По традиции офицеру, уходившему в жандармский корпус, товарищеских проводов часть не устраивала, а затем с ним вообще прекращались всякие отношения. Так реагировала армия на существование корпуса жандармов, она с отвращением читала циркуляры военного министра о приобщении к работе в армии подонков офицерства.

Штаб дивизии размещался на окраине города в казармах, выстроенных частным предпринимателем. Они представляли собой громадный трехэтажный корпус, занятый 7-м стрелковым полком. На первом этаже находился штаб дивизии. Обстановка в штабе была спартанская. Только начальник штаба имел кабинет и письменный стол, все остальные ютились в двух больших комнатах, занимались за обыкновенными дере-

*Маршал Советского Союза
Борис Михайлович Шапошников*

Семья Шапошниковых, г. Златоуст, 1887 г.

Стоят (слева направо): дядя Бориса Михайловича — В.К. Ледомский, отец — М.П. Шапошников, старший дядя — М.К. Ледомский.

Сидят (слева направо): тетя — Л.К. Ледомская, бабушка — Ю.Н. Ледомская, Борис (5 лет), мать — П.К. Шапошникова

*Борис Шапошников —
ученик 5-го класса
Красноуфимского промышленного
училища.
1897 г.*

*Поручик Б.М. Шапошников.
1907 г.*

Б.М. Шапошников среди солдат. 1914 г.

Н.А. Данилов

А.М. Зайончковский

А.А. Незнамов

Б.М. Шапошников. 1914 г.

*Подполковник Б.М. Шапошников в оперативном отделе
Юго-Западного фронта в годы Первой мировой войны*

Н.А. Сулейман

Н.А. Буйницкий

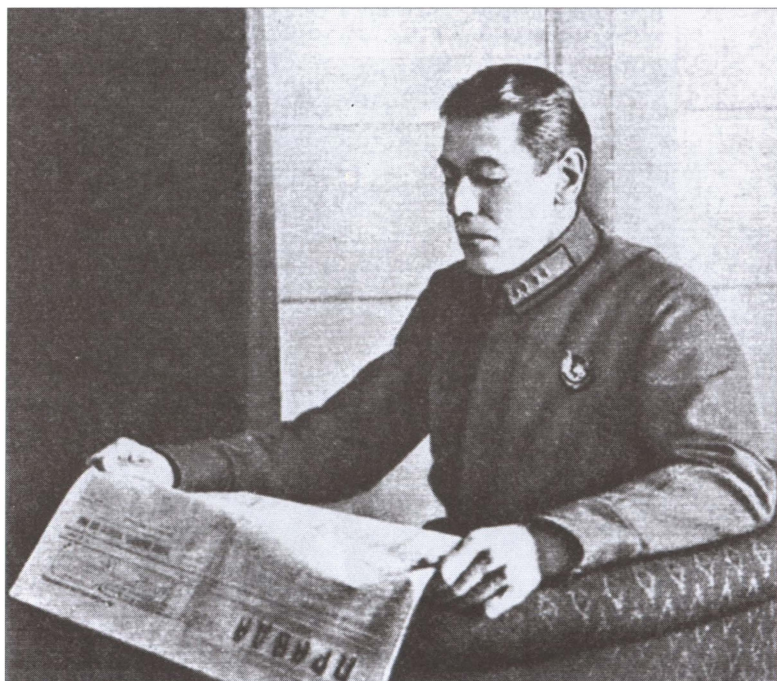

*Сидят (слева направо): главком С.С. Каменев, член РВС Республики
С.И. Гусев, командующий войсками ЮЗФ А.И. Егоров,
член РСВ 1-й Конной армии К.Е. Ворошилов.*

*Стоят: начальник Полевого штаба РВС Республики П.П. Лебедев,
начальник штаба ЮЗФ Н.Н. Петин, командующий 1-й Конной армией
С.М. Буденный, начальник оперативного отдела Полевого штаба РВС
Республики Б.М. Шапошников. 1920 г.*

Б.М. Шапошников. М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский. 1922 г.

Б.М. Шапошников. 1924 г.

Б.М. Шапошников, С.М. Киров, О.А. Сааков. 1925 г.

*М.В. Фрунзе, А.К. Векман (стоит за ним)
и Б.М. Шапошников среди краснофлотцев эсминца
«Карл Маркс». 1925 г.*

*Приезд председателя РВС СССР М.В. Фрунзе в Ленинград.
Слева направо в первом ряду: начальник Политуправления округа
О.А. Сааков, М.В. Фрунзе, помощник командующего войсками
Ленинградского округа Б.М. Шапошников. 1925 г.*

*Участники совещания командующих войсками округов.
Сидят (слева направо): Г.Д. Базилевич, М.К. Левандовский,
М.Н. Тухачевский, К.Е. Ворошилов, Н.Н. Петин, А.И. Корк, В.М. Орлов.
Стоят (слева направо): А.В. Павлов, М.В. Виктор, Б.М. Шапошников,
А.К. Векман, И.П. Уборевич, К.А. Авксентьевский. 1927 г.*

Заседание РВС СССР под председательством К.Е. Ворошилова

*Командующий войсками Московского военного округа
Б.М. Шапошников на военном параде в Москве. Май 1928 года*

С.М. Буденный и Б.М. Шапошников

*Первый ряд: К.Е. Ворошилов (первый справа),
П.П. Лебедев (второй справа), Б.М. Шапошников (третий справа).
Второй ряд: П.Е. Дыбенко (второй справа), П.И. Баранов (третий справа)
и другие. На учениях Киевского военного округа. 1930 г.*

Б.М. Шапошников на докладе у И.В. Сталина. 1938 г.

*Б.М. Шапошников среди делегатов XVIII съезда ВКП(б).
Март 1938 года*

*Семья Б.М. Шапошникова: жена Мария Александровна
и сын Игорь. 1936 г.*

*Подписание пакта о ненападении между СССР и Германией
(пакт Молотова — Риббентропа) 23 августа 1939 года*

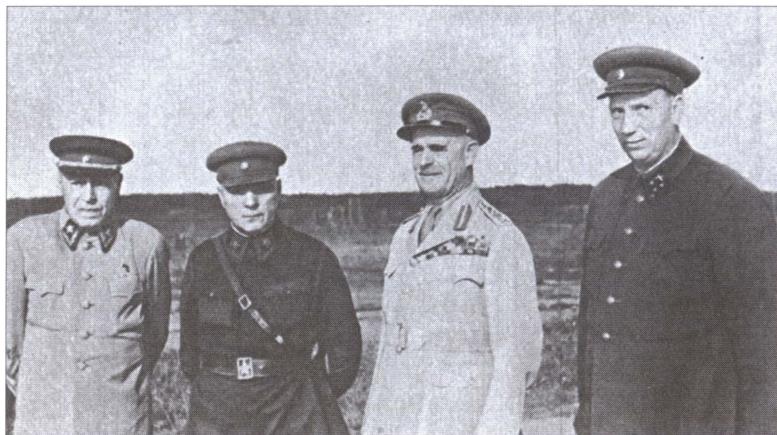
М.Д. Бонч-Бруевич. 1940 г.

Б.М. Шапошников на отдыхе. Кисловодск, 1940 г.

*Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников
и генерал армии К.А. Мерецков на трибуне Мавзолея В.И. Ленина
на Красной площади в Москве 7 ноября 1940 года*

Б.М. Шапошников, К.Е. Ворошилов, Н.Н. Воронов и представитель английской военной миссии (третий слева) на осмотре боевой техники Красной Армии. Подмосковье, 1942 г.

*Заместитель наркома обороны СССР
Б.М. Шапошников в рабочем кабинете. 1942 г.*

вянными столами, сидели на табуретках. Начальник дивизии с докладами принимал у себя на дому. Штат штаба дивизии был ограничен: начальник штаба, два старших адъютанта — один Генерального штаба и один из строя по инспекторской части. Дивизионный интендант имел обер-офицера для поручений и делопроизводителя. Дивизионный врач в своем лице представлял все медицинское управление.

Писарей по штату положено было пять, из них три старших и два обычных. Для обучения прикомандировывались из полков девять человек и два топографа. Вот и весь состав штаба дивизии. В конце 1913 года в штат штаба дивизии добавили команду связи из двух офицеров и пятидесяти унтер-офицеров и рядовых с кабельным и телефонным имуществом.

Я уже говорил немного о начальнике штаба Вестфалене — 45-летнем полковнике, преподававшем одно время тактику в кавалерийском училище, затем служившем в штабе Казанского военного округа, человеке средних способностей. Если учесть, что начальник дивизии был сам офицером Генерального штаба, привыкший лично составлять бумаги, то Вестфалену, собственно говоря, и нечего было делать. Вот, в общих чертах, что представлял собой штаб 14-й кавалерийской дивизии, каким я его застал на исходе 1912 года.

Командовал 1-й бригадой генерал-майор Чайковский, чисто строевой офицер, не прошедший ни академии, ни офицерской кавалерийской школы, но отлично знавший строевую службу и неплохо разбиравшийся в вопросах тактики. С началом войны он принял второочередную Кубанскую казачью дивизию, но в декабре 1914 года по каким-то причинам был отстранен от командования ею и вернулся снова в дивизию. В бою Чайковский действовал всегда грамотно. Полной противоположностью ему был командир 2-й бригады генерал-майор Михеев. Окончив Академию Генерального штаба, он долго служил в военном училище и в тыловых округах. Плохо подготовленный в строевом отношении и тактике, Михеев довольно слабо справлялся с бригадой на маневрах. С началом войны он уехал командовать второочередной дивизией из оренбургских казаков. 14-м драгунским Малороссийским полком, шефом которо-

го был наследный принц германский и прусский, командовал Генерального штаба полковник Сенча — красивый, среднего роста южанин, лет 44—45, образованный человек, хорошо знавший строевую службу, настоящий кавалерист добрых старых времен. С началом боевых действий Сенча не сразу втянулся во фронтовую обстановку, но позже явил собою тип прекрасного боевого командира.

Командиром 14-го уланского Ямбургского полка был Хмыров, пожилой полковник из строевых. Хмыров служил потом в Красной Армии, командовал 13-й кавалерийской дивизией на Восточном фронте. Позже я потерял его из виду.

14-м гусарским Литовским полком командовал гвардейский офицер полковник Дабич, настоящий гастролер. Все мысли Дабича были направлены на то, как бы съездить в Варшаву к жене и сыну. Хорошо зная строевое дело, Дабич был совершенно безграмотен в вопросах тактики, а между тем с началом войны должен был вступить во временное командование 2-й бригадой дивизии. Командиром 14-го Донского казачьего полка был полковник Корнеев. Скромный, трудолюбивый штаб-офицер, он хорошо вел подготовку своего полка. Спокойным и храбрым офицером показал себя Корнеев в бою: в конном или пешем строю, он всегда находился среди солдат, толково руководил действиями полка. Фамилию командира 11-го конно-артиллерийского дивизиона забыл: он жил в Варшаве при 21-й конной батарее. Командир 23-й конно-артиллерийской батареи подполковник Арцишевский, — холостяк, большой жуир, хотя и командовал он кое-как, однако батарея была в порядке: выручали старший офицер и опытный сверхсрочный вахмистр. Солдаты были молодец к молодцу, сильные, рослые. Каждый мог повернуть пушку как угодно.

21-й конно-артиллерийской батареей командовал молодой подполковник Сарандатаки. С ним я встретился уже в Красной Армии, в которой он служил с самого ее создания до 30-х годов. Умер он как-то неожиданно.

Для меня, пехотинца, прослужившего более девяти лет, кавалерия практически являлась совсем новым родом войск, но четыре года (из них полтора года мирного времени), прове-

денные в штабах кавалерийских соединений, дали возможность познакомиться с конницей. Офицерский состав кавалерии я знал по стихам Дениса Давыдова, рассказам Афанасьева-Чужбинского, романам Салиаса и Крестовского. Конечно, ничего разудалого и романтического в жизни офицеров регулярных полков дивизии уже не осталось. Восстань Давыдов, он бы с горечью воскликнул: «Где гусары прежних дней?» Правда, и в его времена гусары уже поговаривали о Жомини, о чем скорбел Денис: «Жомини, да Жомини, а об водке ни полслова!» Теперь же, если не изучали Жомини, то большинство кавалерийских офицеров работали над повышением своих военных знаний. По представлению многих людей, в кавалерии служили только богатые. Я не застал этого. Драгунские офицеры почти все жили на жалованье, уланы — тоже. Только в гусарском полку два-три человека имели, кроме того, доход с имений или были женаты на богатых.

Среди молодых офицеров гусарского полка попадались сынки купчиков, которые в один-два года успевали прокутить отцовские капиталы и уходили из полка. При штате 40 офицеров в полку ежегодно из воезных кавалерийских училищ прибывало восемь — десять корнетов. Каждый офицер надеялся получить эскадрон; тогда уже начиналась более обеспеченная жизнь. Что греха таить, были здесь и сделки с подрядчиками фуража, был и эскадронный навоз, который охотно и по высокой цене покупали местные жители. Эскадронный командир уже имел собственный выезд.

Казачий полк жил своей особой жизнью: пожилые — по преданиям Дона, а молодежь ездила развлекаться в Германию, в соседний пограничный город Катовице, до которого от Бендзина езды 15 минут. Никто паспортов не спрашивал. Офицеры не надевали только оружия.

Офицеры войск Варшавского округа часто ездили в город. Расстояния от полков до Варшавы были короткие, и поэтому этот город тянул к себе многих. Хорошо обмундироваться можно было только в Варшаве, офицерские вещи приобретались тоже там. Сходить в театр и вообще развлечься можно было тоже только в Варшаве.

Дней через пять после приезда в Ченстохов начальник дивизии спросил меня, представлялся ли я начальству в Варшаве по линии Генерального штаба. Я ответил, что не представлялся. Тогда Орановский приказал начальнику штаба командировать меня с секретным пакетом в штаб округа, посоветовал представиться начальнику штаба округа и генерал-квартирмейстеру, а затем познакомиться с офицерами Генерального штаба округа.

30 декабря, утром, я выехал в Варшаву. Явившись в штаб, сдал пакет, зашел в приемную начальника штаба округа и заявил секретарю, что хочу представиться генералу Ключеву. На мое счастье, мне недолго пришлось ожидать приема у генерала, сыгравшего впоследствии позорную роль при сдаче в плен остатков самсоновской армии под Сольдау в 1914 году. Но в конце 1912 года Ключев был на вершине своей карьеры и считался способным начальником штаба округа. Правда, уже тогда поговаривали о некоторых теневых сторонах его характера и моральной неустойчивости. Генерал Ключев справился о моей службе в Ташкенте и, задав несколько вопросов о Самсонове, отпустил меня, пожав руку.

От Ключева отправился к генерал-квартирмейстеру штаба округа генералу Постовскому, впоследствии начальнику штаба армии Самсонова. Постовский сидел в кабинете с рассеянным видом. Отрекомендовавшись осоловелому генералу, я получил приказание сесть и рассказать свою биографию. Выслушав меня, генерал сказал: «Итак, капитан, вы служите у генерала Орановского. Если вас будут притеснять, обращайтесь прямо ко мне!» Я раскланялся и вышел, пораженный тем, что мне предлагали жаловаться на свое начальство. Да, недаром его называли в штабе «сумасшедший мулла».

В 1914 году, спасая свою жизнь при выходе штаба 2-й армии из окружения, он бросил штаб и командующего армией Самсонова.

Старшим адъютантом разведывательного отделения состоял полковник Батюшин, человек твердый, хорошо знавший германскую и австро-венгерскую армии. Он не гонялся за крупными агентами, а работал при помощи писарей штабов, мелких гражданских чиновников и т.д. Особо ценных материа-

лов Батюшин не давал, но зато все отчеты о военных играх, маневрах, о численном составе частей вероятных противников в штабе Варшавского военного округа были всегда налицо. Недаром и немцы, и австрийцы боялись этой массовой агентуры Батюшина.

Во главе отчетного отделения стоял подполковник Лукирский, человек незаурядных способностей, тактичный и умевший держать в руках многочисленный состав работников Генштаба в Варшавском военном округе. Здесь же, в отделении, я познакомился с капитаном Дроздовским, помощником Лукирского. Энергичное лицо, сжатые губы и холодный взгляд голубых глаз — вот облик этого капитана, впоследствии одного из руководителей контрреволюции.

Такова была верхушка штаба Варшавского военного округа, считавшегося передовым в русской армии. И если неполностью возродились времена, когда начальником штаба Варшавского округа был известный в истории Генерального штаба генерал Пузыревский, то, во всяком случае, военная мысль больше работала в Варшаве, нежели в казенном Петербурге. Офицеры Генерального штаба в Варшавском военном округе жили сплоченной семьей. Этому способствовало наличие единственного в армии особого собрания офицеров Генерального штаба, где происходили доклады, военные игры, товарищеские ужины и обеды. Здесь генерал по-дружески говорил с капитаном и обменивался взглядами по военным вопросам. При штабе округа издавался небольшой военный журнал. Кроме того, в Варшаве выходила газета «Офицерская жизнь», взгляды которой на тактические и оперативные вопросы военного дела не совпадали с «Русским инвалидом» и «Военным сборником».

В самом начале января из штаба округа было получено приказание провести ряд учений Ченстоховского гарнизона вблизи прусской границы. Кого хотели напугать этими учениями, для меня и по сей день остается неясным: Балканская война шла своим ходом, Австро-Венгрия планомерно проводила частичные мобилизации. Единственно, какую роль могли сыграть маневры конницы вдоль границы, — поддержать в немцах убеждение, что с началом войны массы русской конницы хлынут

в Германию. Но от этого проекта плана вторжения конницы русский Генеральный штаб отказался... Конечно, набег конницы на Германию был бы делом нелегким, но на левом берегу Вислы образовывался такой плацдарм, на котором действия конницы в больших массах оправдали бы себя. Так это и случилось в начале войны. Но ту же 5-ю кавалерийскую дивизию пришлось везти с Волги обратно в Варшаву.

Однажды в январе я получил присланное от начальника дивизии задание сторонам и разослал его адресатам. 7-й стрелковый, 14-й гусарский полки с артиллерией двинулись к прусской границе. Я должен был сопровождать Орановского на учение. Одевшись потеплее, в назначенный час мы с генералом в сопровождении вестовых верхом тронулись в район учения. Побывав у обеих сторон, мы вовремя успели к атаке 7-го стрелкового полка против обороняющихся в пешем строю гусар. Сделав короткий разбор учения, пустились вдогонку войскам. Орановский не раз оглядывался назад, чтобы посмотреть, на месте ли старший адъютант из пехоты. Я понимал, что меня экзаменуют в верховой езде. Кажется, выдержал экзамен на «хорошо».

Через три дня опять предстояло учение, на этот раз между 14-м гусарским и 14-м Донским полками в районе Козегловы, у самой германской границы. Как-то я спросил у Орановского, почему он сам разрабатывает задания, а не поручает штабу. «Путает только, толку мало», — ответил он. Я попросил его объяснить замысел учения и разрешить набросать задание. Он улыбнулся и согласился. Выполнив задание, на следующий день через удивленного начальника штаба отправил его начальнику дивизии.

Вскоре оно без поправок вернулось с приказанием разослать войскам. Отныне я приступил к исполнению своих прямых обязанностей. Вестфален не мешал мне их выполнять.

К 15 января учения закончились, и я уже не урывками, а вплотную мог познакомиться с оперативной задачей дивизии на случай войны. Прежде всего, остановлюсь на мобилизационном плане дивизии. Все части дивизии содержались почти по штатам военного времени, не были только укомплектованы людьми и лошадьми полковые обозы частей, обоз штаба и 2-й эшелон парка

23-й конной батарее. За исключением 14-го уланского полка, стоявшего в Кольце на достаточном удалении от границы, обозы 14-го драгунского, 14-го гусарского и 14-го Донского казачьего полков и штаба дивизии подлежали мобилизации в Петркуве, также на удалении от границы. Согласно действующему «Наставлению по мобилизации», части 14-й дивизии должны были отмотобилизоваться ускоренным порядком, т.е. первый эшелон через 6 часов первого дня мобилизации, а второй — через 48 часов. В указаниях штаба Варшавского военного округа отмечалось, что «объявление мобилизации есть в то же время и объявление войны Германии и Австрии». Таким образом, мобилизационные планы частей были сравнительно просты и разработаны согласно «Наставлению по мобилизации». Однако по традиции, сохранившейся еще со времени Гурко, когда конница вторгалась в соседние государства тотчас же по объявлении войны, были разработаны мобилизационные дневники с расчетом отмотобилизования частей через два часа после объявления мобилизации. Конечно, не все работы можно было закончить в этот срок, но боевые части могли уже через два часа вступить в бой. Самым тяжелым в плане была эвакуация семей офицеров и отправка различного груза в тыл на правый берег Вислы.

Я уже упомянул, что мобпланы как для первых, так и для вторых эшелонов были подготовлены. Мне пришлось вести разработку нового мобилизационного плана по расписанию № 20. Всю переписку с частями дивизии, со штабом округа и штабом 14-го корпуса по этому вопросу вел я. Пришлось научиться печатать на машинке. Мобилизационные дела хранились в несгораемом сейфе, ключ от которого всегда был у меня. Что же касается оперативного плана, то он хранился у начальника штаба. В план были посвящены только три лица: начальник дивизии, начальник штаба и я, как старший адъютант Генерального штаба.

На дивизию, расположенную на границе, ложилась первая задача: прикрытие мобилизации и стратегического развертывания армий.

Позже, в 1919 году, я написал исторический очерк о планировании и выполнении этой первой оперативной задачи

14-й кавалерийской дивизии. Он помещен в «Сборнике статей по военному искусству». Поскольку сборник в настоящее время является библиографической редкостью, а также в связи с публикацией за этот 30-летний срок немцами и австрийцами многих материалов, искажающих действительность, я вынужден вкратце изложить уже раз написанное мною о действиях 14-й кавалерийской дивизии.

К сожалению, я пережил не одну войну, и если все их описывать, нужно бы писать историю каждой. Это не под силу мне, да и скучно было бы для читателя, поэтому я остановлюсь кратко на наиболее характерных моментах, освещение которых поможет подлинному историку подбавить краски в рисуемые им события прошлого. Если учесть, что много письменного материала (документов) не сохранилось и навсегда потеряно, свидетельства мои, как участника событий, пожалуй, не будут лишними, хотя, по моему замыслу, эти свидетельства появятся не скоро, во всяком случае, после моей смерти. Кто знает, может быть, и они затеряются в каких-либо тайниках?.. Одно могу сказать, что перед потомством я буду прав, набрасывая сейчас эти строки.

Когда я обратился к начальнику штаба дивизии с просьбой ознакомиться с боевой задачей 14-й дивизии, старый полковник разложил передо мной несколько документов. Это был черновой набросок доклада, написанный генералом Орановским начальнику штаба Варшавского военного округа, в котором излагались все соображения по прикрытию мобилизации и стратегического развертывания на левом берегу Вислы, а также копии предписаний исполнителям. Где развертывались русские армии, в докладе Орановского не указывалось. По всей вероятности, ему это было известно. По сухомлиновской реформе, войска с левого берега Вислы выводились в Казанский и Московский военные округа. Судьба левого берега Вислы как плацдарма для развертывания армий была предрешена. Там оставались лишь 1-я и 2-я стрелковые бригады. 31-й пехотный полк 8-й пехотной дивизии, 14-я кавалерийская дивизия, 2-я бригада 15-й кавалерийской дивизии и части пяти с половиной пограничных бригад, которые в случае мобилизации форми-

ровали четыре пешие и четыре конные сотни пограничников. Всего, таким образом, на левом берегу Вислы находилось 20 батальонов, 36 эскадронов, 48 полевых и 6 конных орудий, 22 пешие и 22 конные сотни. На эти силы и возлагалось прикрытие мобилизации и развертывания армий. Для выполнения задачи все войска разделялись на два отряда: северный — с подчинением командиру 1-й стрелковой бригады и южный — под командованием начальника 14-й кавалерийской дивизии.

В состав южного отряда входили: 2-я стрелковая бригада, три полка с батареей 14-й кавалерийской дивизии (14-й драгунский полк оставался в подчинении начальника 1-й стрелковой бригады) и две с половиной бригады пограничников. Всего 8 батальонов, 24 полевых и 6 конных орудий, 10 пеших и 10 конных сотен пограничников, расположенных в районе Радома, Петркува, Ченстохова, Бендзина, Сандомира и Ивангорода. Южному отряду вменялось в обязанность прикрыть мобилизацию на сборных пунктах в Петркуве, Ченстохове, Енджеюве, Кельце, Радоме и прикрыть отход частей 2-й стрелковой бригады в район сосредоточения на правый берег Вислы и, ведя разведку противника, к четырнадцатому дню войны сосредоточиться на левом берегу Вислы, в районе у Ивангорода. Фактически начальник 14-й кавалерийской дивизии для выполнения боевой задачи мог располагать только 28 эскадронами, 10 пешими сотнями, 8 пулеметами и 6 конными орудиями. Полоса действий 14-й кавалерийской дивизии разделялась на четыре района: Ченстохов, Кельце, Петркув, Радом. Первые два района непосредственно примыкали к границе. Если русский Генеральный штаб освобождал от войск западный берег Вислы, то Германия и Австро-Венгрия оставляли нетронутыми свои гарнизоны на русской границе и усиливали их.

Дислокация частей германской и австро-венгерской армий не была для нас секретом. В сейфах штаба 14-й дивизии находились два документа, присланные из штаба Варшавского округа: схема развертывания австрийской армии по данным 1912 года и схема расположения 6-го германского корпуса на пятый день мобилизации, выполненная на кальке. Схема развертывания австрийской армии считалась достоверным документом.

Второй документ — схема расположения 6-го германского корпуса — вызывал сомнение. На схеме указывались только резервные и ландверные формирования, а дислокация некоторых полевых воинских частей не обозначалась. Во всяком случае, даже с уходом 6-го корпуса на запад на границе могли остаться еще части первой линии: для действия против Ченстохова — 65-й пехотный полк, расположенный в Ополе, и против Бендзина — 23-я пехотная бригада со 2-м уланским полком, ближайшие части которых находились в Гливице.

Как же решал генерал Орановский задачу по прикрытию мобилизации в южной части западного берега Вислы? Начальник дивизии решил собрать в кулак всю 2-ю бригаду 14-й кавалерийской дивизии. Разведка противника вдоль западной границы возлагалась на два разведывательных эскадрона, высылаемых от 14-го гусарского полка к станции Гербы и к деревне Конописки (к югу от станции Гербы), и на четыре конные сотни 14-й пограничной бригады. Четыре пешие сотни этой бригады отходили к Ченстохову и присоединялись к 7-му стрелковому полку, следуя вместе с ним на Иван-город.

От Ченстохова до границы было всего 14 километров. Для мобилизации 7-го стрелкового полка и ченстоховского сборного пункта необходимо было выиграть двое суток, а затем прикрыть отход на восток 7-го стрелкового полка. Одним словом, чем больше времени удалось бы выиграть, тем было бы лучше. Генерал Орановский намечал, возложив охрану Ченстохова на 7-й стрелковый полк, который для этой цели должен был выставить сторожевые охранения к западу от города, со 2-й бригадой во второй день мобилизации совершить набег на ближайший немецкий город Люблинец, чтобы активными действиями связать противника. Кельцевский район, удаленный от южной границы на 65 километров, в первые три-четыре дня войны был вполне защищен от активных действий противника. Для прикрытия направления вдоль левого берега Вислы, на север от Сandomира, в первый день войны из города Кельце и Пиньчува в Опатув двигались эскадроны 14-го уланского полка. Что касается Петркувского и Радомского районов, то, непосредственно охраняя сборные пункты мобилизации, они

могли спокойно выполнить свои задачи. В дальнейшем действия 14-й кавалерийской дивизии (без драгунского полка) должны были сводиться к разведке противника на левом берегу Вислы с отходом в случае надобности на Ивангород. Боевые задачи районов в части, их касающейся, были сообщены начальникам районов. Командиры пограничных бригад знали, кому они подчиняются в случае войны, а у каждого из начальников отделов, которых в бригаде было четыре, хранились особые пакеты в красных конвертах с надписью: «Вскрыть в случае объявления мобилизации».

План боевой защиты, составленный генералом Орановским, был представлен начальнику штаба Варшавского военного округа осенью 1912 года.

Тщательно сделанная разработка требовала от 14-й кавалерийской дивизии большой подвижности и выучки. Если сравнить положение 14-й кавалерийской дивизии с 7-й австрийской кавалерийской дивизией по «документальному источнику», то бросается в глаза сосредоточение австрийцев в одном пункте и разбросанность 14-й дивизии почти на 300 километров. Самому же начальнику дивизии приходилось быть при «кулаке», т.е. выполнять обязанности командира бригады, которая была единственной реальной боевой силой.

Для проверки боевой готовности Сандомирской бригады штаб округа приказал в начале февраля командировать меня в это соединение. 26 февраля я выехал по железной дороге в Кельце и далее на Островец. Отсюда на Опатув и Сандомир мне пришлось уже ехать на почтовых, так как железной дороги на Сандомир в то время не было.

Приехав в Сандомир, я представился командиру бригады, пожилому полковнику. Вместе с ним выработали план моей поездки в части и подразделения для проведения офицерских занятий. Первое занятие я провел в штабе бригады. Предполагалось, что в Сандомире и в его окрестностях противник силами двух пеших сотен пограничников попытается переправиться через Вислу. Чтобы сорвать такую попытку, необходимо было организовать прочную оборону берега реки. Этому вопросу и было посвящено занятие в штабе.

На следующий день с помощником командира бригады по строевой части я выехал в подразделения бригады. Здесь мы отработали план действий разведки вдоль левого берега Вислы, провели занятие на тему: «Организация боя ядра конных сотен с переправляющимися через Вислу передовыми частями противника». Мы осмотрели также офицерские и унтер-офицерские посты пограничников. Офицерскому посту обычно подчинялись два соседних унтер-офицерских. Расстояние между ними 6—11 километров. Инструкция обязывала офицера ежедневно проверять унтер-офицерские посты и результаты проверки записывать в особую книгу. Такую книгу я однажды видел в батарее. Книга была привязана к подоконнику шнуром и скреплена печатью штаба бригады. Когда я обратился за разъяснением к помощнику командира батареи, он простодушно ответил, что офицеры проявляют лень: заставляют солдат привозить на офицерский пост книгу, чтобы расписаться, а когда ее привязали к столу, то нашлись такие офицеры, которые приказывали привозить книгу со столом для собственноручной подписи об осмотре поста; теперь же, пояснил мой собеседник, решили прикрепить книгу к подоконнику в расчете, что его не выломают. Оригинальная выдумка!

Мне вспомнилось, как в Ташкенте разбиралось дело о пограничнике, который заснул на посту. Я тогда был дежурным по окружному военному суду. Защищавший пограничника молодой капитан, только что окончивший Военно-юридическую академию, просил суд разъяснить, когда же в течение суток часовой может отдохнуть. Он огласил инструкцию. В первом ее параграфе говорилось, что часовой обязан обходить границу днем и ночью, как можно чаще. В результате подсудимый был оправдан. Это и напомнила мне книга, привязанная шнуром к подоконнику. Неужели нельзя было придумать иной способ контроля офицеров?

Мой приезд к пограничникам внес разнообразие в их монотонную жизнь. На занятия собиралось 15—20 офицеров, которые старательно выполняли порученные им задания, изучали уставы и тактику.

Через некоторое время я вернулся в Сандомир, откуда проехал в экипаже вдоль Вислы к Завихосту. Было уже темно, когда

я на рыбацкой лодке пересек Вислу и оказался на Закликовском пограничном посту. Отсюда верхом в сопровождении вестового поехал к следующему посту. Здесь картина охраны границы была уже иная. Расстояние между постами ночью достигало 100 метров, днем — 400—500 метров. Кроме того, во второй линии разъезжали конные патрули. В Германии и Австрии границу охраняли редкие жандармские посты, которые днем объезжали свои участки на велосипедах, а ночью иногда обходили их. Контрабанда шла к нам, а не к ним. Да, очевидно, и секретная разведка у них была организована лучше, чем у нас.

Проведя два занятия на правом берегу Вислы, я добрался до большака, идущего на Янув, и решил уже в экипаже через Янув и Красник добраться до Люблина, чтобы затем по железной дороге вернуться в Ченстохов, где меня ждало много дел.

СЛУЖБА В ШТАБЕ 14-й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ

1913 году началась работа по переходу на новое мобилизационное расписание. Для частей 14-й кавалерийской дивизии этот переход вносил очень мало изменений, но все же приходилось самому на машинке делать выписки для полков из присланных штабом округа ведомостей и рассылать их исполнителям. Я подготовил также распоряжение о порядке распределения в полках топографических карт, о выдаче офицерам необходимой документации для хранения в полевой сумке, в кобурах седла, во вьюке офицерской лошади. Мы дали указания полкам, что они должны возить в двуколке полка обоза 1-го разряда и в обозе 2-го разряда. Эта кропотливая работа завершилась успешно.

Обучение молодых солдат и старших возрастов шло по установленной программе.

Русская кавалерия в 1912 году получила хороший кавалерийский устав, в котором и конный, и пеший бои признавались равноценными. Орановский учил дивизию комбинированным действиям. Это диктовалось необходимостью подготовки ее к будущей войне.

Началась работа по проведению в жизнь большой военной программы, по которой дивизия должна была сформировать кавалерийский полк. Она готовилась к приему людей и лошадей. В штаб дивизии приходили документы на ежегодный контингент молодых лошадей для полков. В каждом полку была своя масть. Драгуны сидели на рыжих конях, уланы на гнедых, а гусары большей частью на серых, но за недостатком коней этой масти поступали и караковые кони, которые в полку сосредоточивались в последнем, 6-м эскадроне.

По кавалерийским преданиям и приметам, самой крепкой породой были гнедые кони, затем шли рыжие, слабыми считались серые и караковые. Так было и у нас. Самый лучший конский состав был в 14-м уланском полку и самый слабый — в гусарском. Казаки были преимущественно на своих гнедых дончаках. Поступали кони и для офицеров. Их закупали на государственных и частных заводах, в том числе и в Польше, особенно в Люблинской губернии.

Распорядок моего служебного дня складывался следующим образом: в 8 часов утра я сидел уже верхом на коне и до 9 часов утра ездил в манеже или в поле.

Для лучшего чтения карты Орановский посоветовал мне практиковать следующий метод. Перед выездом в поле я по карте намечал себе маршрут, изучал его, запоминал местные приметы, а затем без карты выезжал в поле и ехал по памяти. Благодаря таким упражнениям я развил свою топографическую память и по карте мог легко представить себе местность. Впоследствии при службе в высших штабах это мне очень пригодилось.

В 9 часов утра начиналась канцелярская работа, продолжавшаяся до 17 часов. Затем я шел домой обедать и с 20 часов или приходил в штаб дивизии для вечерних занятий по совершенно секретной и секретной переписке, или сидел дома, занимаясь отчетными работами, или читал газеты и журналы.

Нужно сказать, что каждый офицер Генерального штаба в Варшавском военном округе должен был представить решение (доклад) начальнику штаба корпуса на оборонительную или наступательную операцию. В марте 1913 года я представил на-

чальнику штаба 14-го корпуса доклад по атаке Горайских высот, которые потом в Первую мировую войну неудачно пытался захватить гренадерский корпус.

Кроме того, для старших адъютантов пограничных дивизий разведывательным отделением штаба округа обязательно выписывались две газеты на немецком языке (для меня одна — из Силезии, другая — из Кракова). Я обязан был просмотреть их и все, что касалось военных вопросов, переводить и с вырезкой отправлять старшему адъютанту разведывательного отделения штаба округа. Это занятие также отнимало немало времени.

И, наконец, нужно было просмотреть газету «Русское слово», которую я всегда читал, пробежать маленькую газетку «Варшавская мысль» (издавалась на русском языке) и хотя бы одну польскую газету, так как телеграммы скорее появлялись в них, нежели в «Варшавской мысли». Ну и необходимо было находиться в курсе периодической военной литературы.

Все это до отказа заполняло вечер. Ложиться спать приходилось около часу ночи, чтобы на следующий день в 7 часов утра уже снова быть на ногах.

В начале апреля 1913 года штаб дивизии получил приказание прислать в железнодорожный батальон двух рядовых для подготовки их на шоферов. В конце апреля оба командированные вернулись к нам с легковым автомобилем русско-балтийского завода. Мощная, тяжелая машина (в руках неопытных шоферов) доставила Орановскому и мне немало хлопот во время поездок по полкам: мы попадали в аварии, за которые приходилось расплачиваться деньгами. Часами простаивали в дороге. Но зато поездки в Калиш, Кельце, Пиньчув и Бендзин на автомобиле позволили мне быстро познакомиться с театром предстоящих военных действий.

В русской коннице был обычай обмениваться в дивизиях своими приказами. Поэтому в наш штаб со всех сторон стекались приказы других кавалерийских дивизий. Просматривая эти приказы, можно было видеть, кто и как командует дивизией.

Жизнь в Ченстохове протекала довольно однообразно. Правда, иногда я бывал у Орановских: здесь можно было при-

ятно провести время. Бывал и на семейных вечерах в 14-м гусарском и 7-м стрелковом полках. В офицерское собрание, где процветала азартная картежная игра, я не ходил. Не менее двух раз в месяц, на субботу и воскресенье, уезжал в Варшаву, куда в 1913 году после окончания Петербургского политехникума приехал с семьей мой младший брат Евгений. Он служил помощником начальника связи Варшавско-Венской железной дороги. В Варшаву иногда приходилось ездить и на товарищеские обеды и ужины в собрании офицеров Генерального штаба.

При мне находились два солдата, оба уланского полка, — денщик Пономаренко и конный вестовой Игнатов. Один — украинец из-под Белгорода, второй — из Симбирской губернии. Оба скромные и честные люди, прослужившие со мной с 1913 по 1917 год включительно, а Игнатов служил еще полтора года, когда я был начальником Оперативного управления Красной Армии. С ним я поддерживал переписку до 1932 года, когда от его сына узнал о смерти верного друга. Что касается Пономаренко, то, к большому сожалению, с 1918 года я о нем никаких известий не имел.

Приближалось лето 1913 года. Генерал Орановский с семьей уехал на один из курортов Германии, а мы готовились к участию в двусторонней корпусной полевой поездке по направлению Люблин, Красник под руководством командира 14-го армейского корпуса генерала Войшин-Мурдас-Жилинского. В учениях должны были участвовать командиры полков и начальник штаба дивизии. Так как Орановский был в отпуске, то временно командовал дивизией командир 2-й бригады Михеев.

Начальник штаба дивизии Вестфален с начала мая отбывал цензовое прикомандирование к артиллерии на Ранбертковском полигоне, под Варшавой, и в полевую поездку вместо него направился я. Согласно заданию, наша группа изображала собой, в сущности, 2-ю австрийскую кавалерийскую дивизию по известному уже нам документу стратегического развертывания австрийцев, которая должна была наступать на север вдоль правого берега Вислы. От Красника на север по шоссе наступал соседний пехотный корпус, представленный на поездке штабом 18-й пехотной дивизии. Нашими противниками были: насту-

павший от Люблина вдоль правого берега Вислы 14-й корпус и 13-я кавалерийская дивизия. Из собравшихся командиров полков старшим оказался полковник Дабич, который возглавил группу как начальник дивизии. Всего нас было шесть командиров и шесть вестовых. Мы взяли двуколку для перевозки вещей. Кроме того, был придан взвод казаков 9-го драгунского полка для отправки донесений на сборные пункты связи главного руководства, расположенные вдоль шоссе Красник, Люблин. От нас требовалась отправка приказов и приказаний согласно получаемым взводным данным, а затем рекогносцировочный материал наших пунктов ночлега и путей, по которым мы должны были следовать.

Ход полевой поездки показал, что 14-й корпус вынужден был отходить на Люблин, на классическую позицию в 16 километрах южнее Люблина, у деревни Неджвица-Дужа. Эта позиция действительно была хорошей. Она спасала Люблин два раза: в августе 1914 года и в 1915 году, когда на нее во время макензенского наступления отходил 15-й русский корпус. Во всяком случае, полевая поездка была интересна.

Разбор полевой поездки командир корпуса производил в Люблине. Нового он нам ничего не сказал, только с любовью описал достоинства указанной классической позиции к югу от Люблина. Командир 14-го армейского корпуса — пожилой, но еще бодрый генерал-лейтенант Генерального штаба Войшин-Мурдас-Жилинский, — хотя с неба звезд не хватал, но знал строевую службу лучше, чем тактику и оперативное искусство. Приветливый человек, он не считался ни с рангами, ни с чинами. Судьба сулила ему в первой же Галицийской битве, после неудачного для корпуса сражения под Красником, отходить на ту классическую позицию, о которой я говорил выше. За этот отход он и командующий 4-й армией Зальца были отстранены от командования. Но Жилинского снова возвратили в корпус, и командовал он им до Февральской революции. В проигрыше сражения под Красником он не был виноват.

Когда после Октябрьской революции в печати появилась моя статья, в которой я писал, что не знаю, куда пропали наши разведывательные донесения, посылаемые в 14-й корпус, то

глубокий старик Жилинский прислал мне письмо с разъяснением, что все донесения передавались в штаб 4-й армии. В это время он преподавал тактику на Нижегородских командных курсах Красной Армии.

Начальника штаба корпуса генерала Леонтьева только что назначили генерал-квартирмейстером штаба Варшавского военного округа. Ловкач, но ограниченный человек, Леонтьев после отступления Ренненкампа в 1914 году из Восточной Пруссии был снят с должности генерал-квартирмейстера Северо-Западного фронта. Штаб-офицером для поручений оказался знакомый мне по Туркестану Генерального штаба полковник Дрейер. Старшим адъютантом был капитан Воскобойников. Вот основные персонажи штаба 14-го корпуса.

Начальник 13-й кавалерийской дивизии князь Туманов, уроженец Кавказа, окончил Академию Генерального штаба и долго служил на штабных должностях. Он любил поесть, выпить в меру, посидеть за столом, рассказать анекдоты. Туманов больше сидел в ресторанах, чем командовал дивизией. С первых дней мировой войны дивизия действовала посредственно и в коннице заслужила за уклонение от боев кличку «туманной» дивизии.

В Ченстохов я вернулся с полевой поездки в конце мая и сразу принялся за подготовку общекавалерийского сбора дивизии под деревней Радучь, к югу от Скерневиц.

Наконец настало время отправлять эшелон штаба дивизии в Скерневицы. Я выехал через день. Полки 14-й дивизии располагались в окрестных деревнях по частным домам. В деревне Бабск в крестьянских домах размещался штаб дивизии. Кавалерийский сбор начался со сколачивания эскадронов в конном строю, ибо (по А.А. Брусилову) если эскадроны съезжены, то будут съезжены и полки. После эскадронных учений были строевые полковые учения и только одно дивизионное учение, как дань старине, а затем полевые учения. Составление заданий, присутствие на занятиях — то наблюдателем, то посредником — заполняли мой рабочий день.

Время кавалерийского сбора пролетело незаметно, и дивизии предстояло выступить на юг для совместных тактических учений с частями 2-й стрелковой бригады.

20 июля я выехал в штаб стрелковой бригады, чтобы согласовать программу учений, общее руководство которыми было возложено на начальника нашей дивизии. Явившись к начальнику штаба бригады, я вместе с ним пошел к командиру бригады генералу Артемьеву. Этот генерал был из особой породы начальников, которые в мирное время кричат, а на войне больше молчат. Встретил он меня недружелюбно, хотя видел первый раз в жизни, уже только потому, что я был из конницы, которую он не признавал. Когда перешли к делу, у Артемьева пропал генеральский тон, и предложенная ему программа двусторонних учений, утвержденная Орановским, была принята им безоговорочно. В конце разговора он перешел к хозяйственным вопросам и просил при выбраковке лошадей уступить для его полков 10 лошадей. Каждый полк дивизии получал ежегодно до 60 молодых лошадей и столько же должен был выбраковать и продать с аукциона. Низшая цена за такую лошадь была 35 рублей. Лошади, еще годные к езде, передавались пехоте для ротных командиров, адъютантов и, наконец, просто в обоз. Остальных покупало население, преимущественно городские извозчики, но уже по аукционной цене. Вырученные деньги вносились в казну. Закон строго запрещал кавалерийским офицерам покупать выбракованных коней у себя в полку или же оставлять их в полку. Обычно, приезжая в город, по масти коней у извозчиков можно было судить, какой полк, т.е. драгунский, гусарский или уланский, расквартирован в этом городе.

С 24 июля начались двусторонние тактические занятия конницы со стрелками, причем конница то придавалась стрелковым полкам, то действовала самостоятельно против целой стрелковой бригады, задерживая ее марш и ведя встречные столкновения, устраивая огневые заслоны и т.д. Учения были рассчитаны так, что 14-я кавалерийская дивизия все время продвигалась на восток к Висле, на правом берегу которой должны были произойти большие окружные маневры под руководством начальника штаба округа генерала Ключева, так как командующий войсками генерал Скалой был болен.

Если в Туркестанском военном округе большие учения служили мерилom подготовки войск и их начальников, то нечего

говорить, что окружные маневры в Варшавском военном округе давали обильный материал для аттестации высших начальников, их штабов и командиров отдельных частей. К окружным маневрам готовились, как к настоящему бою. Прежде всего, последовало расписание, какие части привлекаются к маневрам и от каких частей и сколько выделяется посредников. Это уже давало некоторую ориентировку: например, из 1-й Донской казачьей дивизии из одного из полков назначались посредники, следовательно, этот полк в составе дивизии в маневрах уже не участвовал.

Моя поездка в штаб округа с целью разведать что-нибудь о предстоящем задании оказалась безуспешной. Штаб хранил глубокое молчание. Говорили, что ввиду приезда в Россию Жоффра не исключена возможность его появления на маневрах. Ожидался также приезд на маневры генерал-инспектора кавалерии Остроградского.

Наконец около 10 августа из штаба округа было получено приказание к 15 августа сосредоточить дивизию в районе местечка Ополе, на правом берегу Вислы. Мост через Вислу был только у Ивангорода. Двигаться дивизией через Иван-город на Ополе было невыгодно, так как пришлось бы совершать большой кружной путь и тем подорвать силы конского состава, а они нужны были для маневров. Я предложил начальнику дивизии за два дня переправить дивизию на пароме у местечка Солец и выйти прямо к Ополе. Некоторых командиров полков испугала такая переправа: как бы не перетопить людей и лошадей. Орановский также колебался, но наконец решил рискнуть. 12 августа на двух больших паромах началась переправа дивизии, и к вечеру 14-го все было закончено благополучно. На другой день мы были уже в Ополе, где нашли гвардейцев и 21-ю конную батарею, пришедших походом из Варшавы. Прибыл и старший посредник — начальник 4-й кавалерийской дивизии. Не знаю, чем руководствовался штаб округа при составлении задания, но оно явилось продолжением нашей корпусной полевой поездки весной 1913 года.

«Красная» сторона под командованием генерала Жилинского имела задачу овладеть Люблином. Корпус в составе двух

пехотных дивизий сосредоточился в Крас<?>ке и авангардом занимал Вельколаз. 14-я кавалерийская дивизия находилась в районе Ополе, занимая передовыми частями переправы через речку Ходелька. «Синяя» сторона — ее возглавлял командир 19-го корпуса генерал Горбатовский — заканчивала сосредоточение в районе Люблина. Очевидно, предстояло встречное столкновение обеих сторон.

17 августа, вечером, мы получили приказ Жилинского, которым предписывалось с утра 18 августа 16-му корпусу наступать вдоль Люблинского шоссе, а 14-й кавалерийской дивизии, ведя разведку на Люблин, перехватить железную дорогу между Люблином и Вонвольпицей. Орановский вызвал меня и начальника штаба и дал указания на разведку и марш дивизии.

Выслав три разведывательных эскадрона на фронт Неджвица-Дужа, Люблин и Мотыч, 14-я дивизия в 9 часов утра 18 августа тремя колоннами, побригадно, с артиллерией каждая должна была двинуться в общем направлении на Мотыч. В дивизию прибыл генерал-инспектор кавалерии Остроградский, которого интересовало управление трехбригадной дивизией, каковой в армии еще не было. Я быстро набросал проект приказа по дивизии, инструкции разведывательным эскадронам и вызвал их командиров, чтобы вручить инструкции и личные указания начальника дивизии. Проекты распоряжений были подписаны Орановским. Дивизия была готова начать маневр. Мне надлежало вести штаб дивизии по указанному маршруту. Я готовился к тому, чтобы безошибочно доложить начальнику дивизии о пункте ее стоянки, или вести ее по измененному маршруту в другом направлении. Обстановка требовала знать, где находится каждая колонна дивизии. С 7 часов утра двинулись вперед развернутые эскадроны, а в 9 часов выступила и дивизия.

Тренировка в ведении разведки сразу сказалась, и к 11 часам утра уже поступили донесения об окопных работах в районе Неджвица-Дужа и о движении двух колонн конницы в южном направлении. Наша дивизия оказалась на фланге этих колонн. Орановский пока не решался атаковать конницу «противника». Наконец прискакавший с донесением гвардейский улан

сообщил, что конная артиллерия завязла в поселке Белжице в грязи, и лошади не могут вытянуть орудия. Это положило конец колебаниям Орановского, и он отдал приказание гвардейскому уланскому полку с батареей атаковать с севера Белжице, а двум бригадам 14-й дивизии охватить его с востока и запада; Гродненский гусарский полк оставался в резерве начальника дивизии. Как только наши полки начали разворачиваться для атаки, до трех полков донских казаков бросились в контратаку против нашего центра. Орановский сейчас же приказал направить на поддержку уланам гродненских гусар. Я быстро подскочил к командиру полка и дал ему направление для атаки.

Гродненцы кинулись в атаку столь стремительно, что на ходу пять коней пали от разрыва сердца. 1-я Донская дивизия конного корпуса «синих» была охвачена шестью полками 14-й кавалерийской дивизии со всех сторон, причем ее артиллерия действительно не сделала ни одного выстрела. Вторая же дивизия этого корпуса — 7-я кавалерийская — в это время в десяти километрах южнее Белжице располагалась на ночлег. Победа 14-й кавалерийской дивизии была полная, поэтому посредники решили отвести «синий» корпус на пятнадцать километров, а нам предоставить свободу действий. Этим мы и воспользовались, отойдя от Белжице километров на пятнадцать к северу, чтобы быть на фланге «противника». Не доходя семи километров до Вонвольпицы, заночевали. Хотелось есть, но обоз наш пропал. Пришлось ограничиться молоком и черным хлебом, купленными у местных жителей.

19 августа Орановский решил через Вонвольницу двинуться на Гарбув, перехватить железную дорогу и шоссе от Люблина на северо-запад и выйти в тыл «противнику». В соответствии с этим я организовал разведку. Наша пехота продолжала сближаться с окопавшимся около Неджвица-Дужа «противником», выдвинув вперед свою разведку. Часов около десяти утра в штабе дивизии было получено донесение, что в девять часов утра у Курува переправлялся батальон пехоты. Орановский, взяв в галоп, со штабом поскакал к Куруву, приказав командиру 1-й бригады направить туда уланский полк. Там мы нашли свой разъезд. От Курува на юг наступали стрелковые цепи. Оранов-

ский стянул сюда отдельный полк 1-й бригады и 2-ю бригаду 14-й дивизии, оставив против конного корпуса «синих» только гвардейскую бригаду. Около тринадцати часов обе бригады 14-й кавалерийской дивизии завязали бои с пехотной дивизией «синих», наступавшей от Курува на юг, и под ее давлением медленно отходили на Вонвольницу. Перед 14-й кавдивизией стояли: пехотная дивизия, продвинувшаяся на пять километров южнее Курува, и конный корпус «синих», заночевавший южнее Гарбува. Продолжавшиеся весь день поиски обоза штаба дивизии не дали результатов. Обоз как в воду канул. На 20 августа Орановский решил занять выжидательное положение в районе Вонвольницы.

В 6 часов утра 20 августа мне сообщили, что к югу от Вонвольницы наш казак, направлявшийся с пакетом в главное руководство, схвачен разъездом «противника», пакет у него отобрали, а его отпустили. Это было уже хулиганство, так как пакет был нейтрален, адресован не в маневрирующие части, а в руководство. Пожаловавшись на это старшему посреднику, я все же не мог отвратить последствий перехвата. Действительно, как потом выяснилось на разборе, командир конного корпуса «синих» получил пакет, с торжеством его вскрыл и объявил, радуясь, что теперь маневр противной стороны ему ясен. Правда, посредник при штабе корпуса полковник Залесский приказал генералу Тюлину переслать наш пакет в Люблин. Перед выступлением я доложил о происшедшем Орановскому, но он принял это известие спокойно: против нас было такое превосходство сил, что он уже не рассчитывал на успех.

С командного пункта у Вонвольницы виднелась большая кавалерийская колонна, двигавшаяся от Горбува на запад, в охват нашего левого фланга, в то же время против нашего правого фланга появилось до трех полков казаков. Орановский решился на смелый маневр: оставив против кавалерийской колонны один полк, с остальными пятью полками навалиться на три казачьих полка, которые находились в десяти километрах к юго-востоку от Вонвольницы. За какие-нибудь полчаса все части двинулись согласно этому плану. Закипел кавалерийский «бой». В результате три казачьих полка «синих» были обречены

на час бездействия, а мы получили свободу действий. Начальник 14-й кавалерийской дивизии решил отойти с главными силами к югу от Вонвольницы по дороге на Ополе и здесь прикрывать фланги пехоты «красных». С отходом 14-й дивизии на юг от Вонвольницы около пяти часов вечера был дан отбой. Через час после отбоя наш обоз вырос перед нами как из-под земли. Объяснение командира обоза сводилось к тому, что он, забравшись в глухой фольварк, днем в нем отсиживался, держа все ворота на запоре, ночью же выезжал на присоединение к дивизии, но, натыкаясь на выставленное сторожевое охранение, снова возвращался в свой фольварк.

23 августа в Люблине происходил разбор учений, который делал генерал Ключев. В общем «красная» сторона действовала активно. Начальника 14-й кавалерийской дивизии хвалили за два выигранных кавалерийских боя и за своевременное выяснение подхода к Куруву частей 2-й пехотной дивизии.

В этот же день мы узнали, что генерал Орановский назначен начальником штаба Варшавского военного округа, а генерал Ключев получил 1-й Кавказский армейский корпус: он чем-то себя скомпрометировал и уезжал на второстепенный театр войны.

Через неделю после нашего возвращения с маневров Орановский вместе с семьей уехал в Варшаву к новому месту службы. Еще через неделю в Варшаве, в отдельном уютном кабинете гостиницы «Гранд-отель», собрались генералы и офицеры штаба 14-й кавалерийской дивизии, командиры полков, командир артиллерийского дивизиона с обоими командирами батарей, чтобы чествовать своего бывшего начальника генерал-лейтенанта Орановского...

Прошли годы... Орановский давно погиб. И вот теперь, возвращаясь к личности Орановского, хочется сказать о нем доброе слово. Как начальник дивизии, Орановский всегда брал на себя ответственность за принимаемые решения, учил дивизию и, нужно сказать, действительно сделал из нее хорошее боевое соединение; плоды работы этого соединения пожал во время войны уже Новиков, считавший себя чуть ли не русским Мюратом. Как офицер Генерального штаба, Орановский был

деятельным, опытным, тактичным. Он прививал эти качества и мне. Правда, его нельзя назвать «отцом-командиром», как это понимали в русской армии, т.е. командиром, который иногда мог по-приятельски похлопать по плечу солдата. Да разве в этом заключалось достоинство командира? Нет и нет. Солдат всегда разбирался, кто настоящий командир, а кто подлаживается под него. Последних он не терпел. Заботился ли о солдате Орановский? Я с полным правом могу ответить, что более заботливого начальника я не видел.

Орановский ушел из дивизии с повышением, вполне заслуженным, и в дивизии сохранилась о нем хорошая память.

НА ПОРОГЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Отдыхать после проведенных больших люблинских маневров не пришлось. Работа по новому мобилизационному расписанию развертывалось все шире и шире. Из штабов округа, корпуса шли различные директивы и указания, которые необходимо было передавать в войсковые части и контролировать их исполнение. Наконец, на мне же лежала работа по разработке нового мобилизационного плана штаба дивизии. Правда, он был не сложен, но требовал аккуратной работы, все расчеты должны быть подтверждены ссылками на соответствующие приказы Военного ведомства, штаты и табели.

В 1913 году было утверждено положение «О подготовительном периоде к войне». В сущности, это был бюрократический документ, излагавший требования по проверке исполнения тех мероприятий, которые должны быть проведены во время мобилизации. Этот документ несколько не облегчал мобилизацию, а лишь предвещал, что может быть объявлен мобилизационный период. По-моему, положение «О подготовительном периоде к войне» было заимствовано из германского «Положения, угрожающего войной». Видно было, что составители его не отдавали себе отчета, чего, собственно говоря, они хотели добиться этим положением. Я понимаю, если бы на основании его можно было провести часть мобилизационных работ, но и этого делать не разрешалось. Ворошить же и перечитывать существующие

мобилизационные планы, в особенности в частях, которые расположены на границе, не имело никакого смысла.

Второе распоряжение Генерального штаба по мобилизационному плану имело значение первостепенной важности. Раньше мы знали, что объявление мобилизации есть объявление войны Германии и Австро-Венгрии, теперь же объявлением войны считалось «получение телеграммы из Петербурга за подписью военного министра или если неприятельская вооруженная команда перейдет границу».

Из-за изменения условий объявления войны мне пришлось менять красные пакеты в отделах пограничной стражи на новые, а на самих пакетах писать: «Вскрыть в случае получения телеграммы об объявлении войны или если вооруженная неприятельская команда перейдет границу».

Как-то Вестфален вызвал меня к себе в кабинет и, тщательно затворив дверь, рассказал о состоянии агентурной работы в дивизии. Оказалось, что в Галиции у него был какой-то гражданский чиновник, который сообщал местные слухи и получал за это ежемесячное вознаграждение в 30 крон, т.е. 10 рублей на наши деньги. Начальник штаба передал мне приказание Орановского, чтобы я взял это в свои руки. Из округа дивизии отпускалось на агентурную работу 50 рублей в месяц. Вести на такие деньги агентурную разведку, конечно, было трудно. Поэтому в одну из ближайших поездок в Варшаву я зашел к старшему адъютанту разведывательного отделения штаба округа полковнику Батюшину и просил его увеличить ассигнования до 75 рублей в месяц, а все документальные данные оплачивать особо. Батюшин согласился.

Теперь вставал вопрос, как добыть агента, хотя бы сначала для Австрии. Идти избитой тропой мимо пограничников не хотелось. Однажды мне пришлось быть в маленьком заводском местечке Заверце и провести там вечер. Бродя по местечку, я натолкнулся на вывеску «Увеселительный сад». Зашел туда и увидел открытую сцену, на которой распевали шансонетки на польском и немецком языках. Узнав фамилию содержателя сада, я уехал в Ченстохов. Решил рискнуть и написал ему письмо, прося приехать по делам в Ченстохов. Через некоторое

время мне позвонили и сообщили, что меня дожидается некое лицо из Заверце. Я тотчас же отправился. Побеседовав с ним, сказал, что я знаю о его частых поездках в Краков, и предложил ему взять на себя некоторые поручения. Видя перед собой офицера, он сообразил, к чему клонится разговор, и, подумав, спросил, каковы мои условия. Предложил ему сорок рублей ежемесячно, а за документы — особо. Он согласился и начал работать. Я дал ему задание завести знакомство с писарями штаба 1-го австрийского корпуса. Через полтора месяца начал получать первые данные. С другой стороны, через таможенную в Мысловице фиксировал все поездки в Краков моего нового работника.

Труднее было с агентом против Германии. Только в апреле 1914 года удалось найти поляка, двоюродный брат которого служил в штабе 6-го прусского корпуса. Однако из этого ничего не вышло: сведения были настолько мелки, что пришлось порвать с ним.

В середине сентября получил от старшего адъютанта отделения штаба округа Лукирского запрос, на какую тему я предполагаю в зимний период сделать доклад в собрании офицеров Генерального штаба в Варшаве. На Балканах гремели последние выстрелы, и можно было уже подводить итоги прошедшим событиям. Правда, на русском языке, кроме газетных статей, ничего не было, но на иностранных языках уже появились книги. Подумав немного, я сообщил Лукирскому тему своего доклада: «Действия конницы в Балканской войне 1912—1913 гг.». Одновременно выписал ряд книг на немецком и французском языках, касавшихся действий конницы на Балканах. Германский генеральный штаб выпустил специальный сборник, в котором излагались события, делались выводы из них с оперативной и тактической точек зрения... У нас же многие офицеры даже не знали самого хода боевых действий, не говоря уже об итогах. Книги быстро пришли, и я засел за их изучение. Между тем вместо Орановского начальником 14-й кавалерийской дивизии был назначен командир 2-й бригады 5-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Новиков Александр Васильевич. Я знал его еще по Московскому военному училищу, где он,

будучи начальником штаба 1-й кавалерийской дивизии, читал нам лекции по тактике и своим громогласным голосом и видом кавалериста-кирасира старых времен производил впечатление на юнкеров. Я его не видел десять лет. Учебные дела и боевая готовность дивизии его мало беспокоили. Он жил своими семейными интересами.

При таком начальнике дивизии много обязанностей ложилось на плечи начальника штаба дивизии. Вестфален воспрянул духом и заговорил другим тоном. Но оттого дело само не делалось, а Вестфалену оно было не по силам. Будучи знаком с Новиковым еще по Елисаветградскому¹ кавалерийскому училищу, Вестфален считал себя отныне полноправным распорядителем судеб дивизии.

При ознакомлении нового начальника дивизии с боевой задачей дивизии я обратил внимание полковника Вестфалена на изменения, происшедшие в дислокации частей 6-го германского корпуса, а именно: 1) выдвижение одного батальона 63-го пехотного полка в Люблинец, расквартирование там же 1-го эскадрона вновь сформированного 11-го конноегерского полка; 2) расположение четырех эскадронов этого полка и батальона пехоты в Тарновице²; 3) выдвижение одного батальона в Катовице, что установили посетившие город офицеры 14-го Донского казачьего полка. Да немцы и не делали тайны из этого.

Присланная из штаба округа дислокация частей 6-го германского корпуса подтверждала это.

Ныне после войны из истории рейхсархива, воспоминаний начальника австро-венгерского генерального штаба Конрада «Из моей службы», а в особенности из книги Гайе «История ландверного корпуса в мировой войне 1914—1918 гг.», изданной в 1935 году, известно, что уже в январе 1913 года начальник германского генерального штаба согласился на просьбу начальника австро-венгерского генерального штаба прикрыть левый фланг развертывания австро-венгерских армий наступлением

¹ Ныне — Кировоград.

² Тарновске-Гуры.

ландверного корпуса из Верхней Силезии и Познани в общем направлении на Радом. Гайе жалуется, что фактически за полтора года до начала войны не было ничего сделано для правильной организации и снабжения корпуса, что корпус явился «внеплановой» организацией. Ландверный корпус в оперативных предположениях начальника германского генерального штаба считался активным. Вопреки предположениям Орановского, да и всего русского Генерального штаба, германский корпус в составе 34 батальонов, 12 эскадронов и 48 орудий (пушек и гаубиц) и только 8 пулеметов должен был оперировать на левом берегу Вислы.

В своих воспоминаниях Конрад пишет, что 20 декабря 1913 года в Вене он вел переговоры с приехавшим туда из Берлина обер-квартирмейстером германского генерального штаба генералом Вальдерзее в присутствии начальника германского оперативного бюро полковника Паппена и своего начальника оперативного бюро полковника Менозгера о русском развертывании. Вальдерзее определенно доложил Конраду, что «мы хотим захватить Ченстохов и тем, создав фланговую угрозу, помешать работе их (русских. — *Б.Ш.*) железных дорог».

«В дальнейшем обмене мнениями, — продолжает Конрад, — было установлено, что для усиления прикрытия участка железной дороги Одерберг¹ — Краков, равно как и всего угольного района Катовице, Бейтен², немецкие войска вторгаются на русскую территорию с тем, чтобы во взаимодействии с 7-й австрийской кавалерийской дивизией продвинуться в район Вольбром — Олькуш.

Мы обсудили вопрос о совместном наступлении на левом берегу Вислы немецких и австро-венгерских сил. Оно должно было быть направлено на Вислу на участок Аннополь, Ивангород. С немецкой стороны должно быть для этого сосредоточено 32 батальона, 4 батареи и 4—8 эскадронов — половина из Познани, половина из Силезии, чтобы наступать концентрически совместно с левым австро-венгерским крылом. Немецкие

¹ Богумир.

² Бытом.

силы могут на 12-й, наши на 14-й день мобилизации начать наступление, так что от 22 до 24 дня мобилизации достигнут указанного участка Вислы. Командование будет регулироваться совместным движением; при совместных же действиях против противника командование принимает на себя старший в должности».

Так Конрад по окончании войны изложил переговоры с Вальдерзее о действиях на левом берегу Вислы, что, конечно, не было известно ни штабу 14-й дивизии, ни русскому Генеральному штабу.

Не знаю, докладывал ли Вестфален Новикову мои сообщения по боевой задаче дивизии, но решения об изменении плана действий 14-й кавалерийской дивизии не последовало. Чтобы покончить с изменениями в боевой задаче, забегу немного вперед. Когда Орановского назначили начальником штаба округа, он утвердил свою же просьбу как начальника 14-й кавалерийской дивизии о перевозке по железной дороге 7-го и 8-го стрелковых полков в район развертывания армии — на правый берег Вислы. Это значительно облегчало маневр 14-й дивизии.

Я уже говорил, что Орановский принимал с докладами у себя дома. Теперь все докладывалось начальнику штаба, а Новиков ежедневно заходил на час-полтора в штаб и в кабинете начальника штаба принимал доклад, подписывал нужные бумаги.

В первых числах октября 1913 года начались поверочные мобилизации частей, и я оказался членом нескольких комиссий. Приходилось все время быть в разъездах. Правда, мобилизация кавалерийских частей занимала с писанием отчета не более суток, но много уходило времени на дорогу. Каждая мобилизационная поверка заканчивалась 27-километровым переходом и затем тактическим учением. В 13-м драгунском полку председателем комиссии был начальник 13-й кавалерийской дивизии генерал Туманов. Бывало, чтобы не задерживать отчета, я незаметно уходил из-за стола, как только Туманов начинал рассказывать бесконечные анекдоты.

В начале ноября я был назначен членом комиссии по проверке плана резервной артиллерийской бригады, формирую-

шейся при 38-й артиллерийской бригаде. Это отняло у меня еще 12 суток. 38-я артиллерийская бригада, как значилось в дислокации, располагалась близ города Пружаны. В действительности военный городок стоят среди поля, в шести километрах от станции Линево, в шести километрах от Пружан и в двух километрах от ближайшей деревни. Тяжела была жизнь офицеров, особенно молодых, в таком городке. По окончании занятий, около шести часов вечера, молодежь собиралась в собрании и до 12 часов ночи гоняла в бильярдной шары. На вопрос, почему они не идут домой, я получал один ответ: «Скучно, господин капитан, одному сидеть дома в своей комнате, а в собрании хоть с кем-нибудь перекинешься словом». Желания молодых офицеров не шли дальше поездки в маленький городок Брест. Все стремились любым путем поменять место службы. Однако мобилизация этой второстепенной артиллерийской бригады была в порядке. В августе 1914 года на поле боя часть батарей умело и хорошо вела стрельбу. Тогда это была уже 75-я артиллерийская бригада.

В общем, до февраля 1914 года мне пришлось провести 13 поверочных мобилизаций.

Приближалось время моего доклада в собрании офицеров Генерального штаба в Варшаве — первого моего доклада в этом округе. Не хотелось оскандалиться. Вечером 14 декабря выехал в Варшаву. Поехали на доклад начальник дивизии и начальник штаба. А 15 декабря в 7 часов вечера я стоял за кафедрой перед обширной аудиторией, заполненной генералами и офицерами, собравшимися послушать доклад о только что закончившейся войне. Ждали Орановского.

С его приездом я начал свой доклад, слегка сначала волнуясь, а затем совершенно овладев собой. За 45 минут я рассказал об организации конницы обеих сторон и ее действиях на фоне общих событий войны. Действия конницы сводились главным образом к комбинации пешего боя с конным. Попытки крупными силами атаковать в конном строю пехоту кончались большими потерями. В конце сделал вывод, что наш строевой устав конницы 1912 года правильно отражает предъявляемые к ней требования.

Доклад слушали внимательно. Прения не открывались. Орановский поблагодарил за доклад, а Лукирский предложил послать меня в крупные гарнизоны кавалерийских частей округа прочесть доклад. Орановский тут же согласился. Доволен ли я был своим докладом? Да, доволен. После хорошо прошедших маневров 14-й кавалерийской дивизии под Люблином я теперь завоевывал себе некоторый авторитет в округе и в научных вопросах. Для молодого капитана Генерального штаба, служащего год в Варшавском округе, это был неплохой шаг вперед.

Получив 16 декабря в отчетном отделении штаба округа у Лукирского соответствующее командировочное свидетельство, я выехал в Ченстохов. С него и начал. Затем прочитал доклад в Влоцлавске, Граеве, Белостоке, Владимире-Волынском и в Люблине. Такое турне по округу было тяжеловато, так как по ночам я переезжал из гарнизона в гарнизон, утром представлялся начальнику гарнизона, а вечером делал доклад. Правда, за время поездки познакомился с некоторыми из командиров корпусов, между прочим, с известным потом по катастрофе под Сольдау командиром 6-го армейского корпуса Благовещенским, начальниками кавалерийских дивизий, бригад, командирами полков и офицерами Генерального штаба кавалерийских дивизий. В дороге я встретил и новый, 1914 год. В десятых числах января вернулся в Ченстохов и принялся за свои обычные занятия. Во время моего отъезда в командировку замену красных пакетов по боевой задаче производил старший адъютант по инспекторской части поручик Янсон. Старые пакеты он, не вскрывая, сжигал, составляя об этом акт.

Жизнь шла нормальным порядком. Изредка ездил в Варшаву и бывал у Орановских. Однажды Орановский предложил мне перейти в штаб округа. Я согласился, но хотелось, чтобы вопрос об этом поставили снизу. Уже второй год служил я на периферии и имел право на перевод в Варшаву. Такое предложение мне сделал Лукирский от лица трех адъютантов. Но я попросил Орановского обождать с переводом, чтобы не посчитали, что он «тянет» в штаб своего бывшего старшего адъютанта.

К концу января выпал снег, но пролежал лишь неделю. Однажды мне позвонил адъютант казачьего полка и попросил

поскорее прибыть в полк. Я поехал. Вместе с ним выехал на австрийскую границу. Снег растаял, и показались белые полосы, которые не поддавались воздействию солнца. Секрет был прост: австрийцы белой краской покрасили бетонные укрепления, расположенные почти на самой границе. Нанеся их на карту, адъютант вернулся в полк, а я отправился к себе домой, в Ченстохов.

В начале года умер варшавский генерал-губернатор и командующий войсками генерал-адъютант Скалой. Преемником его стал бывший начальник Генерального штаба генерал Я.Г. Жилинский. Вместо него начальником Генерального штаба назначался начальник императорской Военной академии генерал Янушкевич. Назначение Янушкевича на столь ответственный пост было совершенно непонятным: он не соответствовал ему ни по знаниям, ни по характеру. Немецкие газеты считали Янушкевича ставленником Распутина.

Жилинский — коренной гвардеец, женатый на дочери известного в те времена в России богача Юсупова-Сумарокова-Эльстон, около полутора лет командовал 14-й кавалерийской дивизией. Как рассказывали старые офицеры, он имел любовницу в Варшаве и однажды в один из своих приездов застал ее в передней, целующейся с офицером. Жилинский убил этого офицера, а затем они вложили в его руку револьвер и позвали швейцара, чтобы заявить о самоубийстве молодого офицера. Так это было или нет — ручаться не могу. Замятое «каторжное» дело не помешало Жилинскому быть и начальником русского Генерального штаба, и главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта во время мировой войны, и, наконец, представителем России на союзнических конференциях в Шантильи.

Занятия шли нормальным ходом. Новиков почти не ездил по полкам, поэтому и мы сидели в штабе. Правда, я все же для проверки некоторых вопросов выезжал в полки и поддерживал тесную связь с командирами и офицерами полков.

Неожиданно серьезно заболел начальник штаба Вестфален. Оставшись за начальника штаба, я едва успевал справляться со всеми обязанностями. Странное впечатление производил на-

чальник дивизии, ежедневно посещавший штаб. Он подписывал бумаги, в делах подготовки дивизий никакой активности не проявлял и был очень опечален болезнью своего коня. Через несколько дней коню стало лучше, повеселел и Новиков, и я каждый день узнавал от него, сколько за день его конь выел овса.

По молодости лет меня это сначала возмущало, а потом я привык к этому и был доволен тем, что он не задерживает подписью бумаг. Просиживал он около моего стола не более 30—40 минут, а затем отправлялся к себе домой и больше уже никого не беспокоил.

Болезнь начальника штаба Вестфалена затягивалась, и мне предстояло замещать его по меньшей мере все лето. Жизнь в Ченстохове шла обычным порядком, войска готовились к выходу на специальный кавалерийский сбор под деревню Радучь. 23-я конная бригада была отправлена на Ромбертовский окружной полигон, к востоку от Варшавы, для производства стрельб. Намечалась полевая поездка офицеров Генерального штаба на границу с Восточной Пруссией.

10 июня полки дивизии двинулись походом в район Скерневиц, штаб дивизии также готовился к отправке в эшелонах по железной дороге в деревню Радучь.

Вдруг 15 июня газеты принесли чрезвычайное известие: в Сараево убит наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд. Никто не думал, что сараевский выстрел будет иметь роковые последствия. С личностью этого отпрыска связывали широкие планы распространения Габсбургской монархии на восток и на юг за счет славян. Убийство Франца-Фердинанда, казалось, сводило на нет мечты об этом государстве и отодвигало угрозу войны. Сараевскому убийству не придавали особого значения. Мало ли убивали коронованных особ? Вспоминался анекдот с убийством в Москве в 1905 году великого князя Сергея Александровича. Когда на месте происшествия собралась толпа, городской стал убеждать всех разойтись. Какая-то старушка поинтересовалась, кого убили. Представитель власти величественно ей ответил: «Проходи, бабушка, убили кого надо!» Так и с убийством Франца-Фердинанда рассуждали: убили кого надо.

В Радучь мне поехать не пришлось, так как я получил уведомление от штаба округа, что вхожу в состав участников полевой поездки офицеров Генерального штаба и должен 20 июня прибыть в Кольно (к северу от Ломжи). Сделав все нужные распоряжения по штабу 17 июня, выехал в Ломжу.

Полевая поездка офицеров Генерального штаба Варшавского военного округа на направлении Ломжа, Кольно проводилась под руководством начальника штаба округа Орановского. Задание на поездку заключалось во встречном столкновении германской армии, наступавшей от Иоганнисбурга (в Восточной Пруссии. — *Б.Ш.*) на Ломжу, и русской армии, заканчивавшей свое сосредоточение на линии Ломжа — Белосток и наступающей на Кольно.

Я выступил в скромной роли начальника штаба германской кавалерийской дивизии, командиром которой был симпатичный командир бригады 4-й кавалерийской дивизии генерал Мартынов.

Сначала я произвел рекогносцировку реки Писса, выше впадения ее в Нарев, и представил в штаб руководства данные о проходимости этой реки, а затем уже пошел розыгрыш по дням, причем германская кавалерийская дивизия должна была по западному берегу реки обтекать левый фланг русских.

Находясь в Кольно, наша «красная» сторона решила проехать в город Иоганнесбург, и мы верхом отправились к границе. Обычно такой переезд никогда немцами не воспрещался. Однако на этот раз у пограничного шлагбаума жандарм, вежливо извинившись, попросил нас подождать, так как он должен спросить разрешение на въезд у своего начальника. Мы остались ждать, а жандарм пошел звонить по телефону. Минут через пятнадцать он вернулся и, взяв под козырек, сказал, что его начальство не разрешает нам проехать в Иоганисбург. Удивленные, мы отправились назад в Кольно. Теперь-то понятно, почему нас не пустили. Ведь мы пытались проехать в Иоганнисбург после 23 июня, когда Вильгельм уже решил вплоть до войны поддержать Австро-Венгрию в ее требованиях к Сербии. Очевидно, в Восточной Пруссии предпринимались какие-либо мероприятия, которые не хо-

тели показывать нам, но кои могли быть легко обнаружены в этом маленьком городке.

Полевая поездка закончилась общим объездом всеми участниками с Орановским во главе позиции русских, на которой они остановили наступление немцев. После объезда Орановский сделал обстоятельный обзор проведенной полевой поездки. Это были моя последняя встреча и последний разговор с уважаемым мною бывшим начальником дивизии.

После назначения Рузского главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта Орановский командовал 1-м кавалерийским корпусом вместо Новикова. Проведя с корпусом ряд боевых действий в 1915 году, вплоть до ликвидации Свенцянского прорыва немцев, он в конце того же года был назначен командиром особого 42-го корпуса в Финляндии. По рассказам офицеров, Орановский, как начальник гарнизона Выборга, в первый день Февральской революции 1917 года был арестован революционными солдатами, посажен на гауптвахту, но пробыл на ней лишь несколько минут. По требованию Военно-революционного комитета Орановский должен был быть препровожден в тюрьму, но по дороге на мосту его застрелили конвоиры, а труп сбросили в полынью. В вихре развертывавшихся революционных событий все эти сведения дошли до меня поздно. Куда делась его семья, я также не знаю. Лишь теплые воспоминания сохранились у меня о всей семье Орановских.

Что представлял Орановский собою как боевой генерал, я не могу сказать, так как война разъединила нас. Поэтому пусть будущий историк произнесет свой приговор, а я воздержусь от восхваления, но и от хулы, так как говорить то, что я сам не наблюдал, не входит в мои задачи. Могу только одно сказать, что Орановский был головой выше иных генералов русской армии и с незапятнанной честью, как у его бывшего начальника генерала Жилинского.

Хотя политический горизонт еще не омрачался тучами, однако воспрещение нам поездки в Иоганнисбург наводило на кое-какие размышления. Поэтому я из Ломжи проехал в Ченстохов, вызвав своего агента из Заверце. Он доложил, что

в штабе 1-го австрийского корпуса в Кракове идет какая-то лихорадочная работа: офицеры сидят круглые сутки в штабе и работают над какими-то планами. Такие сведения агент получил от писарей. Проникнуть дальше в тайну не удалось.

Донеся об этом в штаб округа, я 1 июля выехал в штаб дивизии в деревню Бабск (близ Скерневиц).

На кавалерийском сборе застал самое мирное настроение. Шла съездка эскадронов в полках. Я принялся за составление заданий для будущих тактических занятий, а затем и за обычные занятия начальника штаба дивизии.

День шел за днем. В газетах писалось о прибытии Пуанкаре в Петербург, о происходивших там торжествах. На воскресенье 16 июля были назначены первые в этом году офицерские скачки дивизии. Интересы вертелись вокруг того, какие новые кони будут принимать участие в скачках и каковы шансы на победу у того или иного всадника.

Никто ничего не ждал...

НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Наступило 13 июля. С утра все предвещало хорошую погоду. Скачки должны были начаться в 4 часа дня. За полчаса до начала от начальника дивизии я получил приглашение ехать на скачки вместе с ним. Но у меня на столе лежала только что доставленная из штаба 14-го корпуса телеграмма. Ее нужно было расшифровать. Поэтому я велел передать начальнику дивизии, что приеду позже, и сел за расшифровку телеграммы.

В штабе дивизии особых шифровальщиков не полагалось. Этим занимались или начальник штаба, или я — старший адъютант Генерального штаба. Шифры хранились в сейфе начальника штаба. В данном случае они были у меня, как замещающего начальника штаба. Телеграмма из штаба корпуса была короткой, и через 20 минут передо мной лежал ее текст. Экипаж стоял у ворот моей избы, и я, проверив еще раз правильность расшифрованного текста, отправился на скаковое поле, приказав ехать рысью, чтобы скорее попасть туда. Телеграмма действительно оказалась короткой по числу слов, но содержание ее было чрез-

вычайно важно: она гласила, что по высочайшему повелению 13 июля объявляется первым днем подготовительного к войне периода. Войскам приказывалось немедленно следовать на свои зимние квартиры. Когда я вначале пятого приехал на скачки и поднялся на судейскую вышку, где находился Новиков и все командиры полков, первый заезд уже стоял на старте. Первым моим желанием было остановить скачки, но потом я решил дать проскакать первому заезду, чтобы не создавать паники. Так и сделал. Зрители и не подозревали, что это последние скачки, что в том же 1914 году на этом поле будет литься кровь, а не греметь музыка и веселье.

Когда закончился первый заезд, я подошел к начальнику дивизии и попросил его спуститься со мной с вышки, чтобы доложить ему очень важную телеграмму. Прочитав Новикову полученную телеграмму, я высказал соображение, что надо закончить скачки, собрать командиров полков и передать им содержание телеграммы с тем, чтобы сегодня же, 13 июля, в ночь полки выступили на свои постоянные квартиры. Полкам предстояло сделать около 140 километров. Необходимо было торопиться, чтобы вовремя прибыть на границу. Возбужденный полученным известием, начальник дивизии громогласно с судейской вышки объявил о подготовительном к войне периоде, хотя здесь присутствовали и семьи офицеров, и приглашённые гражданские лица. Новиков в обычном в таких случаях тоне произнес речь о защите веры, царя и отечества. Мне была наука на будущее, как нужно сохранять секреты даже от своего начальства. Загремело «ура», музыка заиграла гимн, и поле быстро опустело. Командиры полков тут же собрались, и в присутствии Новикова я условился с ними о часе выступления, маршруте движения, поддержании связи во время похода, напомнил им о необходимости скорейшего ознакомления с боевой задачей дивизии.

Опыт Русско-японской войны нас кое-чему научил. Не верилось, что война начнется с дипломатических тонкостей, а поэтому было приказано полкам двигаться с мерами охранения. Отдав распоряжения, мы разъехались по своим местам.

Хотя присланные ранее указания о мерах, проводимых во время подготовительного к войне периода, были общи, коман-

дир корпуса обещал выслать подробные указания дополнительно.

Одно было несомненно: нужно эвакуировать семьи офицеров в глубь страны. Доложив об этом начальнику дивизии и получив его согласие, я тотчас же разослал распоряжения полкам, а из штаба дивизии командировал в Ченстохов второго старшего адъютанта с пассажирским поездом, чтобы вывезти семьи офицеров. Штаб дивизии начал укладываться для возвращения в Ченстохов.

На рассвете 14 июля я получил донесения от всех полков и 23-й конной батареи о выступлении. Предполагалось, что, делая ускоренные переходы, к вечеру 16 июля все части будут на своих местах, а 2-я бригада дивизии, за исключением одной сотни казаков, в районе Ченстохова. Из-за задержки с подачей вагонов штаб дивизии смог лишь в ночь на 15 июля тронуться по железной дороге от Скерпевиц на Ченстохов, куда и прибыл к вечеру 15 июля.

Зная, что Ченстохов остался на лето без войск, я предложил начальнику дивизии ускорить марш 2-й бригады дивизии к Ченстохову с тем, чтобы последние 100 верст были пройдены в одни сутки. Новиков согласился и послал соответствующее распоряжение командиру 2-й бригады.

Вечером 15 июля штаб 14-й кавалерийской дивизии прибыл в Ченстохов. Город не чувствовал, что над ним сгущаются тучи. В наиболее осведомленных банкирских кругах не допускали даже мысли о возникновении войны. На худой конец, предполагали они, если даже дойдет до мобилизации, то стороны постоят одна против другой, и все закончится соглашением, как это было в 1912 году. Я не разделял этой точки зрения и считал, что дело идет к войне. В Ченстохове оставалась лишь небольшая команда в 100 человек при офицере, которая несла караулы по охране казарм полка. Реальной силой в руках штаба дивизии была только конно-саперная команда, прибывшая с ним. Поэтому из нее, впредь до прибытия 2-й бригады, я выслал два унтер-офицерских разъезда: один к станции Гербы, а второй к югу, к деревне Конописка, чтобы вовремя получить сведения о неожиданном нападении немцев на пограничников.

Из города постепенно уезжали русские гражданские чиновники с семьями, банк вывозил ценности, эвакуировались офицерские семьи 14-й дивизии, 7-го стрелкового полка и пограничников. Поэтому странно ныне читать в воспоминаниях бывшего начальника штаба германского ландверного корпуса Гайе, который после Секта был даже командующим рейхсвером, что когда штаб германского корпуса 31 июля вошел в Ченстохов и разместился в отделении Государственного банка, то нашел там брошенные чернила, карандаши, бумагу и даже стенной календарь, обозначавший дату 11 июля 1914 года. Вот эта дата и должна бы навести Гайе на мысль, что еще 11 июля банк увозил ценности, т.е. ранее фактически объявленного подготовительного к войне периода. Но ничего не поделаешь, германские историки твердо усвоили правило Мольтке: в исторических трудах «писать правду, но не всю правду». Этому и следовал Гайе.

Сделав последний переход в 100 километров, 2-я бригада с 23-й конной батареей утром 16 июля подошла к Ченстохову.

В отношении казаков нужно отметить, что они появились в трех местах: в Бендзине команды грузили имущество и отправляли в Ченстохов; в Ченстохове стояло пять сотен казаков, а шестая сотня еще до выхода на специальный кавалерийский сбор была выделена в помощь полиции в Серадзе для поимки уголовной банды. Поэтому у германской агентуры создавалось впечатление об увеличении казачьих частей на левом берегу Вислы; германское командование ожидало налета русской конницы на Силезию и Познань, чтобы расстроить мобилизацию германской армии. Сотне казаков, отправленной в Серадзь, было послано приказание идти на присоединение к полку. Начальник штаба округа предупредил начальника 14-й дивизии о необходимости принять меры предосторожности на случай внезапного нападения противника. Это фактически уже было сделано. В тот же день были получены и дополнительные указания из штаба 14-го корпуса о мероприятиях, проводимых в подготовительный к войне период. Но дальше указаний о пополнении возимых запасов, перековке лошадей и подмазывания обоза они не шли.

Между тем стоявшей на границе дивизии был дорог каждый час. Поэтому я предложил начальнику дивизии объявить об отмобилизации ее частей. Произносивший громовые речи на Радугском поле, Новиков замялся и спросил, не сделает ли на нас начет контроль, если мобилизации не будет. Я успокоил его, что все сойдет благополучно, и получил разрешение.

Вечером 16 июля послал полкам распоряжение о начале с 17 июля общей мобилизации дивизии. В Петркув был командирован второй старший адъютант для мобилизации обозов 2-го разряда частей дивизии. Таким образом, не уведомляя начальство, 14-я кавалерийская дивизия с утра 17 июля еще до объявления общей мобилизации фактически к ней приступила. Зевать не приходилось!

Семьи офицеров уже выехали из Ченстохова. Я поселился в штабе, а свою квартиру, расположенную недалеко от него, предоставил Новикову, чтобы в случае тревоги он мог быстро явиться в штаб. К утру 17 июля в Ченстохов начали прибывать из лагерей эшелоны 7-го стрелкового полка. В тот же день в штабе было получено донесение о прибытии 14-го драгунского полка в Калиш, а 14-го уланского полка в Кельце и Пиньчув. 17 июля все части дивизии, за исключением обозов 2-го разряда в Петркуве, были отмобилизованы. Вечером этого дня начальник 14-й кавалерийской дивизии, как начальник Ченстоховского гарнизона, получил телеграмму об общей мобилизации, первым днем которой определялось 18 июля. На следующий день началась мобилизация в 7-м стрелковом полку и на Ченстоховском сборном пункте.

18 июля кончилась моя работа в качестве исполняющего должность начальника штаба дивизии. Из штаба округа на эту должность приехал штаб-офицер для поручений полковник Генерального штаба В.Н. Дрейер. Когда я служил в Ташкенте, он командовал для ценза ротой, а затем до 1906 года был помощником старшего адъютанта штаба округа.

Сын полковника артиллерии Дрейера, служившего также в Ташкенте, Владимир Николаевич вел довольно рассеянный образ жизни, являясь представителем «золотой молодежи» в Ташкенте. Женатый на красивой молодой блондинке, правда

недалекой, он вскоре бросил ее, увлекшись другими женщинами.

Затем Дрейера перевели на Запад, и я вновь столкнулся с ним уже в 1913 году, когда он был штаб-офицером для поручений при штабе 14-го корпуса. В служебном отношении Дрейер имел хорошую репутацию способного штаб-офицера, но его авантюристические наклонности не только не уменьшались, но даже развивались. Когда вспыхнула болгаро-турецкая война в 1912 году, он какими-то путями устроился корреспондентом «Нового времени» при болгарской армии. Попав в среду корреспондентов-авантюристов, Дрейер быстро почувствовал себя в своей сфере. По своему характеру он отличался известной долей нахальства. По каким-то причинам ему было предложено оставить болгарскую армию и вернуться в Россию. Высокий, крепко сложенный мужчина, по натуре настоящий военный человек, но не из скромных, он стремился за счет других выдвинуться и при случае не прочь был приукрасить в донесениях свои подвиги.

Храбрости необычайной, Дрейер быстро оценивал обстановку, всегда предпочитал бой, не вдаваясь глубоко, целесообразен он или нет. Хотя 18 июля Дрейер и был прислан для исполнения должности начальника штаба дивизии, по существу, вся тяжесть работы по штабу осталась на мне. Дрейер ждал открытия военных действий, а черновая, штабная, работа его не интересовала, да он ее и не любил.

К вечеру 18 июля все части дивизии с тылами заканчивали мобилизацию. Пограничные посты свертывались в пешие и конные сотни. 7-й стрелковый полк в первый день мобилизации разослал команды для приема людей и лошадей, и, таким образом, роты его оказались без людей.

При планировании мобилизации в Польше считалось, что из призываемых возрастов польского населения до 20 % не явится. Между тем на Ченстоховском сборном пункте получалась иная картина: явились не только подлежащие призыву, но и добровольцы. Всех нужно было принять, провести через медицинские комиссии и переправить на правый берег Вислы по нарядам. Не хватало вагонов, поэтому часть мобилизован-

ных пришлось отправить походным порядком на Петркув и уже там посадить в воинские эшелоны,

В самом городе Ченстохов мобилизация, конечно, внесла некоторую нервозность. На главной улице днем и ночью толпилась публика, достаточно было по улице проехать автомобилю, как все настораживались. Вообще же все шло спокойно и нигде порядок не нарушался, хотя в городе и его окрестностях жило много немцев. Особых мер против них предпринято не было.

Ночь и день 19 июля протекали в обычной мобилизационной работе. Старший воинский начальник явно не справлялся с работой, в чем я убедился сам, зайдя на сборочный пункт. Решено было командировать ему в помощь, а вернее, просто заменить полковником из штаба 14-й пограничной бригады и дать несколько врачей, чтобы ускорить осмотр призывников.

Около 5 часов дня было получено донесение из Мысловице от ротмистра пограничной стражи, что мост через реку Черна-Пшемша, соединяющий русскую железную дорогу с австрийской, взорван. Почти одновременно пришел об этом запрос и из штаба округа. Туда донесли, что ротмистр отстранен от командования, чего в действительности сделано не было. Попытка взорвать мост у Сосновец, соединяющий русскую дорогу с германской, не удалась: немцы открыли пулеметный и ружейный огонь. Очевидно, у того ротмистра был старый красный конверт с надписью «Вскрыть по объявлении мобилизации», а в содержимом конверта указывалось о взрыве мостов. Второй старший адъютант находился в Петркуве, и проверить, точно ли он заменил пакет, пока было нельзя.

С точки зрения дипломатии и пропаганды этот взрыв мостов, конечно, имел значение. В полученных через агента германских газетах от 20 июля было жирным шрифтом напечатано о «враждебных действиях России против Австрии», о взрыве русскими железнодорожного моста через реку Черна-Пшемша, у Мысловице.

На границе с Австрией все было спокойно. Иное дело в Германии. Уже в ночь на 19 июля разведывательные части дивизии и пограничники сообщили, что за германской границей слышен колокольный звон и зажжены вежи. Так традиционно

немцы объявляли об угрожающем войной положении. Днем 19 июля это подтвердила и агентура.

Мой постоянный и проверенный агент — поляк из Заверн, — оказался военнообязанным и призывался по мобилизации. Я приказал воинскому начальнику передать его в штаб 14-й дивизии на укомплектование, приобрел ему повозку и пару лошадей для разъездных надобностей, пополнил его гардероб на случай переодевания.

Медленно проходил день и вечер. Я прилег подремать, когда около 11 часов вечера меня разбудил дежурный по штабу. Он принес телеграмму из Петербурга, адресованную начальнику гарнизона Ченстохова. Она гласила: «Германия объявила нам войну. Сухомлинов». Немедленно доложив эту телеграмму начальнику штаба и позвонив начальнику дивизии, отправился к другому телефону, соединившему меня со станцией Гербы-пруссские, вызвал к телефону командира разведывательного эскадрона 14-го гусарского полка и передал ему приказание о немедленном переходе границы и уведомлении о том же второго командира эскадрона, стоявшего южнее, у деревни Конописка, с приказанием и ему начать разведку с переходом границы. Командир эскадрона со станции Гербы просил подождать часа полтора, так как темно, кругом лес, ничего не видно... Дав согласие, я вернулся к себе в комнату.

Итак, война началась!

О ходе мобилизации на ченстоховском сборном пункте я уже говорил. В остальных районах, подчиненных по боевой задаче начальнику 14-й кавалерийской дивизии, мобилизация проходила нормально. Фактически два дня для мобилизации были выиграны. Оставалось еще 20 июля для завершения работ ченстоховского сборного пункта и отправки по железной дороге 7-го стрелкового полка. 19 июля агент штаба дивизии, побывавший в Силезии, доложил о подвозе к Люблинцу пехоты и артиллерии немцев. Очевидно, в Люблинце сосредоточивался весь 63-й пехотный немецкий полк. Телеграмма Сухомлинова говорила только об объявлении нам войны Германией. Какова же позиция Австрии, из-за которой и вспыхнула война? Ведь на фланге 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии висела

7-я австрийская кавалерийская дивизия. Поэтому, когда ночью начальник дивизии явился в штаб, я предложил ему запросить начальника штаба Варшавского военного округа Орановского о позиции Австро-Венгрии. Телеграмму послали, но ответа на нее штаб дивизии так и не получил.

По разработке 1912 года 2-я бригада должна была идти в набег на Люблинец с целью выигрыша времени для мобилизации. Я доложил начальнику дивизии и полковнику Дрейеру о том, какие силы мы имеем перед собой теперь, в 1914 году, а не в 1912-м. Указал, что в Люблинце встретим пехотный полк с артиллерией, а с фланга нам будут угрожать четыре эскадрона 11-го конноегерского полка, поддержанного, возможно, пехотой. А так как нам оставалось в Ченстохове провести лишь один день, да к тому же прикрыть посадку в эшелоны 7-го стрелкового полка, то я находил, что набег на Люблинец в данных условиях не целесообразен, он может привести только к бою ради боя. Дрейер горячо высказался за то, чтобы предпринять набег, так как он-де указан в разработке. Новиков колебался. Попросив разрешения готовить штаб дивизии к выступлению, я покинул кабинет.

Наступил рассвет. Оба наших разведывательных эскадрона перешли границу, и первый с боем занял станцию Гербы-пруссские, а второй столкнулся со стоявшим на бивуаке батальоном немцев. Когда разъезд — 9 человек с офицером — неожиданно показался на поляне, в немецком батальоне поднялась паника. С криком «Казачи!» одни бросились бежать в лес без ружей, другие к ружьям. Испугался и наш разъезд. Он повернул обратно и шесть верст скакал галопом, пока не перескочил границу, которая отныне не имела значения, но по привычке успокоила людей, оказавшихся «дома». По донесению разведывательных эскадронов, все приграничные деревни были пусты, брошены жителями.

К западу от деревни Козегловы стояла 2-я сотня 14-й бригады пограничников, которая должна была перейти границу и вторгнуться в находившиеся здесь имения князя Гогенлоэ. Однако этого сделать не удалось: пограничники встретили ружейный огонь пехоты, по-видимому, частей, стоявших в Бейтене.

От пограничных частей со стороны Бердзина и Сосковец донесений не поступало.

Колебания Новикова продолжались, пока не пришла телеграмма от генерала Орановского, составителя разработки боевой задачи 14-й кавалерийской дивизии. Телеграмма предлагала принять все меры, чтобы «не подвергнуться отдельному поражению». Это приказание ничего не говорило о том, предпринимать ли набег на Люблинец или нет. Новиков перестал колебаться и решил занять 2-й бригадой 14-й дивизии позицию к западу от Ченстохова. К северу от железной дороги расположились пять сотен 14-го Донского казачьего полка в спешенном порядке, а южнее — части 14-го гусарского полка с четырьмя орудиями. Замаскированных два орудия 23-й конной батареи поставили непосредственно у шоссе. Штаб дивизии разместился в деревне Каводжа, имея у себя в резерве только 50 человек конно-саперной команды.

В 9 часов утра 20 июля две бригады дивизии с 23-й конной батареей выступили для занятия позиции к западу от Ченстохова. С утра на немецкой территории шли столкновения разведывательных частей. Около 12 часов дня наш разведывательный эскадрон, занимавший станцию Гербы-пруссские, под натиском эскадрона конницы противника и роты самокатчиков отошел из Гербов-пруссских и Гербов-русских. Через некоторое время поддержанный одним эскадроном гусар наш эскадрон снова занял станцию Гербы-русские и вел бой за станцию Гербы-пруссские.

Около трех часов дня, когда штаб дивизии находился в деревне Каводжа, в его расположение был доставлен из Ченстохова курьер австро-венгерского посольства в Петербурге, везший с собой дипломатическую почту и имевший на это соответствующие удостоверения. Так как пассажирские поезда южнее Ченстохова к австрийской границе уже не шли, то он решил обратиться к начальнику гарнизона за получением пропуска. Невыясненная позиция Австрии в войне и нежелание пропускать курьера через те станции, где у нас не было войск, привели к решению отправить его в сторону немцев, с которыми уже велись военные действия. Поэтому на бланке полевой

книжки я написал ему пропуск через боевые линии, и курьер вместе с почтой был отправлен на подводе в сторону Гербов.

До наступления темноты шла борьба передовых частей за Гербы-пруссские и Гербы-русские. К ночи гусары вынуждены были оставить обе станции и отошли к деревне Трапезуры. Южный разведывательный эскадрон гусар, выяснив, что к деревне Боропув подошел кавалерийский полк немцев, поддержанный пехотой, отступил к деревне Конописка. От 3-й и 4-й конных сотен 14-й бригады пограничников получили донесение, что около пяти часов вечера в районе Сосковец и Бендзина появились крупные разведывательные конные части немцев, которые и заняли эти два пункта.

К западу от Ченстохова с наступлением темноты части 2-й бригады остались на занимаемой позиции, выставив охранение и усилив разведку. Около 10 часов вечера последняя донесла, что по шоссе на Трапезуры началось движение пехоты немцев, вытеснивших наш эскадрон из этой деревни. Гусары отошли, а разведка казаков вошла в соприкосновение с продвигающейся от Трапезур на восток пехотой противника. Находившийся со взводом артиллерии поручик Терицкий по собственной инициативе выкатил оба орудия на шоссе и произвел вдоль него два шрапнельных выстрела. Движение на шоссе замерло, а разъезды казаков подошли к самой деревне Трапезуры, но были встречены ружейным огнем.

Около двух часов ночи 21 июля в штаб дивизии прибыл офицер для связи с 7-м стрелковым полком и доложил, что все эшелоны отправлены, а подрывные команды штаба округа приступают к подрыву станционных сооружений. Действительно, вскоре в тылу дивизии послышалось несколько тяжелых взрывов.

Задача 2-й бригады 14-й кавалерийской дивизии по прикрытию мобилизации в Ченстохове и отправке 7-го стрелкового полка была выполнена. Можно начинать отход. Но болотистая местность по сторонам шоссе на Гербы делала трудным снятие с позиций конных частей и артиллерии. К тому же противник не наступал. Поэтому решено было дожждаться рассвета, а затем уже начать отход. Однако приказание об отправлении обозов на

восток было отдано ночью, и обозы выступили, не дожидаясь рассвета. Оставив два эскадрона гусар на западной окраине города как арьергард, штаб дивизии с рассветом последовал за колонной конницы через Ченстохов.

Для уничтожения оставшегося в казармах имущества были посланы офицеры с командами с приказом предать огню все военное имущество. Квартиры офицеров были брошены на произвол судьбы. У меня в квартире осталось все. Денщик Пономаренко запер ее и отдал ключ в магистратуру. Впоследствии он сожалел, что не выключил счетчик: немцы за наш счет жгут электричество, а нам потом придется платить. Платить не пришлось, но и получить — ничего не получил. Остались одни воспоминания о библиотеке, которую собирал 10 лет.

Около восьми часов утра 21 июля колонна 2-й бригады, перейдя мост через Варту, потянулась на восток, прикрываемая арьергардом из двух эскадронов со взводом станковых пулеметов, не преследуемая противником. Немцы уже занимали город, 2-й сотне 14-й пограничной бригады пришлось прорываться. Потеряв несколько человек и оставив обоз в руках противника, сотня присоединилась к бригаде. Дальше местечка Межув немецкие разъезды не преследовали 2-ю бригаду, и она отошла к 3 часам дня к местечку Конецполь, где и расположилась на отдых. Здесь же к бригаде кроме 2-й сотни присоединились 3-я и 4-я конные сотни, отходившие от Бердзина и Сосковец.

В остальных районах дивизии мобилизация проходила нормально. Командир 14-го уланского полка 20 июля донес, что он выступил в Опатув, направив разведывательный батальон в Сташув. Второму старшему адъютанту штаба дивизии Янсону была послана телеграмма в Петркув вести обозы 2-го разряда частей дивизии на Зволень. 8-й стрелковый полк 20 июля отправлялся по железной дороге через Варшаву в район сосредоточения на правый берег Вислы. С уходом из Ченстохова порывалась всякая связь штаба 14-й дивизии с районами, ему подведомственными.

Так была решена первая задача по боевому использованию частей 14-й кавалерийской дивизии.

Каковы ее результаты? Работа ченстоховского сборного пункта была проведена без срыва. Мобилизация и отправление

7-го стрелкового полка выполнены также в срок. Что же еще оставалось не осуществленным? Не было набега на Люблинец. Чтобы его обеспечить, потребовались бы силы не только 2-й бригады и 14-й кавалерийской дивизии, а соединения посolidнее. Почему? Потому, что в 1913 году на границе в районе Силезии германские войска значительно укрепили свою боевую мощь.

Штаб нашей дивизии внимательно следил за развитием событий. Ему удалось установить следующее: 1) на Ченстохов наступают 63-й пехотный и 11-й конно-егерский полки противника, поддерживаемые артиллерией; 2) наступление вел также 2-й немецкий Уланский полк (вместе с 11-м конноегерским полком он составлял кавалерийскую бригаду)...

Нам было известно, что во время одного из дипломатических недоразумений, когда-то возникших между Германией и Россией, Александр III пугнул тогда еще молодого Вильгельма II, что он наводнит Германию казаками. Многие акты показывали, что страх перед вторжением русской конницы не покинул немцев и австрийцев даже в 1914 году. Между тем уже с 1907 года два штаба кавалерийских корпусов, находившихся в Варшаве, и соединения русской конницы были кордоном расположены вдоль границы, а 5-я кавдивизия еще в 1910 году была передислоцирована в район Волги. И все же немецкий и австрийский генеральные штабы продолжали испытывать тревогу, что русская конница готовится к вторжению на территории их стран. Об этом свидетельствуют официальные документы рейхсархива. В одном из них, в частности, говорится: защитить Верхне-Силезский индустриальный район можно при условии, если военные действия будут перенесены на русскую территорию.

Далее в том же документе отмечается: «Пограничные войска 6-го и 5-го корпусов 21 июля заняли Ченстохов и Калиш. Войсковые части, предназначенные для использования на Западе, вскоре были заменены частями ландверного корпуса... Русские войска повсюду покидали места своего постоянного квартирования, отступая к Висле. Они основательно разрушают железные дороги, особенно разрушили Ченстоховский

вокзал, взорвали мост через Варту, выводят из строя все мосты на грунтовых дорогах». (Рейхсархив. Мировая война 1914—1918 гг. Т. 2. С. 147).

Так в приподнятом настроении писал бывший командующий рейхсвером Гайе. Немного позже ему пришлось и поплакать.

Интересно, что против 14-й кавалерийской дивизии в составе 24 эскадронов и сотен, 10 полков пограничников, 8 пулеметов и 6 конных орудий на левом берегу Вислы направлялись 79 пехотных батальонов с артиллерией, 36 эскадронов при 12 конных орудиях с батальоном самокатчиков. Как видно из сравнения, силы далеко не равные, чего не ожидали все командные инстанции русской армии от верховного главнокомандующего до начальника 14-й кавалерийской дивизии включительно.

Нужно считать счастьем для штаба 14-й кавалерийской дивизии, что он не подозревал о тех силах, которые двигались против нас. Правда, это были большей частью ландверные войска, но они могли задавить своей численностью.

Вернемся ко 2-й бригаде 14-й кавалерийской дивизии, расположившейся 21 июля на ночлег в районе Копецполя. Бригада имела в своем составе 11 эскадронов и сотен казаков при 8 пулеметах и 6 конных орудиях, кроме того, при ней находились 4 конные сотни пограничников 14-й бригады. Отдельные офицерские разъезды вели разведку в сторону Межува и Янува на запад, находясь в соприкосновении с небольшими разъездами немецкой конницы.

Что делалось на австрийской границе, было неизвестно. Ответ из штаба округа о позиции Австрии мы еще не получили. Предстояло решить вопрос, в каком направлении двинуться 2-й бригаде 14-й кавалерийской дивизии.

Согласно мобплану, на дивизию ложилась задача прикрытия мобилизации сборного пункта в Енджеюве. В таком духе я и сделал предложение начальнику дивизии и начальнику штаба. Последний полагал, что нам нужно оставаться в Конецполе и ожидать наступления немцев. Пока начальство принимало решение, я попросил разрешения взорвать железнодорожный мост через реку Пилица у Конецполя. Запасы взрывчатых ве-

ществ в дивизии были ограничены, но все же удалось подорвать один из устоев моста и обрушить в воду один пролет. Наконец к вечеру после разговоров Новикова с Дрейером было решено двигаться на Влощову, а оттуда на Енджеюв. Оставив разведывательные части на реке Пилица, бригада с утра 22 июля двинулась на Влощову.

Когда к вечеру 22 июля штаб дивизии прибыл в Енджеюв, оказалось, что воинский начальник при объявлении войны Германии сбежал со всем аппаратом в Радом, сорвав мобилизацию. Собиралась «эвакуироваться» и местная административная власть. Послав донесение о срыве мобилизации в Енджеюве в штаб округа, я приказал уездному начальнику под страхом расстрела оставаться на месте. Штаб дивизии вечером неожиданно увидел втягивающиеся в город пешие сотни пограничников, с которыми появился и командир 15-й пограничной бригады, доложивший, что он со всей бригадой отходит на Кельце. Вскоре пришло и донесение командира 6-го стрелкового полка полковника Гатенфельда: ввиду начавшегося наступления немцев от Ченстохова на Кельце, Коньске он считает свое положение критическим.

Повторялась история с уездным начальником енджеювского пункта, удравшим на Радом из-за одних слухов о наступлении немцев. Теперь командир 6-го стрелкового полка обнажил австрийскую границу на 90 верст и готов был сам бежать из Кельце. Пришлось принимать экстренные меры. На фронт Пшедбуж, Конецполь была послана разведка от конных частей бригады, кроме того, на Пшедбуж направлен легковой автомобиль с офицером, пятью вооруженными солдатами с задачей ехать, пока не столкнется с противником.

23 июля 2-я бригада с пограничниками, сделав 37-верстный переход, расположилась на ночлег к западу от Кельце, прикрыв город. Печальным явился в штаб дивизии растерянный и бледный командир 6-го стрелкового полка. Он получил хороший нагоняй от Дрейера за обнажение австрийской границы. 6-й стрелковый полк заканчивал свою мобилизацию и утром 24 июля мог выступить на Радом, что ему и было приказано выполнить. Чтобы не оставить Кельце и в то же время прикрыть

отход 6-го стрелкового полка, 2-я бригада 14-й дивизии 24 июля должна была оставаться на дневке к западу от Кельце.

Находя, что в условиях военного времени борода — это роскошь, я отправился в парикмахерскую, из которой через полчаса вышел уже «молодым» человеком. Никто из офицеров дивизии, вплоть до Новикова, не узнавал меня.

Утром 24 июля 6-й стрелковый полк с четырьмя пешими сотнями пограничников 15-й бригады выступил по шоссе на Радом. В тот же день было послано приказание командиру 14-го уланского полка начать отвод от Сандомира вдоль левого берега Вислы на север двух пеших сотен пограничников 16-й бригады в гарнизон крепости Иван-город. В тот же день прибыла и казачья сотня из-под Серадзя. Теперь 2-я бригада насчитывала 12 эскадронов и сотен, 8 конных сотен пограничников, 8 пулеметов и 6 конных орудий.

24 июля в Кельне был получен ответ из штаба округа: Австро-Венгрия в этот день объявила войну России. Теперь обстановка была вполне ясна.

Чтобы прикрыть марш 6-го стрелкового полка, 2-я бригада 14-й дивизии 25 июля перешла в местечко Сухеднев, сделав 40 верст по шоссе на северо-восток от Кельце. Высланная разведка не подтвердила слухов о наступлении немцев от Ченстохова на восток: в Пшедбуже никого не было, а передовые части немцев находились за рекой Пилица к западу от Влощовы. Теперь опаснее становилось направление от Опатува на Илжу, поэтому 2-я бригада 14-й дивизии 26 июля перешла в деревню Броды (юго-восточнее Сухеднева), сделав 35 верст и прикрыв направление с юга на Радом через Илжу.

Взятый в плен нашим офицерским разъездом лейтенант 3-й кавалерийской дивизии австрийцев показал, что 1 австрийская пехота наступает непосредственно вдоль правого берега Вислы. Лейтенант хорошо знал театр военных действий на правом берегу Вислы и невысоко оценивал обороноспособность Ивангорода. По сравнению с нашими корнетами (лейтенантами) этот совсем молодой офицер производил впечатление более грамотного в военном деле человека. Веселый малый, выпив водки с офицерами связи, скоро забыл,

что попал в плен, и искренне просил вернуть ему его тупую саблю после войны. Его показания расходились с имевшейся в штабе схемой развертывания австрийских армий, где вместо 3-й кавалерийской дивизии была показана 2-я кавалерийская дивизия, а вдоль правого берега Вислы никаких частей пехоты не было. Еще большее сомнение во мне возбудило агентурное донесение о сосредоточении в районе Жабно, Дембица целого австрийского корпуса. Я достал схему, еще раз проверил себя и затем в течение двух часов колебался, доносить или нет об этом в корпус. Было вполне понятно, какую я беру на себя ответственность, донося об изменении стратегического развертывания. Поэтому, решив все же донести о сосредоточении корпуса в районе Жабно, Дембица, я высказал и свое предположение, что это, по-видимому, 1-й или 5-й корпус. В 1930 году в архиве в делах 4-го корпуса я видел разведсводку корпуса с этим донесением.

Задачу по прикрытию мобилизации и отхода частей 2-й стрелковой бригады на правый берег Вислы командование 14-й кавалерийской дивизии могло считать выполненной, за исключением срыва работы енджеювского сборного пункта.

На левом берегу Вислы со стороны австрийцев действовала лишь одна 7-я кавалерийская дивизия, не продвинувшаяся дальше Межува своими главными силами. Находясь в Островце, 14-я русская кавалерийская дивизия стояла на прямом пути наступления этой дивизии.

Что нужно отметить у противника? Это — твердое управление своими частями, в то время как 14-й кавалерийской дивизией не только не руководили, но ее даже не ориентировали в том, что делается на правом берегу Вислы. Ни штаб округа, ни штаб 14-го корпуса не давали о себе знать...

14-я КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ В ПЕРИОД СОСРЕДОТОЧЕНИЯ РУССКИХ АРМИЙ

К вечеру 28 июля 14-я кавалерийская дивизия без 14-го драгунского полка, но с десятью сотнями пограничников оставалась одна на левом берегу Вислы, к югу от устья Пилицы. Она

вела разведку на 150-километровом фронте, не имея в своем распоряжении ни одного самолета.

Продолжая считать себя подчиненным штабу 14-го армейского корпуса, штаб дивизии по-прежнему продолжал посылать донесения по телеграфу в его адрес в Люблин. Для современного читателя будут непонятны условия управления и средства для этого, существовавшие в дивизии. В распоряжении штаба дивизии была конно-саперная команда, имевшая у себя и средства связи (телефоны, аппараты Морзе), и подрывные средства. Радиосвязи дивизия, конечно, не имела. При подвижных действиях развертывать проводную телефонную связь с ограниченным количеством провода нечего было и думать. Опыт включения в правительственную сеть маломощных дивизионных аппаратов Морзе дал самые отрицательные результаты. Нужно было искать выход из создавшегося положения. Прежде всего, под страхом предания суду военного времени было подтверждено всем правительственным телеграфным станциям — крупным и мелким, что они не имеют права снимать аппараты без разрешения штаба дивизии, за исключением явной угрозы их захвата. На эту сеть было приказано базироваться всем разъездам и разведывательным эскадронам. Кроме того, штаб дивизии взял себе обыкновенный правительственный аппарат Морзе, который возил с собой на автомобиле и мог в любом месте включить в любой правительственный провод. Затем обычно для сбора донесений выбрасывался вперед сборный пункт донесений, связанный со штабом дивизии имеющимися четырьмя мотоциклами, автомобилями и обычной конной летучей почтой. С полками связь поддерживалась потребованными от них офицерами для связи с пятью посыльными. Кроме того, штаб имел при себе так называемые офицерские боевые разъезды для разведки накоротке. При отходе из Ченстохова штаб реквизирует до шести легковых автомобилей.

Вот и все средства управления штаба дивизии. Офицеры для связи привлекались мною и для писания под мою диктовку приказов для частей дивизии. Кроме того, при мне была двучеловеческая с оперативными делами и двумя старшими писарями. Тяжелые пишущие машинки были отброшены — все писалось

от руки на бланках. Я же должен был вести журнал боевых действий. Сначала я его вел и даже записывал все чернилами. Затем боевые события настолько захватили, что я забросил журнал. Решил лучше воевать, чем писать историю. Для разведывательных эскадронов и отдельных офицерских разъездов, высылаемых штабом дивизии, я писал для каждого письменную инструкцию и вызывал командиров эскадронов и начальников разъездов для разъяснения им задачи.

По окончании разведки командиры разведывательных эскадронов и начальники разъездов являлись ко мне и должны были лично доложить о проведенной работе.

С бытовой стороной в штабе было плохо. Столовой у нас не было, каждый промышлял еду для себя. Заказывали обед в харчевнях, а больше сидели на хлебе и консервах.

В дивизию приехал новый дивизионный врач, который советовал нам с утра не наедаться, так как при ранении в живот может быть перитонит. По глупости мы сначала действительно воздерживались от утренней еды, ну а потом, так как каждый день и час можно было быть раненым или даже убитым, решили не следовать советам врача.

Никакого денежного ящика в штабе дивизии по штату положено не было, а казенные деньги были. Пришлось разделить их между начальником дивизии, начальником штаба и мной и возить в карманах. Шифры я хранил в своем седельном вьюке. Одним словом, при современной постановке делопроизводства у нас в штабе дивизии был беспорядок, но не до этого тогда было: рядом находился противник, и довольно сильный.

К вечеру 28 июля обстановка для штаба дивизии рисовалась так: агентура установила, что Межув и Енджеюв заняты отрядами трех родов войск; сосредоточение армейского корпуса в районе Жабью, Дембица и переправа его передовых частей указывали на возможность его наступления в направлении на Кельце; сосредоточение до дивизии конницы у Рахува и Лагува также имело, по-видимому, цель наступать на Кельце; наконец, от Ченстохова пути наступления немцев вели или через Влощову на Кельце, или севернее на Коньске, Скаржиско.

Из всего вышеуказанного вытекало, что район Кельце, Скаржиско являлся центральным, через который проходили лучшие пути наступления на Ивангород.

Поэтому после совещания в штабе дивизии было принято решение снова расположиться в районе юго-западнее Сухеднюва.

29 июля, оставив в Опатове разведывательный эскадрон от уланского полка, дивизия, пройдя 50 километров, расположилась к юго-западу от Сухеднюва.

31 июля из Ивангорода была получена телеграмма от командира 14-го драгунского полка полковника Сенчи, что он, отойдя с 1-й стрелковой бригадой от Калиша и Лодзи, погрузился в эшелоны и следует по железной дороге через Ивангород на присоединение к дивизии. Наконец собиралась вся дивизия.

До 1 августа разведка не давала новых данных об обнаруженной в районе Рахув, Лагув коннице противника. Но к 12 часам дня 1 августа были получены желаемые сведения: 30 июля агент в Мохогe обнаружил расположившиеся на отдых части 7-й австрийской кавалерийской дивизии с артиллерией. Утром 31 июля конница противника двинулась на восток, по-видимому, на Пиньчув, куда подтягивалась и конница из района Лагува, состоявшая из 10-го и 12-го драгунских полков той же дивизии, укомплектованных чехами и немцами.

Для проверки данных о сосредоточении конницы противника в Пиньчuve туда через Моравице была выслана разведывательная сотня есаула Быкадорова. В ночь на 2 августа, как сотня, так и агент подтвердили, что авангард кавалерийской дивизии австрийцев занимает Кие, имея сторожевое охранение к северу от этого местечка, главные же силы дивизии сосредоточились в Пиньчuve.

К утру 2 августа 14-я кавалерийская дивизия, хотя и усиленная слабо обученными пограничниками, уступала в силах противнику, особенно в артиллерии, но 2 августа должен был прибыть 14-й драгунский полк, и тогда силы ее почти сравнялись бы с австрийскими. На дивизию возлагалась задача вести разведку, но, с другой стороны, она должна была воспрепятствовать разведке противника, а поэтому решено было 2 августа дать 7-й австрийской кавалерийской дивизии бой

под Кельце, сначала оборонительный на высотах к северу от Кельце, а затем, с присоединением 14-го драгунского полка, перейти в контратаку. Местность к югу от деревни Шидловец представляла собой открытую равнину, на которой находилось Кельце. К вечеру 1 августа гусары в районе деревни Белогонь сменили уланов. К 8 часам утра 2 августа штабу дивизии стало известно, что 7-я кавалерийская дивизия австрийцев движется от Пиньчува по шоссе на Кельце и с 6 часов утра ее авангард потеснил разведывательную сотню казаков у деревни Моравице. Последняя залпами заставила авангард противника начать развертывание для боя, но... казаков уже не было. Быстро отойдя версты на две по шоссе, Быкадоров устроил с фланга в лесу засаду и, как только авангард австрийцев приблизился на дистанцию дальнего ружейного огня, он снова залпами встретил его, заставив развертываться к флангу. Пока противник это продвигал, Быкадоров уже был далеко впереди, занимая теперь позицию с фронта для встречи австрийцев. Таким маневром на протяжении двенадцати километров разведывательная сотня в течение шести часов задерживала движение конницы противника, и передовые части его лишь к 12 часам дня показались на южной окраине Кельце.

К этому времени части 14-й кавалерийской дивизии занимали позицию к северу от города по линии Пяски, Шидловец. В центре, от шоссе на Скаржиско и далее на восток, находились десять смешанных сотен пограничников, причем артиллерия своими четырьмя орудиями заняла открытую позицию (по традициям конной артиллерии мирного времени), а два орудия расположились в передовой цепи с целью обстрела выходов из города. Чтобы обеспечить правый фланг, гусарский полк, оставив у Корчувки эскадрон, к 10 часам утра отошел к деревне Пяски. Начальник 14-й дивизии решил ударом во фланг нанести коннице противника решительное поражение, для чего 14-й уланский полк расположился за флангом спешенных пограничников. К нему в нужный момент подходил казачий полк, находившийся в резерве к югу от деревни Домброви, и сюда же направлялись высаживавшиеся у станции Загнаньск эскадроны 14-го драгунского полка.

Таковы были мероприятия штаба дивизии по подготовке к первому бою с регулярными частями противника.

Первый бой для каждого военнослужащего в частности и для соединения в целом является большим событием в жизни и предопределяет собой дальнейшее поведение на известный период в ходе войны. Поэтому во всей дивизии было напряженное положение. Штаб дивизии расположился за центром спешенных частей тут же, в деревне Шидловец. Телефонная связь была установлена со всеми полками и батареями на ближайшей высоте.

Около 12 часов дня наблюдатели батареи обнаружили, что к северной опушке леса подходит большая колонна конницы противника. Старший офицер на батарее по привычке мирного времени спросил, можно ли открыть огонь. Он получил разрешение, и батарея беглым огнем обстреляла на предельном прицеле голову колонны. Неожиданно попав под артиллерийский огонь, конница австрийцев скрылась в лесу. Впоследствии через пленных офицеров этой дивизии выяснилось, что сразу же был ранен начальник дивизии генерал Корпи.

Не прошло и 20 минут, как не менее трех батарей противника обрушились на батареи и высоты, занятые спешенными частями. Стоявшие на открытой позиции четыре орудия сейчас же прекратили огонь. Лишь сравнительно безвредная стрельба австрийской артиллерии дала возможность без больших потерь скатить батарею и занять закрытую позицию.

Около 4 часов дня примерно до роты самокатчиков противника со взводом драгун проехали через город и направились к высотам у деревни Шидловец. Было приказано подпустить их на дистанцию пулеметного огня. Когда вся рота самокатчиков выехала из Кельце и приблизилась на 100 метров к занятой позиции, по ней открыли огонь два орудия и четыре пулемета. Вся рота, бросая велосипеды, теряя убитых и раненых, бежала в город.

Артиллерия противника снова обрушила огонь трех батарей на позиции 14-й дивизии, но конница на равнину уже не вышла.

Рассчитывая встретить австрийцев контратакой, 14-я кавалерийская дивизия, ожидая подхода 14-го драгунского полка, также не хотела выходить под губительный артиллерийский огонь противника.

К вечеру 2 августа артиллерийская дуэль прекратилась.

14-й драгунский полк полностью сосредоточился. С наступлением темноты части остались на своих местах, подтянули кухни и повозки с зернофуражом. На фронте велась ближняя разведка, а на высотах у Шидловца были выставлены малые прожектора, имевшиеся в полках дивизии и нашедшие свое применение в первый и последний раз.

С рассветом было решено атаковать австрийцев с востока 1-й бригадой, бросив за ней и казаков. После утомительного дня штаб дивизии расположился на отдых в деревне Домбрувка. Туда приехал кельцевский губернатор и потребовал свидания с начальником штаба. Дрейер послал меня узнать, что ему нужно. Этот наивный чиновник обратился с вопросом, может ли он сейчас вернуться в Кельце. Что же было отвечать? Я посоветовал ему подождать рассвета, посмотреть бой, если он желает, а потом уже решать о торжественном въезде в Кельце. Он, конечно, от всего этого отказался и предпочел опять уехать в Радом.

Рано утром штаб дивизии снова двинулся в деревню Шидловец. Над полем боя висел еще густой туман. Высланные вперед к востоку от Кельце два эскадрона улан и драгун, завязав перестрелку с разъездами противника, основных его сил уже не нашли. Захваченные пленные показали, что дивизия ночью отошла на юг. Так огневым боем и закончилось первое столкновение двух кавалерийских дивизий, не один десяток лет в мирное время стоявших на границе друг против друга. Причина отхода 7-й австрийской дивизии осталась непонятной.

За 7-й дивизией шла пехота противника. Нужно было преградить ей путь на линии Илжа, Солец. Поэтому приняли решение, оставив один эскадрон в районе Кельце, главные силы 3 августа передвинуть в Илжу. К вечеру 3 августа дивизия расположилась на ночлег в районе Илжи.

Первый бой 14-й дивизии, хотя и не дал желаемых результатов, послужил для нее хорошей школой. Целый день полки провели под огнем трех батарей, понеся ничтожные потери. Иными словами, дивизия обстрелялась. В отношении же командования 23-й конной батареи пришлось сделать выводы. Подполковник

Арцишевский — командир батареи — ни тактики артиллерии, ни стрельбы не знал. Ему предложили заняться снабжением артиллерии, а батарею поручили старшему офицеру.

От оставленного в Опатове эскадрона улан 3 августа поступили сведения, что пехота от Сандомира медленно движется вдоль левого берега Вислы на север и пока не дошла еще до Завихоста. Представлялось возможным встретить пехоту австрийцев не на линии Илжа, Солец, а значительно южнее, поэтому 4 августа 14-я дивизия спустилась на юг в район Ожарува. Как только ближние разъезды дивизии достигли Ожарува, пехота австрийцев снова отошла к сандомирскому тет-де-пону.

Находясь на главном направлении возможного наступления пехоты противника у Ожарува, дивизия не могла дальше продвигаться на юг, имея у себя на фланге разъезды противника и какие-то части, занявшие Сандомир. Отдавать Иван-город было нельзя, поэтому 14-я кавалерийская дивизия в два перехода — 5 и 6 августа — сосредоточилась южнее Зволенья и велась разведка на фронте Шидловец, Скаржиско, Островец, Сандомир протяжением около 100 верст.

НАЧАЛО ГАЛИЦИЙСКОЙ БИТВЫ¹

Прошло более двух недель после объявления войны. 14-я кавалерийская дивизия выполняла боевую задачу, поставленную

¹ Галицийская битва (18 августа 1914 г. — 21 сентября 1914 г.) — крупнейшая стратегическая операция на русском фронте. Она состояла из нескольких сражений у Красника и Томашува (Люблин-Холмская операция), на реках Золотой Липе и Гнилой Липе (Галич-Львовская операция) и сражения у Городка (Городокское сражение). Громадную победу русских в этой битве объективные историки ставят выше той, которая досталась немцам в Восточной Пруссии. Автор книги «Августовские пушки» Барбера Такмав, например, пишет, что в Галицийской битве русские «нанесли поражение австро-венгерской армии, особенно ее офицерскому корпусу, от которого она никогда уже не оправилась». (Книга «Августовские пушки» вышла в свет в 1972 г. в издательстве «Молодая гвардия».) Однако и русские армии понесли значительные потери. Галицийская битва отвлекла части

ей еще в мирное время начальником штаба Варшавского военного округа: вела разведку противника, наступающего по левому берегу реки Висла, и прикрывала подступы к Ивангороду, который спешно укреплялся. Остановимся немного на командовании дивизией. Начальник дивизии генерал Новиков, по существу, являлся шефом дивизии и не имел намерения держать в твердых руках управление частями. Он был рад передать эти функции более деятельному, да к тому же с известной долей нахальства, начальнику штаба дивизии полковнику Дрейеру. Сам Новиков всегда соглашался с предложениями своего начальника штаба, а в трудные минуты только молчал и вздыхал. Особенно молчалив был Новиков, когда дело доходило до столкновения с противником или в предвидении такового. Но зато, когда колонны дивизии шли на ночлег, тут заговаривало «кавалерийское» сердце генерала, и он покрикивал на солдат, совершенно не учитывая, что эти солдаты сделали 45-километровый переход, а те из них, которые были еще в разведке или дозорах, сидели в седле чуть ли не полные сутки. В таких случаях я, боясь не сдержаться, всегда уезжал в хвост колонны штаба дивизии, чтобы не слушать окриков Новикова при «наведении порядка». Обстановкой Новиков мало интересовался и даже отдавал свои карты начальникам разъездов. Когда я докладывал, что запас карт в штабе ограничен, то Новиков удивленно смотрел на меня и говорил: «Ну скажи, пожалуйста, на что мне карты, когда у меня два офицера Генерального штаба!» Теперь, может быть, читающему это покажется и анекдотом, а между тем это факт.

Руководство боевыми действиями фактически было в руках штаба дивизии. Обычно по приходе на ночлег Дрейер заходил ко мне в комнату, и мы совещались, что предпринять назавтра. Затем он шел к Новикову, чтобы доложить ему о принятом решении, а я садился писать приказ, отдавая предварительно распоряжение о времени выступления полкам дивизии. Когда

германских сил, что позволило англо-французам нанести в начале сентября 1914 года сильный контрудар в районе Парижа и в Марнском сражении отбросить германские армии к реке Эн.

я приносил приказ к Новикову, он обычно подписывал его не читая. Организация разведки лежала всецело на мне.

Во время боев Дрейер выезжал вперед, к войскам, забирая с собой часть ординарцев, а я оставался с Новиковым и принимал донесения от полков, на которые нужно было давать указания. Но после первого же боя я стал ездить с Дрейером, так как, собственно говоря, оттуда и нужно было отдавать приказания от имени начальника дивизии. Последний же оставался на командном пункте.

Из командиров бригад полковник Сенча был наиболее подготовленным и мог действовать самостоятельно. Что же касается командира 2-й бригады полковника Дабича, то он был слаб в тактике, поэтому штабу дивизии приходилось всегда быть при этой бригаде, чтобы вовремя устранить все трения. Командир пограничной бригады полковник Балабан также был слабо подготовленным командиром, но так как пограничники придавались то одной, то другой кавалерийской бригаде, значение Балабана сводилось больше к роли администратора, чем тактика.

С самого начала войны, как только дивизия собралась целиком, она ни разу не ходила в одной походной колонне, а, как правило, двигалась двумя колоннами, между которыми в зависимости от обстановки делилась и 23-я конная батарея, и бригадам придавалось по два или по четыре орудия. С 21 июля по 6 августа включительно дивизия прошла около 480 километров, что в среднем без дневок дает по 28 километров в день. Состояние личного состава было хорошим, солдаты и офицеры втянулись в походную жизнь. Довольствие конского состава шло бесперебойно за счет местных средств, и лошади были в крепких телах, спустив лишний жир мирного времени. Кровные и полукровные кони офицеров, несмотря на полевые условия, несли службу хорошо.

К вечеру 6 августа в штабе 14-й дивизии имелись сведения лишь от своих разведывательных частей о том, что противник теснил их от Опатува на Островец и занял Скаржиско конными частями. Неожиданно через телеграфную станцию в Радоме штаб дивизии начал получать сводки от 5-й кавалерийской ди-

визии, которая находилась к северу от Нове-Място и сообщала о начавшемся наступлении немцев от Серадзя и Ченстохова на восток, разъезды которых приближались к Петркуву и Коньску. Полное молчание штаба 14-го корпуса в Люблине, которому считала себя подчиненной 14-я кавалерийская дивизия, вынудило начальника штаба Дрейера выехать на автомобиле через Иван-город на Люблин. 7 августа, еще до возвращения полковника Дрейера в штаб дивизии, были получены две телеграммы, указывавшие боевую задачу 14-й дивизии. Первая телеграмма от командира 14-го корпуса говорила о переходе 10 августа 4-й русской армии в наступление и о возложенной в связи с этим на 14-ю кавалерийскую дивизию задаче по обеспечению правого фланга армии на левом берегу Вислы и о переправе на правый берег Вислы на участке Сандомир, Баранув для совместных действий с 13-й кавалерийской дивизией.

Вторая телеграмма командира 14-го корпуса сообщала о происшедшем столкновении частей 13-й кавалерийской дивизии и 18-й пехотной дивизии с пехотой противника у Красника, в результате которого австрийцы, понеся значительные потери, отступили. Отмечалось, что артиллерия противника ведет огонь высокими разрывами. Все это было не ново для 14-й дивизии, испытывавшей такой артиллерийский огонь 2 августа под Кельце. Наконец, начальник 13-й кавалерийской дивизии генерал Туманов приветствовал соседнюю 14-ю дивизию с общей задачей — лихим налетом за рекой Сан завершить удар пехоты. Все телеграммы были переданы в Радом без шифра и, конечно, вызвали сенсацию сначала среди телеграфистов, а потом и посетителей одного из ресторанов, откуда эти сведения получил один из офицеров связи штаба, встретив за обедом знакомого ему поляка — помещика. Можно удивляться простоте нравов штаба 14-го корпуса, но что поделаешь, таковы уж были обычаи в старой русской армии! Сомнение вызывало другое: при наличии штаба 4-й армии в Люблине приказ получен из штаба 14-го корпуса — кому же подчинена дивизия? Удивляться было нечему, ибо штаб армии был сформирован из «тылового» Казанского округа, где офицеры Генерального штаба служили для своего удовольствия, а не для дела. Стыдно, конечно, такому

начальнику штаба армии, каким был Гутор, забыть, что ему подчинена целая дивизия, и притом единственная, на левом берегу Вислы. Впрочем, Гутор, как неоправдавший себя на должности начальника штаба армии, скоро был смещен.

Задачи определялись целью наступления к югу, переправой через Вислу. Но как быть с западом, где наступали немцы? На чем переправлять дивизию через Вислу? Казалось бы, что переброска 4000 коней через такую реку даже выше Сандомира была операцией нелегкой и требовала переправочных средств. Это должно было быть хорошо известно и штабу корпуса, и штабу армии, но никто об этом не думал.

В ночь на 8 августа в штаб дивизии вернулся полковник Дрейер, и стало известно, что на правом берегу Вислы развертываются 4-я и 5-я русские армии, что 4-я армия состоит из 14-го, 16-го и гренадерского корпусов, 13-й и 14-й кавалерийских дивизий, 3-й Донской казачьей дивизии и Отдельной гвардейской кавалерийской бригады. Дрейер подтвердил задачу 14-й кавалерийской дивизии, полученную через корпус. Он же сообщил, что дивизии подчинен 72-й пехотный Тульский полк с двумя батареями 18-й артиллерийской бригады. Части 14-й кавалерийской дивизии с 20 июля не видели своей пехоты и поэтому с нескрываемым удовольствием смотрели на подход тульцев. Из-за болезни командира 72-м пехотным полком командовал его помощник по строевой части — высокий, пожилой, спокойный полковник.

Итак, 18 августа должно было начаться большое сражение, которое потом в истории получило название Галицийской битвы.

Как же к этому времени сложилась обстановка на фронте 14-й дивизии? Телеграммы начальника 5-й кавалерийской дивизии сообщали, что немцы продолжают свое движение в восточном направлении и 9 августа Петрков был занят тремя полками конницы и до бригады пехотой, передовые разъезды немцев находились на линии Нове-Място, Опочно, Пшисуха. Разведка 14-й кавалерийской дивизии еще не входила в соприкосновение с разъездами немцев. Очевидно, в связи с их продвижением активизировалась и конница австрийцев,

стремившаяся войти в связь с немцами. 9 августа до полка конницы австрийцев потеснили разведывательный эскадрон 14-й дивизии от Илжи, отошедший на север к Недарчуwu и выяснивший расположение главных сил, видимо, 7-й кавалерийской дивизии австрийцев. На юге наступление пехоты австрийцев развивалось медленно, и ее части были обнаружены только в районе Опатува и к северу от Сандомира. Поставленная дивизии задача требовала, с одной стороны, энергичного движения на юг в направлении на Сандомир, переправы на правый берег Вислы к западу от этого пункта и удара во фланг австрийской армии, задержавшейся за рекой Сан. С другой стороны, на дивизию ложилась задача обеспечить фланг армии на левом берегу Вислы с запада. В действительности на левом берегу Вислы 14-я кавалерийская дивизия при движении на юг имела бы на своем фланге всю 7-ю кавалерийскую дивизию австрийцев, располагавшуюся 9 августа только в 25 верстах от пути движения 14-й дивизии.

Немцы были еще далеко, но очистить свой фланг на западе от конницы австрийцев для 14-й дивизии было необходимо. Таким образом, первоначальный удар по 7-й австрийской кавалерийской дивизии являлся для 14-й русской кавалерийской дивизии необходимым для обеспечения ее действий на юге. Так и было решено на 10 августа.

Однако необходимо было подумать и о прикрытии с запада такого пункта, как Радом, от налетов германской конницы, которая была всего в 35 верстах к западу. Для выполнения этой задачи в Радом с утра 10 августа был направлен отряд в составе одного батальона 72-го пехотного полка и одной сотни пограничников. Радом еще продолжал жить обычной жизнью, администрация была на месте. Донесения командир батальона должен был присылать в господский двор Сыцына по телеграфу через Зволеяв.

К вечеру 9 августа разведывательный эскадрон драгун заметил лишь в общих чертах охранение австрийской конницы по линии Валентынов, Вулька-Мазярска и далее по реке Илжанка; за эскадроном располагались главные силы австрийцев. Не ожидая результатов дальнейшей разведки, штаб 14-й дивизии

решил восполнить их внезапностью атаки. Болотистая долина реки Илжанка способствовала обороне противника, да притом по опыту под Кельце штаб 14-й дивизии уже знал, что современный бой двух кавалерийских дивизий не развивается так скоротечно, как это представлялось в мирное время. Между тем необходимо было покончить с 7-й австрийской кавалерийской дивизией, чтобы поскорее обратиться к решению основных задач на юге. Поэтому для атаки 7-й дивизии был привлечен и 72-й пехотный полк в составе трех батальонов с артиллерией. Однако выжидание подхода пехоты дало бы возможность противнику или сильнее укрепиться за рекой Илжанка, или же, не приняв боя, отступить. Как то, так и другое было не в интересах 14-й дивизии. Поэтому было решено, внезапно завязав бой конными частями, дожидаться подхода 72-го пехотного полка, направив его в наиболее важном направлении.

В четвертом часу утра 10 августа 14-я кавалерийская дивизия в двух колоннах побригадно выступила из района своего расположения и двинулась на юго-запад для атаки противника. 72-й пехотный полк с двумя полевыми батареями в то же время двинулся от Цепелюва в общем направлении на город Илжа, подходя к нему с востока. Учитывая труднодоступность реки Илжанка к востоку от города, туда направили 1-ю бригаду 14-й дивизии, которую впоследствии поддержит 72-й пехотный полк. 2-я же бригада с девятью сотнями пограничников имела задачу атаковать центр охранения противника от деревни Хваловыце до Малене и Едल्याнка и прорвать его оборону.

В девятом часу утра 2-я бригада с пограничниками заняла Хваловыце, а 1-я бригада — Пилатку. Продвинувшись на запад от Пилатки, спешенные части 1-й бригады подошли к Илже с востока. После занятия 2-й бригадой Хваловыце пограничники, не дожидаясь открытия огня 23-й конной батареей, увлекаемые своими командирами, устремились к переправе через Илжанку у деревни Малене. Встреченные ружейным огнем, они были вынуждены спешиться и, усиленные одним эскадроном гусар, повели наступление в пешем строю. Быстро справившись с противником, засевшим в Малене, и захватив переправу, пограничники уже на западном берегу Илжанки

продолжали наступление на господский двор Кшижановице. Здесь австрийцы, засев в каменных сараях и доме, оказывали упорное сопротивление. Тем временем 2-я бригада с 23-й конной батареей выдвинулись на переправу у деревни Едлянка. Переправа была плохая и задержала движение казаков, шедших во главе бригады (особенно 23-й конной батареей). Однако с переправой у Едлянки 14-й Донской казачий полк, оставив одну полусотню казаков в прикрытии у батареей, устремился на господский двор Кшижановице для оказания содействия пограничникам. 23-я конная батарея заняла позицию к северу от высоты 203,4¹, готовясь к открытию огня. Гусары также ввязались в бой за Кшижановице.

К 9.30, когда штаб нашей кавдивизии прибыл на высоту 203,4, он нашел уже все части 2-й бригады развернутыми; у командира бригады в резерве не оставалось ни одного эскадрона. Стало ясно, что бой ведут лишь передовые части, а главные силы австрийцев в него еще не втянуты. Командиру 1-й бригады было послано приказание направить сюда же 14-й уланский полк, а с подходом тульцев следовать к Едлянке с 14-м драгунским полком.

К моменту получения приказа полковник Сенча с частями 1-й бригады, заняв высоту 246,3, продолжал наступление на Илжу. Уланы отошли к коноводам и двинулись на рысях к Едлянке...

Когда Дрейер и я вернулись в штаб дивизии, то застали уже прибывший 14-й уланский полк. У Едлянки переправлялся 14-й драгунский полк. Господский двор Кшижановице был взят, пограничники и казаки атаковали деревню Кшижановице.

К часу дня 1-я бригада находилась за высотой 227,0, к востоку от нее, готовая к атаке. Кони эскадронных командиров горячились, а вставшие рано утром драгуны и уланы, сидя верхом на конях, склонились к гривам, спокойно подремывали, ожидая команды для атаки и не обращая внимания на летящие через их головы снаряды. Штаб дивизии стоял на высоте 227,0 и не мог увидеть, куда отходит противник. Высланные вперед

¹ 1 км северо-восточнее Кшижановице.

боевые разъезды еще не возвращались. 23-я конная батарея к востоку от Староседлице снялась с передков и вела огонь по отходившему далеко на запад обозу противника.

7-я австрийская дивизия, очевидно, не хотела принимать боя и, потеряв до трех эскадронов убитыми, ранеными и пленными, отошла в леса в южном направлении на Вежбник (Стараховице). Полученное донесение от командира гусарского полка подтверждало это. Тульцы же заняли Илжу и выходили к западу от нее. Выслав на юг от Илжи два эскадрона улан для преследования, начальник дивизии решил прервать бой, так как было необходимо идти на восток для выполнения главной задачи — атаковать пехоту противника, выдвигавшуюся к северу от Сандомира. День 10 августа хотя и не принес 14-й кавалерийской дивизии решительного успеха, но изрядно потрепанная 7-я австрийская кавалерийская дивизия была уже не способна к смелым и активным действиям.

Приказав конным частям дивизии занять окрестные деревни, а 72-му пехотному полку — Илжу, выставив сторожевое охранение к югу, штаб дивизии отправился в Илжу.

Нужно было подумать о дальнейшем плане действий, а вернее, о конкретизации его. В телеграмме начальника 5-й кавалерийской дивизии сообщалось пока о продвижении вперед лишь кавалерийских частей немцев. Разведка нашей сотни пограничников в соприкосновение с конными частями противника к западу от Радома еще не вошла. На юге наш разведывательный эскадрон был потеснен от Островца к Тарнуву, а затем должен был отойти под давлением пехотных частей австрийцев к северу от реки Каменна. Таким образом, на западе пока еще ничего серьезного не грозило. На юге же, вдоль Вислы, от Сандомира продвигалась пехота противника именно в том направлении, в каком 14-я дивизия должна была действовать на юге. Предстояло остановить продвижение пехоты противника, а затем попытаться разбить ее или отбросить. Это и составило основу решения.

11 августа дивизия вместе с тульцами перешла в район Янур-Селецки, Липско, готовясь с утра ударить за рекой Каменна по пехоте противника. Австрийская пехота, видимо, собиралась переправиться на правый берег Вислы и ударить

во фланг 4-й русской армии. О положении этой армии мы не имели никаких данных ни от штаба армии, ни от штаба корпуса, ни от своего разъезда, высланного еще 4 августа в штаб 13-й кавалерийской дивизии. Было решено 12 августа завязать бой сначала конницей, а подходившую затем пехоту бросить в том направлении, которое выявится как наиболее важное.

В шестом часу утра 12 августа 14-я дивизия тремя колоннами двинулась к устью реки Каменна: в правой 2-я бригада и пограничники с 23-й конной батареей, в левой — 1-я бригада с 4-й полевой батареей. 72-й Тульский пехотный полк с 5-й батареей следовал через Дзюркув на Садковице для решительной атаки вдоль Вислы по пункту вероятной переправы у Юзефува. Головной батальон полка для более быстрой поддержки спешенных частей 1-й бригады был посажен на подводы, а номера 4-й полевой батареи — на передки, зарядные ящики и лафеты. Для обеспечения правого фланга дивизии в Сенно был выслан эскадрон улан. Быстро вошедшая в соприкосновение с противником ближняя конная разведка дивизии подтвердила все имевшиеся ранее данные, как о расположении противника, так и о местности. Левый фланг австрийской пехоты был определен в районе деревень Зембожин, Косьцельны. К девяти часам утра колонны дивизии, миновав линию Марушув, Слушин, продолжали движение: 1-я бригада на деревню Павловска-Воля и 2-я бригада на деревню Зембожны. Развернувшись за высотой 202,0, части 2-й бригады и пограничники в пешем строю при поддержке 23-й конной батареи, занявшей позицию за высотой 174,3, повели наступление на Чекажевице и Зембожин. К этому времени при отличной поддержке огнем 4-й полевой батареи (8 орудий), спешенные части 1-й бригады уже вели бой за деревню Павловска-Воля и переправы через реку Каменна. Быстро отбросив австрийцев и захватив переправы, уланы и драгуны продолжали наступление на главную позицию противника. Однако атаку замедляли открытая местность и сильный огонь противника. Спешенным частям пришлось закрепиться, потому что противник вводил в действие резервы.

С нетерпением штаб дивизии ждал подхода из Садковице 72-го пехотного Тульского полка с батареей. Около 12 часов

дня его головной батальон прибыл на подводах к Павловице и тотчас же получил приказание поддержать атаку 1-й бригады. Быстро развернувшись, тульцы безостановочно повели наступление через деревню Павловска-Воля на главную позицию противника. С подходом тульцев части 1-й бригады возобновили атаку, направившись на деревни Цишпца, Пшевозова. При содействии огня 23-й батареи 2-я бригада и пограничники, отбив сторожевое охранение, заняли деревни Чекажевице и Зембожин, перешли реку Каменна, развивая наступление на деревню Янув. Энергичная атака головного батальона тульцев и охват с обоих флангов австрийцев вынудили их быстро начать отход на юг, прежде чем были введены в бой подошедшие два батальона 72-го пехотного полка. Заставив противника покинуть Тарнув, части 14-й кавалерийской дивизии остановились, а для преследования на юг были направлены лишь небольшие конные части.

За день боя в штаб дивизии поступали донесения: 1) от охранительного эскадрона улан у Сенно, который около 12 часов дня лихой атакой в конном строю опрокинул у Островца эскадрон 7-й кавалерийской дивизии и захватил в плен офицера, вахмистра и 10 солдат; 2) от офицерского разъезда — о движении до дивизии пехоты противника на Илжу с северо-запада; 3) от разъездов в районе Радома — о том, что в Вежбице сосредоточивается до дивизии пехоты; 4) от начальника 5-й кавалерийской дивизии, которая под Нове-Място разбила до полка конницы противника, поддержанной самокатчиками.

От Вежбице и Илжи было недалеко до Ивангорода.

Всякое движение на юг 14-й кавалерийской дивизии совершенно обнажало направление на Ивангород. Что делалось на правом берегу Вислы, было загадкой. Приходилось решать вопрос: или идти на юг, или вернуться к Ивангороду. Увлекало желание использовать успех первого боя под Тарнувом. Штаб дивизии не без внутреннего колебания решил вести наши части в прежний район (Зволень) и прикрыть подступы к Ивангороду. Принять такое решение — значило отказаться от наступательной цели, поставленной армией. Но иного выхода мы не видели. Такое решение принял начальник дивизии.

К полуночи 12 августа конные части нашей дивизии уже находились в районе Зволень, Сыщина. Они захватили в плен 50 австрийцев, а сами в бою под Тарнувом потеряли 15 солдат убитыми и ранеными, 72-й пехотный Тульский полк отошел к вечеру 12 августа в район Липско, а 13 августа перешел в Цепелюв. В районе Тарнува была оставлена разведывательная сотня 14-го Донского казачьего полка.

Итак, наступление на Сандомир откладывалось. Решалась задача, как прикрыть подступы к Ивангороду, которым хотели овладеть немцы.

Посмотрим, что происходило в частях и штабах противника. 7 августа на широком фронте (от Енджеюва до Стопницы) осталась армейская группа генерала Куммера. 7-я дивизия продвигалась от Опатува на север для наблюдения за шоссе от Ивангорода на Радом (Конрад не исключал возможности наступления русских на Кельне). 7 августа Конрад получил известие о выходе 8-й германской армии из Гумбиненского сражения. (Сражение 6—7 августа 1914 г. в районе Гумбинен (Восточная Пруссия) между 1-й русской и 8-й германской армиями. Сражение закончилось разгромом четырех немецких дивизий и общим отходом 8-й германской армии в глубь Восточной Пруссии. — Б.Ш.) 8-я армия отошла к Висле. Это вынудило Конрада накопить побольше сил для удара на участке между Вислой и Вепшем. С этой целью 8 августа он снова поторопил Куммера быстрее продвигаться на восток. В телеграмме, посланной Конрадом генералу Куммеру, говорилось: рано утром 8 августа летчиком установлено сосредоточение от трех до четырех пехотных дивизий в районе Люблина, а восточные линии Люблин, Красныстав, Тарнув — от четырех до пяти дивизий; сведения, что часть сил перебрасывается от Красника на запад, маловероятны; на участке Вислы от Завихоста до Варшавы — никаких новых мостов и приготовлений к переправе; армейской группе вместе с 7-й кавалерийской дивизией необходимо возможно быстрее выйти на участок Аннополь, Юзефув. В тот же день Конрад приказал 1-й и 4-й армиям 9 августа задержаться в достигнутых районах и вести усиленную разведку.

9 августа, около полуночи, Конрад получил от Куммера следующий запрос: «7-я кавалерийская дивизия сегодня (пред-

положительно) находится главными силами в районе Илжи. Командование Краковской армейской группы просит согласия взять общее направление на Островец, Сенно, чтобы сблизиться с левой немецкой колонной, идущей на Радом». Около четырех часов утра Конрад на вопрос Куммера ответил: «Сближение с немецкой южной колонной имеет второстепенное значение, главная и первейшая задача — выход на участок Юзефув, Аннополь. Решение лежит на правом берегу. Положение и предположения сообщите».

9 августа Конрад отдал общую директиву о переходе 10 августа в наступление 1-й и 4-й армий и сосредоточении на востоке 3-й армии и группы генерала Кевенга. Куммеру одновременно по радио было послано следующее приказание: 1-я армия 10 августа овладевает высотами севернее Тошевской низменности, восточнее Вислы. Первейшая задача армейской группы — наступление в указанном ей направлении. Связаться со штабом 1-й армии, который находится в Ниско, через готовый мост у Сандомира. Положение и предположения сообщите. Мостовые средства в Тарнобжеге и Иадбжезе приготовлены. В дополнение к этой телеграмме Конрад отправил Куммеру подтверждающую радиограмму: наступление немецкого ландверного корпуса через Радом против Ивангорода и Ново-Александрии (Пулавы) вполне целесообразно, так как оно может отвлечь значительные силы противника. Для армейской группы остается неизменным основное направление, продвижение к Висле и переход через нее. У Сандомира — наш тет-де-пон (предмостное укрепление).

В своих мемуарах Конрад поясняет, что его основная идея — 1-й и 4-й армиями совместно с группой Куммера и корпусом Войрша атаковать русских, прикрываясь против них на востоке 3-й армией, причем часть ее также должна участвовать в наступлении 4-й армии. 10 августа Конрад снова по радио торопит Куммера с продвижением к Висле: «Левый фланг 1-й армии сегодня у Аннополя, где будет строиться мост. Мост у Завихоста готов сегодня. Продвинуть к переправе через Вислу максимально возможное количество сил в направлении Завихоста и Аннополя, оставив главные силы 7-й кавалерийской

дивизии и 101-й бригады 10 августа на левом берегу Вислы. 110-я бригада ландштурма на левом берегу Вислы у Лясоцина». Куммер ответил, что может подтянуть к Островцу только 106-ю дивизию, остальные войска нуждаются в отдыхе. Подход к Висле невозможен ранее 15 августа, 7-я кавалерийская дивизия 9 августа находилась в Илже.

1-я армия сообщила о своем наступлении на Красник, о подтягивании 101-й бригады ландштурма через Мнишек на Ксенжомож (на правом берегу Вислы) и 110-й бригады ландштурма южнее реки Каменна (на левом берегу Вислы). 11 августа Конрад от воздушной разведки узнал об отходе русских от Красника и Ужендува в северо-восточном направлении. На левом берегу Вислы, значит, у Конрада, 9 августа 7-я кавалерийская дивизия отбросила под Илжей несколько сотен (казаков. — *Б.Ш.*), но 10 августа эти сотни были усилены и атаковали 7-ю кавалерийскую дивизию, которая должна была отойти на Скаржиско-Косыпельне (к западу от Илжи. — *Б.Ш.*). 4-я дивизия ландвера немцев 11 августа была на марше из Коньске на Шидловец. Бригада Вейцеховского 106-й дивизии 11 августа достигла Стара-Слупи.

Успешное сражение под Красником Конрад расценил как хорошее начало, но считал, что главные трудности еще впереди. 11 августа Конрад отдал всем армиям приказ о дальнейших наступательных действиях. Армейской группе Куммера было указано: прежде всего, перейти Вислу у Завихоста и наступать левее 1-й армии, войдя в ее подчинение... Ландверный германский корпус держит направление на Ивангород и обеспечивает от удара с севера. В 7 часов вечера 12 августа Куммер донес, что в этот день войска его группы должны достигнуть:

100-я бригада ландштурма — Якубовице;

95-я дивизия ландштурма — Бендины — Опатува;

106-я дивизия ландштурма — одной бригадой — Островца, второй — Вежбника;

7-я кавалерийская дивизия — Вонцхоцка.

Корпус сильно устал. Немецкая 4-я дивизия ландвера 11 августа находилась (предположительно) в Шядловце. 13 августа Конрад получил донесения, что на левом берегу Вислы 110-я

бригада ландштурма генерала Тертена отброшена к югу от Тарнува. Группа Куммера с частью сил еще в ночь на 13 августа пошла на поддержку, достигнув линии Якубовице — Островец.

Так излагает события Конрад — бывший начальник генерального штаба. Историки из австрийских официальных кругов в оценке описываемых событий не расходятся с Конрадом, но приводят ряд следующих, на наш взгляд, интересных дополнений. 12 августа генерал Тертен, командир 110-й бригады ландштурма, прислал донесение командующему 1-й австрийской армией. Из донесения видно, что этот командующий не знал, что 12 августа 110-я бригада под воздействием артиллерийского огня 14-й русской кавалерийской дивизии в значительном беспорядке отступила на Лясоцин... По счастью, армейская группа уже была близко, чтобы устранить последствия, которые могли возникнуть после этой паники.

10 августа 7-я кавалерийская дивизия была оттеснена за реку Каменна нашей 14-й кавалерийской дивизией, усиленной пехотой. Только после того как она получила поддержку бригады 106-й дивизии ландштурма, ей удалось опять вернуться в район Илжи. Армейская группа Куммера намеревалась 13 августа сделать дневку, но это намерение не осуществилось: Куммера напугала неудача 110-й бригады ландштурма, которая не смогла 13 августа перейти Вислу у Завихоста и поспешила в район к северу от Лясоцина. Ночью Куммер поднял 95-ю дивизию и бригаду 106-й дивизии для марша. 14-я русская кавалерийская дивизия «счастливо» почувствовала угрозу «своего старого противника» — 7-й кавалерийской дивизии — со стороны Илжи и отошла от устья Каменны. Только 14 августа Куммер смог дать своим частям дневку. «Старый противник» 14-й русской кавалерийской дивизии (7-я австрийская кавалерийская дивизия) действительно замышляла устроить «Седан» 14-й дивизии под Илжей. По сведениям историка ландверного корпуса Гайе, 7-я кавалерийская дивизия считала, что 12 августа под Илжей находится одна русская кавалерийская дивизия с пехотной бригадой и артиллерией, которые могли бы быть окружены с помощью ландверных частей корпуса Войрша. 4-я дивизия ландвера с полной готовностью поспешно двинулась через Шидловец на Илжу, чтобы атаковать русских с

севера, в то время как 7-я кавалерийская дивизия, усиленная бригадой 106-й дивизии ландштурма, должна охватить их с юга. «Так спешили вперед рано утром 13 августа радостные и воодушевленные австро-венгерские и германские бойцы, чтобы в первый раз скрепить братство по оружию в совместных действиях против противника, — в приподнятом настроении пишет Гайе. — Однако к полудню 13 августа выяснилось, что Новиков, как уже часто бывало, своевременно ушел, на этот раз на Зволень. Он хорошо понимал, что войска ландверного корпуса постоянно находятся в готовности к боевым действиям. Все дни и ночи мы должны были ожидать внезапных нападений с фронта — или с флангов, или с тыла — обстрела бивуаков, местечек или походных колонии. Как только части корпуса разворачивались перед Новиковым для боя, он быстро исчезал, и только устраиваемые его казаками пожары в деревнях или поджог снопов хлеба указывали направление его движения».

Когда 13 августа, продолжает Гайе, положение под Илжей выяснилось, войска Куммера получили приказ идти к Висле для переправы на правый берег, где разыгралось главное сражение с русскими. 4-я же дивизия ландвера направилась в Вежбицу, где и оставалась ближайшие дни, ведя разведку по направлению к Висле. Австрийцы (7-я кавалерийская дивизия с бригадой 106-й дивизии ландштурма) и немцы считали, что 14-я кавалерийская дивизия с 72-м пехотным Тульским полком находятся под Илжей с 10 по 13 августа. Австрийцам и немцам пришлось атаковать пустой город: в Илже 13 августа не было даже офицерского разъезда русских. Тем временем, как отмечено выше, 14-я дивизия вынудила 110-ю бригаду ландвера отступить к Лясоцину. Это и напугало всю армейскую группу Куммера. Гайе признал, что 14-я кавдивизия 13 августа действительно была в районе Зволени.

Так активные действия 14-й кавалерийской дивизии сковывали австрийцев и немцев. Должен сказать откровенно: в то время я не предполагал, что в Илже сосредоточиваются полторы пехотных дивизии и вся 7-я австрийская кавалерийская дивизия и что 12 августа в бою под Тарнувом противник наносит сильный удар в... пустое место.

Вернемся к ландверному корпусу. Его 3-я дивизия продолжала марш в двух колоннах. 9 августа левой колонной она занимала Жгув, а правой — Петркув. 10 августа был занят Вольбуж. 11 августа одна колонна была в Томашуве, а другая — в Сулеюве. Обозы колонны, владевшей Сулеювом, захватили в плен приземлившегося пилота гвардейского летного отряда. Он подтвердил имевшиеся сведения о выдвижении у Варшавы новой, 9-й армии русских, в которую входил гвардейский корпус. 11 августа командиру корпуса ввиду возможного удара с севера пришлось решать, повернуть ли на северо-восток и сначала расчистить свой левый фланг или же идти на Радом. Войрш решил на последнее. Командующий 8-й армией сообщил, что у Вроцлава для прикрытия тыла корпуса в район Петркува и Радомско выдвигается 21-я бригада ландвера. Гайе пишет, что ежедневные переходы пришлось постепенно увеличить до 25 верст, причем до 13 августа 4-я дивизия ландвера имела только две дневки, а 3-я дивизия до 17 августа — только три дневки. Появились отставшие и больные (например, на 14 августа в 4-й дивизии ландвера на каждый батальон в 1000 человек приходилось около 200 больных). К 13 августа дивизия ландвера достигла Гельнюва, где соединились обе ее колонны (в 45 верстах к западу от Радомы), а 4-я дивизия сосредоточилась в местечке Вежбица (в 20 верстах к юго-западу от Радомы).

Мы оставили 14-ю кавалерийскую дивизию около полуночи 12 августа вернувшейся в район Зволенья, Сыцына с выставленным сторожевым охранением по линии Янув, Тчов-Выбранье, Казанув и далее на юго-восток по реке Илжанка до Вислы. На 13 августа решено было дать дневку дивизии и подождать подхода к Цепелюву из Липско 72-го пехотного Тульского полка. Утром 13 августа командирам полков еще раз было письменно приказано потребовать от разъездов принять бой с противником, смело атаковать его. Начальникам разъездов разъяснили, что за всякое уклонение от боя с них будут строго взыскивать. Я уже отмечал, что командиры разведывательных эскадронов и начальники офицерских разъездов являлись ко мне с личным докладом после проведенной разведки.

Я их внимательно выслушивал, а затем требовал подтвердить сказанное конкретными доказательствами (взятыми в плен солдатами противника, захваченными документами, погонами убитых нами вражеских солдат, офицеров и т.д.). Если таких доказательств не представляли, то я пояснял начальникам разъездов, что мне неудобно докладывать об их лихой разведке, а значит, они не могут рассчитывать на похвалу и награды. Таким способом я добился, что без конкретных доказательств содеянных подвигов начальники разъездов и командиры эскадронов ко мне уже не являлись.

Должен сказать, что представляло собой сторожевое охранение в коннице. Обычно это была застава силою в один взвод. Если учесть, что у взвода часть людей оставалась коноводами, то для отражения противника на заставе в лучшем случае было 15—16 винтовок. Таким образом, сторожевое охранение особой устойчивости не имело. Оно было скорее величиной морально-го порядка, нежели существенным огневым барьером. Однако через такое охранение не могли пробиться ни австрийские, ни немецкие разъезды. Объясняется это тоже чисто психологически. Если конный разъезд встречали ружейным огнем, то начальник разъезда в большинстве случаев решал, что он натолкнулся на пехоту, которая сильна огнем, и атаковать ее в конном строю невыносимо. Так на это смотрели в коннице русской, австрийской и немецкой. Приходилось и с этим бороться и проталкивать свои разъезды вперед. С утра 13 августа я пробрал явившегося начальника офицерского разъезда за доклад на основании слухов от местных жителей о появлении пехотной дивизии у Илжи. Как стало известно, на 13 августа там сосредоточились одна кавалерийская и полторы пехотные дивизии. Офицера этого я с ноября 1914 года больше не встречал. Теперь бы я самым искренним образом извинился перед ним за свой разнос и пожал ему с чувством уважения руку. Слухи опережали темпы продвижения немецких и австрийских войск. Вот почему всяким слухам я не верил. Выброшенная на запад разведка от конной сотни пограничников в Радоме вошла в соприкосновение с немецкими конными разъездами. О продвижении последних на восток говорили оперативные

сводки и офицеры 5-й кавалерийской дивизии, причем приводилось много различных номеров полков. Высланная разведка на Вежбицу данных еще не давала. Начальник офицерского разъезда от казачьего полка, выехавший 4 августа из Ожарува, прибыл через Ивангород в 13-ю кавалерийскую дивизию. Докладывая о положении на правом берегу Вислы, он сообщил, что был очевидцем боя под Красником и отхода не только 13-й кавалерийской дивизии, но и 14-го корпуса на Люблин. Складывалась новая обстановка. Выяснилось, что 14-я дивизия поступила правильно, когда 12 августа отошла на север, а не преследовала австрийцев на юге, как значилось в задаче 4-й армии. Разведывательная сотня казаков, оставленная у Тарнува, доносила, что австрийская пехота снова наступает от Лясоеца к реке Каменна и теснит сотню, которая вынуждена отойти на северный берег реки. Противник снова строит мост против Юзефува. Из Ивангорода прибыло сообщение, что на левом берегу Вислы, в районе Ивангорода, расположена подвезенная сюда по железной дороге из Кишинева 8-я кавалерийская дивизия, разъезды которой выдвигаются на Радом. Сторожевое охранение в Казануве, ввиду близости Вежбины, было усилено и состояло из двух эскадронов улан, роты 72-го Тульского полка и двух пулеметов от 14-й дивизии (Казанув был узлом лучших в этом районе дорог). Весь день 13 августа телефонный провод штаба дивизии с Радомом работал, но к вечеру был поврежден. Около двух часов ночи на 14 августа дежурный по штабу дивизии офицер разбудил меня и доложил, что один из двух мотоциклистов, приданных конной сотне пограничников в Радоме, привез плохие вести. Я приказал ввести ко мне этого мотоциклиста. Вошел гусар без фуражки, без пояса и без оружия и сразу начал горячо говорить: «Что там было! Ох, что там было! Что там было!» Наконец эта болтовня мне надоела, и я, строго прикрикнув на него, приказал рассказать, как он удрал из Радомы. Гусар сразу пришел в себя и рассказал, что батальон 72-го пехотного Тульского полка убежал в панике в Ивангород, а пограничники остались в Радоме. На вопрос, почему он в таком растрепанном виде, мотоциклист доложил, что он, бросив в темноте мотоцикл, прискакал на вер-

ховой лошади. Выругав его за то, что он бросил свою машину и второго мотоциклиста, я встал и пошел доложить о случившемся, направив на автомобиле офицера, чтобы выяснить там обстановку. Вернувшись на следующее утро, офицер, со слов командира сотни пограничников, доложил следующее. Разъезды пограничников весь день 13 августа к западу от Радома вступали в схватки с немецкими разъездами и отбрасывали их. В городе еще находился губернатор и вся полиция, но уже ползли слухи о скором приближении немцев, и это тревожило население. Командир батальона 72-го пехотного Тульского полка решил вывести батальон из города и к востоку от него занять позицию, а пограничникам приказал оставаться к западу от города. Узнав о движении батальона, губернатор покинул город, а за ним двинулась на подводах и полиция, оказавшись впереди колонны батальона. Когда полицейские с наступлением темноты въехали в лес, они встретили идущие по сторонам дороги к Радому с востока конные разъезды. Приняв их за немцев, полицейские открыли стрельбу и с криком «Немцы!» бросились бежать на восток. Их выстрелы и крики передалась и батальону, который подвергся панике и также обратился в бегство в сторону Ивангорода. Пограничники же остались в Радоме, на его западной окраине.

14 августа наши разъезды натолкнулись на сторожевое охранение немцев к востоку от Вежбицы. Таким образом, 14 августа на фронте Волянув (11 км западнее Радома), Вежбица разведка дивизии установила подход конницы и пехоты Войрша.

Из Ивангорода были получены донесения о переходе 8-й кавалерийской дивизии в район Зволенья, куда она и прибыла около трех часов дня.

Штаб дивизии в этот день с утра находился на командном пункте в лесу юго-западнее Сыцына, а бригады — к северу и югу от этого пункта в готовности поддержать сторожевое охранение. Около двух часов дня к лесу, где находился штаб дивизии, подъехала подвода, на которой кроме возчика-крестьянина сидели офицер и унтер-офицер. Я вышел на опушку леса и спросил офицера, кто он такой. «Я офицер 8-го гусарского Лубенского полка... это все, что осталось от моего разъезда», —

с мрачным видом ответил мне приехавший офицер. Когда я его расспросил, где же это случилось, он рассказал, что, подходя вечером 13 августа к Радому и остановившись в лесу, он оказался окруженным пехотой и весь разъезд его уничтожен. Поняв, что разъезд был причиной паники нашего батальона, я посоветовал ему ехать в Зволень, где он найдет и свой полк и, по всей видимости, свой разъезд.

К вечеру 14 августа начальник дивизии с начальником штаба были вызваны к начальнику 8-й кавалерийской дивизии генералу Зандеру в Зволень, как старшему по званию. Вечером от коменданта крепости Ивангород, бывшего командира 2-й бригады 78-й пехотной дивизии, в которую входил 72-й пехотный Тульский полк, была получена телеграмма, извещавшая, что в крепость начинают прибывать «ваши беглецы из Радомы», разумея под этим батальон 72-го полка. Спрашивали, куда их девать. Начальника дивизии с начальником штаба не было, и я за своей подписью дерзко ответил генералу телеграммой, что беглецы это не «наши», а «ваши» (как командира бригады тульцев), и просил его собрать их и направить в Зволень. К вечеру 15 августа батальон был уже в Зволени и после хорошего внушения направлен в Цепелюв на присоединение к полку.

К ночи вернулись из Зволени в штаб начальник дивизии и Дрейер. Они сообщили некоторые новости. По указанию Юго-Западного фронта в Ивангороде должен разгружаться 3-й Кавказский корпус генерала Ирманова, которому подчиняются 8-я и 14-я кавалерийские дивизии. Этот усиленный корпус должен наступать к западу и юго-западу от Радомы. Впредь же до прибытия генерала Ирманова начальник 8-й кавалерийской дивизии, как старший по званию, вступает в командование обеими кавалерийскими дивизиями. Когда-то Зандер командовал 5-й кавалерийской дивизией, командиром бригады в которой был Новиков. Привыкнув считать Зандера своим командиром, Новиков ничего не имел против, чтобы передать в руки Зандера управление. Иначе на это смотрел Дрейер, который, обрисовав Зандера и его начальника штаба полковника Одноглазкова, довольно резко говорил об их неспособности командовать. Познакомившись через несколько дней с обоими,

я должен был признать, что Дрейер прав. Как Зандер, так и его начальник штаба были мало активны и в тактике конницы разбирались слабо. Они, конечно, не смогли самостоятельно справиться с решением задач на левом берегу Вислы. Пешего боя конницы они боялись и все выжидали момента, когда можно будет атаковать в конном строю, а так как такового не наступало, то предпочитали бездействовать, отыгрываясь на артиллерийском огне.

День 15 августа прошел в ожидании подхода войск Войрша и ведении разведки. Число конных немецких разъездов увеличилось, но нигде они не могли проникнуть за линию сторожевого охранения дивизии. Разведывательная сотня на юге, с реки Каменна, доносила о переправе австрийцев у Юзефува на правый берег и о продвижении передовых пехотных частей на левый берег Вислы до линии Глина, Павловице. Что делалось на правом берегу Вислы в районе Люблина, было неясно.

Итак, противник (немцы) был лишь в одном переходе от сторожевого охранения дивизии у Казанува. Около часу дня 16 августа Новиков получил от начальника 8-й кавалерийской дивизии предписание: с 14-й кавалерийской дивизией и 72-м пехотным Тульским полком двинуться к реке Каменна, атаковать и отбросить к югу переправляющиеся части австрийцев на правый берег Вислы. Предстояло совершить 37-километровый переход на юг, а затем вести боевые действия, имея, как указано выше, в одном переходе не менее немецкой пехотной бригады. Возникал вопрос, кто же прикроет фланги и тыл дивизии во время операции на юге (1-я кавалерийская дивизия не брала на себя эту задачу). Было решено оставить сторожевое охранение от 14-й дивизии и 72-го пехотного полка на прежней линии — Янув, Казанув — и 16 августа дойти до района Домбрувка, Воля-Солецка, Катажницу, т.е. сделать переход для пехоты в 10, для конницы в 16 километров, а 17 августа атаковать противника.

В 3 часа дня части дивизии и 72-й пехотный полк двинулись на юг и заночевали в указанном выше районе. По данным разведки, противник занимал ту же позицию за рекой Каменна, что и 12 августа, выслал к северу лишь передовые пехотные

части. Оставив тот же план действий, что и в первом бою под Тарнувом, штаб нашей дивизии к 10 часам вечера отдал все распоряжения для второго боя. В 6 часов утра 17 августа части двинулись: 2-я бригада с пограничниками и 23-й конной батареей через Лянско-? > на Слу-? >, 1-я бригада с 4-й полевой батареей — на Садковице и 72-й пехотный полк с 5-й батареей — на Колец и далее на Садковице, причем в авангарде шел батальон, убежавший из Радома (ему приказали кровью смыть свой позор).

Отбросив из Садковице пехотных разведчиков противника, 1-я бригада быстро заняла деревню Павловице и при огневой поддержке 4-й полевой батареи (8 орудий) спешенными частями повела наступление на деревню Павловска-Воля. 2-я бригада с пограничниками беспрепятственно сосредоточилась за высотой 202,0 и, выставив батарею к северу от высоты 174,3, направила спешенные части для атаки деревень Замбожны и Чекажевице, занятые сторожевым охранением противника. Сбить передовые части австрийцев и овладеть деревней Павловска-Воля оказалось не так легко, как в бою 12 августа. В одиннадцатом часу утра при поддержке артиллерийского огня противник сам перешел в контратаку, густые цепи его пехоты показались на высоте к западу от Павловска-Воли. Артиллерия противника по дальности стрельбы уступала нашей. Слабым спешенным частям 1-й бригады (около двух пехотных рот. — *Б.Ш.*) вместо наступления пришлось пока перейти к обороне и удерживаться на захваченных позициях до подхода тульцев. На помощь пришла 4-я полевая батарея 18-й бригады, неоднократно сметавшая своим метким огнем цепи австрийцев с высоты. Заняв деревни Чекажевице и Замбожин, части 2-й бригады вели огневой бой за переправы через реку Каменна, но противник упорно удерживался на опушке леса к югу от реки.

Около 12 часов дня к 23-й конной присоединилась 5-я полковая батарея, подошедшая с тульцами, которые начали развертываться к югу от деревни Павловице. Австрийская батарея, занимавшая позицию к югу от деревни Янув, решила перейти на новую позицию, поближе к пехотным частям. Замеченная

во время переезда, эта батарея была накрыта огнем двадцати двух орудий, за какие-нибудь 15 минут от нее остались лишь покореженные орудия, перевернутые зарядные ящики; были видны разбегающиеся в разные стороны люди. Чтобы захватить орудия, штаб дивизии послал для этой цели последний свой конный резерв — две сотни казаков, направив их к западу от Чекажевице в тыл австрийцев. А три батальона тульцев вели решительную атаку от деревни Павловице на Павловска-Волю, которую с левого фланга начала охватывать 1-я бригада 14-й дивизии. Несмотря на сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь противника, наступающие быстро продвигались вперед. К 3 часам дня, взяв до 30 пленных, тульцы и 1-я бригада отбросили австрийскую пехоту, упорно оборонявшуюся за рекою Каменна. Чтобы задержать движение казаков на южном берегу реки Каменна, австрийцы вывели на поле боя свою конницу. Около двух часов дня на гребне высоты, к югу от Янува, показался развернутый кавалерийский полк, который, неся потери от артиллерийского огня, начал спускаться с высоты к разбитой батарее. Затем, не выдержав артиллерийского огня, австрийский кавалерийский полк, перестроившись в разомкнутый строй, скрылся в перелесках к северу от Тарнува. Маневр полка был непонятен, но появление его наводило на мысль, что здесь могли быть и другие конные части 7-й австрийской кавалерийской дивизии.

Так как у командования 14-й кавалерийской дивизии в резерве никаких конных частей уже не было, двум сотням казаков было приказано вернуться с южного берега реки Каменна для обеспечения правого фланга дивизии, а до двух эскадронов было отведено из цепей с целью посадить их на коней.

К трем часам дня стало ясно, что противник оказывает упорное сопротивление, что силы его превышают численность одной пехотной бригады, поддерживаемой частями 7-й кавалерийской дивизии. Главная позиция противника была расположена на командных высотах. Бой мог затянуться, потому что начальник 14-й кавалерийской дивизии не имел достаточных сил для наращивания ударов. Надеяться на упорное сопротивление 8-й кавалерийской дивизии у Зволена не приходилось,

нужно было рассчитывать прежде всего на свои силы, чтобы перейти на правый берег Вислы. Пожары на правом берегу Вислы убедили штаб армии, что бой идет не под Красником, а под Люблином. В данной обстановке командование дивизии решило выйти из боя в свой район к югу от Зволени. В соответствии с этим, приказав тульцам к пяти часам дня подобрать своих раненых и убитых и отойти к Воля-Солецкой, 14-я кавалерийская дивизия до 6 часов вечера прикрывала выход пехоты из боя, а затем сама двинулась на север в район Сыцына и около часу ночи 18 августа была на месте.

Беглый опрос пленных (до 30 человек) дал ценные сведения. Мы узнали о том, что под Юзефувом на правый берег Вислы переправляется около двух дивизий ландштурма группы Куммера (якобы 95-я и 106-я); 13, 15 и 31-й полки этих дивизий 17 августа участвовали в бою под Тарнувом. В дивизиях старые пушки и новые гаубицы — всего по 12—16 орудий на дивизию. Здесь же находилась и 7-я австрийская кавалерийская дивизия.

Сторожевое охранение 14-й кавалерийской дивизии отражало попытки противника прорвать оборону конными разведывательными частями. Офицер связи штаба нашей дивизии, находившейся при 8-й кавалерийской дивизии, доложил, что с утра 17 августа 8-я кавалерийская дивизия одной колонной двинулась на Радом по шоссе от Зволени, причем с окраины города передовые ее части были встречены ружейным огнем. Поддержав эти спешенные части двумя спешенными же эскадронами, начальник 8-й кавалерийской дивизии со всей дивизией и артиллерией простоял около Радома в бездействии, а затем во второй половине дня отошел опять в район Зволени. Наконец сводки 5-й кавалерийской дивизии говорили, что документально установлено наступление 3-й дивизии ландвера от Петркува на Скерневице и Варшаву. 4-я же дивизия корпуса Войрша двигалась через Радомско, Коньске на Радом и Ивангород.

Никаких указаний начальник 14-й кавалерийской дивизии от Зандера не получил, а поэтому в ночь на 18 августа Дрейер выехал в Люблин, в штаб 4-й армии, чтобы ориентироваться в

обстановке на левом берегу Вислы. К 12 часам дня 18 августа 72-й пехотный Тульский полк подошел к Цепелюву. Начальник 14-й кавалерийской дивизии получил приказание отправить пехотный полк на Зволень в распоряжение начальника 8-й кавалерийской дивизии. Тульцы к вечеру 18 августа заняли позиции к западу от Зволени вместе с 8-й кавалерийской дивизией, готовясь к обороне. Какое участие должна была принять 14-я кавалерийская дивизия в этом оборонительном бою, генерал Зандер не указал. По правде сказать, не задумался над этим и штаб дивизии, полагая маневром сдержат пехоту Войрша. Между тем у Казанува сторожевое охранение 14-й дивизии 18 августа уже отбило атаку пехоты немцев. Разведка установила, что у Недарчува на ночлег расположилось до бригады пехоты противника с артиллерией.

К ночи 18 августа в штаб дивизии вернулся Дрейер. Он проинформировал о боевых действиях на правом берегу; сообщил, что все руководство конницей и 72-м пехотным полком переходит в руки начальника 14-й кавалерийской дивизии.

Около семи часов утра 19 августа, когда дивизия стояла к северу от Сыцына, над ней пролетал аэроплан курсом с юго-востока на северо-запад. Части дивизии, увидев первый самолет, открыли по нему огонь из 3000 винтовок. Из сторожевой заставы прискакал запыхавшийся пограничник и доложил, что к западу от Тиуна, Выбраньца приземлился самолет. Через 45 минут на командный пункт штаба дивизии доставили пленного летчика-лейтенанта. На вопрос, откуда и куда летел самолет, лейтенант ответил, что он вылетел из Красника, где находится 1-я армия. Летел он в Радом к Войршу для связи. Осмотрев документы пленного, я не нашел в них ничего интересного. Офицеры-ординарцы окружили пленного лейтенанта и осматривали его замшевую куртку. Кто-то из офицеров, пощупав воротник куртки, обнаружил, что там что-то зашито. Я вытащил из кармана перочинный ножик и молча предложил его лейтенанту. Тот снял куртку, подпорол воротник и вручил мне письмо командующего 1-й австрийской армией генералу Войршу. В письме указывалось, что армейская группа Куммера 16 и 17 августа переведена на правый берег Вислы и что для

окончательного поражения русских под Люблином желателен переход корпуса Войрша на правый берег Вислы. С 17-го главные силы армейской группы Куммера в бою у Ополе¹, а меньшая их часть на левом берегу реки Вислы 17 августа были атакованы русскими (вероятно, 14-й кавалерийской дивизией), но атака отбита. Желательно направить прусский корпус на Солец, Юзефув и восточный берег для соединения с 1-й армией. Это столь важное сообщение было немедленно направлено в штаб 4-й армии.

Около двенадцати часов дня пришла телеграмма, в ней указывалось, что 8-я кавалерийская дивизия и 72-й пехотный полк подчинены генералу Новикову.

На этом мы пока остановимся и посмотрим, что же происходило в действительности на стороне противника. Конрад усомнился в возможном ударе 8-й германской армии по населенному пункту Седлице. Поэтому, желая использовать достигнутый успех под Люблином, он телеграммой 13 августа вновь поторопил Куммера с переправой через Вислу.

1-я армия, используя свой успех, не намерена была атаковать русскую 4-ю армию с фронта на сильной позиции, но стремилась охватить оба ее фланга: восточный — частями 5-го корпуса и левый — армейской группой Куммера. 15 августа Куммер донес Конраду, что в 4 часа дня начнется переправа частей его группы на правый берег Вислы, а главные силы группы к вечеру того же дня подойдут в район южнее Ополе. Командование группой, докладывая Куммеру, рано утром 15 августа будет в Тарнуве. 16 августа командующий 1-й армией сообщил Конраду, что он приказал Куммеру наступать через Ополе, Незабитув и преследовать русские войска на западном крыле. В то же время Данкль настаивал на том, чтобы подчинить ему ландверный германский корпус, который 16 августа достигнет Радома. Командующий 1-й австрийской армией предлагал 18 августа направить южную колонну через Зволень к Висле, чтобы она переправилась через Вислу по обе стороны Казимержа. 18 августа Данкль донес, что группа Куммера 17 августа хотя и за-

¹ Ополе Любельского.

няла Ополе, но атака ее к востоку успеха не имела, поэтому Куммер укрепляет свои позиции. Ландверному корпусу дано распоряжение присоединяться к 1-й армии. Распоряжение штаба 1-й армии, видимо, не дошло до ландверного корпуса. Поэтому Конрад через германских представителей передал следующее сообщение: на западном берегу Вислы 17 августа продолжалось сражение. Предводимая генералом Новиковым, впоследствии известным вождем конницы, весьма активная 14-я кавалерийская дивизия атаковала вновь продвинувшуюся к устью реки Каменна 110-ю бригаду ландштурма с целью удержать ее подальше от Ивангорода. Переправляющаяся через Вислу вторая бригада 106-й дивизии ландштурма, сообщал Конрад, поспешила на помощь со своей артиллерией для того, чтобы отогнать надоедливую конницу Новикова,

В официальных книгах по истории войны, изданных в Австрии, отмечается, что переход армейской группы Куммера несколько раз задерживался. В этих книгах описываются бои головных частей группы Куммера с головными частями 18-го русского корпуса, который не успел разрушить переправу Куммера у Юзефува. Командующий 1-й австрийской армией не питал никаких иллюзий относительно боеспособности войск Куммера и стремился подкрепить их ландверным корпусом. 4-я дивизия этого корпуса должна уже 20 августа начать переправу. Прикрытие переправы было снова возложено на 110-ю бригаду ландвера и 20-ю бригаду 7-й кавалерийской дивизии с двумя конными батареями.

Теперь обратимся к ландверному корпусу Войрша, на который так много надежд возлагал Данкль.

Летописец ландверного корпуса говорит нам, что после того как 13 августа в районе Илжи не удалось окружить 14-ю русскую кавалерийскую дивизию, 4-я дивизия ландвера вместе со штабом корпуса перешла в район Вожбицы, а оттуда 16 августа — в район Скарышева. 16 августа 3-я дивизия ландвера после короткого боя (очевидно, с пограничниками. — *Б.Ш.*) вошла в Радом. Сюда же переехал и Войрш со своим штабом. Вечером этого дня в кабинете губернатора, отделанном во французском стиле, сидели Войрш и его начальник штаба. Будучи

совершенно неориентированными в общей обстановке, они гадали, как им действовать.

По словам Гайе, ландверный корпус уже несколько дней фактически был окружен сильными отрядами русской конницы. Его связь с командованием австрийских и немецких войск была парализована. Обстановка была не ясной, и командир корпуса решил, что до 19 августа части корпуса будут отдыхать.

Далее Гайе разбирает возможности использования корпуса. Эти возможности, по его мнению, заключаются в следующем.

Во-первых, корпус должен идти на восток и юго-восток через Зволень на Ново-Александрию или Казимеж, чтобы оказать непосредственную поддержку частям Данкля. Далее Гайе рассуждает так: можно было за два дня достигнуть Вислы, но вопрос заключался в том, на чем переправлять войска. Мост должны были построить австрийцы или саперы корпуса; при этом следовало учитывать, что русские из Ивангорода, вероятно, будут пытаться сорвать работы по возведению моста. Войрш считал своей задачей помочь австрийцам, но он не мог связать свою судьбу с австро-венгерскими войсками, потому что подчинялся командованию 8-й германской армии и поэтому должен был содействовать операциям этой армии.

Во-вторых, особое внимание командования корпуса сосредоточивалось на том, что, вероятно, придется помочь 8-й германской армии ударом на север или северо-восток, в то время когда она будет преследовать русских через Нарев. С 18 августа 8-я армия успешно вела бой с русскими в Восточной Пруссии, но чем он закончился, было неизвестно. Мольтке и Конрад еще в мирное время обсуждали совместные действия, в ходе которых не исключался удар 8-й германской армии в южном направлении. В этом случае ландверный корпус ударом в северном направлении содействовал бы выполнению задачи 8-й армии и одновременно облегчил бы тяжесть давления русских на австрийцев.

В-третьих, к 17 августа не исключалось, что корпус может действовать в северо-западном и западном направлениях. Уже 11 августа имелись сведения о сосредоточении русских к западу

от Варшавы, а 12 августа Кавказская кавалерийская дивизия заняла Лодзь. Летчик 13 августа доносил об артиллерийском бое под Опатувом, к востоку от Калиша. 15 августа одна кавалерийская дивизия наступала с севера на Радомско.

Все эти рассуждения еще не были подытожены, когда 18 августа в 9.30 летчик сообщил о движении дивизий русских южнее шоссе от Зволенья на Радом против 4-й дивизии ландвера у Скаршева (по-нашему, это было наступление 8-й кавалерийской дивизии 17 августа на Радом. — *Б.Ш.*). В 10.15 эти сведения были вновь подтверждены воздушной разведкой. Весь ландверный корпус, который был на дневке, подняли по тревоге, 4-я дивизия заняла позицию для обороны северо-восточнее Скаршева. 3-я дивизия собралась к северу от главного шоссе на Зволень для охвата противника. Командир корпуса в 10 часов утра был на западной окраине Радома. Высланная на Зволень конная разведка прошла только 5 километров и дальше пробиться сквозь сильную завесу русской конницы не могла. Аэроплан при вторичной посадке повредил пропеллер. Около четырех часов дня 4-я дивизия ландвера донесла, что русские снова отошли на Зволень, и корпус остановился на линии Одохов, Кльватка. Штаб в 6 часов вечера вернулся в Радом. Здесь были получены две телеграммы. Первая от Данкля, переданная через Кельце. Данкль просил начать спешный марш на Юзефув. Такая просьба была непонятной, так как офицер связи с группой Куммера указывал на Ново-Александрию. Никаких объяснений в телеграмме не давалось. Вторая телеграмма от командующего 8-й армией сообщала о победе под Танненбергом и заканчивалась так: «Австро-венгерское главное командование сообщило мне, что ландверный корпус подчинен 1-й армии и должен переправиться через реку. Армейское командование 8-й армии согласно с этим». В телеграмме ничего не говорилось о согласии 8-й армии на подчинение ландверного корпуса командующему 1-й армией, хотя эти же телеграммы не указывали, что 8-я армия рассчитывает на содействие ландверного корпуса. Одним словом, неясность положения у австрийцев и боязнь попасть с ними в отход приводили Войрша к выводу о целесообразности оставить корпус к западу от Вислы. Коман-

дование ландверного корпуса вечером 17 августа еще раз запросило командующего 8-й армией об общей обстановке, считая неправильным то, что корпус подчинен 1-й армии.

Я показал, как не хотелось Войршу входить в подчинение австрийцам и как терялось дорогое время в тяжелой для австро-германского командования обстановке. Оказывается, когда дело касалось персонального престижа, такие трения были не только в русской, но и в хваленной германской армии.

Было решено 19 августа дать еще день отдыха войскам корпуса, и только 18-я бригада ландвера получила приказание начать движение из Коньска на Шндловец.

Прибывшие 19 августа два австрийских офицера доложили общую обстановку: 2-я и 3-я австрийские армии отошли под Львовом, 4-я армия под Комарувом ведет удачный бой. 1-я австро-венгерская армия отбросила противника от Красника на Люблин, где не может прорвать усиленную позицию русских. На ее западном крыле Куммер получил даже ответный удар. На восточном крыле 10-й корпус сражается совместно с 4-й армией. Ландверный корпус должен помочь ему. С его подходом начнется общее наступление 1-й армии. Теперь отпадали все сомнения в отношении правильности решения командира корпуса. Конечно, было бы лучше нанести удар через Ново-Александрию или Казимеж, но поскольку командующий 1-й армией несколько раз высказывал пожелание идти на Юзефув, корпус возьмет это направление. Не исключена возможность использования корпуса на восточном фланге армии Данкля. После обеда 19 августа офицер корпуса для связи с Куммером еще раз подтвердил желание 1-й армии направить корпус на Юзефув. Наконец поздно вечером пришло официальное согласие командующего 8-й армией на переход корпуса через Вислу. Так, не торопясь, ландверный корпус Войрша двигался на помощь своему союзнику.

В этих записках читающий не должен искать истории Галицийской битвы. Я веду рассказ о том, что пережил сам, и только иллюстрирую тем, что делалось в действительности у противников. Каковы были переживания высшего русского командования, мне было тогда неизвестно. Но теперь, чтобы ориентировать читателя, я вкратце остановлюсь на этом.

С 26 июля 1914 года до 4 августа — около восьми дней, в течение которых можно было исправить недочеты нашего стратегического развертывания на Юго-Западном фронте, а именно — укрепить правый фланг 4-й армии.

Но за это время Алексеев никаких мер не принял, а Николай Николаевич вынашивал идею похода на Берлин, имея висающие в воздухе фланги обоих фронтов. Можно было принять два решения: или усилить левый фланг армии Самсонова и, добиваясь здесь победы, идти на Берлин, или усилить правый фланг 4-й армии и разбить австрийцев. Вместо этого гвардейский корпус маневрировал около Варшавы и к западу от нее. Между тем со времени Куропаткина было ясно, что нельзя делать слабым правый фланг у Юго-Западного фронта. Только когда поражение правого фланга 4-й армии — 14-го корпуса и конницы Туманова сделалось фактом, тогда схватились за укрепление фланга и Ставка, и Алексеев, который, изменив направление наступления 5-й армии, поставил под удар ее левый фланг и дал возможность австрийцам достичь частной победы под Комарувом. Правда, Алексеев предлагал начальнику штаба Верховного Главнокомандования использовать собираемые под Варшавой силы для удара по левому берегу Вислы на Тарнув. В конце концов Ставке пришлось отказаться от похода на Берлин и все, что собиралось под Варшавой, бросить на усиление 4-й армии, но не на левом, а на правом берегу Вислы частью сил непосредственно вдоль берега (18-й корпус и гвардейские стрелковые бригады), а частью (гвардейский корпус) для ликвидации прорыва между 4-й и 5-й армиями к востоку от Люблина.

А пока что на левом берегу Вислы для защиты Ивангорода против 34 батальонов Войрша стояли 57 эскадронов и сотен и всего 4 батальона пехоты. Даже 75-я резервная дивизия, переводимая в гарнизон Ивангорода, не была двинута на запад, в то время как у немцев ландвер и ландштурм крепостей Познани, Бреславля и Терна задерживали продвижение вперед русской конницы варшавского отряда. Такова была стратегия русского главнокомандования, которое распыляло свои силы и теряло время для достижения победы.

ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА

Я оставил штаб 14-й кавалерийской дивизии в лесу, что севернее деревни Вильчи-Луг (к юго-западу от Сыцына), и занялся отправкой перехваченного приказа Данкля к Войршу, а также эвакуацией в Ивангород вполне исправного австрийского самолета. Время близилось к трем часам дня 19 августа. На фронте сторожевого охранения было вполне спокойно, так же и у Зандера, стоявшего к западу от Зволени с 72-м пехотным полком и 8-й кавалерийской дивизией. Оставив у деревни Дембница дежурную часть — два эскадрона драгун с двумя орудиями 23-й конной батареи, — бригады дивизии двинулись в свои обычные районы расположения. Едва около четырех часов дня штаб дивизии на автомобиле прибыл на свою квартиру в Сыцын, а полки подтягивались к своим стоянкам, как пришли тревожные вести: немецкая пехота при поддержке артиллерии повела атаки на Осухув, Казанув и к северу от них. Сторожевое охранение при поддержке двух артиллерийских орудий пока сдерживало наступление противника.

Отдав распоряжения, штаб дивизии выехал уже в конном строю к месту завязавшегося боя на свой командный пункт в лесу у Вильчи-Луга. К шести часам вечера 19 августа, когда части дивизии начали прибывать к Вильчи-Лугу, сторожевое охранение было сбито и отходило на восток. Два орудия конной батареи вели непрерывный огонь по наступающей пехоте немцев. Казанув горел. Бригады дивизии стояли в конном строю, готовые к атаке. Солнце уже закатывалось и своими отблесками на восток мешало бригадам просматривать местность.

Штаб дивизии не решался предложить начальнику дивизии спешить бригады и вступить в бой: обстановка была неясна и, спешивая части, к темноте можно было выпустить из рук управление всей дивизией. Противник, заняв Казанув и выдвинув пехоту к востоку от него, вел главное наступление к югу от реки Илжанка в направлении на Цепелюв. По данным разведки, сюда же двигалось до одной кавалерийской дивизии противника. В сторожевом охранении в Цепелюве завязались бои. Было ясно, что противник стремится обойти левый фланг

дивизии. По предложению штаба Новиков решил отвести 14-ю дивизию на болотистый рубеж реки Зволенька (в район Зеленка, Грабув, Барыч).

Не преследуемая противником, собрав свое сторожевое охранение, 14-я кавалерийская дивизия к ночи отошла в указанный район, недосчитавшись 150 человек (они были убиты, ранены или без вести пропали). По реке Зволенька, до впадения ее в Вислу, было выставлено новое сторожевое охранение. На фронте 8-й кавалерийской дивизии и 72-го пехотного полка весь день царила тишина.

Наш штаб остановился в Грабуве в доме брата известного польского писателя Сенкевича. Нас приветливо встретил старик хозяин, он угостил вкусным ужином. Обстановка была не столь веселая, чтобы засиживаться за столом. Быстро поев, Дрейер и я ушли в комнату, чтобы обсудить положение. Немецкая атака 19 августа еще не означала, что противник имеет твердое намерение идти на Юзефув. Целью атаки могли быть или выход к местечку Яновец для переправы через Вислу у Казимежа, или же более глубокий обход на Ново-Александрию. Было ясно одно: необходимо защищать Ивангород, до которого оставалось немного километров. Было решено: 8-я кавалерийская дивизия и 72-й пехотный полк 20 августа должны удерживать свои позиции у Зволени, а 14-я кавалерийская дивизия должна развернуться в пешем строю за рекой Зволенька от деревни Зеленка до Барыч включительно, наблюдая далее до Вислы местность лишь разъездами. Это предложение утвердил Новиков.

От разведывательного батальона драгун, находившегося у Липско целый день, 19 августа не было донесений, и где он находился, было неизвестно.

Утро 20 августа застало части 14-й дивизии за рекой Зволенька на указанной приказом позиции. Дивизия приготовилась к обороне. Штаб дивизии находился на высоте к западу от деревни Межончка, хорошо наблюдая всю позицию и подходы к ней со стороны противника. Время шло, но немцы не появлялись. Тихо было и на участке Зандера. Наблюдатели доносили о появлении перед фронтом конницы лишь неболь-

ших разъездов. По-видимому, немцы или подходили к позиции, или... невольно закрадывалась мысль, не двигался ли Войрш к Юзефову, прикрываясь от конницы рекой Илжанка. Около часу дня было решено выслать на запад и юго-запад сильную конную разведку от 14-й кавалерийской дивизии. Во исполнение этого сотня казаков двинулась от Зволенья по шоссе на Радом, эскадрон гусар — на Сыдул и Сыцын, а на Цепелюв пошел эскадрон улан.

Результат разведки сказался быстро: конница противника всюду отходила на юг к реке Илжанка, переправы через которую оказались занятыми пешими частями с пулеметами. Сотня казаков быстро продвигалась вперед. Ее разъезд к югу от шоссе захватил легковой автомобиль начальника 3-й дивизии ландвера, шедший из Радома на Казанув. Автомобиль был доставлен в штаб дивизии. В машине обнаружили пачку документов. Среди них оказалась телеграмма, из которой мы узнали о гибели армии Самсонова. Пленный шофер и его помощник подтвердили, что дивизия пошла на переправу через Виолу. Они заявили, что в плен попали только потому, что начальник их дивизии забыл в Радоме сигары и послал автомобиль за ними. По дороге в Радом казаки захватили автомобиль.

Обстановка прояснилась. Войрш совершил фланговый марш, и конница должна была обрубить ему хвосты. На 21 августа Новиков утвердил приказ о переходе в наступление на юг. Сначала наступали 14-я дивизия и 72-й пехотный полк, а 8-я кавалерийская дивизия служила заслоном у Зволенья. 2-я бригада 14-й кавалерийской дивизии с пограничниками и 23-й конной батареей следовала на Казанув, 1-я бригада с 4-й полевой батареей — на переправу через реку Илжанка, у деревни Гардзенице, и 72-й пехотный полк с 5-й батареей двигался через Зволень на Цепелюв.

Из хода Галицийской битвы мы знаем, что 21 августа переходили в наступление и армии правого крыла Юго-Западного фронта. Обстоятельство это тогда штабу дивизии известно не было.

В десятом часу утра 21 августа 2-я бригада 14-й дивизии, с которой следовал штаб дивизии, уже подходила к Казануву, с

северной окраины которого передовые части были встречены редким ружейным огнем. Атакой спешенных частей авангарда 2-й бригады с севера и двух эскадронов гусар с запада Казанув был быстро очищен от противника. Из города навстречу подходившему штабу дивизии бежали врачи подвижного госпиталя с повязками Красного креста на рукавах. В Казануве была захвачена телеграфная станция и полевой госпиталь с 200 ранеными. Среди раненых оказалось 30 тульцев с офицером, взятых в плен 19 августа.

Не встречая сопротивления, 1-я бригада дивизии заняла переправу у Гардзенице, а разведчики тульцев вышли в Цепелюв, захватив в плен нескольких немецких связистов. Из лесов к югу от Цепелюва в местечко Гардзенице прибыл и эскадрон 14-го драгунского полка ротмистра Конюхова. Отрезанный от дивизии проходившими по дорогам пехотными колоннами, эскадрон Конюхова забрался в самую чащу леса и здесь пробыл двое суток. Немцы его не обнаружили.

Было очевидно, что все боевые части корпуса Войрша уже прошли на восток. Нужно было направляться ближе к Висле, чтобы захватить хвосты немецкого корпуса на переправе. Поэтому колонны дивизии получили новое направление: 72-му пехотному полку было приказано двигаться на Катажинув и здесь заночевать, имея в виду дальнейшее движение на Солец; обеим бригадам 14-й кавалерийской дивизии к вечеру 21 августа сосредоточиться в лесу, в районе деревень Шиманув, Домброва.

Из Ивангорода поступила телеграмма. В ней сообщалось, что конница Новикова с 72-м пехотным Тульским полком подчиняется командующему 9-й армией, который со штабом находится в Люблине. Во второй телеграмме сообщалось о направлении на левый берег в распоряжение Новикова гвардейской стрелковой бригады. К утру 22 августа была получена третья телеграмма, из которой мы узнали, что вместо гвардейской стрелковой бригады 21 августа из Ивангорода в направлении на Солец выступила бригада 75-й резервной дивизии с двумя батареями. Вместе с бригадой находился начальник дивизии и его штаб. Таким образом, в распоряжении штаба 14-й дивизии

находились две кавалерийские дивизии, бригада 75-й резервной дивизии и 72-й пехотный полк. Управлять этими соединениями было нелегко.

Разведка доложила нам, что в Липско находятся остатки корпуса Войрша и что его главные силы прошли уже к переправе. Поэтому 8-я кавалерийская дивизия, оставленная у Зволени, могла быть привлечена к действиям на юге. Вечером 21 августа ей было послано приказание — с утра 22 августа двинуться на Цепелюв и Янув-Солецки. 72-й пехотный Тульский полк с одной полевой батареей должен был занять Солец и двигаться на юг к переправе у реки Каменна. Удар по немецкому батальону у Липско должна была наносить 14-я дивизия. С этой целью велась самая ближняя разведка, чтобы не спугнуть немцев. Вся наша дивизия, не расседловывая коней, притаилась в лесу к северу от Липско. Разведывательный эскадрон гусар, находясь на опушке леса, лишь небольшими разъездами вел разведку на дороге Янув — Липско. Атаковать немцев в Липско было решено спешенными частями 1-й бригады 14-й дивизии с севера, в то время как 2-я бригада и пограничники обойдут местечко Липско с запада и зайдут с юга для атаки этого местечка.

Едва забрезжил рассвет 22 августа, как разъезд эскадрона гусар направился к Януву. Из ворот одного дома на большой скорости выскочил легковой автомобиль и помчался по дороге на Липско. 10 гусар с офицером бросились преследовать автомобиль, из которого раздавались частые выстрелы. Задержать автомобиль не удалось. По словам хозяев дома, в автомобиле ехал кто-то из крупных начальников ландверного корпуса.

В пятом часу утра 22 августа части 14-й кавалерийской дивизии готовились к атаке Липско. 1-я бригада дивизии, заняв <?> батареей позицию на опушке леса у деревни Домброва, повела спешенными частями наступление на юг. В это время 2-я бригада от Шиманува двинулась на Елгонек и Липа-Кремпа для обхода противника с запада. Перейдя через реку Кремнянка, 2-я бригада направилась на деревню Бабилен. Высланные вперед боевые разъезды обнаружили, что из Липско на юго-восток продвигается до роты немцев. По-видимому, они шли к переправе у Юзефува. Медлить с решением не приходилось:

направив казаков и пограничников в пешем строю на деревню Паперня, штаб дивизии бросил четыре эскадрона гусар в конном строю для преследования роты немцев. Последняя уже подходила к лесу и, заняв опушку, ружейным огнем встретила атакующих гусар. Быстро спешившись под огнем противника и примкнув штыки, гусары бросились в лес. Не выдержав натиска храбрых гусар, неся значительные потери, остатки роты немцев через лес начали отступать на Юзефув. В тяжелых условиях завязали бой казаки и пограничники, атакующие части немцев, отходившие из Липско по большой дороге на Паперню и занявшие западную опушку леса. Однако при содействии огня 23-й батареи и пулеметов дивизии казаки и пограничники быстро справились со своей задачей, отеснив противника с опушки леса и начав его преследование в направлении на Солец.

Атака спешенных частей 1-й бригады, встреченных сильным ружейным огнем немцев, развивалась медленно. Противник упорно защищался, прикрываясь каменными строениями от артиллерийского огня бригады. Вскоре гранатами открыла огонь 4-я полевая батарея. Это сразу же оказало заметное влияние на достижение успеха наступающих: Липско запылал. Ружейный огонь противника ослабел. Наши части наверстали потерянное время. Казалось, что Липско будет скоро очищен от немцев. Части 2-й бригады, преследуя противника, продвигались к востоку. От начальника 8-й кавалерийской дивизии, подошедшей к 12 часам дня к деревне Лещины, поступило донесение о движении от Илжи на Липско большой колонны противника с артиллерией. Положение нашей 2-й бригады, отрезаемой подходящей колонной немцев, становилось угрожающим. Однако начальник нашей дивизии Новиков, не желая оставлять выгодное положение, не ушел на север, а остался на месте. Он собирал части, возвращал обратно гусар и пограничников, преследовавших противника, поворачивая дивизию кругом, чтобы преградить путь немцам, подходившим с запада. Пока 2-я бригада нашей дивизии перестраивала боевой порядок на запад, в ложине, близ речки Кремнянка, части 8-й кавалерийской дивизии, находившиеся в авангарде, открыли по врагу пулеметный огонь. В воздухе были заметны разрывы шрапнели

артиллерии этой дивизии, она обстреливала подходившую колонну немцев. Не выдержав огня артиллерии, колонна противника свернула на юг. Ее преследовал авангардный 8-й уланский полк. Немцы отступали быстро и беспорядочно.

Полный разгром этой колонны казался неминуемым, но... Зандер остановил улан и, поздравив их с хорошим «первым делом», отошел с дивизией на ночлег к северу от речки Кременянка. Штаб 14-й дивизии сосредоточивал внимание на том, чтобы овладеть Липско. С севера к этому населенному пункту вплотную подошли части 1-й бригады. Они выбивали остатки немецкого батальона, задыхавшиеся в дыму пожара. Немцы были вынуждены сдаваться в плен.

В 5 часов дня 22 августа бой у Липско затих. Части 14-й дивизии были направлены на восток для содействия 72-му пехотному полку. В 7 часов утра этот полк направился на Солец. Вскоре он овладел этим пунктом и продолжил наступление на юг, к Садовице. Здесь 72-й полк вошел в соприкосновение с пешей разведкой австрийцев, высланной от частей, занимавших позицию за рекой Каменна. Наших разведчиков — тульцев, продвигавшихся от Садковице на юг, противник встретил артиллерийским огнем. Снаряды летели с главной позиции противника. Приказав тульцам располагаться на ночлег в Солец, а 14-й дивизии — в районе Липа-Кремпа, Дзюрков, Воля-Солецка, штаб нашей дивизии направился в Солец. Здесь состоялась встреча с офицерами штаба 75-й резервной дивизии. Эта дивизия еще не участвовала в боях. В ее частях мы видели пожилых и бородатых людей, предводительствуемых в большинстве прапорщиками запаса...

Мы обменивались мыслями, как использовать бригаду 75-й резервной дивизии. Решено было направить ее с фронта, прижав левым флангом к Висле, чтобы его не обошли австрийцы, а на правом фланге для ближайшего охвата фланга противника поставить уже бывавший в боях 75-й пехотный полк. Для более глубокого охвата через реку Каменна, на участок от Пентковице на Окул, предложено было направить 14-ю кавалерийскую дивизию с задачей вести бой в пешем строю. 8-я кавалерийская дивизия, ведя разведку к западу на

фронте Стараховице, Островец, должна была обеспечить правый фланг атакующих частей. Мы располагали достаточными силами для того, чтобы в бою под Тарнувом покончить с австрийцами, сидевшими на выгодной для обороны позиции к югу от реки Каменна.

С 7 часов утра 23 августа воинские части на левом берегу Вислы, объединенные под командованием Новикова, двинулись к реке Каменна. Развернувшись на линии Глина, Павловице, пехота под общим командованием начальника 75-й резервной дивизии завязала бой и повела наступление на фронт Зембожин — устье реки Каменна. Противник встретил атакующих артиллерийским огнем с дальних дистанций. Начался медленный пехотный бой.

Отбрасывая слабые части конницы противника, 14-я дивизия начала развертывание для наступления на восток. Огнем дивизию поддерживала 23-я конная батарея.

В первом часу дня к полю боя прибыла совершенно неожиданная помощь — 5-я кавалерийская дивизия. При отходе на восток германского ландверного корпуса эта дивизия двинулась от Нове-Място на юг, овладела Радомом и, ведя разведку на Кельце и Опатув, к часу дня 23 августа подходила к Балтуву. Начальник 5-й кавалерийской дивизии Мориц, будучи старшим в чине, явился к Новикову и предоставил свою дивизию в его распоряжение (явление незаурядное в старой русской армии). Подход 5-й кавалерийской дивизии освобождал 8-ю кавалерийскую дивизию от выполнения задачи по обеспечению фланга, и она тотчас же была направлена для более глубокого охвата противника в районе Улов, Бжозува, Херманув. На 5-ю кавалерийскую дивизию возлагалась задача, двинувшись на Балтув, Глиняны, Ожарув, уничтожить переправу противника у Аннополя.

Пока 8-я и 5-я кавалерийские дивизии готовились к выполнению новых задач, части 2-й бригады нашей дивизии развернулись близ деревни Поточек. Взяв направление на северную окраину Янува, гусары и пограничники при поддержке 23-й конной батареи вскоре завязали бой за перелески к западу от деревни Поточек, а казаки продвигались к Тарнуву, откуда поспешно

отходили на юг обозы противника. Задержавшаяся при переправе через реку Каменна 1-я бригада 14-й дивизии упускала добычу. Только часть этой задачи успела выполнить 8-я кавалерийская дивизия. Выбивая из перелесков пехоту австрийцев, части 2-й бригады нашей дивизии к 4 часам дня были на высоте в районе Янува. Атакующая с севера наша пехота, перейдя реку Каменна, двинулась на главную позицию противника. Австрийцы, не дожидаясь удара нашей пехоты, боясь обхода конницы, поспешно отступили на юг вдоль Вислы, бросив убитых, раненых. Многие австрийцы сдались в плен. К 6 часам вечера пехота продолжала наступление на деревни Циншца-Гурпа, Цишица-Пшевозова. А южнее к обрыву возвышенного берега Вислы подошли части 8-й и 14-й кавалерийских дивизий. Они вели артиллерийский огонь по мосту предполагаемой переправы противника. Но моста не было. 22 августа австрийцы успели развести мост. Итог дня не радовал противника. 110-я бригада ландштурма и 20-я бригада 7-й кавалерийской дивизии поспешно отступили на юг. Захвачено в плен 2 офицера и 108 солдат, часть обоза. 5-я кавалерийская дивизия в этот день дошла лишь до Ожарува. Части, подчиненные генералу Новикову, заночевали у реки Каменна, а 8-я кавдивизия — в Тарнуве.

К вечеру 23 августа левый берег Вислы был очищен от противника на всем протяжении от Ивангорода до Завихоста. Три кавалерийские дивизии стояли на берегу Вислы против тыла противника, не имея ни понтонов, ни подручных материалов, чтобы переправиться на правый берег Вислы.

Доложив об успешном бое под Тарнувом, штаб 14-й дивизии 24 августа опять действовал самостоятельно, потому что командование армии не поставило нам новых задач. Дрейер и я утром выехали на разведку Вислы, выслав отряды солдат на фронт Солец, Юзефув, чтобы заготовить подручный материал для переправы. Части дивизии закрепились на занятых ими позициях. Разведка Вислы дала немного ценных сведений. Там, где австрийцы переправлялись через Вислу, торчали лишь козлы. Из района Юзефува противник вел сильный ружейный огонь. Не имея понтонного парка, нам нечего было и думать о переправе через Вислу.

Когда войска сосредоточились вокруг Тарнува, события в штабах и частях противника развивались следующим образом.

Описывая действия ландверного корпуса, его историк Гайе отмечает «нибелунговую» верность союзу с австрийцами. В действительности же сам Гайе не особенно хотел переходить Вислу, чтобы помочь австрийцам. 19 августа ландверный корпус получил приказ совершить марш к Висле на фронт Солец, Юзефув. Первой выступила 4-я дивизия (она ближе других располагалась в направлении к Юзефуву). У Казанува она столкнулась с частями Новикова. Отбросив их, 4-я дивизия к ночи достигла Цепелюва. В бою с ротой тульцев и двумя эскадронами гусар, поддержанных огнем двух орудий, по признанию Гайе, 4-я дивизия потеряла 2 офицеров и 23 солдата убитыми, 2 ее офицера и 70 солдат были ранены. 4-я дивизия открыла дорогу 3-й дивизии, которая к 20 августа дошла до Цепелюва (в этот день 4-я дивизия продвинулась до Кольца). Начальник штаба корпуса с несколькими офицерами 20 августа на автомобиле выехал вперед, на Юзефув, чтобы скорее связаться с Данклем. Генерал Войрш и часть офицеров штаба остались в Радоме до 21 августа. Он шел на известный риск, так как кругом была русская кавалерия, и не исключалось, что агентура сообщит противнику об изолированном положении корпусного командира.

До рассвета 21 августа Войрш с несколькими автомобилями покинул Радом. В Липско он сел верхом на коня и отправился в 3-ю дивизию, подходившую к Сольцу. Из Юзефува Гайе сообщил Войршу, что командующий 1-й австрийской армией просит ускорить марш через Виолу. В связи с этим командир корпуса направил 3-ю дивизию на Павловице.

Донесения летчика и непосредственное наблюдение за происходящим на правом берегу Вислы подтверждали, что русские добились успеха на левом фланге частей Данкля. Войрш хотел вернуть одну бригаду 3-й дивизии и переправить ее на понтонах для удара во фланг русским, но затем сам отправился к переправе у Юзефува. Здесь по разукрашенному флагами, зелеными листьями и плакатами мосту уже переправлялась

4-я дивизия ландвера. Генерал Тертен, командовавший войсками, прикрывавшими на левом берегу мост (110-я бригада ландштурма, 20-я кавалерийская бригада 7-й кавалерийской дивизии), приветствовал командира корпуса ландвера. На моторной лодке командир корпуса со своим штабом добрался до Юзефува. Встретив своего командира, начальник штаба Гаке доложил общую обстановку на австрийском фронте и о приказе командующего по 1-й армии. Правому флангу армии в этом приказе ставились задачи — 21 августа продолжать наступление, а левому флангу — упорно обороняться. Ландверному корпусу была поставлена задача — переправиться через Вислу и расположиться в районе Вандалина. В 8.30 вечера 20 августа корпус получил от Данкля пожелание ускорить переправу и поддержать одним артиллерийским полком головную дивизию, направлявшуюся в Пушно-Годовске (положение левого фланга 1-й армии оценивалось не совсем удовлетворительно).

21 августа 4-я дивизия ландвера перешла Вислу и расположилась в районе Пушно-Годовске, Вежбица, выставив на позиции к северу артиллерийский полк. 3-я дивизия ландвера рано утром 22 августа одной бригадой пересекла Вислу на понтонах у Садковице, а остальные ее части перешли реку по мосту у Юзефува и продвинулись в район Вандалина. Таким образом, ландверный корпус своими главными силами 22 августа находился в районе Вандалина, с его хвостами бои вела 14-я русская кавалерийская дивизия.

Историк Гайе так описывает эти бои:

«18-я бригада 3-й дивизии ландвера, находясь в Шидловце, 20 августа получила приказ направиться на Юзефув и перейти на правый берег Вислы. Однако бригаде этого сделать не удалось, так как 23 августа войска, охранявшие мост на левом берегу, атаковал конный корпус Новикова. Генерал Данкль в тот же день отдал приказ развести мост. Штабу ландверного корпуса удалось своевременно предупредить свою 18-ю бригаду и направить ее через Опатув на Сандомир. 2-й батальон 23-го пехотного полка 4-й дивизии ландвера, охранявший с 21-й бригадой у Петркува тыловые сообщения, направлялся оттуда через Шидловец, Илжу и Липско к переправе. 22 авгу-

ста этот батальон у Липско окружили части Новикова. Батальон дрался храбро, но потерял 5 офицеров, 200 солдат и весь свой обоз. Из 7-й и 8-й рот батальона пробиться к переправе и перейти на правый берег Вислы смогли только 300 человек. Штаб батальона, 5-я и 6-я роты (они насчитывали 410 человек) отошли на юг и присоединились к 18-й бригаде, а 2-й батальон 7-го полка 3-й дивизии ландвера, охранявший штаб корпуса в Радоме, вместе с эскадронами австрийских драгун направился за частями Войрша через Одежув, Липско на присоединение к своей дивизии. Около деревни Липско-Микляс (западнее Липско) 22 августа батальон атаковала конница Новикова (по-видимому, 8-й кавалерийской дивизии. — *Б.Ш.*), 2 офицера и 100 солдат пробились к Юзефуву, а главные силы присоединились к 110-й бригаде ландштурма генерала Тертена и вместе с ней, ведя арьергардные бои, отошли к Сандомиру. 30 августа батальон перешел Вислу у Сандомира и присоединился к уже отступавшему корпусу.

Обозы начали с 20 августа подвергаться нападениям конницы, но все же большинство из них успело перейти через мост у Юзефова, и 23 августа они собрались у Аннополя.

С 21 августа подвоз всего необходимого для корпуса на Сандомир начался уже через Краков (выгрузочная станция Надбжезе)».

Далее Гайе приходит к выводу: фланговый марш и переправа через Вислу ландверного корпуса, атакованного смелой и сильной русской конницей, могли быть затруднены, корпус понес бы большие потери. В действительности же марш и переправу корпус организовал хорошо и быстро, без существенных потерь. Силой войск и обозов попытки Новикова нанести мощный удар по корпусу снова не увенчались успехом.

Так Гайе оценивает поход немецкого ландверного корпуса в составе 34 батальонов, 12 эскадронов, имевшего 72 орудия. Против этого корпуса действовали 57 эскадронов, 4 батальона и 34 орудия русских, которые еще били австрийцев под Илжей и на реке Каменна. С 19 по 22 августа включительно части корпуса Новикова потеряли 189 человек убитыми, ранеными и пленными. Что же потеряли немцы? Под Казанувом они потеряли

97 солдат и офицеров, полевой лазарет, часть роты связи; под Липско — 205 офицеров и солдат 2-го батальона 23-го полка и до 300 солдат и офицеров 2-го батальона 7-го полка ландвера, всего — 602 человека.

С оперативной точки зрения сам Гайе признает, что корпус на долгое время лишился семи с половиной батальонов, совершавших марш на Сандомир и прибывших тогда, когда корпус под Тарнувкой вместе с 1-й австрийской армией отступал в Галицию. В чем ему можно посочувствовать — это в жалобах на стремление австрийцев разорвать корпус по частям. Поэтому мы продолжим его рассказ о приключениях корпуса на правом берегу Вислы. Прежде всего, Гайе отмечает, что трехдневный поход с переправой через Вислу утомил корпус. Затем ему очень не понравилась на правом берегу и местность, и песчаные дороги, и еще больше — бескультурье жителей Люблинской губернии. Но все это была бы ничего, если бы корпус был использован для нанесения решительного удара русским. А на деле получилось иначе: части 1-й австрийской армии поределели, устали и еле держались против русских, которые, наоборот, уже получили не только моральное, но и качественное превосходство в силах. Особенно надоедала русская артиллерия. С появлением свежего ландверного корпуса на лицах солдат и офицеров австрийской армии читалось: «Мы уже довольно поработали, ну а теперь пусть нас сменяют и продолжают немцы». Данкль, вместо того чтобы поставить себе решительную цель по разгрому русских, также постепенно приходил к этому выводу.

Как только ландверный корпус показался на правом берегу Вислы, со стороны австрийцев посыпались не всегда обоснованные просьбы о поддержке. Но худшее было впереди. 23 августа ландверный корпус получил приказ отойти назад. Успешно наступавшее до сих пор правое крыло 1-й армии (10-й армейский корпус) должно было отойти назад за реку Пор. Ему на помощь спешила группа Иосифа Фердинанда (три стрелковые и одна кавалерийская дивизии). Командующий 1-й армией считался с возможностью своего отхода на линию Красника, почему ландверный корпус и должен был укрепить

высоты западнее этого пункта. С огорчением Гайе говорит, что вместо решительного наступления корпус должен был начать свои действия с отхода и рытья окопов. 23 августа по дороге в Ксенжомеж штаб корпуса получил сообщение от Куммера, что 110-я бригада ландштурма в тяжелом положении и отходит, а так как у Куммера никаких резервов не было, то оставался открытый промежуток у Юзефува. Войрш для его прикрытия согласился выделить три батальона и три батареи 17-й запасной бригады Рейса при условии вернуть их корпусу, как только закончится бой. По приезде в Ксенжомеж штаб корпуса получил от 1-й армии приказ прекратить инженерные оборонительные работы, так как русские не преследовали 10-й корпус, и начать выдвижение на восток.

24 августа Войрш и Гайе заехали в Красник для представления командующему 1-й армией генералу Данклю, где просили его использовать корпус целиком, на что получили принципиальное согласие, но отряд Рейса — было приказано оставить еще на день против Юзефува. Таким образом, расстояние между отрядом и главными силами корпуса достигало 80 километров. Данкль успокоил немцев, что Иосиф Фердинанд пройдет не раньше 27 августа, и Рейс успеет присоединиться. В штаб корпуса, расположенный восточнее Красника, около полудня пришло сообщение, что в обозах, стоявших у Аннополя, где были и обозы ландверного корпуса, произошла паника. Обозы были обстреляны артиллерийским огнем с левого берега, и несколько эскадронов противника переправились на восточный берег Вислы. (В действительности 26 августа такой налет был произведен 8-й кавалерийской дивизией.) Ландверный корпус снова узнал своего старого противника Новикова, который старался помешать походу корпуса. Иное впечатление это произвело на командующего 1-й австрийской армией, который приказал Войршу задержать 3-ю дивизию ландвера там, где она окажется, и оставить ее в распоряжении командующего 1-й австрийской армией. Этим распоряжением оправдывалось разделение ландверного корпуса. В 9 часов вечера 24 августа от Данкля был получен приказ за № 690 на 25 августа и адресованный ландверному 5-му и 10-му корпусам. Приказ гласил:

«1. 1-й и 5-й корпуса занимают позицию на фронте от Ходель через Скшинец, Быхава, Зарашув, высоты севернее и восточнее Тарнува. 10-й корпус в соприкосновении с ними за рекой Нор; на правом фланге у Запаже действует 3-я кавалерийская дивизия.

2. Прусскому ландверному корпусу — головная 4-я дивизия ландвера рано утром занимает позицию между 5-м и 10-м корпусами на фронте: высоты восточнее Тарнува через высоты 314 до деревни Домброва включительно. 36-я бригада ландштурма, расположенная на высотах восточнее Тарнува, подчиняется прусскому ландверному корпусу. 3-я дивизия ландвера к 7 часам утра в готовности выступает западнее Красника. Ее задачи определяются командованием 1-й армии».

Против такого распыления сил ландверного корпуса письменно протестовал его начальник штаба. От Данкля ночью пришел разъясняющий ответ, адресованный самому Войршу: Я прошу ваше превосходительство быть уверенным, что, как только позволят обстоятельства, я направлю к вам 3-ю дивизию ландвера для соединения с 4-й дивизией... Обстановка на Висле еще не ясна. Чтобы отбросить противника, появившегося у Юзефува, туда направлена часть группы Куммера. Имеется в виду, что как только я достигну успеха, то отправляю к 4-й дивизии ландвера отряд Рейса... Переправились ли у Аннополя одни эскадроны или там в готовности к переправе пехотный корпус, я не знаю. В последнем случае в интересах всей армии я должен отразить это наступление, которое угрожает ее тылу. Для этой цели у меня под рукой свободна только 3-я дивизия ландвера. При оценке общей обстановки, при всем моем желании, мне не остается ничего иного, как держать последнюю готовой на все случаи». «По позднейшему захваченному приказу (обычная уловка немцев. — Б.Ш.) казачий генерал Новиков, — пишет Гайе, — имел тогда на левом берегу:

1. 14-ю кавалерийскую дивизию, хорошо известную ландверному корпусу;

2. 72-й пехотный полк, который мы знали с Казанува;

3. Одну бригаду 75-й резервной дивизии из Ивангорода;

Новиков мог себя высоко возносить тем, что связал более чем один армейский корпус:

а) на левом берегу Вислы:

1. Смешанную 110-ю австро-венгерскую бригаду — шесть батальонов;

2. 18-ю немецкую пехотную бригаду ландвера — шесть батальонов;

3. Около полутора батальонов 7-го и 23-го пехотных полков ландвера.

б) на правом берегу Вислы:

1. 3-ю дивизию ландвера (включая отряд Рейса);

2. Часть армейской группы Куммера.

Его неутомимая деятельность имела успех в том, что осуществлявшийся с наступательной целью ввод ландверного корпуса на восточном фланге срывался... В штабе корпуса было подавленное настроение», — заключает Гайе.

20 августа, когда корпус был еще в Радоме, из 8-й германской армии была получена телеграмма, не поддававшаяся расшифровке. 22 августа, когда корпус был уже на правом берегу Вислы, была получена повторная телеграмма Гинденбурга, которая содержала следующие указания: положение австро-венгерских войск под Львовом весьма неудовлетворительно; наступающая восточнее 1-й австрийской армии 4-я армия Ауффенберга остановлена, а потому, исходя из сложившегося положения, командующий 8-й армией предоставляет ландверному корпусу действовать по его усмотрению. Гайе сожалеет, что телеграмма не была расшифрована 20 августа, так как тогда имелась возможность оказать содействие австрийцам ударом через Ново-Александрию или Казимеж. Новое же решение, принятое на основании политических соображений (союзнической верности), не оставляло уже другого выхода, как только драться бок о бок с австро-венгерскими войсками.

Внимание начальника австро-венгерского генерального штаба в это время было отвлечено востоком, где 3-я и подводимые части 2-й армии терпели поражение за поражением. 1-я армия держалась под Люблином хорошо, и можно было надеяться на успех ее правого фланга. Назревал кризис сражения под Комарувом, после которого освобождалась большая часть 4-й армии для содействия 3-й армии.

Из телеграммы Мольтке Конрад знал о том, что ввиду победы под Танненбергом с Западного театра военных действий на восток решено вместо трех отправить два армейских корпуса. Несмотря на просьбу Конрада развернуть их в районе Перемышля, Мольтке направил их в Восточную Пруссию. Одним словом, немцы хотели прежде всего очистить свою территорию, а представитель германской ставки интересовался главным образом положением 1-й армии, перекрывавшей дорогу в Силезию.

Конрад и официальная история Австрии войны 1914—1918 гг. подтверждают предположения сменить корпусом Войрша части 12-й пехотной дивизии и 100-й бригады ландштурма с тем, чтобы перебросить последние на помощь отходившему правому флангу 1-й армии. Однако это было оставлено, и корпус Войрша следовал в восточном направлении. Ни Конрад, ни официальная история не говорят о распылении сил корпуса и о панике обозов под Аннополем.

Как же расценивало значение левого берега Вислы русское командование? Мы знаем, что Алексеев предлагал начальнику штаба Ставки в свое время ударить гвардейским корпусом вдоль по левому берегу Вислы. Однако это было отклонено, и весь гвардейский корпус вслед за 18-м корпусом был переброшен на правый берег — на Люблин. Одно время на бумаге гвардейская стрелковая бригада подчинялась Новикову, но и это было отменено. Вместо нее пришли два полка 75-й резервной дивизии, которые сделали свое дело в бою 23 августа на реке Каменна.

21 августа была образована 9-я армия Лечицкого из 18-го и 14-го корпусов, гвардейской стрелковой бригады, 75-й резервной дивизии, 13, 14, 8, 5-й кавалерийских дивизий, гвардейской отдельной кавалерийской бригады и 72-го пехотного полка.

В тот же день, под давлением Ставки, Юго-Западный фронт дал директиву своим войскам о наступлении.

23 августа, когда под Тарнувом войска на левом берегу Вислы громили группу Тертена, штаб Юго-Западного фронта отдал директиву за № 854, в которой предлагалось 9-й армии ударить на Юзефув, переправить здесь всю армию на левый берег Вислы

и далее действовать на Опатув и Сандомир. 4-й армии — ударом левого крыла, отбрасывая противника к Висле, наступать в полосе между Вислой и линией Собеска-Воля, Янув-Любельски, Ниско.

Несмотря на указанные директивы, действия 9-й армии вследствие непонимания создавшейся обстановки ее командующим явно были недостаточно активны.

Нужно отдать справедливость Алексееву, что такая концентрация маневра по разгрому 1-й армии была совершенно правильна, так как последняя была бы изолирована от остальных австрийских армий и окружена в районе Сандомира. Из описания Гайе мы уже видели, что за паника происходила в этой армии из-за переправы у Аннополя нескольких русских эскадронов на правый берег Вислы, и что Данкль за этими эскадронами ждал переправы пехотного корпуса. В разговоре с генерал-квартирмейстером Ставки Даниловым Алексеев сказал, что «настала минута наносить здесь (у Суходолы. — *Б.Ш.*) удар с нашей стороны». 24 августа Алексеев был озабочен тем, что происходит на левом берегу, и особым приказанием ставит разведке задачи выяснить, не совершается ли отход к Кельце, Пиньчуву, Стошице и какие силы группируются в районе Ченстохова.

В то время все изложенное выше, конечно, не было известно штабу 14-й кавалерийской дивизии, к которому мы сейчас и вернемся. 5-я кавалерийская, ничего не сделав под Аннополем, ушла куда-то на юг. Было очевидно, что противник сильно охранял свой ближайший тыл под Юзефовом. Форсировать здесь Вислу без наличия понтонных средств не удастся. «Мавр сделал свое дело — мавр может уйти» — так было сделано 9-й армией со своей конницей левого берега. Вечером 24 августа начальник 14-й кавалерийской дивизии получил единственное распоряжение от штаба армии — отправить бригаду 75-й резервной дивизии на Казимеж, а 72-й пехотный Тульский полк должен был отойти к Солыцу, откуда огнем артиллерии помочь наступлению гвардейской стрелковой бригады вдоль правого берега Вислы. В распоряжении начальника 14-й кавалерийской дивизии оставались две кавалерийские дивизии, которым никакой

дополнительной задачи не ставилось. Мне представлялись для конницы следующие задачи:

1) необходимо было лишить возможности австрийцев отойти на левый берег, а для этого нужно было уничтожить переправочные средства, которые противник, весьма вероятно, сосредоточил у Аннополя; и

2) попытаться захватить готовый мост через Вислу у Сандомира, по которому только и можно было переправиться через Вислу.

Эти соображения я высказал Дрейеру, а тот уже доложил Новикову. Получив утверждение, я сел за приказ, по которому 8-я кавалерийская дивизия должна была двинуться на Лясоцин и там уничтожить переправочные средства противника на правом берегу Вислы. 14-я кавалерийская дивизия направлялась в район Свенцине, Бильча, где заняла исходное положение для атаки Сандомира с запада.

25 августа район Тарнува, наполненный русскими войсками, на которые с опасением смотрел командующий 1-й австрийской армией, вдруг опустел. Русская пехота потянулась на север и северо-запад, что не ускользнуло от внимания австрийцев. Конрад около 5 часов дня получил от Данкля следующее донесение: «Обстановка без изменения. Противник от Юзефува отходит в северо-западном направлении». Пройдя 8 километров и не обнаружив переправы у Аннополя, 8-я кавалерийская дивизия посчитала свою задачу выполненной, и Зандер расположил дивизию на ночлег в районе Лясоцина. Когда об этом было получено донесение в штабе 14-й дивизии, Новиков вынужден был подписать срочную бумагу Зандеру с указанием на необходимость решительных действий против Аннополя.

14-я кавалерийская дивизия 25 августа, совершив 43-километровый марш и перерезав шоссе Сандомир — Опатув, расположилась на ночлег в районе Свенцине, Бильча. Разведка на этот день в районе Опатува и к западу от него обнаружила лишь мелкие части конницы противника, быстро отходившие за реку Нида. На востоке противник также поспешно скрылся в Сандомир, и разведывательная сотня казаков, вышедшая с севера на шоссе Опатув — Сандомир, беспрепятственно про-

двинулась к деревне Ленарчице и захватила высоту 215,9 и деревню Мельчаны. Такой быстрый отход австрийцев к Сандомиру и оставление без боя господствующих над городом высот говорили о слабости противника. 26 августа было решено попытаться с ходу овладеть Сандомиром.

С утра 26 августа 2-я бригада с четырьмя орудиями 23-й конной батареи двинулась по шоссе на Сандомир, 1-я бригада с двумя орудиями той же батареи — на фронт Журавице, Лоевице, пограничники — на Злота. Сосредоточившись к югу от Ленарчице, части 2-й бригады при поддержке огня 23-й батареи повели наступление вдоль шоссе и, несмотря на артиллерийский огонь противника, быстро заняли фольварк Судолы и высоту 215,9, найдя прекрасные окопы фронтом на запад, брошенные противником. В одном из таких окопов на высоте 215,9 разместились Новиков, Дрейер, я и часть офицеров-ординарцев, оставив коноводов на западных склонах этой высоты. Пограничники быстро овладели Злотой, отбросив небольшие пехотные части противника, и постепенно продвигались к Андрушковице. Противник вел артиллерийский огонь главным образом по фольварку Судолы.

Холмистый характер местности, сильный огонь противника с западной окраины Сандомира остановили наступление 14-й кавалерийской дивизии, которая, оставив на линии Судолы, высота 215,9, Мильчаны и восточная окраина Злоты охранения, отошла на ночлег в ближайший район к западу. Штаб дивизии разместился в господском дворе Рожки.

Нашлась и 5-я кавалерийская дивизия, которая 26 августа подошла от Завихоста, расположившись у деревни Кихары, имея охранение к югу от реки Опатувка. Проведя два дня у Завихоста, 5-я кавалерийская дивизия теперь также устремилась к Сандомиру. Войдя в соприкосновение с передовыми частями австрийцев на линии Хвалки, Мокошин, 5-я кавалерийская дивизия к ночи отошла к северу за реку Опатувка, обнажив левый фланг сторожевого охранения 14-й кавалерийской дивизии. Старший в чине генерал Мориц — начальник 5-й кавалерийской дивизии — не брал на себя объединение действиями всех трех дивизий, но в то же время и не желал подчиниться

Новикову. В этом больше был виноват начальник штаба 5-й дивизии полковник Попов, который, в конце концов, выгнал из штаба присланного мной офицера для связи. Итак, перед одним объектом — предмостным укреплением у Сандомира — стояли два самостоятельных начальника кавалерийских дивизий, решавших, по существу, одну и ту же задачу.

Оставленная под Аннополем 8-я кавалерийская дивизия, после получения настойчивого подтверждения о более энергичной работе, 26 августа двинулась к Висле. Сосредоточив к югу от Дембно на шоссе три полка дивизии с батареей, Зандер направил к реке 8-й уланский полк с 15-й конной батареей, занявшей позицию для обстрела правого берега. Не найдя никаких переправочных средств, командир 8-го уланского полка полковник Генерального штаба Никулин решил вновь перебросить охотников на противоположный берег. Руководимые доблестным командиром полка, сорок улан скоро оказались на правом берегу Вислы и немедленно приступили к уничтожению складов противника, легко отбросив его слабые прикрывающие части, а 15-я конная батарея открыла огонь по обозам противника, тянувшимся с севера на юг и уходившим из сферы огня. Вот те «несколько эскадронов», о переправе которых мы слышали из уст Гайе, заставившие генерала Данкля задержать у Красника 3-ю дивизию ландвера немцев. Вскоре у Аннополя появилась пехота с артиллерией, и уланы, неся небольшие потери, также вплавь вернулись к своей батарее.

15-я конная батарея, стоявшая на открытой позиции, была взята противником под действенный артиллерийский огонь, но Зандер поддержал быстро свою 15-ю конную батарею 1-й Донской батареей, занявшей закрытую позицию и в свою очередь взявшей под обстрел батарею австрийцев и заставившей ее замолчать. 15-я конная батарея была взята в передки и вместе с уланами отошла к главным силам 8-й кавалерийской дивизии. Закончив на этом день, 26 августа 8-я кавалерийская дивизия расположилась в районе Лясоцин, наблюдая за Вислой.

В общем, в этот день, 26 августа, левое крыло армии Данкля было сбито и начало подаваться на юг. Было ясно, что ни у Аннополя, ни у Завихоста переправиться на правый берег конница

не сможет. Задача же — удар по тылам противника к западу от Сана — оставалась прежняя. Понтонов не было. Единственным решением было — брать Сандомир с наведением здесь мостов. Поэтому Новилов утвердил предложенное на 27 августа штабом дивизии решение: 1) 14-й кавалерийской дивизии с запада атаковать Сандомир; 2) просить 5-ю кавалерийскую дивизию помочь этой атаке действиями с севера; 3) подтянуть к Сандомиру 8-ю кавалерийскую дивизию.

27 августа части 14-й кавалерийской дивизии начали с утра подтягиваться к линии сторожевого охранения. Пограничники, выбивая противника, быстро овладели Андрушковице и продолжали наступление на Строщице. 1-я бригада 14-й кавалерийской дивизии, заняв Мильчаны, вела наступление на Кобериши, но наступление велось пока медленно. 2-я бригада мало подвинулась вперед по совершенно открытой местности с фронта высоты 215,9, фольварк Судолы. На всем участке 14-й дивизии действовало только шесть конных орудий 23-й батареи.

5-я кавалерийская дивизия, получившая приказание из штаба 9-й армии действовать во взаимодействии с Новиковым, но не подчиненная последнему, ограничилась ведением артиллерийского боя против линии Макошин, Голембице, а на ночь опять, не оставив сторожевого охранения на достигнутом дне рубежа, ушла на ночлег за реку Опатувка. Несмотря на указание штаба 14-й дивизии об обнажении ее фланга, 5-я кавалерийская дивизия оставалась верной себе. Пришлось растянутым частям 14-й дивизии самим занять Хвалки.

Даже с подходом 8-й кавалерийской дивизии Новилов имел в своем распоряжении не более двух батальонов спешенной конницы при 18-ти орудиях (5-я кавалерийская дивизия, на что трудно было рассчитывать, могла бы дать еще один батальон и 12 орудий). Противник же в Сандомире имел более полка пехоты с несколькими батареями, расположенными в заранее вырытых окопах с козырьками и проволочным заграждением не менее чем в три кола. Для атаки такой позиции противника нужна была пехота.

К счастью, наша пехота снова возвращалась. Вечером 27 августа было получено донесение от командира 72-го пехотного

полка, который сообщал Новикову, что его полк поступает в распоряжение 14-й кавалерийской дивизии, и просил указаний. Ответ был отослан быстро (по телеграфу и по летучей почте): идти к Сандомиру.

Не приходится скрывать, что тульцев ждали в штабе 14-й дивизии с большим нетерпением и знали, что старые боевые товарищи помогут не так, как это делала 5-я кавалерийская дивизия Морица. Ожидать два дня подхода тульцев, которым предстояло пройти около 60 километров и не попытаться форсировать Вислу где-нибудь вверх по течению от Сандомира, штаб 14-й дивизии считал недопустимым. Поэтому Дрейер и я, обсудив положение, предложили Новикову 28 августа, оставив перед Сандомиром с запада 8-ю кавалерийскую дивизию и пограничников, отправить 14-ю кавалерийскую дивизию в составе двух бригад и 23-й конной батареи на запад в район Осек, чтобы здесь попытаться или найти броды, или на подручных средствах и собранных у местных жителей лодках переправиться через Вислу. Новиков согласился с этим, и 14-я кавалерийская дивизия под командованием полковника Сенчи двинулась на запад, передав свой участок генералу Зандеру. К вечеру 28 августа дивизия заночевала в Климантуве.

Под Сандомиром в ожидании прибытия 72-го пехотного полка наступило сравнительное затишье: с обеих сторон велась артиллерийская перестрелка, причем с нашей стороны огонь был направлен уже и по центру города, где, по-видимому, располагались резервы противника. 5-я кавалерийская дивизия по-прежнему ходила взад и вперед от реки Опатувка — днем и за реку Опатувка на ночь. Так протекли дни 28 и 29 августа.

Однако надежды на переправу 14-й кавалерийской дивизии в районе Осек не оправдались: бродов не было, не оказалось и лодок у местных жителей. Переправа же вплавь отдельных бойцов на правый берег Вислы встречалась ружейным огнем заметно усилившегося здесь противника.

К вечеру 29 августа подошел и 72-й пехотный полк с двумя полевыми батареями, расположившимися на ночлег в районе деревень Малице, Лоевице. Было ясно, что австрийцы отступают: 14-я кавалерийская дивизия доносила о движении обозов

на запад, но где находился правый фланг русской 9-й армии, было неизвестно. Штаб 9-й армии упорно молчал и считал, по-видимому, нормальным, что три кавалерийские дивизии с 72-м пехотным полком, находясь у Сандомира, не переправляются через Вислу. Для штаба дивизии Новикова было понятно, что австрийцы постараются задержаться за рекой Сан, и поэтому переправа конницы у Сандомира на правый берег еще не теряла своего значения. Поэтому было предложено штабом в ночь на 31 августа 72-м пехотным полком и пограничниками атаковать Сандомир. С утра 30 августа я чувствовал себя плохо: появилась высокая температура, и с 12 часов дня я лежал в полузабытьи. Поэтому все распоряжения по ночному штурму делал сам Дрейер лично. Нанесение главного удара возлагалось на три батальона 72-го пехотного полка, который должен был овладеть католическим кладбищем и костелом около него, а затем совместно с пограничниками, двигавшимися от Андрушковице на Стараховице, ворваться в город и овладеть мостом. 8-я кавалерийская дивизия оставалась на занимаемых ею позициях от высоты 215,9 на фольварк Судолы и деревню Хвалки. Для развития успеха ночного штурма к 8 часам утра 31 августа, когда рассеивался туман, полевая батарея и одна из батарей 8-й кавалерийской дивизии должны были подойти к передовым линиям и своим огнем оказать содействие атакующим. Общего начальника штурмующих войск назначено не было, а начальник 8-й кавалерийской дивизии был поставлен в известность о предстоящей атаке письменным предписанием. Приближалась ночь. Штаб 14-й кавалерийской дивизии был в 8 километрах от тульцев, но связан с ними телефоном, который часто портился.

Пока делались все эти распоряжения, разведчики 72-го пехотного полка и пограничники весь день 30 августа изучали подступы к позиции противника и самую позицию. В первом часу ночи двинулись к исходным рубежам атаки как тульцы, так и пограничники. В ночной тишине 72-й пехотный полк развернул боевой порядок для атаки; охраняемые цепью дозоров в первой линии шли два батальона полка в строю поротно в две линии, из третьего батальона по две роты направились в

резервы уступом за обоими флангами первой линии; роты всех батальонов находились в двух взводных колоннах.

Связь с пограничниками, установленная командиром 72-го пехотного полка, с началом движения стала все чаще прерываться. В пятом часу утра тульцы близко подошли к укрепленной позиции австрийцев, не подозревавших о готовящемся ударе. Настала решительная минута, и командир полка отдал приказание двинуться на штурм. Не открывая огня, в полной тишине тульцы бросились вперед. Разбивая прикладами, малыми топорами, лопатами и расталкивая руками проволоочные заграждения противника, атакующие в мгновение были в первой линии окопов, уничтожая не успевших прийти в себя австрийцев. Считая все на своем пути, в короткий промежуток времени тульцы решительным ударом овладели двумя линиями окопов и вели бой у костела, врываясь в самый город. Порыв атаки был настолько силен, что противник почти не оказывал сопротивления, падая под штыковыми атаками штурмующих тульцев. Выбив слабые охранения на Строхище, пограничники скоро оказались перед окопами австрийцев в предместье Краковка, где задержались, не имея связи с 72-м пехотным полком. Заполнив образовавшийся промежуток, две правофланговые роты 3-го батальона принуждены были выдвинуться в первую линию, а две резервные роты того же батальона, находившиеся за левым флангом, удлинили боевой порядок полка к северу. К 7 часам утра 31 августа у тульцев уже не было резерва, рассчитывать на какую-нибудь помощь, кроме артиллерийского огня, не приходилось. Сосед слева, части 8-й кавалерийской дивизии, вел обычную ружейную перестрелку с противником, а справа пограничники не подавались вперед. Оценивая создавшееся положение, раненый командир полка приказал закрепиться на захваченных позициях.

Ошеломленный первым ударом, противник уже начал приходить в себя. Подведя резервы, австрийцы остановили продвижение передовых частей тульцев в центр города, организуя в то же время контратаку из северо-западной части города против левого фланга полка. В восьмом часу утра в рассеивающемся тумане показались густые цепи австрийцев, решительно насту-

павшие против левого фланга полка. Отбиваясь ружейным и пулеметным огнем, 72-й пехотный полк тщетно ждал поддержки огнем своей артиллерии: полевая батарея в это время лишь подходила к Лоевице, а артиллерия 8-й кавалерийской дивизии не открывала огня, безучастно относилась к разгоравшемуся пехотному бою. Тяжелые минуты переживали тульцы, безнаказанный огонь артиллерии противника усиливался, число убитых солдат возрастало. Тщетно офицеры полка умоляли солдат продолжать держаться до открытия огня нашей артиллерии. Ослаб порыв атаки, погасла вера в помощь других и... тульцы начали отступать. Неся громадные потери, лишившись почти всех офицеров, оставляя раненых и убитых на поле боя, остатки 72-го пехотного полка в числе лишь 600 из 2200 человек, пошедших в атаку, к 9 часам утра 31 августа отошли в исходное положение, а затем и к Лоевице. Потеряв связь с тульцами, пограничники выбили противника из предместья Краковка, но дальше не продвинулись и к 9 часам утра также отошли к Андрушковице.

Спокойно проснулся штаб 14-й кавалерийской дивизии, уверенный в успехе ночного штурма 72-го пехотного полка. Однако за ночь не поступило ни одного донесения от командира полка, поэтому я, не дожидаясь выезда штаба, отправил в Лоевице и далее к Сандомиру верхом офицера для связи. В девятом часу утра, когда Новиков со штабом верхом выехал на высоты к юго-западу от деревни Лепарчице, на поле сражения была полная тишина. 8-я кавалерийская дивизия оставалась на своих позициях. Вскоре в штаб 14-й кавалерийской дивизии явился и генерал Зандер. Около 10 часов утра на высоту, на которой стоял штаб 14-й дивизии, прибыл с сумрачным видом посланный мною в 72-й пехотный полк офицер связи и доложил о происшедшей катастрофе. Новиков, по обыкновению, тяжело вздыхал и отдувался, а Дрейер накинулся на Зандера, считая его виновником гибели полка, своевременно не поддержанного артиллерийским огнем. Между тем было ясно, что если тульцы были отбиты, то противник был достаточно силен, чтобы перейти в контратаку и против 8-й кавалерийской дивизии. Я вмешался в спор Дрейера с Зандером и, прежде всего, пред-

ложил 8-й кавалерийской дивизии закрепиться, подготовить артиллерию для встречи наступления австрийцев и вызвать к Сандомиру 14-ю кавалерийскую дивизию, ввиду ее безуспешных попыток переправиться через Вислу. Мои предложения были приняты, и я мог отдать соответствующие распоряжения. Прибывший от 5-й кавалерийской дивизии капитан Леонов сообщил, что река Сан форсирована у Чокая гвардейскими стрелками, наступающими далее на станцию Надбжезе, к югу от Сандомира. Отныне Сандомир как пункт переправы конницы для удара во фланг и тыл австрийской армии терял уже всякое значение.

Первая крупная неудача тяжело отозвалась в штабе дивизии. Новиков боялся, что его снимут с дивизии. Дрейер, мечтавший о лишней награде, ходил подавленный. Я пишу воспоминания, а не историческое исследование, но со всей правотой должен отметить, что или нужно было взять руководство ночным боем в свои руки, или возложить его на Зандера, а самое главное — необходимо было с вечера поставить артиллерию на позицию, чтобы она могла своевременно, даже ночью, оказать содействие.

Кошмарно проходил день 31 августа на фронте у Сандомира. Оправившиеся и приведенные в порядок остатки 72-го пехотного полка со случайно оставшимся живым адъютантом этого полка начали снова выдвигаться вперед для подбора раненых. За тульцами пошли пограничники и части 8-й кавалерийской дивизии. Около наших убитых и раненых уже рыскали австрийские мародеры, шаря в карманах офицеров и солдат. При приближении наших солдат австрийцы поспешно убегали в город. Невольно закралась мысль об отходе австрийцев ввиду перехода гвардейских стрелков реки Сан у Чокай. На плечах отступающего противника части 8-й кавалерийской дивизии и пограничники с запада, драгуны 5-й кавалерийской дивизии с севера ворвались в город и захватили мост, потушив горевший на противоположном берегу его пролет. Противник, боясь окружения в Сандомире, бросив орудия, оружие, запасы снарядов и патронов, склады продовольствия и другое имущество, спешно по мосту и двум бродам переправился на правый

берег Вислы. В город были введены остатки 72-го пехотного полка, а 8-я кавалерийская дивизия и пограничники остались в занимаемых районах. 5-я кавалерийская дивизия по указанию штаба 9-й армии выступила на Сташув и Стопницу для разведки на левом берегу Вислы.

1 сентября части, подчиненные Новикову, оставались в районе Сандомира, выбросив конную разведку на правый берег Вислы и занимаясь ремонтом моста. В тот же день штаб 14-й кавалерийской дивизии отправился осмотреть поле ночного боя 72-го пехотного полка, сохранившего только небольшую часть своих боевых сил. Правда, раненые уже были размещены в городских больницах и костелах, но убитые лежали еще на поле боя, свидетельствуя о тех успехах, каких достигли тульцы в ночном штурме. Перед нашими глазами развернулось поле битвы. В каких только позах не лежали убитые! Почти при выходе на центральную площадь города нашли подожженный австрийцами дом, в котором лежали сильно обгорелые трупы офицеров и солдат. Пожар потушили не скоро. Уже собранные у костелов лежали трупы командира полка, всех батальонных командиров, большей части ротных командиров. Спокойно, с открытыми глазами лежал мужественный командир 72-го пехотного полка, получивший две раны в руку и в ногу и погибший от третьей пули в мошонку. Смерть, по-видимому, была мгновенной. Вперемешку с трупами русских лежали и убитые австрийцы. Больницы, костелы города были переполнены не менее 1500 австрийскими и русскими ранеными. В поспешном бегстве австрийцы не только не оставили врачей и медицинского персонала, но даже реквизировали в аптеках города весь перевязочный материал. Для перевязки раненых были срочно отправлены все врачи 8-й и 14-й кавалерийских дивизий.

Английский военный агент в России Нокс в своем дневнике записал о Сандомире следующее:

«Полицейский нашел мне прелестную, чистую комнату в этом очень грязном городе, который был полон войск. Я видел один эскадрон уральских казаков в Сандомире — это огромные, рыжебородые, дико глядящие люди, почти все с непромокаемой накидкой поверх их военного обмундирования. Я не удивля-

юсь, что австрийцы были в ужасе от них... Сандомир был взят в понедельник сентября, причем Тульский полк жестоко пострадал. Город был оккупирован в течение двух с половиной недель австрийцами. Моя хозяйка, немного говорившая по-французски, сообщила мне, что у нее в доме стояли венгры, казаки и всякого рода люди... Она рассказала мне, что ее муж настаивал на том, чтобы она уехала к своей сестре, когда Сандомир будет занят австрийцами. В тот день, когда русские вновь взяли город, австрийцы захватили 17 стариков и увезли их с собой. Ее муж, 56-летний аптекарь, был одним из увезенных, причем причиной послужило то обстоятельство, что был сделан выстрел из группы домов, среди которых был и дом аптекаря. Теперь она в отчаянии, так как не в состоянии что-либо узнать о нем и действительно весьма возможно, что это продлится целые месяцы».

2 сентября 14-я и 8-я кавалерийские дивизии, оставив 72-й пехотный Тульский полк гарнизоном в Сандомире, переправились на правый берег Вислы, но... оказались в тылу гвардейской стрелковой бригады, наступавшей на Тарнобжег. Идя за стрелками, обе дивизии дошли до Тарнобжега, а затем были повернуты обратно в Сандомир. Противник огрызался арьергардами против преследующих стрелков и иногда переходил в такие контратаки, что стрелки, имевшие в ротах 60—80 человек, еле их отбивали. Чувствовалось, что Галицийская битва, выигранная армиями Юго-Западного фронта, затихла. Наступал перерыв в операциях.

4 или 5 сентября из штаба армии пришла телеграмма, в которой генерал Лечицкий вызывал к себе для доклада Новикова. Это был удар грома среди ясного неба. Дрейер был смущен. Он пришел ко мне за советом. Я считал, что с Новиковым нужно ехать начальнику штаба (хотя его и не вызывали персонально), который всегда сопровождает своего командира. Так было и решено.

А теперь обратимся к историческим справкам, что же происходило на противной стороне и в высших штабах русской армии.

Внимание Конрада было отвлечено завязавшимся решительным сражением на Восточном фронте 2, 7 и 4-й австрийских армий с наступающими 8-й и 3-й русскими армиями и на-

чавшей снова движение вперед 5-й русской армией. 26 августа левый фланг 1-й австрийской армии был потеснен гвардейской стрелковой бригадой и начал отход на юг. На донесение, посланное Данклем, об этом, Конрад ответил: «Верховное командование убеждено, что храбрая 1-я армия сделает все возможное, чтобы помешать наступлению русских от Люблина настолько, чтобы отход к Сану не был в опасности». Утром, около девяти часов, 27 августа командование 1-й армии сообщило, что на западном берегу Вислы больше крупных австрийских частей нет, и вся 7-я кавалерийская дивизия переведена на правый берег. Но уже к часу дня Данкль докладывал, что возможно ожидать нападения на тылы 1-й армии через Сандомир и Тарнобжег, поэтому он подчинил 7-ю кавалерийскую дивизию начальнику тыла 1-й армии. Около 5 часов 30 минут командующий 1-й армией донес, что ночью армия отойдет на линию Фрамполь, Горай, Полихна, Ольбенцин, Лисницк, Свецехув. Штаб армии 27 августа переходит в Янур-Любельски.

28 августа наступил кризис сражения на востоке, и Конрад вместе с главнокомандующим выехал туда.

Между тем обстановка на обоих флангах 1-й армии складывалась неблагоприятно, поэтому 28 августа Данкль запросил Конрада, в общих ли интересах будет упорная оборона 1-й армии к северу от Таневской низменности или лучше ей отойти за реку Сан (со своей стороны, Данкль считал отход за Сан наиболее целесообразным, тем более что и снарядов осталось немного). На это в тот же день Конрад ответил, что на востоке идет сражение, а задача 1-й армии состоит в том, чтобы временно задержать противника к северу от Таневских лесов, не ввязываясь в решительное сражение. Отправку в тыл обозов продолжать, чтобы в случае необходимости армия могла отойти за реку Сан и там, на участке от устья и до впадения реки Тшебосница, закрепиться. Шоссе Билгорай – Сенява прикрыть конницей и отрядом пехоты.

29 августа Конрадом было принято окончательное решение прервать первое сражение и отвести армию за Сан.

30 августа 1-я армия доносила, что противник слабо преследует с фронта на правом берегу Вислы. Куммеру приказано

упорно оборонять Сан, основательно разрушить мосты и отвести свои обозы в тыл. 110-я бригада ландштурма была подчинена Куммеру. 31 августа Конрад уже поставил перед Мольтке вопрос о переброске значительных сил в район Кракова, чтобы прикрыть Познань и Силезию. 1-я армия отошла в этот день за Сан, но уже сообщала о появлении противника у Копшивницы (14-я кавалерийская дивизия. — *Б.Ш.*) и перед Сандомиром двух кавалерийских дивизий с пехотой (5-я и 8-я кавалерийские дивизии и 72-й пехотный полк. — *Б.Ш.*).

1 сентября русские форсировали нижнее течение Сана на фронте Куммера. 12-я пехотная дивизия перешла в контратаку в северо-восточном направлении. В этот день решалась судьба армейской группы Куммера — она была расформирована. Остатки 110-й бригады ландштурма, защищавшие Сандомир, были влиты в 106-ю пехотную дивизию, которая непосредственно подчинялась 1-й армии. 100-я бригада и остатки 95-й дивизии ландштурма были использованы как этапные войска. Такова судьба «старого» противника 14-й кавалерийской дивизии, переставшего существовать как войсковое соединение в первой же Галицийской битве.

Официальная австрийская история мировой войны поясняет, что командующий 1-й армией Данкль хотел отвести свои полки за реку Сан нерастрепанными. Конечно, имела значение нависающая угроза над предмостным укреплением у Сандомира, оборонявшимся «напуганной и ослабленной 110-й бригадой ландштурма». 29 августа Данкль усилил гарнизон Сандомира 100-й бригадой ландштурма. Правый берег Вислы от Сандомира на Тарнобжег и далее на запад прикрывался 7-й кавалерийской дивизией.

Таким образом, в ночь на 31 августа около четырех батальонов 72-го пехотного полка и пограничников атаковали семнадцать батальонов австрийцев, правда, значительно поредевших и «напуганных», как говорит официальная австрийская история, но успех тульцев был бы несомненен, если бы его вовремя поддерживали артиллерийским огнем.

В мои задачи не входит разбирать в целом действия русских армий во время Галицийской битвы, но нужно все же отметить,

что в этом сражении ни одной стороне не удалось окружить и уничтожить большую часть дравшихся сил. А между тем обстановка для этого слагалась благоприятно для австрийцев против 5-й русской армии, вовремя ушедшей из-под удара, и для русских против 1-й австрийской армии (при условии, если бы Алексеев настойчиво проводил свой план переброски 9-й армии на левый берег Вислы). Какое бы имело значение хотя бы окружение 1-й австрийской армии на исход войны — трудно даже сейчас и сказать, но оно было бы, во всяком случае, значительным.

Итак, проведена первая большая фронтовая операция, в которой мне пришлось принять участие, хотя и в малой должности, но в довольно сложной обстановке. Описал я ее подробно потому, что историки Первой мировой войны отнеслись чрезвычайно небрежно к изучению архивов. Может быть, мой труд немного их пополнит.

Тяжела была обстановка для 14-й кавалерийской дивизии с первых же дней не только войны, но и подготовительного к ней периода. Но зато за свою работу офицерский, унтер-офицерский и рядовой состав получил немало наград. Что же касается меня, то я получил ордена Владимира 1-й степени, Анны 4-й и 3-й степеней и Станислава с мечами и бантами. Относительно знания войны — я как-то почувствовал себя крепче на ногах, появилась уверенность в действиях, о чем раньше знал только теоретически, выработались навыки оперативной штабной работы. Говоря по-кавалерийски, я почувствовал себя крепко сидящим в седле!

КАВАЛЕРИЙСКАЯ ЗАВЕСА НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ВИСЛЫ ОСЕНЬЮ 1914 ГОДА

Под вечер 5 сентября в штаб 14-й кавалерийской дивизии, располагавшейся в Тарнобжеге, от командующего 9-й армией генерала Лечицкого вернулись Новиков и Дрейер.

Я вышел встретить их, оба они были в веселом настроении. Дрейер сообщил мне, что Новиков назначен командиром 1-го кавалерийского корпуса, а он — начальником штаба этого

же корпуса. Поздравив, я поинтересовался, как встретил их такой строгий человек, как Лечицкий. Когда Новиков вышел, Дрейер рассказал мне о приеме. По его словам, больше говорил он, Дрейер, а Новиков чаще отмалчивался, иногда надувался, делая воинственный вид.

Расспросив о прошедших событиях, Лечицкий изложил новые задачи 1-го корпуса. По указанию командующего фронтом в состав корпуса включались 5, 8, 14-я кавалерийские дивизии, 4-я и 5-я казачьи Донские дивизии и Отдельная казачья Туркестанская бригада.

Задачи корпуса состояли в том, чтобы очистить левый берег Вислы от австрийцев, разведать положение на участке фронта Ченстохов, Краков и ударить по тылам австрийских армий к востоку от Кракова. Для переправы через Вислу корпусу придавался понтонный батальон.

Так Дрейер охарактеризовал задачи корпуса. Между тем во всех наших военно-исторических трудах, освещающих задачи, поставленные 1-му кавалерийскому корпусу, совершенно умалчивается о том, что он должен был нанести удар по тылам австрийцев. А ведь это принципиальный вопрос.

Сошлемся лишь на некоторые факты. Во второй части «Стратегического очерка войны 1914—1918 гг.», написанного Вороньковым и опубликованного в 1923 году, в частности, говорится: на 1-й кавалерийский корпус «возложены задачи: 1) обеспечить правый фланг фронта, 2) очистить от мелких партий противника район реки Нида, 3) разведывать к стороне Силезии на фронте Бреславль¹, Краков, 4) наблюдать реку Вислу от Кракова до Сандомира. 9-я армия должна для поддержки корпуса выдвинуть на левый берег Вислы бригаду пехоты». При этом Вороньков ссылается на «авторитетный» источник — Военно-научный архив (дело № 162, стр. 126). Из V тома «Истории мировой войны», изданного рейхсархивом, мы узнаем о содержании перехваченного 12 сентября радиодонесения Новикова: ...как только разведка выяснит развертывание немцев в Силезии, он откажется от выполнения данного

¹ Вроцлав.

ему приказа — не перейдет на южный берег Вислы, а ограничится обороной и завесой на северном берегу этой реки.

Я намеренно осветил задачи корпуса. Ведь если исказить их, как это сделал Вороньков и другие, то любой историк вправе предъявить корпусу претензию: зачем же он топтался около Вислы, почему не шел прямо в Силезию? Такая претензия была бы справедливой, если Лечицкий не вздумал бы проводить свои оперативные идеи, идущие вразрез с установками командующего Юго-Западным фронтом.

Итак, отрезать австрийцев от Кракова, ведя в то же время разведку против Силезии, — с такой установкой вернулись в Тарнобжег Новиков и Дрейер.

Естественно, что я спросил у Дрейера, кто же будет начальником 14-й кавалерийской дивизии? Он ответил: дивизию получает генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии свиты его величества генерал-майор Эрдели.

Дрейер завел разговор и обо мне, сказав, что Эрдели настаивает, чтобы штаб дивизии возглавил кто-нибудь из штабных офицеров, уже побывавших в боях. Так как сам Дрейер уходил в корпус, то за него должен был остаться я.

К себе, в штаб корпуса, Дрейер на должность штаб-офицера Генерального штаба взял из штаба 9-й армии подполковника Генерального штаба Шатилова. Его отец был членом Государственного совета, и это имело для его сына немаловажное значение. Расставаясь, Дрейер спросил меня, кого бы из офицеров штаба дивизии я мог порекомендовать для выдвижения на должность старшего адъютанта Генерального штаба. Я назвал две кандидатуры: штабс-капитанов Роженко и Мельчакова. Они учились в Академии Генштаба, оба производили хорошее впечатление. Я и посоветовал взять их в штаб корпуса, надеясь у себя в штабе обойтись без них.

Одним словом, вечером кадровые вопросы разделения двух штабов были решены. Я торопился к исполняющему обязанности начальника 14-й дивизии полковнику Сенче, чтобы решить ряд вопросов, связанных с передислокацией дивизии. Утром 7 сентября дивизии предстояло через мост у Сандомира снова вернуться на левый берег Вислы и достичь Климантува.

Написав приказ, направляюсь к Сенче. Он подписал его. Возвратился в свой штаб примерно в 23.00 и вдруг узнаю приятную новость: из Петербурга вернулся начальник штаба нашей дивизии полковник Вестфален. Радовало меня то, что снова останусь на прежней штатной должности старшего адъютанта Генерального штаба (начальника оперативной части. — *Б.Ш.*), а значит, освобожусь от хозяйственных забот и хлопот. А их было немало! Ведь Дрейер не любил заниматься хозяйственными делами.

Мысли мои как-то невольно переключились на служебную лестницу, по которой поднимался Новиков. Лишь год он командовал 14-й кавалерийской дивизией. А как возвысился! Добился повышения в должности — назначили его командиром корпуса. Значит, обогнал начальников 8-й и 5-й кавалерийских дивизий генералов Зандера и Морица, На его груди засверкал орден Святого Георгия 4-й степени, награду эту дали ему за «успешные действия» дивизии на левом берегу Вислы.

Заслужил ли Новиков повышение в должности и награду? По правде сказать, нет! Ему просто повезло. А повезло потому, что командовать пришлось той самой дивизией, которую хорошо подготовил к боевым действиям его предшественник — генерал Орановский. Он много поработал, закалил дивизию на полях учений. Именно это обеспечило ей успехи в боях на левом берегу Вислы. Она была приучена и к конному и к пешему бою. И при необходимости она превращалась из кавалерийской в пехотную. Ее солдаты и офицеры в наступлении проявляли стремительность и храбрость. Из общего состава в 5200 человек дивизия за полтора месяца войны потеряла убитыми 32 солдата, ранеными — 137 человек, в том числе солдат — 130, офицеров — 7.

Находясь в Тарнобжеге, дивизия пополнилась двумя маршевыми эскадронами. Их солдаты производили хорошее впечатление. Они огорчались тем, что им дали слабых коней. Не втянутые в поход, кони быстро сдавали. Приходилось их заменять более сильными лошадьми, которых брали у помещиков. Штатные же кони, с которыми дивизия вышла на войну, еще долго продолжали верную, порой очень тяжелую службу.

Наступило утро 7 сентября 1914 года. 14-я кавалерийская дивизия, перейдя по мосту у Сандомира Вислу, снова оказалась на родном ей левом берегу. Отсюда она двинулась на Климантув. Полки и эскадроны в район Климантува прибыли в тот же день примерно в 15.00. На ночлег расположились в окрестных деревнях.

8-я кавалерийская дивизия еще 6 сентября перешла на левый берег Вислы, сосредоточившись в районе Голембюва. 5-я кавалерийская дивизия 1 сентября совершила переход от Сандомира до Сташува, затем — до Стопницы и расположилась в районе Стопницы, Поланца. Отсюда она вела разведку на запад, наблюдая за течением Вислы к востоку от Поланца. Штаб корпуса переезжал в Сандомир.

К вечеру 7 сентября в Климантув прибыл начальник 14-й кавалерийской дивизии генерал Эрдели. Его сопровождали личный адъютант князь Кантагецзен и молодой человек в штатском, некий Кузьминский. Эрдели сначала принял полковника Сенчу и Вестфалена. Затем вызвали офицеров штаба, чтобы представить их новому начальнику.

Эрдели был выше среднего роста, по годам еще молодой генерал. Он производил приятное впечатление. Принял нас просто. Когда церемония представления закончилась, попросил меня остаться и доложить о состоянии дивизии. Выслушав мое мнение о состоянии полков, их командном составе, генерал поручил мне подготовить приказ о движении дивизии в одной колонне на Богорю и Стошницу. Я сказал, что двигаться в одной колонне будет очень тяжело. Объяснил, что дивизия отвыкла от этого устаревшего способа передвижения, но Эрдели настаивал на своем.

Приказ я отнес к Вестфалену, начальнику штаба дивизии. Он не решился сам доложить его генералу и потащил меня с собой. Эрдели подписал приказ. В полках и эскадронах, конечно, удивились приказу, в котором возрождался походный порядок дивизии, давно отброшенный жизнью.

Вечером, за ужином, Вестфален расспрашивал меня о делах в дивизии, о ее боевых действиях, о динамике наиболее острых схваток с противником. Я не мог не почувствовать, что

до Вестфалена не доходит простая истина: война диктует свои законы, требует гибкости, отбрасывает прочь все то, что устарело. Когда я рассказывал ему, что в нашей дивизии чаще всего приходилось вести спешенный бой, редко идти в кавалерийские атаки, Вестфален морщился. Не признавая спешенного боя, он увлекался только атаками. «Вот тут бы и завернуть конную атаку бригадной, а то и всей дивизией!» — бросал он реплику, когда речь заходила о спешенном бое. Думалось, что война научит и его, как надо действовать! Но, к сожалению, война не научила ограниченного в оперативно-тактическом мышлении Вестфалена. 8 июня 1915 года он погиб в конной атаке и погубил почти всю 2-ю бригаду, которой временно командовал. О грубом просчете Вестфалена речь будет еще впереди...

Утро 8 сентября... Часовая стрелка приближается к цифре 10. Пора уже садиться на коней, чтобы следовать в голове колонны основных сил. Вдруг меня вызывает начальник дивизии. Застаю у него Вестфалена и незнакомого иностранца. Эрдели представляет меня полковнику в английской форме — Ноксу.

— Господин Нокс будет при штабе нашей дивизии, — сказал Эрдели. — Ориентируйте его в обстановке.

Пожав друг другу руки, мы принялись за дело: я развернул двухверстную карту, а Нокс вынул десятиверстку. Тогда я тоже вынул из сумки десятиверстную карту. Ориентирую полковника в расположении соседних соединений и частей, объясняю задачу, поставленную перед 14-й кавалерийской дивизией.

Нокс слушал внимательно, но очень редко делал пометки на карте. Никаких записей он не делал и в блокноте. Но вот спустя почти тринадцать лет в мои руки попала книга Нокса «С русской армией в 1914—1917 годах», Лондон. Целую главу своей книги Нокс посвятил нашей дивизии. Эта глава — «С кавалерийской дивизией в юго-западной Польше в сентябре и октябре» — написана в форме дневника.

Для меня стало ясно: военный агент Англии добросовестно вел дневник, записывая в него свои наблюдения так, что никто из посторонних не видел...

Обстановка на фронте менялась быстро. Штаб корпуса торопил нашу дивизию с переправой через Вислу, требовал нанести

удар в тыл 1-й австрийской армии, отходящей к Кракову. Это был ближайший тыл, насыщенный войсками. Вода в Висле все время прибывала, а дивизия пока не имела никаких переправочных средств. Взвесив эти обстоятельства, Эрдели забеспокоился. Он вызвал Вестфалена и меня, сказал, что вместе с ним мы поедem в штаб корпуса (он находился в Сташувe). Начальнику штаба корпуса мы изложили свою точку зрения. По нашему мнению, 14-й кавдивизии целесообразнее продвинуться к западу от Стопницы, а не к югу. Мы заявили также, что без понтонного батальона дивизия не сможет переправляться через Вислу. Выслушав нас, Дрейер настаивал на переправе дивизии в районе к югу от Стопницы. Эрдели, поддержав Дрейера, фактически отклонил мои доводы, суть которых состояла в том, что дивизия не сможет переправиться через Вислу южнее Стопницы.

Мы вернулись в штаб дивизии разочарованные, потому что Дрейер действует вопреки здравому смыслу.

Утром 9 сентября штаб нашей дивизии направился в район к югу от Стопницы, на Вислу. Разведка, конечно, ничего нового нам не принесла. Где-то далеко, за Вислой, раздавалась орудйная канонада. Чем ближе подходили к Висле наши боевые разъезды, тем чаще противник встречал их ружейным огнем с противоположного берега. Одним словом, день, проведенный нами в штабе корпуса, был зря потерян. А ведь за этот день дивизия смогла бы продвинуться на запад не менее чем на 35 километров. Как бы пригодились эти драгоценные километры для нашей конницы!

В то время как 14-я кавалерийская дивизия находилась у Стопницы, на ее правый фланг, в район деревни Солец, выдвинулись 8-я, а в район Новы-Корчина — 5-я кавалерийские дивизии.

Лишь к вечеру 9 сентября командир корпуса Новиков принял решение нанести удар в тыл 1-й австрийской армии между Краковом и Тарнувом. Для выполнения этой задачи привлекались три регулярные кавалерийские дивизии (8, 14 и 5-я). Разведку на запад, на фронте Ключборк, Краков должны были вести 4-я и 5-я казачьи Донские дивизии и казачья Туркестанская бригада. До подхода 4-й и 5-й казачьих Донских дивизий с

правого берега Вислы через Сандомир в район Кельце казачья Туркестанская бригада двигалась к северо-западу от Енджеюва в направлении на Влощову.

10 сентября 14-я кавалерийская дивизия должна была перейти реку Нида в районе Вислицы, а 8-я кавалерийская дивизия — достигнуть Пиньчува. Понтонный батальон двигался на присоединение к 14-й дивизии, которой предстояло начать переправу через Вислу.

Утром 10 сентября 14-я дивизия двумя колоннами двинулась из района Стопницы на Вислицу. Размокшие дороги затрудняли движение. Штаб дивизии шел с левой колонной — 1-й бригадой, 2-я бригада — с пограничниками. Обеспечив усиленное сторожевое охранение бригады, расположились на ночлег, избрав для него заранее подготовленные районы в крестьянских селениях.

Утром 11 сентября в штаб дивизии прибыл командир понтонного батальона, который уже был на подходе к дивизии. Начальник дивизии поручил мне вместе с командиром понтонного батальона разведать пункт переправы. Нас прикрывал эскадрон улан. Оказалось, что его командир — ротмистр Демьянович — очень ленив. Именно по его вине мы вышли на задание с опозданием почти на четыре часа. Я не мог смириться с крайней медлительностью и безответственностью ротмистра Демьяновича и взял командование эскадроном на себя.

Переночевав в маленьком, заброшенном среди холмов и перелесков фольварке, я двинулся через Кошице к деревне Серославице, расположенной на Висле (в 40 км к востоку от Кракова). В Кошице я нашел командира нашей разведывательной сотни. Предупредил его, что буду впереди, на Висле.

Эскадрон замаскировался в лощине. Взял с собой одного офицера из разведывательного эскадрона, и мы вдвоем поднялись на высоту, господствующую над северным берегом Вислы к востоку от населенного пункта Серославица. Подсчитываем, хватит ли нам материалов и инженерных средств для наводки в этом районе моста...

Примерно в час дня мы узнали, что австрийские солдаты грабят деревню Серославицу и на лодках перевозят награблен-

ное имущество на свой берег. Около девяти часов утра вдоль Вислы по направлению к востоку пролетел германский самолет. Я срочно сообщил об этом в штаб дивизии, который, по моему предположению, двигался к месту переправы.

Далеко-далеко, на горизонте, возвышались Карпаты, покрытые лесом. В некоторых местах над лесом виднелись белые клубы дыма: шли поезда. Справа, ближе к берегу, тянулся густой Неполомицкий лес. К востоку от него по дорогам двигались обозы австрийцев.

Срочно высылаю в Серославицу боевой разъезд, а эскадрон сажаю на коней. Вдруг наш боевой разъезд на полном ходу возвращается обратно: по нему австрийцы открыли ураганный пулеметный огонь. Отвожу эскадрон в Кошице, устанавливаю здесь связь с нашей разведывательной сотней. От ее командира узнаю: сотне приказано отходить на север. Туда же, на север, двигалась наша дивизия. Мне стало ясно: произошло что-то непредвиденное начальником дивизии. А примерно в 16.00 узнал, что австрийская разведка уже заняла тот район, где утром мы намечали наводить понтонный мост...

Я решил с эскадроном также двинуться на север, к Пинчу.

Не доходя километров десять до Пинчува, догоняю 2-ю бригаду. От ее командира узнаю о месте расположения на ночлег штаба дивизии. Штаб заночевал в доме лесника под Пинчувом, занятым частями 8-й кавалерийской дивизии.

Слезаю с коня, вхожу в кухню лесника. Она набита пленными немецкими солдатами. А рядом в комнате на диване распластался пленный немецкий офицер. Рот его окровавлен. Дежурный по штабу сообщил, что начальник нашей дивизии еще не спит. Направляюсь к нему с докладом. Эрдели смотрит на меня виноватыми глазами. Но, бросив меня с эскадроном на произвол судьбы, не сообщив мне об отходе дивизии из района, где намечалась ее переправа через Вислу, Эрдели не желает признать свою вину. «Ошибся не я, а Вестфален», — сказал мне Эрдели.

Далее Эрдели мне рассказал: из штаба нашего 1-го корпуса 12 сентября после двенадцати часов дня поступил приказ: в

связи с сосредоточением крупных сил противника в районе Ченстохов, Бендзин отказаться от удара по тылам австрийцев к югу от Вислы и всем дивизиям корпуса повернуть на северо-запад. Во исполнение этого приказа казачья Туркестанская бригада должна овладеть Влощовой и выдвигаться на запад к Конецполю; 4-я и 5-я казачьи Донские дивизии должны занять Кельце, 14-й кавалерийской дивизии — занять Енджеюв и продвигаться на запад к Нагловице; 8-я кавалерийская дивизия должна была занять Водзислав, а 5-я кавалерийская дивизия — занять Скальбмеж, обеспечивая фланг со стороны Кракова.

Тут же мне начальник дивизии рассказал о захвате в плен немецкого разъезда по дороге на Пиньчув. Разъезд принадлежал 1-му гвардейскому резервному драгунскому полку.

Я поинтересовался, выслана ли разведка в новом направлении. Эрдели ответил, что пока не выслана. Он предложил мне срочно подготовить инструкцию разведывательным эскадронам. Инструкцию я написал к трем часам утра. Вручив ее командирам эскадронов, я приказал им немедленно выступить в указанные районы.

От офицеров связи я узнал, как проходил день 12 сентября в нашей дивизии. С утра она двинулась на юг двумя колоннами в направлении к пункту, выбранному для переправы. Около двенадцати часов дня поступил приказ: изменить маршрут движения дивизии в противоположном направлении. Приказ писал Вестфален. Мне было ясно: это он совершенно «забыл» о моем существовании в штабе дивизии. Иначе зачем ему понадобилось самому уезжать на юг для рекогносцировки переправы?

...По данным нашей разведки и показаниям пленных немецких солдат и вахмистров, было установлено, что на Пиньчув наступал целый немецкий корпус.

Утром 13 сентября наша 14-я дивизия двинулась через Пиньчув на Мотковице. Перейдя реку Нида, она из Мотковицы по шоссе стала продвигаться на запад, к Енджеюву. Не доходя шести километров до Енджеюва, дивизия расположилась на ночлег, заняв город сторожевым охранением — эскадроном с двумя пулеметами.

Штаб 1-го кавалерийского корпуса переходил в Мотковице.

От нашей агентурной разведки пришло донесение: на Нагловице движется до двух немецких пехотных полков с артиллерией. Вскоре и разведывательный эскадрон, высланный ночью к Нагловице, донес, что к востоку от Нагловице он вошел в связь с конными и пешими частями противника.

Было около двух часов дня. Едва мы разложили свои походные кровати, как к северо-западу от Енджеюва началась артиллерийская стрельба. Быстро оседлали коней. Штаб дивизии выезжает вперед, к Енджеюву. Бригады изготовились к бою.

По данным штаба нашего корпуса, на всем его фронте наступал немецкий корпус, в состав которого входили гвардейские резервные и запасные части.

Около пяти часов дня артиллерия противника открыла огонь по Енджеюву, выбивая оттуда наших наблюдателей. Два наших эскадрона, поддержанные огнем станковых пулеметов, вели бой на западной окраине города. С наступлением темноты они вынуждены были оставить город. Тотчас же в него вошли немцы.

Главные силы нашей 14-й дивизии в бой не вводились. На ночлег их отвели назад — в район Ясенна-Якубува. А штаб дивизии направился на ночлег в Мотковице. Здесь же находился штаб 1-го кавалерийского корпуса.

Пока Эрдели докладывал обстановку генералу Новикову, я разговаривал с Дрейером. Он с недоверием отнесся к нашим данным о том, что на Енджеюв наступал немецкий корпус. Наш отход Дрейер охарактеризовал как «слишком поспешный». «Хорошо, — сказал я, — завтра вы сами убедитесь, что 14-я дивизия осталась той же, какой она и была».

Отказавшись от предложенного ужина, мы ушли отдыхать. Перед сном мы разговорились с Эрдели. Речь шла о том, какие меры дивизия должна предпринять 14 сентября. Мое мнение было таково: оказать решительное сопротивление немцам, ведя подвижную оборону, начав ее с Енджеюва. Эрдели согласился и поручил мне срочно подготовить приказ. Проект приказа он одобрил полностью. Приказ гласил: частям 14-й кавалерийской

дивизии утром 14 сентября атаковать противника в городе Енджеюве. Для выполнения этой задачи пограничникам наступать вдоль шоссе на Енджеюв, 1-й бригаде — наступать к северу от шоссе через Рахув на Подхойне, 2-й бригаде — наступать через Далехове, Венгленец, Лончин, охватывая Енджеюв с юга.

Наступил день 14 сентября. С рассветом начальник 14-й дивизии со штабом дивизии двинулся из Мотковице по шоссе на запад. Наблюдательный пункт был избран на высоте, откуда хорошо просматривалось поле предстоящего боя. Эрдели, Вестфален, Нокс и я наблюдаем за ходом наступления. Впереди, вдоль деревни Пяски, в спешенном строю наступают пограничники. К северу от шоссе на Енджеюв осторожно продвигается 1-я бригада. 2-я бригада выходила головой к Далехове и на Венгленец.

Около восьми с половиной часов утра мы увидели довольно неожиданную картину: из Енджеюва по шоссе на Кельце двигалась дивизионная конница немцев, на определенной дистанции за ней шла пехотная застава, за которой вскоре показалась и голова авангарда. Мы заметили, что бокового охранения у немецких частей нет.

Вокруг пока царила тишина. Когда же дивизионная конница немцев приблизилась к Подхойне, а ее авангард вытянулся из Енджеюва, на них обрушилась наша 1-я бригада. Пулеметы и спешенные драгуны расстреливали немецкую конницу, а наша батарея с дистанции около полутора километров била шрапнелью по пехоте. У противника началась паника: конница, бросая пики, неслась к Подхойне; пехота с шоссе бросилась на запад к железной дороге, оставив свою артиллерию. Все произошло так неожиданно для противника, что он был ошеломлен и деморализован.

Но вскоре картина резко изменилась: по батарее 1-й бригады открыли огонь не менее двух батарей противника. Наши орудийные расчеты выходили из строя, батарея замолчала. Немецкая пехота перешла в контратаку. Нужно было так или иначе вытаскивать нашу батарею, чтобы ее не захватила пехота противника.

Под сильный артиллерийский огонь попала и наша 2-я бригада. Ей пришлось быстро рассредоточиться поэскадрон-

но, чтобы избежать больших потерь. Командиру 2-й бригады было приказано собрать эскадроны в районе Далеховы и вести наступление в спешенном строю.

В тяжелом положении оказались и наши пограничники. Им пришлось отступить.

Снаряды перелетали и через наблюдательный пункт. Мы оказались в директрисе огня. Было ясно, что нашим долго здесь не продержаться.

Я предложил Эрдели отойти к деревне. Пока я это говорил, снаряд близко пролетел около него. Он покачнулся и схватился рукой за левую щеку, получив воздушную контузию. Мы начали отходить...

Штаб дивизии мы догнали у высоты 248,6, что севернее шоссе на Мотковице. 1-я бригада здесь заняла <? > позицию, а 2-я бригада и пограничники закрепились к югу от шоссе. Спешены были все эскадроны и сотни. Орудия заняли открытые позиции к западу от большого леса, пересекавшего шоссе. Лес был густой и запущенный: в конном строю нелегко через него пробиваться. Штаб нашей дивизии разместился на западной опушке леса, к северу от шоссе.

Немецкая пехота продолжала преследование наших отходивших прикрывающих частей.

Примерно в четыре часа дня немецкие пехотные части при поддержке артиллерии усилили натиск. Вражеские батареи непрерывно обстреливали наши шесть орудий. Нужно было отходить за Ниду.

Задерживая продвижение немцев в лесу, дивизия перешла по мостам у Мотковице Ниду и подожгла их. Бригады тотчас же развернулись на восточном берегу реки: 1-я бригада к северу от шоссе до Рембува, 2-я — с пограничниками — к югу от шоссе.

Наступила ночь. Отдохнуть мне не пришлось: работал над подготовкой нового приказа о дальнейших действиях дивизии.

Так прошел бой нашей кавалерийской дивизии под Енджеювом 14 сентября. За этот день немецкая пехота продвинулась вперед лишь на 15 километров, а потеряла, не менее 800 человек убитыми и ранеными. Наши потери — 64 человека. Лично-

му составу 14-й кавалерийской дивизии командующий Юго-Западным фронтом генерал Иванов объявил благодарность.

Анализируя бой под Енджеювом 14 сентября, нельзя не прийти к выводу, что он открыл глаза многим нашим начальникам на непреложную истину: нам пришлось воевать с очень серьезным противником. И в штабе нашего корпуса, и в штабе дивизии поняли, что драться с немцами намного труднее, чем с австрийцами, но не так уж страшно, как утверждали те, кто побывал в боях в Восточной Пруссии. Наша дивизия окрепла, еще больше поверила в свои силы. Дрейер уже не косо смотрел на нее — чуть обстановка усложнится, он привлекал 14-ю дивизию для выполнения самых ответственных заданий.

Я не намерен подробно описывать Варшавско-Ивангородскую операцию, проведенную осенью 1914 года. Для объективной оценки действий 14-й кавалерийской дивизии в этой операции мне хочется остановиться лишь на наиболее существенных моментах, характеризующих боевые события на левом берегу Вислы, поскольку мы теперь знаем о них больше, чем осенью 1914 года. Как развивались эти события? Начало сентября... Юго-Западный фронт продолжает преследовать австрийцев в направлении на Краков. При этом важно напомнить, что еще 24 августа начальник штаба фронта генерал Алексеев предвидел возможность наступления немцев на левом берегу со стороны Кракова, а также из Силезии. Вот почему и был образован 1-й кавалерийский корпус. Его задача состояла в том, чтобы вести разведку на левом берегу Вислы.

Если говорить о положении дел в 1-й армии, входившей в состав Северо-Западного фронта, то это положение было нелегким: под натиском 8-й немецкой армии 1-я армия отступала за Неман. Неслучайно произошла замена главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Вместо генерала Жилинского на пост командующего был назначен генерал Рузский. Ставка Верховного главнокомандующего, удрученная второй неудачей в Восточной Пруссии, не имела единого плана, каждый фронт действовал по-своему.

Командование Юго-Западного фронта решило перенести действия своих войск на левый берег Вислы. Но прилив воды

в Вислу и Сан задерживал перегруппировку войск. Немецкие войска в это время, как и предполагал генерал Алексеев, сосредоточивались для наступления из Верхней Силезии. Поэтому Алексеев решил перегруппировать войска на средней Висле и отвести их из западной части Галиции. Ставке Верховного главнокомандующего он внес свое предложение: создать в районе Варшавы мощную группу войск, которая смогла бы успешно атаковать фланг немецких войск, наступающих по левому берегу Вислы. Такую группу войск Алексеев предлагал создать за счет сил Северо-Западного фронта. Но Алексеева упредил командующий Северо-Западным фронтом: он начал отводить левофланговую 2-ю армию на 100—150 километров к востоку от Варшавы.

Ставка Верховного главнокомандующего, выслушав мнение главнокомандующих фронтами, постепенно вырабатывала свой план контрманиевра, чтобы сорвать план наступления немецких войск. Она считала, что на левом берегу Вислы противника сможет задержать кавалерийский корпус Новикова при условии, если наши войска будут перегруппированы на среднюю Вислу. Отсюда ясно, что оперативная мысль многих руководителей Ставки, и прежде всего генерал-квартирмейстера Данилова, была, как бы загипнотизирована Восточной Пруссией. Позже стало известно, что именно Данилов еще в начале войны придерживался главной своей идеи — овладеть Восточной Пруссией. С этой идеей он ушел с фронта в 1915 году. Не расставался с ней Данилов и после войны. Об этом свидетельствуют его мемуары, написанные под гнетом мысли об «осином гнезде» — Восточной Пруссии.

Слов нет, русские войска, если бы они обладали Восточной Пруссией, имели бы большие преимущества. Это доказано ходом семилетней войны. Но борьба за Восточную Пруссию отвлекла бы значительные силы. Кроме того, наши войска потеряли бы зря много времени.

Что касается командования немецких войск, то оно не теряло драгоценного времени. Еще в период боев за Львов фельдмаршал Конрад просил направить два немецких корпуса на Перемышль. Теперь же, в связи с отходом австрийских армий на запад, Конрад

и главнокомандующий Фридрих попросили перебросить два немецких корпуса в район Кракова. Они отказались от наступления на Седлице. 15 сентября Фалькенгайн приказал 8-й армии подготовить к отправке в Верхнюю Силезию два корпуса и одну кавалерийскую дивизию. Он же готовил к переброске сюда еще два других корпуса. Командующим 8-й армией был назначен генерал Шуберт, начальником штаба — Людендорф. Еще 5 сентября в 3 часа 30 минут Людендорф договорился с Конрадом о предстоящем развертывании в юго-восточной части Силезии 9-й германской армии. В ее составе были четыре корпуса и 8-я кавалерийская дивизия. Тогда же они договорились о присоединении к правому флангу 9-й армии ландверного германского корпуса. Перед этой армией была поставлена задача — нанести удар во фланг и тыл русским армиям, наступающим против австрийцев. Один корпус (11-й) высаживался в Кракове. Австрийцы отходили к Тарнуву. Им предстояло отсюда наступать южнее Вислы. Предполагалось, что сосредоточение 9-й армии завершится 17 сентября. К 9-й армии подтягивались резервы из гарнизонов, находившихся в крепостях Познань и Вроцлав. 16 сентября в командование 9-й армией вступил Гинденбург. За ним же сохранялось общее руководство 8-й армией, которой командовал Шуберт.

Предвидя возможность удара со стороны Ивангорода или Варшавы, Гинденбург выразил намерение наступать в северо-восточном направлении. Имея уступ за левым флангом, он потребовал перебросить 1-ю австрийскую армию на левый берег Вислы. Однако Конрад из этой армии направил по левому берегу лишь пять пехотных и две кавалерийские дивизии, а также бригаду ландштурма. Это означало, что сосредоточение немецких частей ускорилось на два дня.

Как же в сентябре действовал кавалерийский корпус Новикова? К 1 сентября на левом берегу Вислы, к югу от устья реки Пилица, разведку на запад вели только 5-я кавалерийская дивизия и Отдельная казачья Туркестанская бригада. Совершенно непонятно, зачем 2 сентября генерал Лечицкий с левого берега Вислы на ее правый берег переводил 8-ю и 14-ю кавалерийские дивизии. Уместно напомнить, что эти дивизии бесцельно пле-

лись за пехотными обозами. Лишь 7 сентября они вернулись на левый берег Вислы. Вместо того чтобы смело и быстро двигаться на запад, в районы сосредоточения 9-й немецкой армии, 8-я и 14-я кавалерийские дивизии выполняли второстепенную задачу — наносили удар в тыл 1-й австрийской армии. Генерал Лечицкий же считал это их главной задачей.

Если бы движение всех трех кавалерийских дивизий (8, 5 и 14-й) на запад началось от Сандомира 2 сентября, то, делая по 30 километров в день, они к 9 сентября достигли бы линии Конецполь, Прадла, Мехув, форты Кракова, а к 12—13 сентября — района выгрузки частей 9-й немецкой армии.

Только 12 сентября дивизии Новикова достигли реки Нида. Уже на следующий день они встретили наступающую (а не выгружающуюся) пехоту противника. Утром 12 сентября 14-я кавалерийская дивизия приближалась к переправе через Вислу у Серославицы; к северу от этой деревни наступала 35-я бригада ландштурма. Около Серославицы переправлялись воинские части противника, чтобы прикрыть участок, где возводился мост. Три дня спустя по этому мосту на левый берег Вислы перешел немецкий корпус, которым командовал Войрш.

Вечером 14 сентября 14-я кавалерийская дивизия отошла за реку Нида. В этот день к северу, у Кельце, сосредоточились 4-я и 5-я казачьи Донские дивизии, а Отдельная казачья Туркестанская бригада (без артиллерии) отошла к Малогоще. 8-я кавалерийская дивизия, сдерживая продвижение противника южнее Кельце, отходила от Пиньчува на восток. 15 сентября ее главные силы достигли района Гнойно (10 км юго-восточнее Хмельника). 5-я кавалерийская дивизия, сдерживая наступление частей 7-й и 3-й австрийских кавалерийских дивизий и 35-й бригады ландштурма, 14 сентября отошла в район Стопницы.

Людендорф в своих воспоминаниях и другие немецкие авторы утверждали, что основу замысла операции 9-й немецкой армии составила быстрота ее действий. Цель этой операции — сорвать план перегруппировки русских войск. Немецкая пехота двигалась со скоростью 30—35 километров в день.

Нашим кавалерийским дивизиям было трудно замедлить марш 9-й немецкой армии. Об этом, в частности, свидетель-

ствуется бой 14-й кавалерийской дивизии, который она вела 14 сентября под Енджеуовом. Этот бой имел особое значение. Он убедил Дрейера и других офицеров штаба 1-го кавалерийского корпуса, что с запада наступают не слабые запасные части гвардии и 4-го корпусного округа противника, а рвутся вперед вся 9-я немецкая армия и части австрийской армии.

Дивизии поддерживали связь со штабом 1-го кавалерийского корпуса через офицеров, которым были предоставлены автомобили. Применялась также летучая почта. С нашей 9-й армией штаб этого корпуса связь поддерживал по радио. Противник, разумеется, перехватывал радиogramмы и аккуратно расшифровывал их. Расшифровка ему давалась легко: наши шифры были несовершенными. Что касается штабов дивизий, то они тогда еще не имели средств радиосвязи. Вот почему противник нередко нарывался на неприятности, особенно в те моменты, когда ему не удавалось добывать сведения о том, какие ответы дивизии посылали на радиogramмы штаба корпуса.

Но вернемся к 14-й кавалерийской дивизии. Она заночевала в районе Хмельника, оставив разведывательный эскадрон (14-го уланского полка) в Кие. Его ядро и разъезды находились на берегу Нида.

В ночь на 15 сентября неоднократно поступали донесения от разведывательного эскадрона о попытках немцев переправиться через Ниду к северу от Мотковице. Наш разведэскадрон непрерывно вел ружейный огонь по противнику.

Можно было ожидать, что немцы, продвинувшись к северу, в направлении на Кельце, свернут снова на юго-восток. В связи с этим Эрдели 15 сентября решил выдвинуться на северо-запад от Хмельника, к Петрковице, и здесь нанести удар по немцам. Однако противник не показывался, и дивизия во второй половине дня из района Петрковицы по трудным дорогам начала переход через горный хребет Лысая Гора. На ночлег дивизия остановилась вблизи деревни Оцесенки. Здесь не было необходимости задерживаться, и потому 16 сентября дивизия, совершив небольшой марш, перешла в район Лагува, прикрывая отсюда дорогу из Кельце на Опатув.

По прибытии в Лагув я решил на смену эскадрона улан, оставленного в Кие, направить эскадрон гусар под командой ротмистра Пушкина. Получив инструкцию на ведение разведки, гусары двинулись в направлении на Кие.

Из штаба корпуса, отошедшего в Сташув, поступил приказ, смысл которого заключался в следующем: 1-й кавалерийский корпус разделяется на две группы: а) северную — под командованием генерала Ванновского (начальника 5-й Донской дивизии); в составе этой группы — 4-я, 5-я Донские дивизии и казачья Туркестанская бригада; б) южную — под командованием генерала Зандера; в составе группы — 5, 8, 14-я кавалерийские дивизии. Командир корпуса дал группам указание: в случае необходимости, северной группе отходить в направлении на Скаржиско, Радом, а южной — в направлении на Опатув.

После боя под Енджеювом нашу дивизию немного усилили. Приехав в штаб корпуса в Хмельник, мне удалось уговорить Дрейера, чтобы нам дали два орудия из батареи 8-й кавалерийской дивизии. Получив их, наша дивизия имела две батареи по четыре орудия в каждой. В 8-й же кавалерийской дивизии остались две батареи: одна из шести орудий, другая из четырех. Орудийные расчеты присоединились к нам в Лагуве. Огневая мощь дивизии, таким образом, усилилась.

17—19 сентября 14-я кавалерийская дивизия находилась в районе Сарня, Зволя и Васнюв, прикрывая дороги от Кельце, которые были заняты противником 18 сентября на юго-восточном направлении. Правый фланг в районе Кунува (на шоссе Скаржиско — Островец) обеспечивал эскадрон улан.

Генерал Лечицкий для прикрытия левого фланга своей 9-й армии и для поддержки южной группы генерала Новикова решил выслать 16 сентября к Опатуву гвардейскую стрелковую бригаду, а к Климантову — гвардейскую кавалерийскую бригаду. На 80-ю стрелковую дивизию возлагалась задача — овладеть Сандомиром.

Штаб 1-го кавалерийского корпуса предполагал, что 2-я стрелковая бригада займет Островец.

Выдвижение стрелковых частей навстречу наступающему противнику казалось опасным, но в то время я, не зная обста-

новки в целом, особенно не сомневался в целесообразности такого выдвижения. Для 14-й кавалерийской дивизии ценно было то, что в ее тылу пехота овладеет Островцом, что обеспечит переправу через реку Каменна. Сама по себе эта река небольшая в районе Островца, но она имела дамбы, затруднявшие ее форсирование вплавь.

19 сентября северная группа (командир Ванновский) после боя под Скаржиско при поддержке 75-й стрелковой дивизии отходила в северном направлении. Ее южные соседи в это время находились на ночлеге: 8-я кавалерийская дивизия — в районе деревни Рудники (10 км к западу от Опатува), а 5-я кавалерийская дивизия в районе Мыдловца (10 км юго-западнее Опатува).

К вечеру 19 сентября наша 14-я дивизия, располагаясь в районе Васнюва, отстояла от противника лишь на 8 километров. Предполагалось, что с утра 20 сентября противнику будет нанесен удар под Васнювом. Ночью из Кунува командир нашего эскадрона прислал донесение: к северу от Кунува на ночлеге находятся крупные силы конницы и пехоты противника. Учитывая это, на 1-ю кавалерийскую бригаду возлагалась задача — через Островец на Кунув отправить два эскадрона с четырьмя пулеметами, чтобы нанести внезапный удар по неприятелю. С рассветом на Кунув направился отряд уланского полка. Ему предстояло пройти до Островца около 12 километров, а затем, переправившись через реку Каменна, достичь Кунува, то есть пройти еще около 8 километров.

8 часов утра. 19 сентября. Бригады нашей дивизии сосредоточились к востоку от Васнюва и заняли намеченные позиции. Как было условлено, батарея 2-й бригады открыла дальний огонь по Хыбице, из которой густой колонной немцы шли на восток. В это время штаб нашей 14-й кавдивизии получил от командующего Юго-Западным фронтом телеграмму. Она гласила: 14-й кавалерийской дивизии за успешные действия в бою под Енджеювом объявлена благодарность. А из штаба 1-го кавалерийского корпуса пришло сообщение: раненый командир артиллерийской батареи 2-й бригады капитан Бриксен удостоен золотого оружия — статутной награды.

Но к нашей радости приметалось и огорчение — примерно в 10 часов утра от разведывательного эскадрона пришло до-несение: Кунув заняли пехота, конница и самокатчики противника. Наш эскадрон отходит на Островец. Мне было ясно, что предположение о том, что 2-я стрелковая бригада овладеет Островцом, не оправдалось. Противник угрожал отбросить нас к Опатуву, не позволив нам отойти к Висле. Вот почему нельзя было медлить. Следовало принять меры, чтобы овладеть Островцом раньше, чем сюда придет противник. С этой целью 1-й бригаде было приказано: перейти мост, развернуться к северу и северо-западу и на рысях идти к Островцу, прикрыть переход остальных частей через этот пункт в северо-восточном направлении от него. Быстро все пришло в движение. Когда штаб нашей дивизии с частями 1-й бригады приблизился к Островцу, северо-западнее от него, в лесу, разгорелся бой. Его вели три эскадрона наших улан, поддержанные четырьмя пулеметами. Они отрезали противнику — самокатчикам и драгунам — путь к Островцу. Овладев Островцом, 1-я бригада развернулась к северу от него и артиллерийским огнем оказала поддержку уланам.

Остальные части дивизии в это время входили в лес к северо-востоку от Островца.

Теперь предстояло принять самостоятельное решение: в каком направлении должна отходить наша дивизия. Мы знали, что на юго-восток движутся 8-я и 5-я кавалерийские дивизии. 14-й кавалерийской дивизии целесообразно было отходить на восток, к устью реки Каменна. Но уцелели ли там переправы? Наш штаб не имел сведений об этом и рисковать не хотел. Напрашивался вывод — обогнать противника, быстро пройти на север и прикрыть направление на Ивангород.

Попав в знакомый район действий, я предложил начальнику нашей дивизии Эрдели двинуться через Сенно на Явур-Солецки, где устроить ночлег, а после отдыха перехватить дорогу, ведущую из Илжи к Висле. Эрдели одобрил это предложение. Дивизия двумя колоннами двинулась по уже знакомым дорогам на северо-восток. В пути меня беспокоила мысль о том, в каком положении находятся два разведывательных эскадрона,

оставленные в районе Пиньчува. От них давно не поступали донесения. Но было известно, что их отрезала немецкая пехота, продвигавшаяся от Кунува в юго-восточном направлении.

Наш отход прикрывали два эскадрона, оставленных в населенном пункте Липско. Достигнув Воли-Солецкой, мы выставили непосредственное охранение. В два часа дня дивизия тронулась в северо-западном направлении. Когда наши арьергарды скрылись в лесу, со стороны населенного пункта Липско донеслась артиллерийская стрельба: это немцы выбивали наши эскадроны из посада. Не задерживаясь долго, оба эскадрона успели присоединиться к дивизии.

В 5 часов дня мы находились в безопасном месте. Перейдя у Цепелюва реку Илжанка, мы уже сами висели на фланге противника. Когда он подходил к Сольцу, артиллерия 16-го корпуса с правого берега Вислы встретила его огнем. Наша дивизия отошла в район Сыцына и здесь связалась с 75-й стрелковой дивизией, направлявшейся к Радому.

За время военных действий наша дивизия шестой раз занимала Сыцын. Начальник дивизии 22 сентября предоставил ей отдых в этом населенном пункте. Здесь мы узнали о так называемом опатувском бое, который проходил 20 и 21 сентября. Я не свидетель этого боя и поэтому напомним о нем кратко, опираясь на архивные источники.

Около десяти часов вечера 20 сентября штаб нашей дивизии прибыл в Явур-Солецки. По дороге к нам присоединилось до 20 казаков из 4-й казачьей Донской дивизии, отставших от своих подразделений, а в самом Явур-Солецки мы встретили командира 2-го казачьего Уральского полка полковника Поленова с сотней казаков. Его я знал по службе в Туркестане. Оказалось, что и он оторвался от штаба казачьей Туркестанской бригады. Случилось это во время боя за город Кельце.

От застав нашего сторожевого охранения, которые ночью располагались в тех же деревнях, что и охранение немецкой пехоты, поступили донесения. Стало ясно, что неприятное соседство с противником требует от нас активных действий. Мы рассчитывали, что поднимемся раньше немцев и проскользнем дальше на север, на Цепелюв. В ночь на 21 сентября нам не при-

шлось отдыхать: Илжу и ее окрестности заняла 37-я пехотная дивизия 20-го немецкого корпуса, а мы находились на удалении от Илжи всего на 19 километров.

В час ночи наша дивизия двинулась на восток. До Вислы оставалось не более 20 километров, но там не было переправы. Поэтому дивизия направилась к населенному пункту Воля-Солецка. Отсюда предполагалось отойти по береговой дороге на север, на Яновец. Однако хотелось воспользоваться плацдармом на левом берегу Вислы, перед Ивангородом. Об этом начальнику дивизии Эрдели я доложил свое мнение: когда дивизия достигнет Воли-Солецкой, предоставить здесь небольшой отдых солдатам и офицерам, выждать момент и, как только немцы двинутся на восток, на Солец, направить дивизию фланговым маршем через густой лес в северо-западном направлении и выйти на Цепелюв. Отсюда открывался свободный маршрут на Зволень. Так и было решено.

Командующий 9-й армией Лечицкий выдвинул на левый берег Вислы, к Опатуву, гвардейскую стрелковую бригаду, гвардейскую кавалерийскую бригаду, а затем части 80-й стрелковой дивизии и, наконец, 2-ю стрелковую бригаду. В своем донесении № 0178 от 19 сентября он сообщил командующему фронтом Иванову, что на гвардейскую стрелковую бригаду возложил задачу — упорно сдерживать наступление противника. Иванов отклонил такое решение. На донесении Лечицкого он написал резолюцию:

«1. Указать, что упорное удержание противника не входит в задачу, указанную директивой 9-й армии.

2. Указать также, что вообще выдвижение к западу одной дивизии, а тем более и тяжелой артиллерии, также не входит в задачу, поставленную директивой 9-й армии. Включение тяжелой артиллерии даст возможность ввязаться в упорный бой, что не ставилось задачей. Иванов»¹.

Лечицкий с опозданием отдал приказ об отходе частей. Начальник гвардейской стрелковой бригады лишь в полдень

¹ Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов. 1938. С. 120.

21 сентября начал отводить свои части. В это время противник уже охватил бригаду с обоих флангов.

Перехватывая радиодонесения русского командования, штаб 9-й немецкой армии вполне хорошо ориентировался в передвижениях русских корпусов. 2-ю стрелковую бригаду на левом берегу Вислы штаб 9-й немецкой армии рассматривал как авангард 14-го гвардейского русского корпуса. На самом же деле этот корпус шел на север по правому берегу Вислы.

У командования 9-й немецкой армии сложилось мнение, что начинается новое русское наступление. В приказе по этой армии от 18 сентября указывалось, что 9-я русская армия переходит на левый берег Вислы, чтобы атаковать австро-германские силы. Штаб 9-й армии рассчитывал встретить в районе Опатува не менее двух русских корпусов. В связи с этим 9-я армия, совершавшая марш-маневр в северо-восточном направлении, повернула на восток и юго-восток с задачей — ускорить решительный удар по 9-й русской армии и разгромить ее. Для атаки русских под Опатувом немецкое командование направило 11-й ландверный корпус, гвардейский резервный корпус и более пяти австрийских пехотных дивизий. 37-я пехотная дивизия 22-го корпуса двинулась от Илжи на восток, к Висле.

Наша 14-я кавалерийская дивизия пересекла путь наступления гвардейского резервного корпуса, а 21 сентября отрезала путь 37-й пехотной дивизии, направлявшейся на Солец. В тот же день 8-я кавалерийская дивизия перешла через Вислу у Юзефува. 5-й кавалерийской дивизии 21 сентября пришлось отойти в деревню Дрыгулец (10 км северо-восточнее Опатува). Причина отхода состояла в том, что штаб корпуса не удовлетворил ее просьбу, не обеспечил прикрытия ее правого фланга. К Дрыгульцу подходил гвардейский немецкий резервный корпус. В связи с этим 5-я кавалерийская дивизия отошла на Аннополь, переправившись на правый берег Вислы под прикрытием стрелковой бригады 18-го стрелкового корпуса, которая выдвинулась почти до Ожарува и также перешла на правый берег Вислы.

Нашу гвардейскую стрелковую бригаду атаковали четыре австро-германских корпуса. Она потеряла 79 офицеров,

7000 солдат, вышло из строя 13 ее орудий. Бригада отошла к Сандомиру. А гвардейская кавалерийская бригада, прикрывая правый фланг гвардейской стрелковой бригады, сначала отошла к Завихосту. Моста для переправы здесь не оказалось. Поэтому она поднялась к Аннополю и в этом пункте перешла на правый берег Вислы¹.

Русский историк Корольков в одном месте своей книги «Варшавско-Ивангородская операция» обвиняет дивизии 1-го кавалерийского корпуса в том, что они «с легким сердцем» оставили на произвол судьбы гвардейских стрелков. А в другом месте той же книги противоречит себе, указывая, что бой под Опатувом был совершенно бесцельным, потому что предпринят «вопреки указаниям генерала Иванова».

А вот как рассматривает этот бой противная сторона. Гинденбург хотел в этом бою разбить и нашу южную группу. Но это ему не удалось сделать. Осенний поход Гинденбурга на Варшаву в документах рейхсархива совершенно справедливо оценивается как неудачный. «Немецкое наступление в районе Опатува было ударом по воздуху», — говорится в этих документах.

При сосредоточении своих четырех корпусов противник потерял много времени. Это замедлило их передвижение к Висле, на восток и на север к Пулаве и Ивангороду. 17-й немецкий корпус, который направлялся к северу от Радома, свернул к этому городу и занял его.

В связи с отходом от Радома в северо-восточном направлении частей 75-й русской стрелковой и 5-й казачьей Донской дивизий шоссе Радом — Зволень — Пулава осталось неприкрытым. Узнав об этом во второй половине дня 22 сентября, начальник 14-й кавалерийской дивизии Эрдели решил ночью же отойти через Зволень на восток в район Лагува. В этот район дивизия в седьмом часу вечера перешла через еще не занятый Зволень.

Штаб 1-го кавалерийского корпуса оказался в Пулаве. Отсюда через понтонный мост 23 сентября он должен был направиться к деревне Осина.

¹ Корольков Г.К. Варшавско-Ивангородская операция. 1923. С. 25.

Через расположение нашей дивизии уже проходили на запад разъезды войсковой конницы гренадерского корпуса. Однако Эрдели решил еще раз задержать противника восточнее Лагува. Утром 23 сентября дивизия двумя колоннами продвигалась севернее и южнее шоссе на запад, за ней по шоссе следовали пограничники.

Дождь шел весь день. Видимость была ограничена. Удавалось засекать лишь мелкие разведывательные подразделения противника. Они стремились обойти наши фланги с севера и с юга. Было ясно, что делать дивизии здесь нечего и что следовало идти за Вислу. Начальник нашей дивизии Эрдели упорствовал, приказал сделать несколько артиллерийских выстрелов по опушке леса к югу от шоссе, где обнаружено небольшое скопление противника. Убедившись в том, что бессмысленно держать дивизию на этом месте, Эрдели отдал приказание на отход к переправе.

Около шести часов вечера дивизия покинула свой район боевых действий на левом берегу Вислы к югу от Ивангорода, где она находилась с первых дней войны. Больше в течение всей войны части 14-й кавалерийской дивизии сюда уже не возвращались.

До мировой войны среди кавалеристов бытовал термин «завеса». Более пяти с половиной наших кавалерийских дивизий создавали эту завесу на левом берегу Вислы в сентябре 1914 года, чтобы задержать быстро наступавшую 9-ю немецкую армию. Но едва ли надолго кавалерийская завеса могла противостоять превосходящим силам противника. Ведь он обладал огневой мощью. Напомним, что немецкая пехотная дивизия имела 72 орудия, а наша кавалерийская дивизия могла противопоставить им лишь 8—12 орудий. Мы выигрывали только время, заставляя противника разворачиваться в боевой порядок. Характерна в этом отношении маневренная оборона 14-й кавалерийской дивизии под Енджеювом. Большей же частью кавалерийские дивизии, открывая дальний артиллерийский огонь, при приближении пехоты противника отходили назад. Лишь Висла, уровень воды в которой поднялся в то время, способствовала успеху кавалерийской завесы. Но завеса могла

достигнуть своей цели при условии, если бы нашим войскам удалось парализовать действия наземной и воздушной разведки противника, срывать его перехваты радиодонесений наших штабов и расшифровку их.

Опыт нашей кавалерийской завесы на левом берегу Вислы осенью 1914 года доказал, что давно прошли времена, когда конница может действовать с той огневой мощью, которую она имела в конце XVIII или начале XIX века...

ОТ ВАРШАВЫ ДО КАЛИША

Отходя на правый берег Вислы, 1-й кавалерийский корпус получил новую задачу: вдоль этого берега выйти на правый фланг нашей 2-й армии, развернутой к западу от Варшавы, и здесь развить действия во фланг и тыл противника, наступающего на Варшаву.

Из предыдущего описания боевых действий 1-го кавалерийского корпуса видно, что только 14-я кавалерийская дивизия переправилась через Вислу у Пулавы, а остальные соединения вынуждены были форсировать ее южнее. До их подхода в район сосредоточения наша дивизия два дня отдыхала в районе Осины. Больно было, что мы ранее потеряли 6-й уланский и 5-й гусарский разведывательные эскадроны. В предыдущих боях их окружила немецкая пехота.

Эрдели, кроме того, переживал и свои личные невзгоды: его старший сын был прапорщиком в одном из полков гвардейской стрелковой бригады, жестоко пострадавшей под Опатувом. Однако справки, наведенные в штабе 9-й армии о судьбе сына Эрдели, оказались более благоприятными, чем ожидал генерал: его сын был ранен, но вовремя эвакуирован.

...Осень выдалась сырая. Дороги размякли от дождей, по ним было трудно двигаться. Командир корпуса Новиков попросил командование фронта предоставить корпусу четырехдневный отдых или перевезти по железной дороге пулеметы, обоз и слабых лошадей. Фронт отклонил эту просьбу. Корпусу пришлось передвигаться по единственному шоссе Люблин — Варшава.

Через пять дней наша 14-я дивизия прибыла в район Праги (предместье Варшавы на правом берегу Вислы. — *Б.Ш.*). Это было 30 сентября. Нас, офицеров, разместили по квартирам, где раньше жили семьи офицеров. Нам удалось принять ванну. После двухмесячного скитания это доставило нам большое удовольствие.

На следующий день, к 12 часам дня, я поехал с докладом к начальнику дивизии. Возвращаясь от него, посетил некоторые магазины, чтобы купить нужные для похода вещи. Улицы и магазины Варшавы были полны народу. На западе гремела артиллерийская канонада. К ней настороженно прислушивались люди, особенно женщины. Переезд штаба нашей армии из города на правый берег Вислы (штаб размещался в вагонах) усиливал тревожные чувства варшавян. Население знало, что нашествие немецких войск принесет ему горе и бедствия. Польки чувствовали себя хозяевами в своем городе, они не хотели, чтобы сапоги немцев топтали улицы Варшавы.

1 октября из штаба корпуса поступил приказ о дальнейших действиях нашей дивизии. По телефону я попросил начальника дивизии приехать и ознакомиться с приказом. Эрдели прибыл в наш штаб в шесть часов вечера. Мы обменялись мнениями о содержании приказа. Нам было ясно, что он продиктован обстановкой, сложившейся на участке 2-й армии, перешедшей в наступление против немецких войск на фронте Блоне, Прутков, Домбрувка. Именно эта обстановка определяла в приказе роль и место 1-го кавалерийского корпуса в целом и 14-й кавдивизии в частности. 1-му кавкорпусу было приказано сосредоточиться в районе Забуров, Лешно, чтобы отсюда нанести удар во фланг и тыл противника, который оказывает упорное сопротивление частям и соединениям 2-й армии. С утра 2 октября дивизии должны были выйти в этот район. Головной дивизией направлялась 14-я кавалерийская. Ей предстояло перейти Вислу через мост у Яблонны и следовать в район Забурова. За ней шли 8-я и 5-я кавдивизии.

Взяв населенный пункт Блоне, немцы оседлали прямое шоссе Варшава — Сохачев. Их левый фланг хорошо прикрывала лесисто-болотистая местность. Используя болотистую доли-

ну и водные преграды (реки Бзура, Утрата), противник устроил своеобразный бзурский мешок и втянул в него 1-ю Кавказскую кавалерийскую дивизию и сводную (трехполковую) дивизию генерала Казанкова. Командующий 2-й армией генерал Шейдеман вталкивал в этот мешок еще три дивизии 1-го кавалерийского корпуса. Нужно было скорее вырваться к западу, за реку Бзура.

2 октября, едва рассвело, части 14-й кавдивизии по правому берегу Вислы двинулись из района Праги к Яблонне. Реку перешли здесь по понтонному мосту и к вечеру расположились на ночлег в районе Заборув, Заборувек. Район Лешно заняла 1-я Кавказская кавалерийская дивизия. Она вела артиллерийскую перестрелку с противником, находившимся в Блоне.

3 октября дивизии 1-го кавалерийского корпуса получили приказ: продолжать движение на запад, в район Лазы. Идти по большой дороге на Лешно не имело смысла, так как на походную колонну противник мог обрушить артиллерийский огонь. Поэтому начальник 14-й кавалерийской дивизии решил свернуть на Лубец, обойти через эту деревню район Лешно.

Когда наша дивизия приблизилась к реке Бзура, Эрдели сказал:

— Что, Борис Михайлович, не махнем ли на западный берег?

— Очень было бы хорошо, — ответил я. — Позвольте все же вперед выслать два эскадрона лавой, чтобы не нарваться на засаду.

— Высылайте! — согласился Эрдели.

Эскадроны переправились на западный берег Бзуры и углубились в перелески. Очевидно, противника здесь не было. Эрдели отдал приказание о переправе бригад и сосредоточении их в населенном пункте Жукувка. Часам к девяти вечера вся 14-я кавалерийская дивизия замаскировалась в Жукувке. Поступили донесения от нашей ближней ночной разведки: со стороны Илува на Сохачев и в обратном направлении движутся обозы противника.

Начальник нашей дивизии решил овладеть Сохачевом. С этой целью 2-й бригаде и пограничникам он приказал на-

нести удар по противнику в северо-западной части города, а 1-й бригаде — овладеть шоссе Илув — Сохачев, нанося противнику удар с запада.

Появления с запада и северо-запада наших пеших частей противник не ожидал. Это ошеломило его. К 11 часам утра 4 октября обе бригады ворвались в город. Здесь оказался лазарет с 200 ранеными офицерами и солдатами противника. Выбив немцев из Сохачева, 14-я дивизия продолжала наступление на восток и юго-восток. Соппротивление противника усиливалось.

Не могу не сказать о том, что еще в тот момент, когда наша дивизия овладела Сохачевом, в ее штабе созрел замысел: сильнее нажать на фланг и тыл противника. Что требовалось для осуществления этого замысла? Требовалось, чтобы нашу дивизию в Сохачеве сменила 79-я стрелковая дивизия, находившаяся поблизости от него. Наша же дивизия при этом условии 5 октября смогла бы спуститься южнее Сохачева и нанести удар во фланг и тыл противника. Наш замысел мы доложили командиру корпуса Новикову. Ночью 5 октября получили от него ответ: оставаться на дневке в Сохачеве. Получив такой ответ, мы покачали головой.

Далее события развивались так.

Около часу дня 5 октября не менее пяти батарей противника открыли огонь по Сохачеву и по переправе через Бзуру. Город охватили пожары. Бригады несли потери. Вскоре юго-восточнее города развернулось более двух немецких пехотных батальонов. Они теснили наше сторожевое охранение. Взвесив известные нам обстоятельства, нельзя было не прийти к выводу: в Сохачеве задерживаться бесполезно, целесообразнее отходить на западный берег Бзуры. Отход 2-й бригады, по приказу начальника дивизии, прикроют 1-я бригада и пограничники. С 1-й бригадой уехал Эрдели. Меня оставили при командире 2-й бригады. Он поспешно стягивал на восточную окраину Сохачева сторожевое охранение и поэскадронно выводил полки через намеченную переправу на западный берег Бзуры. Наши батареи огнем в это время сдерживали продвижение немецкой и австрийской пехоты.

Когда в городе осталось только два эскадрона с пулеметами, я направился к переправе. Мост заполнили отходящие эскадроны бригады, справа и слева от него рвалась шрапнель противника. Миновав мост, я разыскивал штаб дивизии. Взял правее нашей колонны и попал в зону артиллерийского огня противника. Едва проехал несколько десятков метров, как почувствовал сильный удар воздушной волны в голову. Я повалился на шею коня, он вдруг упал на передние ноги, а затем вскочил и понес меня вперед. Головная боль не проходила, но крови нигде на себе и на коне я не заметил. Оказалось, что снаряд, разорвавшийся над головой, контузил и меня и коня. Вскоре я нашел Эрдели. Он отдал приказ 1-й бригаде и пограничникам спешиться и не допустить перехода немцев через Бзуру.

Примерно в четыре часа дня с севера показались части 5-й кавалерийской дивизии. Вскоре прибыл ее начальник. Он сообщил, что прибыл для оказания содействия 14-й дивизии. Но его содействие уже не могло возратить нам город Сохачев, потому что 5-я кавдивизия опоздала, и противник успел закрепиться в нем. Но все же части обеих дивизий при поддержке артиллерии остановили наступление противника в западном направлении. Было решено утром 6 октября вновь атаковать Сохачев.

К 12 часам дня 6 октября части нашей дивизии, форсировав Бзуру, овладели населенным пунктом Козлув-Бискуп и продолжали наступление на восток. Совершенно неожиданно в штаб 14-й кавалерийской дивизии поступил приказ из штаба корпуса: дивизии надлежит немедленно выйти из боя и двинуться на северо-запад в направлении на Илув, к которому подходит немецкая пехотная дивизия. Противник намеревался сорвать атаку 1-м конным корпусом Сохачева. Пришлось отказаться от успеха, уже достигнутого южнее города, вывести части из боя и быстро двинуться в северо-западном направлении.

На все это, конечно, требовалось время. Но уже в начале четвертого часа дня передовые разведывательные части 14-й дивизии на рысях двинулись на Илув и Рыбно, а за ними двумя колоннами, побригадно, последовала и вся дивизия.

Около шести часов вечера левая колонна (2-я бригада) достигла Рыбно. Противник быстро отходил оттуда в северо-западном направлении.

Примерно в двенадцать часов ночи я услышал сильные взрывы: немцы подрывали железнодорожные сооружения. С этой вестью я пришел к Эрдели. Он не поверил, и мы оба вышли на улицу. Через короткий промежуток времени взрывы повторились. Теперь сомнений не оставалось — немцы торопились отходить.

Получив приказ командира корпуса о наступлении в общем направлении на Скерневице, наша дивизия утром 7 октября двинулась на юг, к станции Беднары, с целью перехватить железную дорогу Сохачев — Лович.

Во второй половине дня станцию Беднары заняла 1-я бригада. А 2-я бригада в это время действовала севернее. Одни из эскадронов 14-го драгунского полка атаковал отступающий от Сохачева к востоку от железной дороги артиллерийский парк, но встретил упорное сопротивление: подошла сильная колонна пехоты с артиллерией. Противник вел огонь не менее чем пятью батареями.

Было ясно, что ударить во фланг отходящим колоннам противника не удастся. Начальник нашей дивизии решил попытаться захватить Лович. В девять часов утра 8 октября дивизия двинулась двумя колоннами: левая колонна (2-я бригада с пограничниками) — на Лагушев, правая колонна (1-я бригада) — севернее, на Бочки, Клевкув с целью отрезать Лович с севера от Кернозя. Утро было туманное, видимость ограничена.

К одиннадцати часам утра штаб дивизии находился на западной окраине Лагушева. 1-я бригада еще тянулась от Бочки на Клевкув, а 2-я бригада только головой колонны подходила к Лагушеву. Перед нами открылась необычная картина. Спешенные части австрийских драгун (в синих мундирах и красных рейтузах) быстро отходили на город Лович. 1-я бригада, совершавшая фланговое движение по отношению к Ловичу, не открыла артиллерийского огня, и два спешенных австрийских полка безнаказанно скрылись в городе.

Не приходилось сомневаться в том, что Лович занят не менее чем одной кавалерийской дивизией. Было решено от Лагушева и Клевкува повести наступление на город Лович в пешем строю. Вскоре с обеих сторон заговорила артиллерия. Наши спешенные части начали наступать. Противник превосходил нас в артиллерии. Наше наступление замедлилось. Местность была совершенно открытая. К вечеру бой затих. Дивизия расположилась на ночлег в деревнях Клевкув и Лагушев.

Лович расположен за рекой Бзура. Имея перед собой эту водную преграду, австрийской кавалерийской дивизии было трудно овладеть этим городом.

9 октября 14-я кавдивизия совместно с подошедшей 5-й кавдивизией пытались атаковать Лович. Атака не принесла успеха. Противник, заняв город, с южного берега Бзуры вел сильный артиллерийский огонь. Разведка на фланге 14-й кавалерийской дивизии не могла пробиться через приток Бзуры — болотистую речку Слудвя.

10 октября 1-й кавалерийский корпус сосредоточился к северу от Ловича. Начальник штаба корпуса Дрейер решил 11 октября форсировать речку Слудвя. Вся артиллерия корпуса — 30 орудий — сосредоточивалась в одном районе и переходила на период артподготовки в распоряжение командира дивизиона 5-й кавдивизии. Спешенные части 14-й дивизии должны были наступать на населенный пункт Ретки, 5-я кавдивизия — на Шимановице. 8-я же дивизия обеспечивала правый фланг корпуса, располагаясь у Злакув-Косцельны. Начальник 14-й дивизии и весь его штаб скептически относились к такому виду атаки. Ведь дивизии лишались своей артиллерии. Однако командир корпуса настаивал на том, что артиллерия должна действовать из одного района.

11 октября, в девятом часу утра, началась артиллерийская подготовка. Она свелась, в сущности, к состязанию с артиллерией противника. Его же пехота, расположенная за речкой Слудвя, не подвергалась воздействию нашего артиллерийского огня. Спешенные части 14-й дивизии повели наступление на Ретки. Дойдя до болот реки Слудвя, они залегли: продвинуться вперед не представлялось возможным.

Рассыпав егерский батальон за рекой Слудвя, конные полки 7-й австрийской дивизии сосредоточились к северу против деревни Злакув-Косцельны. Их обнаружила 8-я кавдивизия. Вскоре конница противника еще продвинулась к северу и атаковала Злакув-Боровы. Против нее была нацелена сначала 8-я, а затем и 14-я кавдивизия. Командир корпуса возвратил им их артиллерию. Она быстро заняла новые позиции, встретила огнем атакующую конницу противника. К западу от деревни Злакув-Боровы австрийцы вечером предприняли попытку развернуться для атаки. Артиллерийский, ружейный и пулеметный огонь наших частей заставил их отойти на Жихлин.

Этим эпизодом завершились боевые действия 1-го кавалерийского корпуса, которые мы пытались обозреть объективно.

Нет сомнения, что у каждого, кто вдумается в суть Варшавско-Ивангородской операции, в особенности у того, кто обратится к изучению документов, невольно возникнет вопрос: в чем же причина столь медленных действий сильной русской конницы, собранной на фланге 2-й армии?

Я уже отметил выше, в каком мешке должна была развертываться наша конница, не поддержанная пехотой. Невольно приходишь к выводу: как только крупные силы конницы попадали в армию, которой командовал «коренной» кавалерист, то она, конница, использовалась не в соответствии с ее ролью и значением. Такие «завязтые кавалеристы», как командующий 2-й армией генерал Шейдеман, стремились использовать конницу почти только на поле боя, не понимая ее превалирующего значения в оперативном маневре.

Все приказы, которые штаб 2-й армии посылал 1-му кавалерийскому корпусу, ограничивали его действия в ближайшем тылу противника: сначала корпус был направлен на Гродзиск, затем на Скерневице и только потом на Лодзь. Такое упорство Шейдемана продолжалось, несмотря на здравые и правильные указания, данные 16 октября в директиве № 4318 главнокомандующим Северо-Западным фронтом. В этой директиве говорилось: «Считаю несоответственным направление конного корпуса Новикова в район Блоне, Гродзиск, Брвинув, что при-

водит не к глубокому тылу, где этот корпус мог многое сделать, а к флангу и ближнему тылу противника, где конница будет на каждом шагу встречена пехотой противника, занимающей местные предметы».

Следует напомнить, что из бзурского мешка 14-я кавалерийская дивизия вырвалась по собственному почину, перенеся свои действия на западный берег Бзуры. За ней потянулись части 1-й Кавказской, а затем 5-й и 8-й кавдивизий. Вместо того чтобы сменить 14-ю кавдивизию пехотой в Сохачеве, ее оставили в одиночестве, возложив на нее задачу — сторожить выигранный фланг противника.

Я уже писал, к чему привела потеря Сохачева: конница жалась к реке Бзура, вместо того чтобы решительно действовать по глубоким тылам, пока была такая возможность. Когда же Макензен, укрепив свой левый фланг 11-м корпусом и кавалерийским корпусом, стал отходить на Лович и юго-восточнее от него, 1-й кавкорпус, упустив время, оказался снова перед фронтом и без содействия пехоты не мог продвинуться вперед.

Между тем и 8-я немецкая, и 7-я австрийская кавалерийские дивизии имели каждая по стрелковому батальону. Они составляли опору для маневрирования.

Признавая бесцельное изматывание дивизий 1-го кавалерийского корпуса, начальник штаба 2-й армии Чагин в своем донесении от 12 октября писал Орановскому: «Ген. Новиков свидетельствует о сильном утомлении конского состава, об отсутствии фуража в занимаемом им районе и об изношенности материальной части»¹. Все это соответствовало действительности, но ведь и конница противника находилась не в лучшем состоянии.

Штаб 1-го корпуса, механически следуя распоряжениям штаба 2-й армии, не проявил достаточной оперативности и гибкости, принизил роль кавалерийского корпуса.

Что же в это время происходило у немцев? Уже 27 сентября штаб их 9-й армии отдал приказ: в случае отхода от Варшавы и Ивангорода разрушить железные дороги и шоссе.

¹ Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов. 1938. С. 266—288.

Бесперспективная операция немцев на левом берегу Вислы приближалась к логическому концу: у них не хватало сил, а русские войска с каждым днем наращивали свои силы за Вислой и в районе Варшавы. Гинденбург с Людендорфом очень беспокоились за свой левый фланг под Варшавой. Командующий 8-й немецкой армией Макензен хорошо понимал изменившуюся на его фронте обстановку, но считал тактическое положение своих войск удовлетворительным и боялся отходом поколебать их дух. Он решил оставаться на прежних позициях, а левый фланг обеспечить бригадой Врохейма и частями ландштурма, расположив их за реками Утрата и Бзура до Вислы. Но русская конница форсировала Утрату и заняла положение, угрожающее немецкому флангу.

В эти напряженные дни, как явствует из документов рейхс-архива, Макензена ввела в заблуждение воздушная разведка. Еще 3 октября она донесла, что в районе к западу от Блоне и Новы, Двур, Мазовецки скопления войск не замечено. 4 октября были разосланы секретные приказы о подготовке к отходу, разгрузке тылов и т.д. Только в ночь на 7 октября началось отступление. Если бы Шейдеман не допустил грубых просчетов, то немцам не удалось бы отступить беспрепятственно.

Из истории осеннего похода в Западной Польше известно, что Гинденбург для усиления левого фланга армии Макензена перебросил 11-й немецкий корпус. Под Сохачевом он успел оказать сопротивление наступавшей 2-й русской армии. 14 октября Гинденбург отдал общий приказ об отходе всей 9-й армии на линию Велюнь, Ченстохов.

Известно также, что Фалькенгайн отказался усилить Восточный фронт частями, формируемыми внутри Германии. Он не перебросил частей и с Западного фронта. В связи с этим Гинденбург был вынужден 160-километровое расстояние от Вислы до Вемоня прикрывать слабыми ландштурменными частями из корпусных округов с малочисленной артиллерией.

Единственной поддержкой, которую Гинденбург оказал Фалькенгайну, было то, что он с Западного фронта перебросил 5-ю кавалерийскую дивизию на Познань и далее на Плешев.

12 и 13 октября весь корпус Новикова простоял к западу от реки Слудва и к югу от Жихлин, ведя лишь разведку к западу на Кутно-Ленчица.

15 октября корпус Новикова получил новую задачу — пройдя перед фронтом 2-й армии, «энергично действовать на фланг и в тыл отступающего противника в направлении на фронт Шадек, Лодзь»¹. Корпус отходил в полном порядке, захватить отставших солдат 11-го немецкого корпуса удавалось редко.

К вечеру 18 октября 1-й кавкорпус вышел на линию Шадек, Здуньска-Воля, имея справа налево 5, 8 и 14-ю кавалерийские дивизии. Разъезды дивизий находились на реке Варта, западный берег которой на участке от местечка Варта до Серадза заняла спешенная конница и пехота противника. Перед 14-й кавалерийской дивизией, вышедшей к реке у Серадза, оба моста (железнодорожный и шоссе́йный) были основательно разрушены. Приближавшиеся к реке наши разъезды встречались не только ружейным, но и артиллерийским огнем.

Такая обстановка сохранялась и до 20 октября, когда было получено сообщение об успешной переправе 8-й кавалерийской дивизии в район местечка Варта. Зацепившись за западный берег реки, командир корпуса подтягивал туда 5-ю и 14-ю кавдивизии. Утром 21 октября эти дивизии также переправились на западный берег Варты.

Переправившись через Варту, дивизии 1-го конного корпуса повели наступление на запад, отбрасывая части австрийской и немецкой конницы.

С утра 22 октября немцы открыли сильный артиллерийский огонь против 14-й кавалерийской дивизии, а во второй половине дня густые цепи их пехоты пошли в наступление. Восемь орудий нашей 14-й дивизии вели непрерывный огонь, сдерживая противника. Под натиском превосходящих сил 14-я дивизия начала отступать на восток. Она заранее создала хороший артиллерийский транспорт. Несмотря на большой расход снарядов, артиллерия дивизии не испытывала в них острого недостатка.

¹ Варшавско-Ивангородская операция. С. 391.

Отойдя к местечку Варта, 1-й кавкорпус встретил здесь авангард 4-й стрелковой Сибирской дивизии (14-й стрелковый полк с батареей). Противник продолжал наступление и в темноте. В дело вступил и 14-й стрелковый полк. Разгорелся сильный огневой бой, он перерастал в отдельные рукопашные схватки. Выполняя приказание командира корпуса, кавалерийские дивизии под прикрытием пехоты в темноте начали отходить на восточный берег Варты.

Так закончилось первое наступление нашего кавалерийского корпуса на Калиш.

Настроение в штабе дивизии было подавленным: после успешного продвижения в течение трех недель пришлось снова отойти на восток.

Между тем от разведывательных отрядов дивизии, посланных на запад и перешедших на германскую территорию, поступали донесения об отходе немцев на север от Калиша. Все говорило о том, что немцы сосредоточиваются к северу от реки Варта и готовят удар вдоль Вислы на юго-восток.

Штаб 14-й дивизии находился в деревне Глинно. Эрдели вызвал меня и после оценки всех имеющихся данных разведки и положения частей 2-й армии приказал составить донесение командиру нашего корпуса. Суть его заключалась в следующем: 2-я русская армия выходит на реку Варта. Калиш прикрывается немецкой конницей, поддержанной пехотой. Промежуток между реками Вислой и Вартой прикрыв лишь 1-й Кавказской и сводной казачьей дивизиями. Между тем нужно ожидать удара немцев именно с направления от Торуни вдоль левого берега Вислы. Поэтому было бы целесообразным не бросать наш 1-й корпус на Калиш, а направить его в промежуток между Вислой и Вартой, а пятью кавалерийскими дивизиями встретить наступление немцев. Какое значение придал этому донесению Новиков, мне неизвестно до сих пор. По-видимому, до штаба 2-й армии его не довели. Не берусь судить о его целесообразности, но думаю, что нахождение пяти кавдивизий на главном направлении немецкого наступления парализовало бы развитие действий их 1-го кавалерийского корпуса и дало бы время 2-й русской

армии планомерно закончить изменение фронта в северо-западном направлении.

С утра 23 октября с наблюдательных пунктов артиллерии 14-й кавдивизии было замечено движение в северном направлении по западному берегу реки Варта пехотных колонн противника. Обе батареи дивизии тотчас же открыли по ним огонь. Противник накапливал пехоту и конницу в районе деревень Езерско и Острув, предпринимая попытки переправиться на восточный берег Варты, но огнем 8-й кавдивизии и авангарда 2-го Сибирского корпуса был отбит, причем, по-видимому, понес большие потери.

25 октября совместная разведка кавдивизий корпуса Новикова с пехотой 2-й армии, надвинувшейся вплотную на реку Варта, обнаружила, что противник охраняет западный берег реки лишь небольшими частями, а главными силами отошел на запад. Поэтому в тот же день части корпуса Новикова на широком фронте от Унеюва до местечка Варта вновь форсировали реку и к вечеру вышли на линию Милачев, Глухув, Понятув, причем на правом фланге была 8-я, в центре — 5-я и на левом фланге — 14-я кавалерийские дивизии.

26 октября наш 1-й кавкорпус продолжал движение на запад. Противник оказывал упорное сопротивление 14-й кавдивизии в районе населенного пункта Козминек. Только к вечеру удалось выбить 7-ю австрийскую кавалерийскую дивизию из этого пункта.

Противник удерживал линию Закшин, Козленткув, Наквасин. 14-й кавалерийской дивизии приходилось иметь дело уже с пехотными частями немцев, прикрывавших направление на Калиш. К вечеру 27 октября противник был отброшен за реку Свендрня.

28 октября дивизии Новикова повели наступление на Злотник, Камень, Желяскув и Калиш. Во второй половине дня из Калиша начали развертываться в северо-восточном направлении новые пехотные части противника. Они продвигались по шоссе на деревню Скаршев. Наши артиллеристы открыли по ним сильный огонь. Для штаба нашей 14-й дивизии теперь стало ясно, что только своими силами Калиш взять не удастся.

Все зависело от того, насколько к западу продвинутся 5-я и 8-я кавдивизии. По имевшимся данным, наступление 5-й кавдивизии развивалось медленно. Заняв Юзефину, она еще не смогла переправиться через реку Свендрня. Таким образом, бой на фронте 14-й дивизии принял затяжной характер: приходилось сдерживать развертывающуюся из Калиша немецкую пехоту.

Штаб 14-й дивизии находился в Богданове. Около четырех часов дня здесь было получено приказание командира корпуса: приостановить атаку, начать отход в район Сешхув, Райско. Приказание на отход бригады получили с наступлением темноты. Штаб нашей дивизии двинулся на Козминек. Здесь, в штабе корпуса, предполагалось выяснить обстановку. Достигнув населенного пункта Наквасин, наш штаб поздним вечером встретил отходящую артиллерию 5-й кавдивизии. На вопрос, почему они отходят, командир артиллерийского дивизиона ответил, что 8-я кавдивизия разбита, начальник этой дивизии Зандер убит, а полки 5-й кавдивизии начальник штаба корпуса направил на спасение 8-й кавдивизии.

Мы, собравшись у начальника дивизии, взвесили обстановку на нашем правом фланге. Пришли к выводу: ночью же отвести бригады в район Блашки, Скальмеж; в районе деревни Хваленнице связаться с 5-й кавдивизией, а в районе Моравии установить связь со штабом корпуса.

Днем 29 октября противник не наступал, обе дивизии оставались в прежнем районе. По полученным сведениям, части 8-й кавдивизии собрались в районе деревни Дельце. Начальник дивизии Зандер оказался жив и здоров. Правда, под угрозой удара во фланг и тыл с севера 8-я кавдивизия поддалась панике, бросила одно орудие, и бригады разбрелись в разные стороны. Командир 1-й бригады Краковский с частью эскадронов своей бригады отскочил к Цекуву и чуть было не наделал паники в расположенном там 23-м корпусе. 2-я бригада вместе с начальником дивизии собралась в районе Сельце.

Поведение 8-й кавалерийской дивизии не удивило меня: с ней случилось то же под Радомом в начале войны. Стойкость этой дивизии была невысокой. Это было хорошо известно

Дрейеру, но он не принимал действенных мер для ее укрепления.

Ныне, просматривая документы, находим отклик и в вышших инстанциях на бой, проходивший 28 октября.

30 октября 1914 года командующий 2-й армией Шейдеман писал командующему фронтом генералу Рузскому: «В корпусе Новикова нет ни ружейных, ни артиллерийских патронов, поэтому необходимо дать время их подвезти. Второе — понесшая большие потери 8-я кавдивизия нуждается в устройстве и пополнении, и сейчас выступить не в состоянии. Третье — крайне тяжелый песчаный грунт повлиял после продолжительных передвижений на конский состав артиллерии корпуса, которому надо дать отдых. Ввиду этих причин я позволю себе высказать, что движение корпуса Новикова для выполнения той задачи, которая была нами поставлена (движение северо-западнее Калиша. — *Б.Ш.*), вряд ли возможно даже завтра, 30 октября. 7730. Шейдеман»¹.

На следующий день, 31 октября, начальник штаба 2-й армии сообщил начальнику штаба фронта:

«Командир конного корпуса генерал Новиков донес, что конский состав утомлен и в большинстве истощен и требует перековки, а конское снаряжение требует пересмотра и исправления. Артиллерийские лошади без предварительного отдыха категорически не способны к дальнейшей работе. Генерал Новиков ходатайствует о разрешении конному корпусу хотя бы двухдневного отдыха. 7757. Чагин».

На этом документе генерал Орановский наложил резолюцию: «Благодарю, не ожидал. Это значит, все должны напрячь свои силы. 31/Х»². Думаю, что это очень верная резолюция.

Действительно, кавалерийский корпус устал. Но разве в два дня можно поправить лошадей, перековать их и пересмотреть конское снаряжение? Слабела воля Новикова и его энергичного начальника штаба Дрейера.

¹ Лодзинская операция. Сборник документов. 1936. С. 105.

² Там же. С. 105—106.

1 ноября Ставка по прямому проводу связалась со штабом Северо-Западного фронта, вела с ним разговор о конном корпусе Новикова. Об этом сообщено в «Кратком стратегическом очерке войны 1914—1918 гг.». Далее в этой книге рассказывается, что генерал Рузский вообще не восторгался действиями корпуса Новикова. В течение всего времени пребывания на фронте Новиков измотал свою конницу, существенной пользы не принес. Часто он действовал в районах, не соответствующих общему положению войск. Весь корпус он иногда ставил в невыгодное положение, не всегда умело располагал его на ночлег. Из трех дивизий две (8-я и 14-я) настолько измотаны, что 1 ноября не могли действовать, они нуждались в двухнедельном отдыхе. Но Рузский не мог предоставить им отдых, потому что требовалось напряжение всех сил войск для достижения цели, поставленной Верховным главнокомандованием, которое знало, что против фланга нашей 2-й армии подтягиваются новые кавалерийские дивизии противника. Таково признание, сделанное в упомянутом «Кратком стратегическом очерке войны 1914—1918 гг.».

1-й конный корпус был подчинен 2-й армии. Ее командующий Шейдеман и начальник штаба Чагин донесли фронту об ограниченной боеспособности дивизий Новикова, но в их донесении ничего не сказано ни о двухнедельном отдыхе, необходимом для корпуса, ни о положении дел в 14-й кавдивизии. Для меня, офицера этой дивизии, совершенно непонятно, на каком основании штаб Северо-Западного фронта доложил Ставке, что наша дивизия нуждалась в двухнедельном отдыхе. Она была тогда в таком состоянии, что не испытывала острой нужды в отдыхе.

Что же касается «изматывания» Новиковым своих дивизий в районах, «не соответствующих общему положению» войск, то и это утверждение лишено оснований. Ведь сам же Рузский указывал Шейдеману на неправильное использование конницы Новикова для нанесения ударов по ближайшим тылам противника. Новиков действовал на тех направлениях, которые определялись штабом 2-й армии. Поэтому было бы честнее, если бы штаб Северо-Западного фронта обвинил командую-

шего 2-й армией, а не генерала Новикова в «изматывании» 1-го конного корпуса. Штаб Северо-Западного фронта сам не понимал, в какие условия он ставил корпус Новикова и что от него требовалось.

История подтверждает, что 1-й конный корпус 28 октября отступил от собственной тени. Противник был измучен не меньше, чем корпус Новикова, и не преследовал наши дивизии. Паника, возникшая в 8-й кавдивизии, перенеслась и в 5-ю кавдивизию, она охватила и самого Новикова и его начальника штаба Дрейера. Теперь ясно, что Дрейеру очень не хотелось сообщать о потере орудия. В донесении № 7726 от 29 октября, направленном начальником штаба 2-й армии начальнику штаба Северо-Западного фронта, о потере этого орудия не сказано ни слова.

Конечно, без поддержки пехоты конный корпус Новикова не справился бы с атакой десяти пехотных батальонов противника, располагавшего и кавалерией. В лучшем случае Новиков мог набрать три-четыре батальона спешенных всадников.

Факты свидетельствуют, что наше высокое начальство не понимало роли конницы в боевых операциях 1914 года. Об этом же говорит тот факт, что оно считало: Новиков вполне мог выполнить задачу, поставленную его корпусу командованием фронта и армии. У конницы Новикова оставалась прежняя задача — двигаться в направлении между Слупцей и Калишом и далее между Познанью и Лешно.

Командование Северо-Западного фронта 31 октября отдало директиву № 1489 о наступлении на территорию Германии. В тот же день приказ № 41 о наступлении на территорию Германии был отдан командованием 2-й армии. А 1 ноября командующий 2-й армией в своем распоряжении № 7791 писал начальнику штаба фронта Орановскому:

«Коннице генерала Новикова согласно указанию главнокомандующего поставлена задача — произвести поиск в общем направлении на Познань, Лисса¹, ведя разведку в этом районе, имея целью выяснить здесь силы противника и разрушать

¹ Лешно.

железные дороги, идущие параллельно границе. В настоящее время перегруппировка противника, по-видимому, закончилась, и в районе между Вислой и Вартой уже обнаружилось наступление значительных сил немцев; по левому берегу Варты тоже обозначилось наступление в направлении на Унеюв. При таких условиях присутствие в районе боевых действий армии конного корпуса, который решительными и смелыми операциями во фланг и тыл наступающему противнику много мог бы содействовать успеху армии, представляется крайне желательным. Не признает ли главнокомандующий возможным изменить задачу, поставленную коннице генерала Новикова, из стратегической на тактическую? Оставаясь в районе между Калишом, Туреком, Слупцей, конница генерала Новикова могла бы развить энергичные действия во фланг и тыл противнику, наступающему с северо-запада, и вести разведку на фронт Сомпольно (Времен), Яроцин. 7791. Шейдеман»¹.

Не знаю, какой ответ последовал на это ходатайство командующего 2-й армией, но уже начавшаяся Лодзинская операция свела действия конного корпуса к тактическим действиям.

Телеграмма Шейдемана, на которую я сослался, характерна именно тем, что он стремился возложить на конницу решение задач не в оперативном просторе. Тактические же задачи одна конница, без поддержки пехоты, решить не могла: у нее не хватало сил.

Обозревая весь период 1—29 октября, следует отметить, что немцы умело организовали отход, рокировку своих войск к Торуни; русские же армии двигались медленно и допускали предвзятость при оценке намерений противника.

Я отмечал, что уже в 20-х числах октября начальник 14-й кавалерийской дивизии доносил о возможном ударе немцев от Торуни. Такое же предположение высказывал и штаб 2-й армии. Но штаб Северо-Западного фронта и Ставка категорически отвергали эти предположения.

Лично я ориентировался в то время недостаточно четко, но и мне было видно, что противник отходил организованно

¹ Лодзинская операция. Сборник документов. С. 153.

и что нужно было ждать удара. Откуда? Конечно, исходя из германской доктрины, удар должен был последовать во фланг и именно — северный, открытый, в сущности, для этого.

Что же касается конного корпуса Новикова, то он действовал растопыренными пальцами: не видно было сосредоточения хотя бы двух кавдивизий для удара. 14-й кавдивизии всегда выпадала тяжелая задача, но она, решая ее, с каждым днем теряла веру в командирские способности Новикова и все более сомневалась в его доброжелательном отношении к дивизии. Вот почему взаимоотношения между штабом корпуса и штабом дивизии с каждым днем становились более формальными. Виноват в этом был штаб корпуса!

Не время было думать об этом: к северу от района, где находилась наша дивизия, гремела артиллерийская канонада, и 2-я армия меняла фронт на север.

Началась Лодзинская операция.

ЛОДЗИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Только военная история дает боевым операциям должное наименование, сортируя их по известным полкам. Для войск же, участвовавших в этих операциях, таких названий не существует. Войсковые части и соединения повседневно несут боевую службу, цель которой — выполнить задачу, возложенную на них высшим командованием.

Ни русская, ни германская стороны после отхода армии Гинденбурга от Варшавы не предполагали, что военные историки назовут их боевые действия Лодзинской операцией. Германское главное командование на востоке рассчитывало, что ему удастся смять правое крыло 2-й русской армии и, может быть, выйти на Лодзь. У русского высшего командования была своя цель — обеспечить вторжение в Германию. О Лодзинской операции, конечно, никто не думал.

Неудачное наступление на Калиш и паника в 8-й кавалерийской дивизии вызывали чувство горечи у всех, кто до сих пор победоносно продвигался на запад. Начальник дивизии и его штаб были убеждены, что сделать что-либо большее без

поддержки пехоты они не в состоянии. Разведка, которую вела дивизия в районе Калиш, Козминек, обнаруживала те же части противника (бригада Дуссена — в районе Калиша и 7-я австрийская кавалерийская дивизия с пехотой не менее полка — в районе Козминека).

Если в начале войны 14-я кавалерийская дивизия была усилена пограничниками, то ныне и этой поддержки ее лишили: командующий 2-й армией выделил из состава дивизии пограничные конные сотни, оставив их на отдых в районе Кутно.

В начале ноября эти пограничные сотни, попав под удар немцев, отошли на Лович. Позже из них сформировалась пограничная дивизия.

Около месяца дивизия не имела никаких сведений о своих двух разведывательных эскадронах, оставленных в Лысогурских лесах, южнее Кельце. В штабе дивизии еще теплилась надежда, что кто-нибудь из этих эскадронов прорвется и сообщит об их судьбе. Новые эскадроны для уланского и гусарского полков еще не формировались.

Только в конце октября оба разведывательных эскадрона вышли из вражеского тыла. К ним присоединился эскадрон 5-го гусарского полка 5-й кавдивизии. Все три эскадрона были в район расположения нашей 14-й дивизии, и мы узнали, что эскадроны, отрезанные пехотой противника, укрывались в лесах. Хлебом, мясом и фуражом их снабжали местные крестьяне. Они не раскрывали противнику место нахождения эскадронов. Долго на одном месте эскадроны не задерживались, ночами передвигаясь в новые районы. Крупных ударов по тылам немцев они не наносили, но одиночные повозки и автомобили уничтожали.

Хотя немцы и выделили конный полк для того, чтобы обнаружить и разгромить оба наши эскадрона, но это им не удалось: крестьяне вовремя предупреждали русских, и они уходили, заматавая следы. И все же командование по достоинству не оценило заслугу эскадронов, считая, что действовали они пассивно. Личный состав эскадронов не представили к наградам.

С 29 октября по 1 ноября 1-й конный корпус оставался в районе Варта, Михалкув, Хваленцице, Калинова, Волень,

Блашки. Дивизии корпуса вели разведку на фронте Калиш, Козминек, Турек. Они обнаружили части бригады Дуссена, 7-й австрийской и 8-й немецкой кавалерийских дивизий.

Сведения, поступающие из наших тыловых органов, подтверждали, что корпуса немецкой армии начали передвижение вдоль правого берега Вислы, меняя свой фронт на север.

2 ноября левофланговые дивизии 1-го конного корпуса (5-я и 14-я) вновь перешли в наступление в общем направлении на поселок Козминек. В этом районе и завязался бой. В ночь на 3 ноября поступило приказание командира корпуса приостановить наступление на запад и северо-запад. 14-я дивизия должна была принять участок у 5-й дивизии, которая ночью спешно выходила из состава корпуса и форсированным маршем должна была достигнуть населенного пункта Згежа. Таким образом, 1-й конный корпус оставался в составе двух кавалерийских дивизий (8-й и 14-й) с 18 орудиями. Противник вел себя пассивно.

Утром 4 ноября было получено приказание дивизиям корпуса перейти на восточный берег Варты и расположиться: 8-й кавдивизии — в районе Сквятковице, Добрузов, а 14-й дивизии — в районе Вилимув, Шадек. Совершив 45-километровый марш с переправой через Варту, 14-я дивизия достигла указанного района с наступлением темноты. 2-я бригада со штабом дивизии должна была расположиться в Вилимуве, а 1-я бригада — юго-восточнее Шадека.

Ожидалось, что с рассветом пехота противника поведет наступление в направлении на Ласк. В связи с этим на 2-ю бригаду возлагалась задача — занять деревню Вжещевице, а на 1-ю бригаду — обороняться у Балуча.

Около восьми часов утра штаб дивизии переместился на высоту у Каршева. Оставшийся в фольварке штаб корпуса, вскоре попав под артиллерийский огонь противника, быстро перемещался на юго-восток. Около девяти часов огонь артиллерии противника усилился, пехота и спешенная конница немцев перешли в наступление, стремясь с фронта охватить левый фланг нашей дивизии. 8 орудий дивизии с трудом сдерживали их наступление.

Около десяти часов утра в деревне Каршев появилась наша пехота. Посланный в деревню офицер выяснил, что это подходил авангард 17-й дивизии 19-го армейского корпуса (68-й Бородинский пехотный полк, совершивший форсированный 50-километровый ночной переход).

Начальник дивизии Эрдели пригласил меня в Каршев. Здесь от командира 68-го полка полковника Тумского мы узнали, что 19-й армейский и 1-й Сибирский корпуса 5-й армии генерала Плеве подходят на усиление левого фланга 2-й армии. Полк устал. Обрисовав Тумскому обстановку, мы попросили его дать нам хотя бы один батальон для поддержки наших слабых спешенных частей, гарантировав, что в течение трех часов сдержим немцев, а за это время полк сможет отдохнуть. Тумский согласился и выделил нам головной батальон. Остальные три батальона с легкой батареей он расположил в Каршеве на отдых.

В первом часу дня противник, усилив артиллерийский огонь, начал стремительное наступление. Его отразили части нашей дивизии и батальон бородинцев. Противник залег. Можно было немного и нам отдохнуть. В 2 часа дня Эрдели получил категорическое приказание командира 1-го конного корпуса — сдать свой участок частям 19-го корпуса, немедленно выйти из боя и отойти к югу от Ласка. Выходить из боя днем было, конечно, нелегко. Пришлось снова ехать к командиру полка бородинцев и упрашивать его развернуть свои батальоны. В четвертом часу 68-й полк начал разворачивать два батальона и батарею для смены частей 14-й дивизии. Один батальон командир полка оставил резервным в Каршеве.

Уже темнело, когда бойцы спешенных частей нашей дивизии выходили к своим коноводам. Бородинцы своевременно вступили в жаркий бой. Около пяти с половиной часов дня штаб 14-й дивизии покинул Каршев. Командиру 68-го полка с резервным батальоном пришлось самому идти в контратаку против немцев.

Оценивая итоги дня 5 ноября, командир 19-го корпуса в своем донесении писал: «К 10 часам вечера фронт корпуса был таков: 17-я дивизия — Бабенец, Кики, 38-я дивизия — Стрые,

Паскове, Балуч, Млыниско. Наиболее упорный бой сегодня вели бородинцы, которые под сильным огнем тяжелой артиллерии, заставившей замолчать нашу батарею, отбивали атаки значительно превосходящих сил противника, но они все-таки были оттеснены к Каршеву от деревни Кики, которой они овладели. Московский полк (65-й пехотный. — *Б.Ш.*), наступая, выбил противника из Кики и занял эту деревню. В Бородинском полку потери огромные, в остальных — невелики, а в 38-й дивизии — весьма незначительны. Бородинцы из боевой линии отведены в корпусный резерв. В районе корпуса сегодня ночуют 8-я и 14-я кавдивизии. Завтра с утра предстоит наступление»¹.

Удерживая Калиш ландштурменной бригадой Дуссена, командир 3-го немецкого кавалерийского корпуса направил свои части на север, к Туреку, чтобы прикрыть правый фланг наступающей 9-й армии Макензена.

Наступление 2 ноября корпуса Новикова на Козминек заставило Фроммеля предпринять контрманевр от Турека на юг. Но ввиду отхода русской конницы Фроммель со своими конными дивизиями снова направился на север, продолжая вести артиллерийский огонь по восточному берегу Варты, по которому двигались пехотные колонны русских.

4 ноября в районе Калиша сформировался корпус «Познань». В его состав вошли эрзацбригады ландштурманов. Он должен был достигнуть реки Варта и совместно с 3-м кавкорпусом нанести удар по левому флангу и тылу 2-й русской армии. На следующий день этот корпус, поддержанный огнем тяжелой артиллерии, сначала атаковал 14-ю и 8-ю кавдивизии корпуса Новикова с фронта Шадек, Вилямув. Затем корпус «Познань» атаковали подошедшие части 19-го армейского и 1-го Сибирского корпусов. Корпус «Познань» был вынужден отойти на линию Шадек, Вилямув. К вечеру того же дня к Шадеку приблизилась бригада Дуссена.

В следующие дни, когда были подтянуты Познаньский и Бреславльский корпуса, немцы все равно здесь не добились успеха.

¹ Лодзинская операция. Сборник документов. С. 234.

6 ноября наш 1-й кавкорпус устремился к Здуньска-Воле. Здесь завязал бой с пехотой и спешенной конницей противника, занимавшего опушки лесов к северу от деревни Здуньска-Воля. Вскоре к этой деревне подошла 5-я Донская дивизия. Она приняла участок 1-го кавкорпуса. Его дивизии снова оттягивались на ночлег в район Ласка. Из штаба корпуса поступило приказание: 7 ноября 8-й и 14-й кавдивизиям усиленным маршем перейти в район станции Рокицаны, юго-западнее станции Колюшки. Штаб корпуса не ориентировал дивизии в сложившейся обстановке. Становилось ясным только одно: придется проходить по тылам двух неприятельских армий.

Получив приказание от командира дивизии, я набросал два маршрута движения бригад с придачей каждой по батарее. Явился к Эрдели для подписи приказа. Ознакомившись с маршрутами, он сказал:

— Зачем, Борис Михайлович, мы будем тащить по копоту за собой артиллерию? Не лучше ли направить ее по шоссе вслед за 8-й кавдивизией? Тогда она скорее дойдет, и нам будет легче.

На это я возразил: обстановка в том районе, куда нас передвигают, неясная, и артиллерия может бригадам понадобиться на пути движения.

— Ну какая там неясная обстановка — будем двигаться по тылам! Нужно сохранить силы наших коней...

Действительно, я и сам не знал, зачем нас передвигают и что делается в районе станции Рокицаны... Не хотелось настаивать. Но в приказе я все же оставил указание: бригадам выслать на 15 километров вперед ближнюю разведку.

С утра 7 ноября 1-й кавкорпус двинулся на восток. Погода была скверная. Штаб дивизии ехал с левой колонной, направлявшейся через Длутув. Желание выяснить обстановку вынудило меня пойти на превышение моих полномочий: я вызвал из 14-го казачьего полка молодого и толкового хорунжего с шестью казаками, отправил его как делегата связи прямо в штаб 2-й армии в Лодзь с приказанием выяснить и доложить мне, что делается на фронте армии. Я сказал хорунжему, что он обязан оставаться при штабе 2-й армии. Пронырливый казачок

отлично исполнил поручение. В дальнейшем он держал меня в курсе всех событий на фронте 2-й армии.

Насколько войска не были ориентированы в обстановке, показывает следующий факт. В одной из деревень, к западу от Длутува, мы натолкнулись на начальника штаба 7-й пехотной дивизии. Ею командовал полковник Довбор-Мусницкий. Эта дивизия находилась в армейском резерве. Мы рассказали полковнику, что совершаем марш в район станции Рокицаны. «Вот мудрое начальство, — с иронией заметил Довбор-Мусницкий, — прорвались какие-то два эскадрона немцев, а мы гоним туда целый конный корпус!» Эрдели был убежден, что эта мысль полковника не противоречит истине.

День клонился к вечеру. Командиры наших бригад получили донесения от своих разъездов: не только район Рокицаны, но и деревни к западу от Тушина заняты пехотой противника, она ведет по нашим разъездам сильный ружейный огонь. Не оставалось сомнения, что противник располагает более чем двумя эскадронами. Эрдели спросил меня, где находится наша артиллерия. «Видимо, прошла Ласк», — ответил я (свежих донесений от командира артдивизиона не было).

С наступлением темноты обе бригады 14-й дивизии вынуждены были остановиться в районе Буды-Длутовске, Рокицаны и в пяти — семи километрах к западу и юго-западу от Тушина, который был занят пехотой немцев. Юго-восточнее района, где располагалась дивизия, наша разведка обнаружила пехотное охранение противника.

Где была 8-я кавдивизия, наша артиллерия и штаб корпуса, пока было неизвестно. Я немедленно направил на Пабяницу разведку, чтобы она установила связь с нашими частями. Эрдели начал беспокоиться за участь нашей артиллерии: с утра 8 ноября предстоят боевые действия, а артиллерии у дивизии нет. Через каждый час меня вызывал начальник дивизии и спрашивал, не пришла ли артиллерия. Я ничего не мог доложить — донесения от артиллеристов не поступали. Эрдели, наверное, вспомнил мое предостережение — не выпускать из своих рук артиллерии. Но дело, конечно, не в оправданиях. Следовало принять энергичные меры, чтобы разыскать артил-

лерию. С этой целью я послал еще один специальный разъезд в направлении от Пабянице на Жгув.

Между тем около 12 часов ночи из штаба корпуса мы получили два распоряжения: 1) 8 ноября, во что бы то ни стало взять Тушин и 2) передать приказ командующего 2-й армией 10-й пехотной дивизии наступать на Тушин и далее на Вискитно. 10-я дивизия в это время находилась севернее населенного пункта Петрков.

Я доложил Эрдели оба распоряжения. Первое из них мы могли выполнить при условии, если прибудет наша артиллерия. Решили выполнять второе распоряжение. Для связи с 10-й пехотной дивизией я вызвал от каждого полка по одному офицерскому разъезду, проинструктировал их. Начальникам разъездов указал по двухверстной карте расположение нашей дивизии и предположительное местонахождение 10-й пехотной дивизии...

Фамилии всех начальников разъездов я не помню. Запомнилась только одна фамилия — хорошо известного еще по маневрам 1913 года хорунжего 14-го Донского казачьего полка Лестьева, скромного, отличного, по-настоящему боевого офицера.

Отправив разъезды, я прилег, но неожиданно в мою избу ввалился командир артиллерийского дивизиона подполковник Арцишевский. Я употребил далеко не лестные слова, укоряя его за то, что столько времени он где-то пропадал. «Чего ты ругаешься? — возразил Арцишевский. — Пока вы тут спите, я уже воевал!»

— Как, где воевал? — невольно задал я вопрос.

Арцишевский рассказал, что он двигался за 8-й кавдивизией и в населенном пункте Пабянице оказался в потоке обозов, отступавших по шоссе с востока на запад.

В этом потоке Арцишевского встретил командир 1-го Сибирского корпуса генерал Плешков, направлявшийся на автомобиле на восток. Плешков приказал Арцишевскому идти по направлению на Жгув и поддержать 8-ю кавдивизию. Выдвинув артдивизион к востоку от Пабянице к Жгуву, Арцишевский установил связь с начальником 8-й кавдивизии, занял огневую

позицию и до вечера обстреливал немцев, отражая их атаки из Жгува. Кроме спешенных частей 8-й кавдивизии на позиции к западу от Жгува находились разрозненные подразделения пехотных частей 2-го Сибирского корпуса.

Ход событий показал, что противник действовал не двумя эскадронами, как утверждал полковник Довбор-Мусницкий, а крупными силами.

Уложив спать Арцишевского, я пошел к Эрдели, чтобы доложить о прибытии артиллерии и получить указания, как будем действовать завтра. Начальник дивизии решил с юга атаковать Тушин спешенными частями.

Вернувшись к себе на квартиру, я застал двух начальников разъездов, устанавливавших связи с 10-й пехотной дивизией. Они доложили, что к югу в направлении на Петркув фронтом на север встретили пехотное сторожевое охранение немцев, через которое пробиться не могли. Минут через 40 явился и третий начальник разъезда. Он доложил о том же. Не было пока четвертого начальника разъезда — хорунжего Лестьева. Я мог предположить только одно: этот храбрый офицер наверняка прорвался в расположение нашей 10-й пехотной дивизии.

...Рассвело. Наступило 8 ноября. Только что я собирался идти с докладом к Эрдели, как перед крыльцом моей квартиры появился разъезд Лестьева. Хорунжий сообщил, что ему удалось прорваться в расположение 10-й пехотной дивизии, разыскать ее штаб и передать приказ командующего 2-й армией. Сомнений в справедливости сообщения Лестьева у меня не возникло.

Расспрашивая хорунжего, как он добрался до штаба 10-й дивизии, я выяснил, что его разъезду пришлось дважды прорываться через пехотное сторожевое охранение немцев.

К югу от нас, разделяя 14-ю кавдивизию от 10-й пехотной дивизии, находились сильные пехотные части немцев, но их нумерацию установить пока не удалось.

Положение под Тушином и на всем правом фланге 2-й армии было чрезвычайно тяжелым. Если удалось найти 10-ю пехотную, то совершенно ничего не было известно о 5-й кавале-

рийской дивизии, в задачу которой входило обеспечение стыка между 2-й и 1-й русскими армиями.

Нацелив бригады для наступления на Тушин с юго-запада и юга, мы всем штабом выехали на высоты к западу от деревни Тыхув. На поле боя была тишина. Нашу разведку противник встретил ружейным огнем с кладбища, расположенного на южной окраине Тушина.

Вскоре обе наши батареи (8 орудий) открыли огонь по кладбищу и Тушину. Через полчаса со стороны Модлицы немцы ответили огнем не менее трех тяжелых батарей. Наступление наших спешенных частей замедлилось. С кладбища и из Тушина противник усилил пулеметный огонь. Около четырех часов дня на высотах у Тыхува мы обнаружили части 10-й пехотной дивизии. К нам в штаб прибыли начальник этой дивизии и его начальник штаба. Ознакомившись с обстановкой, они решили взять Тушин ночным штурмом, а мы передвинулись на ночь к востоку, став к югу от мельницы Рута.

На следующий день предстояло форсировать реку Вольбарка и наступать на север по открытой местности. Вместе с 10-й пехотной дивизией прибыла и 5-я кавдивизия, войдя снова в состав 1-го кавкорпуса.

Противник медленно отходил на север к железной дороге Жгув — Бруйце — Карпин<?>.

На 10 ноября 14-я дивизия получила приказание: действуя совместно с 10-й пехотной дивизией, которая штурмом взяла Тушин, продолжать наступление на Куровице.

Остальные дивизии 1-го кавкорпуса должны были наступать восточнее с целью не дать противнику продвинуться на восток от железной дороги.

Как стало известно штабу 14-й кавалерийской дивизии, войска 2-й армии понесли большие потери и еле удерживали фронт вокруг Лодзи; в 5-й армии дела шли лучше. Со стороны Скерневице в направлении на Колюшки действовали части 1-го Сибирского корпуса и Кавказской кавалерийской дивизии. Управление 2-й и 5-й армиями объединил командующий 5-й армией Плеве. Командующему 2-й армией запрещалось выезжать из Лодзи.

Артиллерийский гул орудий не прекращался целые сутки. Ночью особенно яркими казались отблески орудийных выстрелов. Горели деревни. Бой под Лодзью усиливался. А вскоре разгорелся бой и на северо-востоке — в направлении железнодорожной станции Колюшки. Между двумя этими фронтами был небольшой неосвещенный промежуток в 3—4 километра. Через него могли ускользнуть немцы. 1-й кавкорпус являлся как бы дном мешка, в котором сидели немцы и который затянуть должна была русская пехота.

10 ноября 14-я кавдивизия спешенными частями повела наступление на Куровице, а обе наши батареи открыли огонь по дороге Бруйце — Куровице, по которой двигались обозы противника. Вскоре к югу от дороги Бруйце — Куровице появилась пехота с артиллерией противника. Завязался бой с нашей дивизией. Наступление соседей тогда развивалось медленно. Существенных результатов в бою 14-я дивизия не добилась и отошла на ночлег в деревню Далькув.

11 ноября предстояло вести наступление на деревню Лазновска-Воля. 8-я кавдивизия наступала вдоль железной дороги на станцию Рокицаны. 5-я кавдивизия, двигаясь на Колюшки, должна была войти в связь с нашей пехотой, наступающей от Скерневице на Колюшки. Наступление соседей слева — 10-й пехотной дивизии — шло медленно.

Штаб корпуса сообщил о том, что немцы обрушились на 6-ю Сибирскую дивизию вблизи станции Колюшки и что эскадрон 17-го драгунского Нижегородского полка атаковал тяжелую немецкую батарею у Хрусты-Старо. Эта лихая атака, предпринятая в конном строю драгунами-нижегородцами, была частичным эпизодом. Она не оказала никакого влияния на ход боя 6-й Сибирской дивизии. Корольков же в своей книге «Лодзинская операция»¹ явно преувеличил значение этой атаки.

11 ноября в бою за деревню Лазновска-Воля наша 14-я дивизия столкнулась не только со спешенными частями немецкой конницы, но и с арьергардом пехоты, усиленной артиллерией.

¹ Корольков Г. К. Лодзинская операция. С. 139.

Лишь с подходом частей 10-й пехотной дивизии удалось очистить от немцев Лазновску-Волю.

На 12 ноября 14-я кавдивизия получила приказ преследовать противника через Колюшки в общем направлении на Бжезины. 5-я кавдивизия двигалась справа. 8-я кавдивизия задерживалась в тылу, потому что дошли слухи о появлении немцев в тыловом районе Томашува.

Разведка не давала достоверных данных о положении противника. Его пехотные и кавалерийские части были перемешаны. Отдельные мелкие разъезды противника бродили в тылу наступающих дивизий нашего 1-го конного корпуса. Командование 14-й дивизии стремилось быстрее выйти к станции Колюшки и войти в связь с нашей дерущейся здесь пехотой, чтобы восстановить общий фронт, разорванный немцами. Слово «окружение» немецких частей не было произнесено никем из участников этой операции.

12 ноября части 14-й дивизии пересекли железную дорогу Колюшки — Петркув и впервые встретили небольшие группы пехотинцев-сибиряков в характерных папахах. Пехотинцы бродили в разных направлениях. Когда я остановил одну из таких групп, приняв их за пехотную разведку, и поинтересовался, какую задачу они выполняют, то получил ответ: «Мы стрелки 6-й Сибирской дивизии. Ищем свой полк».

— Где же находится ваш полк? — спросил я.

— Да вот мы и не знаем... Кажется, наша группа единственной осталась из полка, — бойко ответил один солдат.

И действительно, рассказ солдат-сибиряков подтверждался: на поле боя, в районе Галкувека, лежали убитые русские и немцы. Здесь мы обнаружили винтовки, пулеметы, орудия, брошенные русскими и немецкими солдатами. Плакать, конечно, не приходилось, да и некогда было. Требовалось извлечь урок из этого боя...

Небольшим спешенным частям немецкой конницы не удалось задержать наше движение. С подходом наших цепей на прямой выстрел немецкие кавалеристы мгновенно садились на коней и отступали в северо-западном направлении. Параллельное преследование противника пришлось вести при

низкой облачности и в тумане. Мы шли по пятам немцев. Вскоре наши конники оказались в тылу нашей пехоты, занявшей Бжезины.

Итак, немецкая группа войск, которой командовал Шеффер, благополучно выскочила из «окружения», хотя целью такого «окружения» никто, собственно говоря, и не задавался.

Следует отметить, что Лодзинская операция имела для русской армии и два положительных результата: во-первых, был отстранен от должности командующего армией Ренненкампф — представитель «авантюризма»; во-вторых, был смещен с поста командующего армией и Шейдеман, оказавшийся бездарным начальником.

С отходом на Бжезины группы войск Шеффера для немцев важно было организовать фронт, для русских же — сорвать этот замысел противника.

После окончания боев на Ипре Фалькенгайн начал перебрасывать с Западного фронта на Восточный подкрепления уже не конницей, а целыми пехотными корпусами. Из истории мы теперь знаем, что было переброшено четыре корпуса (2, 3, 13 и 24-й резервный). Два из этих корпусов усилили левый фланг 9-й армии, а остальные наступали от Калиша и Серадзя на Пабянице.

Обескровленные боями, русские армии в конце концов все же задержались на левом берегу Вислы. Создалось бы другое положение, если бы все четыре корпуса были брошены в одном направлении. Об этом никто из немецких и русских исследователей истории Первой мировой войны не говорил. Нам думается, что германская армия могла добиться успеха, если бы ее военачальники, оперировавшие на Востоке, не потеряли веру в стойкость своих частей и если бы им не приходилось затыкать дыры, образовавшиеся на их фронте. Следует учесть, что противник понес большие потери: только 1-й немецкий кавалерийский корпус в ходе операции потерял 39 офицеров и более 1660 солдат (около 25 процентов штатной численности корпуса). Понятно, что после таких потерь этот корпус вывели в тыл на отдых.

Следуя к северо-востоку от Колюшки и отбрасывая спешенные части немецкой конницы, дивизии нашего 1-го конного корпуса вскоре снова вошли в соприкосновение с пехотой противника.

В поисках прохода в боевом расположении противника дивизии 1-го корпуса оказались не только за крайним правым флангом группы войск генерала Плешкова, но и к 16 ноября вышли за левый фланг 1-й русской армии (в 15 километрах юго-западнее Ловича). К этому дню части 1-й русской армии вели наступление на запад с целью выхода на линию Осмолин, Собота, Пентек. Командир корпуса Новиков полагал, что на этом участке будет возможно выйти в тыл противнику, действуя через Белявы и далее на Осмолин.

16 ноября наша 14-я дивизия вышла за боевой фронт 67-й пехотной дивизии (эта дивизия — второочередная), только что переброшенной из Петербургского военного округа; там она охраняла побережье. 67-ю пехотную дивизию включили в 6-й армейский корпус, и она повела наступление на Белявы.

17 ноября все дивизии 1-го конного корпуса спустились несколько к югу, встав уступом за правым флангом группы войск генерала Плешкова, входившей в состав 2-й армии. Между тем немцы усилили нажим на Лович, введя в действие тяжелую артиллерию. 55-я пехотная дивизия (тоже второочередная) занимала позицию за рекой Бзура, к западу от Ловича. 18 или 19 ноября начальник 14-й кавдивизии получил срочный приказ командира 1-го корпуса: по тревоге выступить на север и занять фронт 55-й пехотной дивизии, отошедшей на юг.

Вскоре мы заметили толпы солдат, офицеров, они беспорядочно отходили назад, в южном направлении. Это отступала 55-я пехотная дивизия, хотя на фронте царила тишина. Бригады нашей дивизии в спешном порядке заняли окопы 55-й пехотной дивизии, выслав вперед пешую разведку. Противник вел себя пассивно: по нашим разведчикам, приближавшимся к его позициям, открывал слабый ружейный огонь.

Около пяти часов утра к нам приехал начальник штаба 55-й пехотной дивизии и заявил, что она подходит к прежнему своему участку, чтобы занять его. Только от этого начальника

нам удалось узнать причину отхода 55-й дивизии. Днем немцы сильно обстреливали дивизию 152-мм снарядами — «чемоданами», так тогда называли тяжелые снаряды. Просидев день под сильным артобстрелом, дивизия с наступлением темноты не выдержала и, несмотря на то, что противник прекратил огонь, начала уходить на юг. Одним словом, в дивизии возникла паника.

Отойдя километров на шесть в тыл, полки остановились. Офицеры собирали свои разрозненные подразделения и части. Людей накормили, и дивизия пошла в обратном направлении — на свои прежние позиции. К рассвету 14-я кавдивизия была сменена. Побригадно она уходила в свой старый район расположения.

Я уже отмечал, как важно уметь осторожно вводить в бой резервные части. Без этого не достигнешь успеха. Мы убедились, что 55-ю пехотную дивизию перебрасывали из Петербурга под Скерпевице без надлежащей подготовки ее к боевым действиям. Вот почему она понесла крупные потери. Это привело к тому, что 1-й кавкорпус спешно передвигали на юг, на левый фланг Северо-Западного фронта, — здесь противник угрожал прорывом между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами. Корпус поступал в распоряжение командира 19-го армейского корпуса. При поддержке одной бригады 63-й пехотной дивизии (она сосредоточивалась к северу от Тушина) корпусу предстояло нанести фланговый удар на левом участке Северо-Западного фронта.

Переночевав в районе деревень Воля-Ракова, Карпин, 14-я кавдивизия утром 22 ноября двинулась через Тушин на Глухув. 8-я кавдивизия шла восточнее, ее задача — атаковать противника южнее Глухува. Когда штаб нашей дивизии выехал к югу от Тушина, то мы увидели следующую картину: левый фланг Северо-Западного фронта (7-я пехотная и 5-я Донская казачья дивизии) вел бой фронтом на север. Противник с юга не прекращал артиллерийского огня по 5-й Донской казачьей дивизии, которая отвечала немцам тем же. Ближняя разведка на юг не обнаружила противника. Таким образом, казалось целесообразным конницей выйти во фланг деревни Ютрошев,

а затем совместно с пехотой произвести фланговый контрудар. Начальник 14-й кавдивизии приказал выслать от каждой бригады по два эскадрона лавой в юго-западном направлении с тем, чтобы окончательно парализовать разведку и наблюдение противника за нашим флангом. За эскадронами двигались бригады. Они не открывали артиллерийского огня. Маневр вполне удался. Немцы, отвлеченные огнем на север, не только не обеспечили своего фланга, но и продолжали упорно обстреливать 5-ю Донскую казачью дивизию. Они ослабили внимание участку, расположенному на востоке.

Во втором часу дня из Тушина началось развертывание бригады 63-й пехотной дивизии, она повела наступление в юго-западном направлении. Цепь за цепью шла наша пехота по открытой местности. Немцы ее не обстреливали. Передовые эскадроны 14-й кавдивизии находились уже в лесу и гнали перед собой разведку и наблюдателей противника, а наши бригады расположились в Глухове.

Около четырех часов дня первые пехотные цепи беспрятственно достигли леса. Тогда и бригады 14-й кавдивизии двинулись юго-западнее Глухува, к лесу. Вскоре в лесу раздалось «ура». Это бригада 63-й пехотной дивизии внезапно атаковала немцев. Завязалась рукопашная схватка. Батареи 14-й кавдивизии из района южнее Глухува открыли по немцам огонь, а бригады в конном строю устремились в восточную часть леса.

Фланговый удар был, очевидно, настолько неожиданным для противника, что его артиллерия в темноте посылала отдельные снаряды по местам на востоке, где уже не было нашей конницы. Успех, достигнутый внезапным ударом, позволил нашим войскам в ту же ночь ускорить отход на позиции к востоку от Лодзи.

25 ноября 14-я кавдивизия отошла на восток, к железной дороге Колюшки — Петркув. На следующий день ей приказали выдвинуться вперед, овладеть деревней Ренкорай, ранее очищенной нашими частями, а потом снова занятой немецким пехотным батальоном, поддержанным одной или двумя артбатареями.

Спешив всех солдат и выдвинув в цепь станковые пулеметы, 14-я дивизия успешно выполнила задачу — взяла Ренкорай, захватив в плен до 20 немцев. Этот бой 14-я кавдивизия вела чисто по-пехотному, к чему она была приучена всем предыдущим периодом войны. Через день дивизия получила задачу — вновь отойти к железной дороге Колюшки — Петркув. Бесцельное движение конницы взад и вперед вызывало в наших частях справедливое нареkanie. В шутку за атаку Ренкорая наши кавалеристы окрестили дивизию «Ренкорайским резервным батальоном».

В начале декабря 1-й кавкорпус сменила пехота, а его конницу спешно направили на север, чтобы она прикрыла отход 2-й армии за реку Равка.

В ночь на 4 декабря дивизии 1-го корпуса заняли окопы 2-й армии, начавшей отход.

Лишь около одиннадцати утра противнику удалось обнаружить, что пехотные части 2-й армии отходят. Отдельными группами, а затем и цепями немцы начали наступление против наших дивизий. Наши главные силы сумели отойти за реку Равка без соприкосновения с противником. И все же еще немало наших солдат и отдельных обозов плелось в тылу отходивших колонн.

Наши пехотинцы, особенно сибиряки, не боялись немецкой конницы. Встречая ружейный огонь даже небольших подразделений русской пехоты, немецкие конные разъезды быстро спешивались. Пока начальник немецкого разъезда писал донесение о встрече с русскими пехотинцами, они усиливали огонь, продолжая свой марш на восток.

Отойдя за пехотные части 2-й армии, наш конный корпус простоял не более суток на месте, а затем его через Нове-Място перебросили на левый фланг фронта к югу от реки Пилица. В районе Пшисталовицы корпус вошел в соприкосновение с 19-м армейским корпусом, сражавшимся фронтом на северо-запад.

Немцы упорно стремились развить наступление по северному берегу Пилицы, тесня левый фланг 5-й армии. 8-я и 14-я кавдивизии, расположившись к юго-западу от Нове-

Място, обороняли южный берег Пилицы, не позволяя противнику организовать переправу. Дальним артиллерийским огнем обе дивизии фланкировали немцев, наступавших по северному берегу Пилицы на восток.

Дни были короткие. Пехота обеих воюющих сторон все глубже зарывалась в землю.

После 21 декабря 1914 года 14-я кавалерийская дивизия была отведена в тыл на десять дней. Личный состав эскадронов успел вымыться, постирать белье, произвести дезинфекцию одежды. Мне разрешили использовать десятидневный перерыв в Петербурге и Варшаве. В Петербурге я прожил только три дня. Здесь повидался со знакомыми, вдохнул столичного воздуха, узнал, как столица переживала дни войны. Курьерский поезд доставил меня в Варшаву, а затем в дивизию. Конечно, за три дня пребывания в Петербурге много впечатлений накопить не удалось. И все же я почувствовал, что официальный Петербург остро не испытывал всего того, что происходило на войне.

Возвратился в дивизию в начале января. Она уже готовилась к походу на север. Ее включили в состав новой 12-й армии, которой командовал генерал Плеве.

Сев на коня и тронувшись с дивизией в путь, я не подозревал, что колесо моей судьбы уже поворачивается в другом направлении. Служба в войсковом штабе, в котором я пробыл два года, закончилась. Меня ждала работа в высших (армейском и фронтовом) штабах.

С болью в сердце расставался я со штабом 14-й кавалерийской дивизии. Среди ее многих офицеров, доброжелательно настроенных к честным военным кадрам, и среди солдат и в мирное время, и в период войны я встречал самое дружеское и товарищеское отношение. Хочется особо отметить, что с 14-й кавалерийской дивизией меня связывали самые добрые воспоминания о службе в строю.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б.М. ШАПОШНИКОВА*

1882, 20 сентября	Родился в городе Златоусте Уральской (Челябинской) области.
1893—1900	Учеба в Красноуфимском промышленном и Пермском реальном училищах.
1901—1903	Прошел курс Московского (Алексеевского) военного училища по первому разряду, занесен на мраморную доску училища; присвоено офицерское звание подпоручика, назначен в 1-й стрелковый Туркестанский батальон.
1906, ноябрь	Присвоено звание поручика.
1907, октябрь	Зачислен в младший класс Академии Генерального штаба.
1910, май	Окончил основной и дополнительные курсы академии, за отличные успехи в науках присвоено звание штабс-капитана.
июнь	Ценовое командование ротой в 1-м стрелковом Туркестанском полку.
1912, ноябрь	Переведен в Генеральный штаб с назначением старшим адъютантом** 14-й кавалерийской дивизии в г. Ченстохов (Польша).
декабрь	Присвоено звание капитан.
1914, август	Убыл на Юго-Западный фронт в должности старшего адъютанта 14-й кавалерийской дивизии.
октябрь	Контужен в голову разрывом неприятельского артиллерийского снаряда под Сохачевом.
1915, январь	Назначен на должность помощника старшего адъютанта разведотдела штаба 12-й армии.
1915, июнь	Штаб-офицер при управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта.
ноябрь	Начальник штаба отдельной сводной казачьей бригады.
декабрь	Присвоено звание подполковник.
1916, май	Начальник штаба 2-й казачьей Туркестанской дивизии.
1917, февраль	Временно исполняющий обязанности начальника штаба 10-го армейского корпуса.

август	Присвоено звание полковника.
сентябрь	Командир 16-го гренадерского Мингрельского полка.
декабрь	Съездом делегатов военно-революционных комитетов избран начальником Кавказской гренадерской дивизии.
1918, январь	Эвакуирован с фронта по болезни.
март	Уволен по демобилизации из армии в бессрочный отпуск.
апрель	Поступил на службу секретарем Народного суда Казанской Рабоче-Крестьянской Республики.
22 мая	Добровольно поступил на службу в Красную Армию и назначен на должность помощника начальника отдела Оперативного управления Штаба Высшего Военного совета Республики, а затем начальника Разведывательного управления Революционного Военного совета Полевого штаба Республики.
ноябрь	Старший помощник заведующего особым делопроизводством военного отдела Высшей военной инспекции РСФСР.
1919, март	Первый помощник начальника штаба наркомвоенмора Украины.
август	Начальник Разведывательного отделения Полевого штаба Реввоенсовета Республики.
октябрь	Начальник Оперативного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики.
1921, февраль	Первый помощник начальника Штаба РККА.
октябрь	Награжден орденом Красного Знамени.
1922, ноябрь	Командирован военным экспертом советской делегации на Лозанскую конференцию (Швейцария).
1925, май	Заместитель командующего, а с октября — командующий войсками Ленинградского военного округа.
1927, май	Командующий войсками Московского военного округа.
1928, май	Начальник Штаба РККА.
1930, октябрь	Решением ЦК ВКП(б) принят в партию без прохождения кандидатского стажа.
1931, апрель	Командующий войсками Приволжского военного округа.
июнь	Утвержден Реввоенсоветом СССР почетным красноармейцем 56-го кавалерийского полка 10-й Майкопской дивизии и 166-го стрелкового полка 56-й стрелковой Московской дивизии.
1932, апрель	Начальник и комиссар Военной академии имени М.В. Фрунзе.
1934	Награжден орденом Красной Звезды.
1935, июнь	Присвоено ученое звание профессора высших военно-учебных заведений.
1935	Член ЦИК седьмого созыва. Председатель военной комиссии на маневрах Чехословацкой армии.

сентябрь	Командующий войсками Ленинградского военного округа.
ноябрь	Присвоено звание командарма 1-го го ранга.
1937, январь	Избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва.
май	Начальник Генерального штаба Красной Армии и заместитель Народного комиссара обороны СССР. Член ЦИК пятого и седьмого созывов.
1938, февраль	Награжден орденом Красной Звезды и юбилейной медалью «XX лет РККА».
март	Введен в состав Главного Военного Совета РККА, образованного в 1938 году.
1939, март	Избран XVIII съездом ВКП(б) кандидатом в члены ЦК ВКП(б).
декабрь	Награжден орденом Ленина за успешную работу по руководству оперативной деятельностью Красной Армии.
1940, май	Присвоено звание Маршала Советского Союза.
август	Заместитель Народного комиссара обороны СССР.
1941, июнь	Постоянный Советник при Ставке Главного Командования Вооруженных Сил СССР.
июль	Вновь назначен начальником Генерального штаба Красной Армии и введен в состав Ставки Верховного Командования (с августа — Главного командования) Вооруженных Сил СССР.
1942, май	Заместитель Народного комиссара обороны СССР.
октябрь	Награжден вторым орденом Ленина в связи с 60-летием со дня рождения. Присвоено имя Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова Высшим стрелково-тактическим Краснознаменным курсам усовершенствования состава пехоты Красной Армии и Первому пехотному Тамбовскому Краснознаменному училищу.
1943, июнь	Начальник Высшей военной академии имени К.Е. Ворошилова.
сентябрь	Решением Политбюро ЦК партии утвержден членом Комиссии по вопросам перемирия (впоследствии Комиссии по перемирию с Германией и Комиссии по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией).
1944, февраль	Награжден орденом Суворова I степени.
ноябрь	Награжден вторым орденом Красного Знамени.
1945, февраль	Награжден третьим орденом Ленина и медалью «За оборону Москвы».
26 марта	Смерть Б.М. Шапошникова от туберкулеза.
28 марта	Похороны Маршала Советского Союза Б.М. Шапошникова на Красной площади в Москве.

* Составил генерал-лейтенант-инженер Шапошников Игорь Борисович.

** На старшего адъютанта дивизии возлагались обязанности по оперативным и мобилизационным вопросам, а также боевая подготовка дивизии.

ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ Б.М. ШАПОШНИКОВА

I. Книги

1. Конница (кавалерийские очерки). Москва, 1923 г., тираж 2000 экз.
2. На Висле. К истории кампании 1920 года. Москва, 1924 г., тираж 3000 экз.
3. Мозг армии, книга I. Москва, 1927 г., тираж 5000 экз.
4. Мозг армии, книга II. Москва, 1929 г., тираж 4000 экз.
5. Мозг армии, книга III. Москва, 1929 г., тираж 4000 экз.
6. Варшавская операция (конспект). Москва, 1933 г., тираж 600 экз.
7. Пройденный путь, 1882—1915 гг. (Рукопись частично публиковалась в «Военно-историческом журнале» № 6—9, 12 за 1966 г., 1, 3 и 6 за 1967 г.).

II. Статьи

8. Месяц в тылу противника. Журнал «Военное дело». Москва, 1918 г., № 27.
9. Очерки из действий русской конницы в мировую войну. Сборник статей по военному искусству, кн. I. Москва, 1919 г.
10. Мираж и действительность. «Военное дело», 1919 г., № 2.
11. Рейды конницы. «Военное дело», 1919 г., № 28—29.
12. Конные массы. «Военное дело», 1919 г., № 34—35.
13. Обзор военных действий Красной Армии (с 7 ноября по 1 декабря). «Военное дело», 1919 г., № 34—35.
14. Обзор боевых действий Красной Армии за декабрь 1919 г. «Военное дело», 1920 г., № 1.
15. Обзор боевых действий Красной Армии в январе 1920 г. «Военное дело», 1920 г., № 2.

16. Обзор боевых действий Красной Армии в феврале 1920 г. «Военное дело», 1920 г., № 4.
17. Обзор боевых действий Красной Армии в марте 1920 г. «Военное дело», 1920 г., № 9.
18. Милиционная конница. «Военное дело», 1920 г., № 10.
19. Обзор боевых действий Красной Армии в апреле 1920 г. «Военное дело», 1920 г., № 11.
20. Милиционная конница. «Военное дело», 1920 г., № 12.
21. Первые боевые шаги маршала Пилсудского. «Военное дело», 1920 г., № 13.
22. Обзор боевых действий Красной Армии в мае 1920 г. «Военное дело», 1920 г., № 13.
23. Польская армия. «Военное дело», 1920 г., № 15.
24. Современное значение конницы и ее задачи. Сборник статей по военному искусству, вып. 2. Москва, 1920 г.
25. Конные массы на фланге армии. Журнал «Военная наука и революция», Москва, 1921 г., № 1—2.
26. Рецензия на книгу «Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 года». Журнал «Печать и революция», кн. I.
27. Армейская конница в маневренной войне. Сборник статей по военному искусству. Москва, 1921 г.
28. Конница в гражданской войне. «Революция и война», 1921, сборник № 6—7.
29. Красная конница. Журнал «Политработник», 1923 г., № 1—2.
30. Мечты Мюрата наших дней. Журнал «Военный вестник», Москва, 1923 г., № 9—10.
31. Свержение богов. «Военный вестник», 1923 г., № 7.
32. Первый выпуск особой группы. «Красная звезда», 1932 г., № 197.
33. Он давал пример подлинно кипучей деятельности (памяти П.П. Лебедева). «Красная звезда», 4 июля 1933 г.
34. Кузница командных кадров. «Красная звезда», 1933 г... № 269.
35. На пороге 16-го года. «Известия», январь 1934 г., № 16.
36. Жизнерадостный и неутомимый (памяти С.С. Каменева), «Красная звезда», 27 августа 1936 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ДЕТСТВО	34
ПЕРВЫЕ ГОДЫ УЧЕНИЯ	43
ОКОНЧАНИЕ РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА	49
ГОД ДОМА	56
В МОСКОВСКОМ ВОЕННОМ УЧИЛИЩЕ	58
ПРОИЗВОДСТВО В ОФИЦЕРЫ	74
НАЧАЛО СЛУЖБЫ В 1-М СТРЕЛКОВОМ ТУРКЕСТАНСКОМ БАТАЛЬОНЕ	91
НАЧАЛЬНИК УЧЕБНОЙ КОМАНДЫ БАТАЛЬОНА И ПОДГОТОВКА В АКАДЕМИЮ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	116
АКАДЕМИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА	128
ОКОНЧАНИЕ АКАДЕМИИ И ПРИЧИСЛЕНИЕ К ГЕНЕРАЛЬНОМУ ШТАБУ	145
КОМАНДОВАНИЕ РОТОЙ	173
СДАЧА РОТЫ И ПЕРЕВОД В ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ	189
ШТАБ 14-й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ	205
СЛУЖБА В ШТАБЕ 14-й КАВАЛЕРИЙСКОЙ ДИВИЗИИ	221
НА ПОРОГЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	233
НАЧАЛО МИРОВОЙ ВОЙНЫ	245
14-я КАВАЛЕРИЙСКАЯ ДИВИЗИЯ В ПЕРИОД СОСРЕДОТОЧЕНИЯ РУССКИХ АРМИЙ	261

НАЧАЛО ГАЛИЦИЙСКОЙ БИТВЫ	268
ГАЛИЦИЙСКАЯ БИТВА	300
КАВАЛЕРИЙСКАЯ ЗАВЕСА НА ЛЕВОМ БЕРЕГУ ВИСЛЫ ОСЕНЬЮ 1914 ГОДА	331
ОТ ВАРШАВЫ ДО КАЛИША	357
ЛОДЗИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	375
ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Б.М. ШАПОШНИКОВА	393
ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ Б.М. ШАПОШНИКОВА	396

Научно-популярное издание
Путь русского офицера
Шапошников Борис Михайлович
ВОСПОМИНАНИЯ О СЛУЖБЕ

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*
Корректор *Б.С. Тумян*
Верстка *И.В. Левченко*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес: .
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.05.2013. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага газетная.
Печ. л. 12,5. Тираж 3000 экз. Заказ № 1752.

Отпечатано с в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

Путь русского офицера

Б.М. Шапошников

Маршал Б.М. Шапошников был одним из немногих офицеров царской армии, дослужившихся до высоких постов в Красной армии. Занимая должность начальника Генерального штаба РККА, он пользовался большим доверием И.В. Сталина, был автором многочисленных статей по теории военного искусства.

Воспоминания Б.М. Шапошникова рассказывают читателям о службе в Русской императорской армии. Автор детально отображает карьеру офицера в дореволюционной России, описывает все стадии прохождения службы и обучения в Академии Генерального штаба, размышляет о кровопролитных боях Первой мировой войны.

ISBN 978-5-4444-1235-0

9 785444 412350

